НЁМАН

12/2010
ДЕКАБРЬ

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Издается с 1945 года
Минск

СОДЕРЖАНИЕ

Редакционно-издательское учреждение
«Литература и Искусство»

Первый заместитель директора — главный редактор
Алесь БАДАК

К сведению авторов

Авторы несут ответственность за приводимые в материалах факты.
Рукописи не рецензируются и не возвращаются.
Редакция только сообщает автору свое решение.
Материалы, отправленные только по электронной почте, редакция не рассматривает.
Объем прозаических произведений не должен превышать 6 авторских листов.

Техническое редактирование и компьютерная верстка *С. И. Таргонской*
Стильредактор *Н. А. Пархимович*
Набор *Т. С. Чуйковой*

Подписано к печати 09.12.2010 г. Формат $70 \times 108^{1}/_{16}$. Бумага газетная.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 19,60. Уч.-изд. л. 21,48. Тираж 3341. Заказ 3173.
Регистрационный № 11 от 22.08.09 г.

Адрес редакции: 220034, г. Минск, ул. Захарова, 19.
Телефоны: главного редактора — 284-85-25; заместителя главного редактора, отделов прозы, поэзии, публицистики, критики, зарубежной литературы — 284-80-91.
e-mail: neman-lim@mail.ru

Республиканское унитарное предприятие «Издательство «Белорусский Дом печати».
220013, Минск, пр. Независимости, 79. ЛП № 02330/0494179 от 03.04.2009 г.

Учредители — Министерство информации Республики Беларусь; общественное объединение «Союз писателей Беларуси»; редакционно-издательское учреждение «Литература и Искусство»

«Эпоха не только выставляет свои требования, но и предлагает свои возможности»

На вопросы главного редактора журнала «Нёман» Алеся Бадака отвечает Министр информации Республики Беларусь Олег ПРОЛЕСКОВСКИЙ

— Сегодня трудно найти уважающее себя периодическое издание, которое бы не имело или хотя бы не стремилось иметь свой сайт. Оно и понятно: Интернет — это мощная и не очень затратная самореклама, это возможность заявить о себе там, где печатная версия издания недоступна или, по крайней мере, малодоступна. Казалось бы, Интернет — это благо, которым все должны быть довольны. Но не все, и недовольных на самом деле немало. Ведь многое из того, что мы видим и читаем в Сети, появись оно на телеканале или в периодической печати в любой стране мира, непременно привело бы к огромному скандалу и, возможно даже, если не к их закрытию, то к ощутимым сменам в руководстве. Как решать данную проблему, учитывая, что она носит международный характер?

Олег Пролесковский.

— Не надо забывать, что Интернет, хотя и получил огромное распространение и имеет большое влияние на мировое сообщество, тем не менее, существует достаточно короткое время. Ведь когда появились первые газеты, тоже далеко не сразу были приняты законы, регулирующие деятельность их собственников и редакций. Вместе с тем, такие законы необходимы, они нужны для противодействия таким явлениям, как распространение террористической угрозы, наркотрафика, порнографии, педофилии... В разных государствах к решению этой проблемы подходят по-разному, но затрагивает она всех. И если обратиться к мировому опыту, то во многих странах к вопросам, касающимся работы сети Интернет, относятся куда жестче, чем мы.

Подписанный Президентом Республики Беларусь Указ № 60 «О мерах по совершенствованию использования национального сегмента сети Интернет» полностью соответствует мировой законодательной практике, он направлен на защиту интересов граждан, общества и государства от противоправных проявлений в информационной сфере, повышение качества и удешевление интернет-услуг. В частности, это касается защиты авторских прав и прав потребителей, предотвращения пропаганды насилия, жестокости и др. Подчеркну, что сегодня в Беларуси никто не ограничивает доступ к информации, размещаемой в сети

Интернет, и практика применения Указа Главы государства № 60 является тому подтверждением.

Кстати, этим документом также предусмотрена обязанность государственных органов и организаций размещать информацию о своей деятельности на официальных сайтах, обеспечивать их эффективное функционирование и систематическое обновление. Основная информация о деятельности госоргана должна быть доступна гражданам, при этом получить ее с сайта он может на безвозмездной основе. Понятно, что такой подход способствует большей информационной открытости, транспарентности в работе госорганов, усилению обратной связи между властью и населением.

Что касается международного сотрудничества, то наши правоохранительные органы достаточно тесно сотрудничают с зарубежными коллегами. Результатом такого сотрудничества является пресечение деятельности целого ряда международных преступных групп, действовавших в интернет-пространстве. И такое сотрудничество по мере интеграции Беларуси в мировое информационное пространство будет усиливаться.

— Сегодня часто спорят о будущем печатных СМИ. Кто-то предрекает, что в скором времени их в основном будут читать в Интернете. Кто-то, убежденный в том, что бумажным версиям изданий ничего не грозит, тем не менее, согласен: мол, те же газеты будут «подстраиваться» под время, изменяясь даже внешне. Следуя такой логике, первыми под «каток истории» должны попасть районные газеты, которые в силу разных причин, в этом плане достаточно консервативны, да и не самые богатые. Но как раз-таки они сегодня в своих регионах пользуются очень большой популярностью, обходя многие центральные издания. С другой стороны, в районку всегда было не так-то легко заманить яркого журналиста. Чем сегодня можно привлечь молодого и талантливого специалиста в этой области для работы в районной газете?

— Сегодня в районных газетах, как правило, достаточно современная материально-техническая база, хорошая для района зарплата, что, я думаю, также немаловажно для их развития. Уже сейчас некоторые местные издания — это современные региональные газеты, содержательные, с достойным полиграфическим исполнением. Что касается развития печатных и интернет-версий изданий, то оперативная, новостная информация уйдет в Интернет, в печатных версиях будет в основном аналитика. Это мировая практика, и региональная пресса здесь не будет исключением.

Если же говорить о творческой стороне вопроса, то благодаря тому же Интернету, благодаря полноценным сайтам, на создание которых мы нацеливаем и наши региональные СМИ, уходит в прошлое время, когда творчески одаренный журналист мог всю жизнь печатать в районке интересные материалы, а о нем за пределами района никто и не знал. Мы будем содействовать тому, чтобы самые талантливые, яркие публикации региональных журналистов появлялись и в республиканской прессе. Этому будет способствовать и недавно созданный интернет-портал белорусских СМИ, где размещаются наиболее интересные материалы местной прессы.

Заметить и вывести на республиканский уровень талантливого журналиста из глубинки помогают и творческие конкурсы, прежде всего, Национальный конкурс печатных средств массовой информации «Золотая литера». Возможно, не все журналисты со мной согласятся, но работать в центральном издании еще не значит быть известным. Если ты берешь интервью у личности, то для того, чтобы твое имя запомнил читатель, тебе тоже надо быть личностью.

— Не секрет, писать о местных проблемах районным газетчикам, бок о бок работающим с местными чиновниками, тем сложнее, чем серьезнее

эти проблемы. Сегодня во всем мире наблюдается тенденция к укрупнению различных производств, к созданию всевозможных холдингов и концернов. Может ли случиться так, что через какое-то время районные газеты тоже войдут в какой-нибудь концерн с головным офисом, предположим, в областном центре или даже в Минске, и таким образом приобретут большую защиту при поднятии каких-либо серьезных проблем?

— Конечно, иногда журналисту необходимо мужество, чтобы на страницах газеты написать о том, что, мягко говоря, не очень понравится какому-нибудь местному чиновнику. Сложно бывает и редактору подписать в печать номер с критическим материалом, затрагивающим деятельность местного исполкома, с председателем которого у него контракт и который эту газету финансирует. Поэтому, думаю, в перспективе надо рассмотреть вопрос передачи прав учредителей, заключения контрактов с редакторами, а также финансирования районных газет облисполкомам. Это сделает районную прессу по-хорошему острой и актуальной, позволит сконцентрировать творческие усилия редакций, работу по улучшению полиграфического качества и дизайна изданий, обновлению их кадрового потенциала.

Что касается объединения изданий, то создание укрупненных информационных структур, медиа-холдингов возможно, в первую очередь, на базе областных газет и других областных СМИ — телевидения, радиовещания. Районные газеты в значительной степени «привязаны» к своим регионам. Для них прежде всего актуальны вопросы повышения качества и конкурентоспособности. В этой связи по ряду районных и городских газет целесообразно рассмотреть вопрос о переводе их в еженедельный формат с одновременным серьезным усилением информационно-аналитической составляющей.

Существует также проблема обеспечения надлежащего полиграфического качества газет, печатающихся в районных типографиях. В настоящее время эти типографии, не имеющие современного оборудования и не способные обеспечить выпуск полноцветных, качественных изданий, по существу являются преградой в развитии региональной прессы. Сегодня никому уже не нужны партийные листки, нужны современные, информационно насыщенные (а значит, объемные), высокого полиграфического уровня газеты. В этой связи видится необходимым концептуально пересмотреть систему печати райгазет, переведя их из районных в крупные специализированные типографии. Такой подход мы применим при разработке Комплексной программы развития государственных печатных СМИ в Республике Беларусь на 2012—2017 годы. Это позволит дооснастить типографии современным оборудованием, выпускать там качественную, современную региональную прессу.

— Если говорить о консерватизме в периодике, то, пожалуй, больше всего это касается «толстых» литературных журналов. Кстати, не только наших, если иметь в виду художественно-техническую сторону вопроса. Например, и та же «Дружба народов», и «Новый мир» очень неохотно меняют даже какие-то достаточно мелкие элементы обложки или верстки. Хотя, к примеру, «Роман-газета», «Юность» в последнее время внешне очень изменились. Что же касается журналов дальнего зарубежья, они в этом плане очень разнообразны. Конечно, никакая красочная обложка не прибавит журналу читателей, если под ней не будет интересных произведений, но с другой стороны, разве плохо, если литературно-художественное издание, в том числе и своим внешним видом, несет отпечаток времени, в которое оно издается? А каким Вам представляется литературный журнал в XXI веке?

— Когда писатель в своем произведении ставит последнюю точку, у него возникает вполне закономерное желание донести написанное до читателя. Как

один из способов — с помощью литературного журнала. Но для этого журнал еще необходимо продать, тем самым оплатив труд всех, кто имеет непосредственное отношение к его изданию, включая самого автора. При всей своей специфичности литературные журналы находятся на одном информационном поле с другими СМИ, им приходится бороться за одних и тех же читателей. А сегодня конкуренция на массмедийном пространстве очень жесткая, поэтому издания должны быть продуктом не только высококачественным, но и притягательным по своему внешнему виду. Как когда-то сказал Станиславский, театр начинается с вешалки.

Мне кажется, тот консерватизм, о котором вы говорите, в определенной степени существует благодаря уверенности его сторонников — авторов, в некой исключительной миссии, которая и ныне лежит на литературе, поэтому, мол, и литературным журналам не позволительно хоть в чем-нибудь уподобляться массовым изданиям. Так считает, впрочем, и определенная категория читателей, но, боюсь, это в основном люди старшего поколения, воспитанные на той литературе, которая собирала целые стадионы и огромные залы. Свою роль играл тогда и книжный дефицит, когда произведения не только современного популярного писателя, но и классику, включая полные собрания сочинений, надо было «доставать», что удавалось далеко не каждому книголюбу. В похожей ситуации определенное время находились и некоторые литературные журналы.

Однако уже выросло несколько поколений читателей, которым все это кажется не только нереальным, но и непонятным. У них свое эстетическое понимание того, каким должно быть периодическое издание, и это понимание к ним пришло благодаря далеко не одним глянцевым журналам. И потерять эти поколения — значит, лишить свои издания будущего.

А потом, ведь каждая эпоха не только выставляет свои требования, но и предлагает свои возможности. Если бы в 20-е годы прошлого столетия у нас была такая же техническая база, как сегодня, если бы в редакциях работали высококлассные дизайнеры, фотографы, то и тогдашние журналы, конечно же, выглядели по-другому.

Но дух времени должен быть и в самом содержании. Если издание зацикливается на каких-то узких проблемах, темах, если оно, как бы пафосно это ни звучало, находится далеко от жизни своего народа, оно никогда не будет иметь широкую читательскую аудиторию. Поэтому, мне кажется, наши литературные журналы должны смелее выходить за рамки сугубо литературных проблем, принимать более активное участие во всей культурной, общественной жизни страны. Вполне возможно, в итоге это поспособствует большему интересу и к самой литературе, что, прямо скажем, ей сегодня не помешает.

— Какова, на Ваш взгляд, сегодня роль в обществе и литературы в целом, и нашей литературной периодики в частности?

— Основная роль литературы, ее первостепеннейшие задачи не меняются с годами, они не зависят от смены эпох. Это доказывают произведения, которые живут веками, начиная с глубокой древности. Они пытаются разобраться в человеческой сущности, пытаются сказать человеку о нем же самом что-то новое, важное, тем самым делая его не только мудрее, но и добрее, честнее. Я глубоко убежден, что настоящая литература, какие бы острые проблемы ни поднимала, должна по своей сути быть патриотичной, работать на созидание, а не на разрушение, должна объединять — людей, общество, — а не, наоборот, сеять вражду и ненависть. Тогда она будет интересна всему обществу, а не отдельным группировкам. Тогда она сможет оставить потомкам наиболее объективное и полное представление о своем времени, а значит, будет интересна им. При том, разумеется, условии, что литературные произведения будут написаны талантливо.

— Так ведь трудно найти писателя, который бы не считал себя талантливым. И среди этой огромной писательской массы немало тех, кто убежден, что достоин значительно большего общественного признания его заслуг, чем имеет сегодня.

— Но это убеждение построено на их собственной вере, а не на фактах. Я ни в коей мере не хочу давать оценку конкретным произведениям или конкретным авторам. Это дело критики. В то же время, надеюсь, никто не будет спорить, что в двадцатом столетии белорусская литература имела куда большую популярность среди широкого читателя. К кому из сегодняшних поэтов с таким пиететом относятся, как относились к Янке Купале его современники, простые жители? Кто может похвастаться, что многостраничные отрывки из его поэмы читатели знают наизусть, как это было с поэмой «Новая зямля» Якуба Коласа? Кто тысячами получает письма после выхода своей новой книги, как не раз случалось в жизни Ивана Шамякина? Чье творчество так же хорошо знают за пределами нашей страны, как творчество Василя Быкова? Тиражи чьих книг можно сравнить с тиражами, которыми издавались произведения Владимира Короткевича? Можно всему найти десятки оправданий, но, боюсь, опровергнуть эти факты будет сложно. А ведь они — свидетельство того, какое место занимает на данный момент литература в жизни общества.

— Министерство информации является соучредителем периодических изданий, которые входят в РИУ «Литература и Искусство». Что бы Вы хотели пожелать и нашим творческим коллективам, и нашим уважаемым читателям?

— Всем сотрудникам желаю не забывать о своей ответственности перед читателями, сохранять и приумножать авторитет своих изданий, делать их интересными и современными в самом широком смысле этого слова. Ведь авторитет легко потерять, а вот вернуть значительно труднее, тут не помогут никакие распоряжения или указания «сверху». Ну а читателям желаю побольше встреч с яркими, умными, талантливыми произведениями, с которыми долго не хочется расставаться.

СЕРГЕЙ СОЛОМАХА

Сокровище

Рассказ

Семен открыл глаза и несколько минут сонно созерцал потолок со знакомыми трещинами и разводами побелки. От окна протянулись следы утреннего солнца: мирные и спокойные.

Тихо ступая по крашеному полу, он пробрался к балкону, отодвинул шпингалет и распахнул дверь. Повеяло утренней свежестью, запахом сирени и сохнущего под лучами солнца асфальта.

Ночью был дождь.

Семен постоял на балконе, полной грудью вдыхая свежий воздух. Таким видом из квартиры не мог похвастать никто из его друзей. Везет Валерке! Сразу за стоянкой — пустошь, наискось перечеркнутая изгибом бетонной трубы. Труба тянулась через небольшие озерца до самой дороги. Почти в центре пустоши торчало два десятка загадочных столбов. Лет пять назад там собирались что-то строить, но передумали. Дальше извивалось спокойное русло реки, зеленели луга, островки леса постепенно сливались в сплошной массив, над которым завис красный шар восходящего солнца. И вся эта красота — с высоты девятого этажа. Эх…

Стоять на балконе в одних трусах стало невыносимо. Стуча зубами, Семен вернулся в комнату, отыскал на кресле одежду и, выбравшись в коридор, быстро оделся. Валеру будить не стал: тот с утра обычно хмурый и недовольный. Пусть спит. Взял на кухне сигарету, нашел возле хлебницы зажигалку, вышел из квартиры и беззвучно прикрыл за собой дверь.

На дороге не было ни единой машины.

Семен с удовольствием перешел проезжую часть в неположенном месте, прошелся по пустынной пешеходной дорожке и, наконец, вольготно расселся на еще влажной от дождя лавочке. Закурил.

Надо же…

На скамейке по другую сторону дорожки сидела девушка. Откуда она взялась? Минуту назад не было никого…

Он вздохнул, сел удобнее и закинул ногу за ногу. Сделал вид, что увидел что-то интересное среди мусорных контейнеров, при этом сосредоточенно пыхтя и боковым зрением разглядывая незнакомку.

Да… похоже ночь у нее выдалась не из легких. Ощущением несвежести, помятости веяло от ее усталого лица, от потухших, почти бесцветных глаз, от висящих как спагетти русых волос, от короткой юбки и нелепо расставленных ног в грязно-бежевых босоножках.

«Наверное, я выгляжу не лучше», — подумал Семен и невольно усмехнулся. Он знал, что достаточно хорош в любом состоянии.

Позабыв о всяких приличиях, он откровенно пялился на девчонку, пока вдруг не осознал, что ни одна девушка в юбке ни за что не станет вытворять

подобных фокусов с ногами. Что бы с ней ни произошло, она будет держать коленки вместе. А эта… Даже виден краешек трусиков.

Семен ощутил вкус странного коктейля — смесь возбуждения и жалости, — отвел взгляд, похлопал ладонью по карманам в поисках несуществующей пачки сигарет и решил, что пора возвращаться.

Друзья уже проснулись: было слышно, как Валера низким с утра голосом ворчливо бранит Оксану. Семен неслышно вошел в квартиру и прямиком направился на кухню. Там на сковородке оглушительно трещал жир, жарилась на сале картошка.

— Ну, и куда ты подевался? — Наташа изящно стояла на одной ноге, упираясь бедром в ручку плиты. Ее волосы были убраны на затылке в забавный хвост.

Не говоря ни слова, Семен подошел к ней сзади, обнял за талию, уткнулся носом в шею и с наслаждением вдохнул родной запах.

Наташа хмыкнула и свободной рукой обняла за шею, подставляя губы для поцелуя.

— Так, — раздался рядом недовольный скрипучий голос. — Это что тут за высший пилотаж над моей сковородкой?

Наташа дернулась, нервно засмеялась и высвободилась из объятий Семена.

Валера с хмурым видом обошел кухню, злобно покосился на зашипевшую на него сковороду, яростно зыркнул на друзей. Но его ужимки никого не могли обмануть: хорошее настроение не спрячешь в карман. Если оно пришло, об этом непременно все узнают, как ни притворяйся.

Разоблаченный Валера пошел умываться. Было слышно, как он самодовольно фыркает и крякает в ванной.

— Как на улице? — спросила Наташа.

— Отлично! Тихо, свежо… дождем пахнет. И — не поверишь — ни одного человека! Почти ни одного, — добавил Семен, смешно морщась.

Она в притворном ужасе округлила глаза:

— И что за раннюю птичку ты встретил?

Он неуверенно почесал затылок. Не нужно было вообще затрагивать эту тему, но теперь поздно каяться: Наташа уже заинтересовалась, насторожилась.

— Да ничего особенного. Девчонка какая-то сидела на лавочке. Наверное, с тяжелейшего перепою.

— Ты ей, конечно, оказал посильную помощь?

Семен насупился:

— С чего бы это?

— Как с чего? Девушка-то, наверное, была хороша.… Найди-ка подставку.

Немного сбитый с толку, Семен склонился над разделочным столом, сосредоточенно порылся среди банок с недоеденным вареньем, коробок из-под чая, никому не нужных пакетов и, наконец, извлек плетеный из ивовой лозы круг — подставку для горячего.

Румяная, с желтой корочкой картошка прямо на сковороде перекочевала с открытого огня на плетеный круг.

— Ну, так что насчет девушки?

— Да ничего, — буркнул Семен. — Просто девушка, просто сидела и плохо выглядела.

— Правда? — она не сводила с него глаз.

Ну почему нельзя спокойно реагировать на обычные слова, тоскливо подумал Семен. Зачем во всем искать какую-то чудовищную подоплеку?

Одним грациозным движением Наташа приблизилась вплотную и виновато взглянула на него снизу вверх. Он прекрасно понимал, о чем вопрошает ее взгляд и что именно она ожидает услышать.

— Совершенно некрасивая, — голосом троллейбусного автомата, объявляющего остановки, ответил Семен.

Ему захотелось улизнуть из кухни. Эта сцена была не в новинку, и в очередной раз проходить по опостылевшей проторенной дорожке не хотелось. Но так же хорошо он знал, что Наташа не успокоится, пока он не отречется от эфемерной пассии.

Любое упоминание о посторонних женщинах мгновенно погружало Наташу в некий субъективный первобытный лес: крайне мрачный и дремучий. За каждым кустом или деревом в этом лесу таились не звери, а кое-кто похуже: хищные красавицы, норовившие похитить у нее возлюбленного. Чтобы вернуть подругу в нормальное расположение духа, требовалось провести ее через этот лес, по ходу дела живописно описывая недостатки населяющих его дев.

Как ни крути, роль, отведенная в этом лесу Семену, была притянута за уши. На самом-то деле девушки частенько бывали хороши, но все равно Наташины волнения были причудой чистой воды, ведь ему не нужен был никто другой. Но Семен уже замучился втолковывать это понимание ей в голову. В столь деликатном вопросе она была упряма и неповоротлива, как застрявший в болоте бульдозер.

Наташа легонько прижалась к нему. Семен несколько секунд упивался ощущением упругости ее груди, при этом чувствуя, как внутри растет раздражение.

— Даже рядом с тобой не стояла, — зло выпалил он.

Наташа вздрогнула, отступила и вдруг бросилась к нему на шею. Он как-то растерянно, вяло ответил на объятие, с удивлением заметив, как дрожит ее тело.

— Я не понял… — Валера ворвался на кухню свежий, взбудораженный. — Вас что, на минуту вместе оставить нельзя? А кто салат будет делать?

Наташа жалобно всхлипнула и, спрятав лицо на груди Сени, пожала плечами.

Валера перестал улыбаться и вопросительно глянул на друга. Тот скривил неопределенную гримасу.

— Ну, пойду звать Оксану, — сказал Валера. — У вас пять минут. Если кто-то чего-то недопонял, то я говорю про салат.

Он подмигнул Семену и вышел из кухни.

— Как думаешь, у них все наладится?

Дыхание Наташи не полностью выровнялось. Семен хотел отшутиться, но не рискнул: дремучий лес еще не скрылся за горизонтом, вот он, в двух шагах.

— Конечно, наладится. — Он чмокнул ее в переносицу, взял за плечи и мягко отстранил от себя. — Ну что, за салат беремся?

После завтрака Наташа заторопилась в университет. Семен проводил ее на автобус, потом заскочил на Быховский рынок, купил сигарет и вернулся к Валере.

Тот расположился на кухне. Сковорода с остатками картошки перекочевала на край стола. Ее место занял ноутбук. Погруженный в работу, Валера хмурился, шевелил губами, то и дело выстреливал на клавиатуре короткую сухую очередь.

Оксана сидела в комнате на диване, сердито уткнувшись в книжку. Семен присел рядом.

— Что читаешь?

Она отложила книгу, посмотрела на него в упор.

— Скажи, ты веришь, что у нас с Валерой что-то получится?

И эта туда же. Как сговорились…

Семен почувствовал себя глупо и крайне неуютно. Если сказать, как он на самом деле думает, это может еще больше расстроить Оксану, а кроме того, наверняка навредит Валере. Но и врать тоже не хотелось.

Промаявшись несколько томительных секунд, он так ничего и не сказал. Оксана сначала смотрела на него, потом отвернулась.

— Курить хочется… — пробормотала она.

Солнце поднялось довольно высоко. На балконе было жарко, но Оксану это ничуть не волновало. Она тихо курила, мрачная, как грозовая туча.

— Сегодня видел странную девушку, — неожиданно для себя произнес Семен.

Оксана никак не отреагировала. Семен почувствовал, что начинает потеть от волнения. «Какого черта я всем говорю об этом?» — подумал он.

— И что же в ней было странного?

— Пожалуй, все.

Оксана вскинула брови. На ее хмуром лице это могло означать что угодно: удивление, разочарование, безразличие.

— Ну… — подбирая слова, он покрутил в воздухе сигаретой, — она была похожа на старуху.

— Девушка-старуха? — Лицо Оксаны по-прежнему почти не выражало эмоций, но где-то в глубине глаз пробудился интерес.

— Точно. Лучше и не скажешь. — Он сделал глубокую затяжку, тонкой струйкой выпустил дым. — Помнишь, в учебнике психологии есть такая картинка… посмотришь под одним углом — старуха, под другим — девушка.

Оксана кивнула.

— Но там — другой принцип. А чтобы видеть и то, и другое одновременно… До сих пор мне немного не по себе.

Оксана затушила окурок в банке из-под сгущенки, поднялась.

— Обожди минутку. Хочу тебя кое-чем удивить. Если получится, конечно…

Она вернулась с потрепанной папкой «Дело №».

— Твои рисунки? — оживился Семен.

Он попытался развязать туго затянутый узелок. Оксана кончиками пальцев коснулась его плеча.

— Потом развяжешь, дома. — Он непонимающе уставился на нее. — Это подарок, — с грустной улыбкой пояснила она.

Семен смутился, не зная, как себя вести. Несомненно, сейчас между ними происходило что-то доверительное, но он не был уверен, что достоин такого отношения. Рисунки Оксаны всегда вызывали у него немое восхищение, словно мощный живительный поток бил в лицо, заставлял захлебываться, барахтаться. Он так и не сумел объяснить себе, как такое возможно, чтобы девятнадцатилетняя девчонка безо всякой специальной подготовки была в состоянии *так* рисовать. В ее умении было что-то такое, что подрывало его представление об устройстве мира, о действующем в нем законе причинно-следственных связей. Как после этого можно верить в какие-то там законы диалектики, когда девушка в столь, по сути, незрелом возрасте умеет так глубоко, так пронзительно и красиво выражать свои чувства, мысли… Где здесь пресловутый переход количества в качество, где? В ее способности было

что-то мистическое и обидное. Разглядывая ее рисунки, хотелось плакать от собственного бессилия.

К началу третьей пары он явился-таки в университет — не хотелось пропускать практические по зоологии: лабораторную не перепишешь у товарища, ее придется отрабатывать. В коридоре столкнулся со старостой. Вероника сбилась с размеренного галопа, приоткрыла большой рот, полный выразительных изречений, но перевела взгляд на папку у Семена под мышкой, чему-то понимающе улыбнулась и помчалась дальше.

Подгруппа была в полном составе: белые халаты, склоненные над конспектами спины в прохладном воздухе, пропитанном запахом формалина. Коля оторвался от тетради, приветственно взмахнул рукой и вернулся к прерванному делу.

Семен бросил папку на стол. Следом полетел затертый конспект со вставленной в него ручкой. Несколько студенток рассеянно посмотрели на него и вновь сосредоточились на записях.

Он заскочил в лаборантскую, поздоровался с Анжелой, нашел в шкафу свой халат и вернулся в учебный класс.

— Ты чего не был на первых двух парах? — зашипела на него Света. — Приходил Антонович, ругался и всех посчитал.

Семен досадливо поморщился и открыл конспект.

— Ты что, собираешься торчать здесь после занятий? — не унималась Света. — А сессия через неделю!

Он посмотрел на ее разгоряченное лицо, покосился на вечно мерзнущие пальцы, протянул руку и сжал их в ладони. Света дернулась, как угодивший в силок кролик, бросила испуганный взгляд на задний стол. Но все было тихо. Никто даже бровью не повел. Все были поглощены иной, высоконаучной сферой.

Света покраснела и затихла, взволнованная и напряженная. Семен уткнулся в конспект и слегка ослабил пожатие. Света не шевелилась. Ее пальцы постепенно теплели.

Когда в кабинет стремительно ворвался Петр Иванович, она выскользнула из его ладони почти спокойно.

— Так… все на месте? — Преподаватель блеснул очками и удовлетворенно кивнул. — Хорошо… Архипова, Дорощенко — раздайте микроскопы. Анжела… — Он ткнул пальцем в появившуюся из подсобки лаборантку, на секунду задумался, хмуря лоб. — Препараты бронзовки, инструменты для препарирования. По одному комплекту на стол.

Анжела кивнула и скрылась за дверью.

Освободился он чуть ли не в девять вечера. Антонович заставил наводить порядок в «физиологичке», несколько раз приходил проверять, не ленился, а под конец заявил, что он, то есть Семен, легко отделался.

Так оно и было.

Желудок крутило от голода, побаливала голова, но, по крайней мере, этим днем все и ограничилось. За все радости жизни приходится платить, и куда лучше, если удается это проделать незамедлительно.

Теперь оставалось добраться домой, немного разгрузить холодильник, с полчасика посмотреть телевизор, принять душ — и спать.

Пока шел домой — как раз стемнело. Транспорта дожидаться не стал. В такое время быстрее доберешься пешком.

Трудно сказать, что заставило его обернуться. Он ощутил, как мурашки побежали по спине. Та самая странная девчонка… Она шла за ним. Случайность? Семен отвернулся и поспешил домой.

Перед подъездом курили незнакомые парни. Поглощенный своими мыслями, он прошел через их компанию, как нож сквозь масло.

Что-то отскочило от ноги, звякнуло и покатилось. Семен досадливо выругался, подошел к двери и приложил чип. На писк сработавшего домофона наложился гневный рев нескольких глоток. Вот идиоты, усмехнулся он. Кто ставит бутылку посреди дороги? Нечего орать. Сами виноваты.

Электрозамок сработал за мгновение до того, как на дверь обрушились гулкие удары и приглушенная трехмиллиметровым железом брань.

Семен спокойно поднялся на площадку первого этажа и здесь остановился, прислушиваясь. Шум на улице стих.

Он вспомнил, что за ним буквально по пятам шла та ненормальная… Вот и славно, пусть теперь все его недоброжелатели разбираются между собой. Он нажал на кнопку — лифт услужливо обнажил свое чрево. Но вместо того чтобы уехать, Семен поплелся обратно.

Он не очень хорошо представлял, что собирается делать. Просто подумал, что если оставит эту жутковатую девчонку на растерзание обозленной компании, то не простит себе.

Открывшаяся картина так изумила, что Семен едва не выронил внезапно потяжелевшую папку.

Девчонка стояла в трех шагах от двери. Ее плечи часто поднимались и опускались, а из легких вырывалось шумное дыхание. В остальном она казалась такой же, как раньше: безразличной, даже отсутствующей.

Вокруг, на крошечном пятачке асфальта перед подъездом, лежали те самые парни. Кое-кто из них слабо шевелился. У одного возле головы расплывалось темное пятно.

Семен тут же принял решение: схватил девчонку за руку и потянул в подъезд. Она послушно, хоть и без особого желания, пошла за ним.

Уже надавив на кнопку седьмого этажа, он пожалел, что не пошел пешком. В тесной кабинке лифта исходящий от девушки запах казался невыносимым. Едва подавив рвотный позыв, Семен отвернулся, уткнул нос в воротник джинсовки и только так рискнул дышать: осторожно и неглубоко.

Впустив ее в квартиру, Семен тут же закрыл дверь на оба замка.

— Тебя как звать-то?

Никакого ответа.

Он нащупал выключатель. Прихожую залило ярким светом. Он зажмурил глаза, малодушно мечтая, что когда откроет, ее уже не будет.

Но она была.

Чтобы не передумать, Семен тут же по городскому телефону позвонил в милицию, в двух словах описал ситуацию и положил трубку.

Надеюсь, номера у них не определяются, подумал он и сердито посмотрел на девушку. Она больше походила на зомби, чем на живого человека,и смотрелась в его квартире не более уместно, чем смотрелся бы, к примеру, бегемот.

Теперь весь отдых насмарку. А если окажется, что она прикончила того парня — тогда что? Разумнее всего было бы просто сдать ее в милицию. Может, еще не поздно?

Вместо этого он зашел в ванную, закрыл сток и включил воду. Потом вернулся в прихожую.

Девушка топталась на том же самом месте.

— Чего стоишь? Проходи.

Она испуганно вскинула на него глаза.

Это уже начинало злить. Он взял ее за руку и отвел в ванную.

— Сейчас я выйду, — медленно, как для слабоумной, принялся объяснять он, — а ты примешь ванну, поняла? — Девушка растерянно заморгала. Семен шумно вздохнул и продолжил: — Одежду бросишь в машину — я постираю. И это… не волнуйся, к утру все высохнет. Вот, оденешь этот халат.

На всякий случай он дождался, пока ванна наполнится на две трети, перекрыл воду, показал, где найти шампунь и каким полотенцем вытираться.

Больше говорить было не о чем. Семен оставил ее с таким ощущением, словно побеседовал со стеной. Вышел и принялся вяло возиться на кухне.

Из ванной не доносилось ни единого звука.

Собравшись с духом, он постучал в дверь и, не дождавшись ответа, открыл ее.

Некоторое время они смотрели друг другу в глаза.

— Тебе придется помыться. Я не собираюсь нюхать это всю ночь. Извини.

Она не обиделась. Ее словно не было здесь.

— Ну что ж… — Он вдохнул побольше воздуха, решительно шагнул к девушке и кончиками пальцев взялся за край майки. Совсем некстати вспомнилась картина, увиденная перед подъездом, но он отогнал ее прочь. — Подними руки.

Как ни странно, она послушалась…

Семен вылил в воду двойную дозу пенящегося шампуня, взбил его и посмотрел на торчащую из пены меланхоличную голову. Кстати, о голове… Голову под воду не засунешь.

Застонав, он взял с полочки небольшой ковшик и шампунь для волос.

Докучливая мелодия вытянула из тяжелого, вязкого сна. Оглядев комнату, Семен задержал взгляд на мобильном телефоне, еще через пару секунд догадался взять его и нажать на нужную кнопку.

Услышал знакомый голос, но почему-то долго не мог вспомнить, кому он принадлежит.

— Наташа! — сипло воскликнул он.

Вчерашний день, точнее — его заключительная часть, промелькнул вспышкой молнии: и вынужденная задержка в универе, и стремительная разборка у подъезда, и ненормальная девчонка, которую он затащил к себе домой, вымыл и обстирал… Было что-то еще. Вернее, чего-то не было… Голова работала с ненормальной для только что пробудившегося человека скоростью, но он и не чаял притормозить.

Есть! Он должен был позвонить Наташе вчера, после занятий. Но не позвонил. Вообще забыл о ее существовании. Как такое могло случиться?!

— Наташа…

Он вложил в это слово всю свою нежность, все раскаяние. Но что-то важное все же упустил. Она всхлипнула, и потом связь прервалась.

Вот так-то…

Семен уронил руку с телефоном и уставился в одну точку. Он попытался представить, каково это — жить без Наташи. Тот кусочек мира, который он подверг этому простому тесту, показался ему холодным и неуютным.

Нет, наверняка еще можно что-то сделать.

Халат сестры лежал на неубранной постели. Ему вдруг показалось, что сестра вернулась, что родители дома. Он встряхнул головой, и иллюзия развеялась. Нет, сестра все еще в Лионе, а родители гостят у нее и вернутся не раньше чем через неделю.

Но куда подевалась эта ненормальная?

Быстро осмотрел квартиру, но никого не нашел. Можно было порадоваться, но почему-то стало тревожно. Это чудо просто создано для того, чтобы попадать в неприятности.

Озаренный догадкой, Семен выбежал на балкон и почувствовал, как страх вонзает в тело острые ледяные иглы. Ее одежда тихонько покачивалась на бельевых веревках. Семен протянул руку и потрогал майку. Сухая.

Он торопливо оделся и выскочил на улицу. Не представляя, куда бежать, бросился в сторону дороги и не прогадал. Недалеко от перекрестка толпились люди. Широко махая руками, Семен врезался в толпу. Он не церемонился, и вслед слышал недоуменную ругань, угрозы.

Прорвавшись, резко остановился, точно налетел на невидимую преграду. В центре живого круга стояла голая девушка. Рядом метался взбешенный милиционер: что-то рычал в рацию, бросал яростные взгляды на окружающих. Из толпы слышались смешки, сальные комментарии.

Семен издал странный грудной звук и, сбрасывая на ходу куртку, ринулся к девушке. Милиционер глянул на него, как бык на красную тряпку, опустил рацию и потянулся к дубинке.

Семен накинул джинсовку на плечи девушки и плотно запахнул на ее дрожащем теле. Посмотрел на ноги — сойдет. Получилось немногим короче той юбки, в которой она ходила.

— Сестра… — Семен произнес первое, что пришло в голову, и это слово сразу же всем и все объяснило. — Недосмотрели, извините.

Он обнял девушку за плечи и увлек за собой. Толпа беззвучно расступилась перед ними.

— Ну что ты наделала? — Они стояли посреди прихожей. Семен тряс ее за плечи. — Зачем ты ушла… без одежды? Отвечай, ну!

Она не прятала глаз, обращенных в пустоту. Голова болталась, как у марионетки, а тело дрожало, живя своей маленькой, автономной жизнью.

— О господи, — в сердцах воскликнул Семен, — ты и вправду помешанная! Что мне с тобой делать?

Немного успокоившись, он снял с нее куртку, укутал в халат, дал теплые тапочки и привел в кухню.

— Сейчас позавтракаем, а там решим.

Быстро приготовил салат из свежих овощей, выставил на стол.

Девушка сморщила нос и покосилась на еду.

— Вроде нос у тебя работает лучше головы, — невесело усмехнулся Семен, поставил на огонь полный чайник и присел к столу.

В последующие двадцать минут он не столько ел, сколько бегал к холодильнику: доставал из него то одно, то другое.

Сначала девушка расправилась с салатом и всем лежащим на столе хлебом. Потом проглотила неразогретое, прямо из холодильника, картофельное пюре, три куска жареной аргентины, полбанки консервированной морской капусты, начатый пакет сметаны. Когда подоспел чай, она с удовольствием сжевала пять бутербродов с маслом и сыром.

Семен снова потянулся к холодильнику, но удержал себя. Вспомнил, что после долгого воздержания лучше много не есть. Сколько она не ела — неделю? Девчонки ее комплекции едят в пять раз меньше.

Она посмотрела на опустевший стол, задержала взгляд на холодильнике, потом откинулась на спинку стула и сытно отрыгнула.

— Эй, ты хорошо себя чувствуешь?

— Да… — девушка сонно взмахнула ресницами.

Семен сделал вид, что ничего не заметил. Он уложил ее в постель, накрыл одеялом и долго сидел рядом, наблюдая, как она спит.

В универе, конечно, будут проблемы, думал он. Впрочем, не выгонят же, в самом-то деле… Все можно будет потом объяснить, утрясти. Есть проблема гораздо более серьезная.

Он вышел на кухню, прикрыл дверь и набрал Наташин номер.

Девушка проснулась ближе к вечеру. Семен отложил в сторону книгу, подсел к ней на кровать.

— Ну как, выспалась?

Сон пошел ей на пользу: почти исчезли темные круги вокруг глаз, взгляд стал осмысленным, щеки не казались такими впалыми, как раньше.

— Есть хочешь?

Она улыбнулась.

— Тогда вставай. Пойду разогрею...

В глазах промелькнул испуг. Она крепко схватила его за руку.

— Не бойся, я никуда не денусь, — усмехнулся он. — Ну хочешь, пошли вместе.

— Я не боюсь…

— Правда? — весело удивился он и снова сел на кровать. — Что же тогда?

— Все хорошо?

Семен обвел взглядом комнату, хмыкнул, пожал плечами:

— Да. Теперь — да. — Сейчас он точно знал, что ни в какую больницу звонить не придется.

— А Наташа?

Его брови медленно поползли вверх… Хотя, чему тут удивляться: мало ли о чем болтал в ее присутствии, полагая, что говорит в пустоту.

— Честно говоря, не знаю. — Он отвел взгляд, тяжело вздохнул. — Пока ты спала, я позвонил и все объяснил.

— Объяснил… — эхом отозвалась девушка.

— Ну да… — Он нервно потеребил уголок одеяла, скатал его в трубочку. — Я всегда думал, что по-настоящему можно любить только одну женщину. А теперь… — Он принялся сильно тереть нос, пытаясь справиться со смущением. — Теперь уже и не знаю.

Девушка потянулась к нему, и Семен осторожно обнял ее.

— Вот это я и объяснил.

— Понятно… — пробормотала она и прижалась к нему еще сильнее.

— Хм… Что тебе понятно?

— Что ты ее любишь.

«Вот те на, — подумал Семен. — Наверное, сейчас самое время сказать, что ее люблю еще больше… или острее… или что у меня никогда в жизни ничего подобного не случалось…»

Но нет, что-то во всем этом было не то. Все — не то.

Он бросил попытки хоть как-то определиться в своих чувствах. Как все оказалось сложно! Все вдруг перекрутилось, осложнилось, запуталось… Поди теперь разбери, как оно — правильно и что здесь настоящее.

Когда стало темнеть, они выбрались на прогулку.

Ей непременно хотелось на окраину города, туда, где они встретились впервые. Держась за руки, дошли до центра города, там сели в автобус и еще с полчаса ехали до Быховского рынка.

— Это мой любимый район, — сказал Семен, когда они вышли из автобуса и медленно побрели по тротуару.

— Потому что здесь живет твой друг?

Он неопределенно кивнул.

— Город, природа… Здесь все сразу. Смотри, вон те самые скамейки.

Все так. Только тогда было светло, а скамейка была мокрой от дождя. И девушка воспринималась по-другому.

Метров через триста дорога повернула в сторону соседнего микрорайона. Город закончился. Сразу за насыпью лежало небольшое озеро с песчаными берегами. За ним ничего не было видно. Здесь повсюду росли кусты и низкорослые деревья, а пробираться приходилось на ощупь. Девушка высвободила ладонь и шла, ласково прикасаясь к торчащим отовсюду веткам.

— Здесь где-то должна быть труба, — вспомнил Семен. — В темноте по ней удобно идти.

Он оглянулся, но рядом никого не было.

— Эй…

Стало не по себе. Он набрал в грудь побольше воздуха, но вдруг с удивлением понял, что даже не знает ее имени.

К горлу подступил комок. Семен с трудом проглотил его, рассеянно побродил по зарослям, в конце концов набрел на бетонную трубу, вскарабкался на нее и пошел в сторону Валеркиного дома.

— Ты в своем стиле, — пробурчал Валера. — Мог бы предупредить.

Семен молча прошел в квартиру, скинул кроссовки, повесил на крючок куртку.

На кухне горел свет. Семен прямиком через зал направился на балкон. Слезы, копившиеся внутри, вдруг хлынули из глаз. Он оперся локтями на перила и невидящим взглядом смотрел вниз. Сразу за стоянкой огни обрывались. Не было видно ни столбов, ни трубы — все поглотила тьма.

— Что случилось? — из голоса Валеры исчезла вся хмурь. Он стал рядом, протянул сигарету, щелкнул зажигалкой. — С Наташкой поссорился?

Щурясь на пламя, Семен прикурил и быстро отвернулся.

— Ладно… — Валера резко вышел в зал, крикнул: — Оксан, не убирай со стола! И это… картошечки немного сообрази жареной, ладно?

Оксана что-то невнятно спросила.

— Сейчас с Сенькой пить будем, — пояснил Валера и вернулся на балкон. — Ну что, так все расскажешь или тебя напоить сначала?

Семен со всхлипом перевел дыхание:

— Так…

Валера кивнул, присел на табурет. Махнул, чтобы Семен тоже присаживался.

— Тогда начинай.

Через полчаса Оксана позвала к столу. По пути на кухню Семен заскочил в ванную и долго мыл лицо холодной водой. Когда он появился на кухне, Оксана выглядела встревоженной.

— Мне уйти?

Валера коротко глянул на Семена, поморщился и сразу ввел Оксану в курс дела:

— Ксюха, представь, этот молодец за один день умудрился влюбиться, пережить бурный роман и расстаться.

Взгляд Оксаны стал совсем перепуганным.

Семен виновато улыбнулся, уточнил:

— Полтора…

— Что?

— За полтора дня.

— А…

— Причем, заметь, — продолжал изгаляться Валера, — он не знает ни кто его возлюбленная, ни где она живет, ни чем занимается. — Он с грохотом поставил на плиту чайник, подмигнул Семену. — Даже имени ее не спросил, прикинь?

Сели за стол. Семен уставился в тарелку и молча что-то жевал. Валера достал из холодильника водку, разлил по рюмкам, произнес какой-то оптимистично-ехидный тост. Выпили.

Несмотря на привычный сарказм в словах друга, Семен чувствовал себя неуютно: казалось, что его просто жалеют.

— Хоть ты мне и друг, Сеня, но скажу честно: по таким признакам, как «бездонные глаза» и «жить без нее не могу», в поисках нужной девушки тебе никто не поможет, можешь быть уверен. Исторически проверенный факт. «На деревню дедушке» — и то более точный ориентир.

Семен кивнул, собрался что-то сказать, но вдруг подавился, закашлялся.

— Вот бедолага… Оксан, плесни ему водички. В такой вечер почему-то не хочется терять друга… Тебя что, не учили в детстве, что глотать и говорить лучше последовательно?

— Фото…графия… — все еще кашляя, выдавил из себя Семен.

Валера пристально посмотрел на него, слегка наклонив голову.

— Что еще за фотография?

— Нет… рисунок…

— Ага, все-таки рисунок! — притворно оживился Валера. — Так-так, уже интересно.

Семен показал пальцем на Оксану, снова закашлялся, махнул рукой и выбежал в коридор.

— Я что-то пропустил? — прекратив паясничать, спросил Валера.

Оксана молча смотрела ему в глаза.

— Вот!.. — Семен раскрыл сложенный вчетверо стандартный лист из альбома для черчения и положил на стол.

— Какой ужас… — мгновенно отреагировал Валера, поймал сердитый взгляд друга и стер с лица улыбку. — Это она?

Он схватил рисунок и принялся изучать, едва не цепляя бумагу носом.

Вздохнув, Оксана поднялась и взялась убирать со стола. Когда она потянулась за одной из тарелок, Валера перехватил ее руку, строго посмотрел в глаза:

— Ты рисовала?

Она попыталась вырваться. После короткой молчаливой борьбы Валера вдруг уступил. Некоторое время они с Семеном наблюдали, как Оксана сосредоточенно моет посуду.

— Я так понял, что Оксана ее знает, — поглядывая то на рисунок, то на подругу, сказал Валера. — Это что же выходит, Сеня: ваше знакомство было подстроено? Хм… не ожидал, Ксюха, что ты займешься сводничеством, да еще так, исподтишка.

Оксана метнула мокрую тряпку в раковину и резко обернулась. Ее щеки пылали.

— Я никого ни с кем не сводила, понял?!

Валера улыбался, разглядывая Оксану, как какого-нибудь забавного говорящего зверька.

— Ладно, — кивнул он, хотя голос не выражал ни малейшего намека на согласие, — тогда откуда взялось вот это? — Он ткнул в рисунок с такой быстротой, будто собирался пронзить мизинцем насквозь.

— «Это», к твоему сведению, нарисовала я. Придумала.

— Придумала? — Друзья синхронно подскочили со своих мест и возмущенно переглянулись. — Как можно придумать кого-то и при этом в точности скопировать реального человека? Ведь она скопирована в точности, а, Сень?

Семен неопределенно шевельнул ладонью.

— Бутылка лишняя…

Валера глянул на него как на идиота.

— При чем здесь бутылка? Я тебя про девчонку спрашиваю.

— Девушка та, даже одета так же. Поэтому я про бутылку и сказал, ведь здесь не просто схвачен образ. Здесь — фотографическая точность.

— Оксан! — требовательно, с истерической ноткой воскликнул Валера. — Ответь, откуда взялась бутылка. Наш друг считает, что она — лишняя. — Он подмигнул Семену, на лице которого не дрогнул ни единый мускул. — Что до моего мнения, то бутылка вполне уместна. Извини, Сень.

Можно было ожидать, что после недавней вспышки Оксана замкнется. Она перекрыла воду в кране, тщательно вытерла полотенцем руки и вернулась за стол печальная, какая-то присмиревшая.

— В бутылке я как раз-таки и не была уверена, — сказала она. — Просто мне нужно было как-то объяснить все то впечатление, которое она производит… нет, скорее даже утрировать, свернуть, утаить от посторонних.

— Так… стоп! — Валера хлопнул ладонью по столу и обвел присутствующих сердитым взглядом. — Давайте проясним ситуацию… Сеня, ты говоришь о реальной, пусть и не совсем адекватной девчонке. Да, она ведет себя не всегда разумно, появляется и исчезает когда захочет, плохо ориентируется в городе, не следит за собой, довольно странно общается, способна завалить четырех крепких ребят, съесть неимоверное количество еды и… немного интересуется нашим другом Семеном. Я ничего не упустил?.. Отлично. — Валера ткнул пальцем в рисунок и в упор посмотрел на Оксану. — А ты… ты с какого боку все это знаешь?

Она было открыла рот, но тут же захлопнула его и вдруг по-детски спрятала лицо в ладонях.

Валера торжествующе улыбнулся и мягко потрепал Оксану по плечу.

— Ты, конечно, можешь хранить молчание и требовать адвоката, — вкрадчиво начал он, — но ведь мы не совсем посторонние люди… Слышь, тебе ничего не угрожает!

Оксана подняла мокрое лицо, костяшками пальцев убрала слезы в уголках глаз.

— Я знаю, — пискнула она. — Просто это — не моя тайна.

— Оксан! — всплеснул руками Валера. — Ну ты же понимаешь, что ситуация вышла за границы чьей-то приватной тайны! — Он надул щеки и, выпучив глаза, шумно выдохнул. — Послушай, мы никому тебя не сдадим, но разобраться-то надо… Ну посмотри на Семена! Ты хочешь, чтобы он дальше мучился? Давай колись: кто?

— Ну, Наташа…

— Наташа? — насторожился Семен. — Что — Наташа?

— Просто неделю назад Наташа зашла ко мне в гости...

— Почему я не знал? — сразу взвился Валера.

— А почему я обо всем должна тебе говорить? Девушка-старуха — не предмет для досужих разговоров.

Повисла тишина. Валера замер с поднятыми руками. Слышно было, как за стенкой переговариваются соседи.

— Как ты ее назвала?

— Что толку повторять глухому? — вспылила Оксана и тут же обернулась к Семену: — Это то же самое, что показывать слепому!

— Что показывать?

— Сень, я не знаю, что здесь происходит, но, по-моему, нас только что обозвали дураками, — с наигранной веселостью заключил Валера.

Через минуту-другую Оксана все же заговорила.

— Когда ты впервые увидел Наташу, о чем ты подумал?

— Что это самая красивая, ну… интересная девчонка из всех, кого я знал.

— И как думаешь, ты заполучил свой трофей?

— Почему именно трофей? — возмутился Семен. — Хотя… в принципе, да. В лучшем виде.

— А то, что он мог оказаться больше, чем ты ожидал, не приходило в голову? — У Оксаны был такой вид, словно она знает что-то, чего не знает никто из присутствующих.

— Ну конечно, мы не абсолютно познали друг друга, — опасаясь подвоха, осторожно произнес Семен, — но… э… мы работаем над этим. И в целом, думаю, у нас совсем неплохие отношения.

— Согласен, — встрял Валера. — Стоит их оставить на минутку, как они тут же принимаются развивать свои…

Оксана не дала ему договорить. Невесть откуда взявшаяся в ее руке никелированная столовая ложка мелькнула в воздухе и обрушилась на Валеркин лоб.

Семен невольно зажмурился.

— Ы… — вырвалось у Валеры. От боли и изумления он даже забыл рассердиться, лишь с незамысловатой искренностью смотрел на Оксану.

— Все вы одинаковые! — яростно зашипела она. — Думаете, если удалось затащить в постель хорошую девчонку, то сразу ее осчастливили? Больше ничего не нужно делать, теперь любовь будет вечно питать вас?

«А что же нам еще думать?» — явственно читалось на лице Валеры, но набухающая на лбу шишка переключила его мысли в другом направлении. Он полез в морозильную камеру; порывшись, извлек оттуда куриный окорочок, твердый как камень, приложил к шишке и вернулся на свое место, таращась на зарвавшуюся подругу.

— Послушай, — миролюбиво попросил Семен, — объясни толком, в чем дело? Что мне должно было прийти в голову? Что Наташе нужно такое, чего я не знаю?

Огонь в ее глазах стал затухать. Оксана моргнула и положила ложку на стол. Валера тут же смахнул ее и, от греха подальше, швырнул в раковину.

— Наверное, чтобы ты принял и все остальное, — она исподлобья глянула на Валеру.

— Ага, — сразу оживился тот, — со всей вашей дурью, истериками и маразмами! По-моему, это нужно не лелеять, а искоренять. — Он вернул окорочок в морозилку и смерил Оксану ядовитым взглядом. — Это не мы — это вы одинаковые.

— В таком случае, — холодно заключила Оксана, — вам не останется ничего другого, как иметь дело с девушкой-старухой в самом ее неприглядном виде.

Семен сжал челюсти и отвернулся.

— Ксюха! — возмутился Валера. — Это — удар ниже пояса. При чем здесь девушка-старуха, если мы говорим о…

— При том, что мы именно о ней и говорим, — не дала ему закончить Оксана. — Думаете, можно залезть в самую сокровенную область женской души и сделать так, чтобы *она* не появилась?

— А, ну в метафорическом смысле — да, тут я согласен, — кивнул Валера, почувствовав под ногами привычную почву. — Все самое темное, дикое, что есть в женщине…

— Все самое живое, что в нас есть! — закричала Оксана, яростно стуча ладошкой по столу. — Все настоящее вы готовы вышвырнуть прочь только потому, что у *нее* не настолько покладистый характер, как вам хотелось бы! А после — удивляетесь, отчего она так плохо выглядит, откуда у нее такой дикий нрав и с какой стати от нее разит зверем… Так вот что я вам скажу: это — и есть настоящее сокровище! Лучшее из всего, что вы можете заполучить. Только у вас, самодовольных болванов, кишка тонка удержать, вынести его на своих тонких… своими хилыми…

Она махнула рукой и отвернулась.

Валера яростно грыз ногти. Семен сидел неподвижно, все больше мрачнея. Никто не прерывал установившегося молчания.

— Сначала хотите чего-то глубокого, заставляете раскрыться… — снова заговорила Оксана, — а когда находите — тут же стараетесь запихнуть обратно.

Семен скрестил на груди руки и попытался рассуждать здраво. Человек не может быть одновременно в двух местах, а субличности существуют только в фантазиях и больше нигде. Невозможно, чтобы какая-то мифическая девушка-старуха воплотилась из породившей ее души и разгуливала по городу. Да и зачем ей это?

Он хотел задать этот вопрос вслух, но на кухне уже никого не было. Валера с Оксаной ушли в комнату и закрыли дверь, но все равно было слышно, что они ссорятся.

Тихо ступая, Семен прошел в коридор, не включая свет, быстро обулся, взял куртку и вышел в подъезд.

— Сенька, стой! — крикнул Валера.

Семен захлопнул дверь, нажал на кнопку вызова лифта и, не дожидаясь, побежал вниз по лестнице. Обогнув дом, дошел до бетонной трубы, взобрался на нее, прошел метров двести и оглянулся на спящий город. В Валеркином доме светилось только одно окно — на девятом этаже. На его фоне маячили два знакомых силуэта.

Еще не поздно вернуться. Можно спокойно переночевать у Валеры, завтра проснуться и жить как ни в чем не бывало: ходить на занятия и даже помириться с Наташей. Притвориться, что ничего не случилось…

Балансируя широко расставленными руками, он зашагал вперед, в темноту.

СВЕТЛАНА ЕВСЕЕВА

Гончарный круг

Сила песни

Если голосу хочется петь,
Песню надо уже начинать.
Я прошла азиатскую степь,
Чтобы корни свои отыскать.

Мне открыли свои имена
Пашня, ягодник, поле, родник...
Здесь века, создавая меня,
Подарили мне русский язык.

Здесь вошла я в сады лучших дней,
Над садами был звездный навес,
В ночь ракеты слетали с ветвей,
Словно звездная зрелость с небес.

Зная счастье и зная беду,
Выхожу на дорогу свою.
Я не падалица в саду:
Не срывая свой голос, пою.

...Ум для сердца — товарищ и врач.
Сердце — путник, ум — проводник.
Что мне прах всех моих неудач!
Мое счастье — мой русский язык.

В капитальном ремонте наш Дом,
Это, верю, для жизни дано.
Оттого не плутаю в былом,
Что плохое забыто давно.

Красной Шапочкой к светлым лесам
Темным лесом иду напрямик,
И пою всевозможным волкам:
«Сила песни — правдивый язык».

Моя провинция

Случалось в дебрях заблудиться,
С пути сбивала суета.
И без меня в простор столицы
Несли глубинку поезда.

— Да. Кланялась цветочным соткам,
Да осенью цветник зачах.
Согрей меня, моя Высотка!
Столица — Родины очаг.

Я и в квадратных метрах знала:
Преширокие мои края.
Мое столичное начало —
Во мне провинция моя.

На свете нет глубинки лишней.
Столицу знаю как себя.
Столица — это тоже Личность,
А Личность — это и судьба.

Двум личностям быть вместе — тесно?
И — вразнобой колокола?
Мы со Столицею совместны:
Славянка я, как и она.

На высоте, где гнездам виться,
Свой соловьиный свет совью,
И воспоет моя Провинция
Столицу — высоту свою.

Окна

В пору тучных теней,
В пору плотных невзгод
В окнах жизни моей
Был и Солнца восход.

Если скоро зима,
Эти окна — на юг.
Я гляжу в них сама,
В них не смотрит мой друг.

Если я не больна,
И они не больны,
Жизнь — четыре окна,
На четыре стены.

Добирается боль
К моему этажу?

— Вспоминая Любовь,
Снова в окна гляжу.

В них сегодня и впредь
Ни морей нет, ни гор.
Только в окна глядеть —
Не расширить обзор.

Тайны звездных систем,
Для чего свет и мгла?
Для кого, для зачем
Я на Землю пришла?!

* * *

По весне наши реки в разбеге,
В океаны плывут наши реки.
По весне жаждут рук наши руки,
После долгой-предолгой разлуки.

Я бледнею от нежности денно…
Подо льдом жизнь реки потаенна.
Я бледнею от нежности нощно…
Лед растаял. Течение мощно.
И плыву к своему нареченному,
Вечной памятью прирученная,
И на Чудо надеяться вправе,
Потому что дышла для Яви.
Явь душой обниму как руками
В Океане, что дышит над нами.

Ева

Что такое Любовь?
Сверхъестественный дар.
И жила, и живу этой верой.
Подарил мне ребро первозданный Адам.
Стала я первозданною Евой.
…………………………………
Ты — Мужчина. Я — Ева, твое ребро.
Как бы мне доказать эту нежность?..
Я бы выжгла на коже твое тавро,
Чтобы знали мою принадлежность!

Хорошо!
Позаботиться есть мне о ком.
Хорошо быть для щедрого щедрой!
Мой Адам силой разума взял и окно
Прорубил в камне жизни пещерной.

Сам провел в узел быта водопровод,
В кухне кормятся газом горелки…
Все вокруг первородно из глины растет:
Мы, кувшины, плоды и тарелки.

Ты в укрытии редко. С утра на ветру.
Я — лекарство для случаев грубых:
В эти солнцепощечины сливки вотру,
Умащу медом жесткие губы.

Каблучками я свой увеличила рост,
Свой цветник на венки обобрала…
Но… Где розовый цвет, там и колкости роз,
Где пчела, там пчелиное жало.

Почему виноградника мне не дано?
— Ты, когда весела, непослушна.
— О Адам! Я мечтаю о времени том,
Где Свободы бояться не нужно.

Я
  Свободы боюсь!
                    Жив библейский запрет
Для послушницы женской природы.
Пусть для Евы другой созревает Ранет
Запредельной злодоброй Свободы!

Потеря

Звездной меня тут не видели.
Был у меня этот шанс.
Так это было: мне выдали
Первый желанный аванс.
……………………………
Я потеряла молодость!
Но мой троллейбус в пути.
Я потеряла молодость,
К выходу дайте пройти!

Там я бывала пригожею,
Как обнищавшая тут.
Мне молодые прохожие
Цветиков не подают.

Спонсор!
          Где водится молодость?
Есть магазин, может быть?
— Не продается молодость,
Сколько бы ни заплатить.

Надо бы мне и покаяться
В том, нехорошем былом…
Старости младость пугается,
Страх прогоняя вином.

Я потеряла молодость!
…Зрелость во всем возлюбя,
Я потеряла молодость,
Чтобы найти себя.

Тут поняла я, пытливая:
Молодость прячется в нас.
Я не настолько пугливая,
Чтобы пропить
аванс.

Гончарный круг

В пустыне быта сотворилось диво:
Пал пеклу на голову снег,
И дарит рай для очага огниво,
Стол на двоих, защиту и ночлег.

Я без тебя — нецельность, половина,
С тобой — воздухоплавательный шар.
Мужчина ищет женщину, ту глину:
Найдется глина, сбудется Гончар.

Ты — доброта победоносной силы,
Я — не насилье женственных побед.

Бывает Счастье трудновыносимым,
Где почему-то нам не по судьбе.

Гончарный круг вершил круговороты,
Несовершенства в этом не терпя.
Быть Амфорой — серьезная работа,
Такая же, как не разбить себя.

…Не ставьте свечи в Храме мимоходом!
Здесь Небу поклоняется Земля.
И древний Рим знал:
Храм не для охоты,
Весталок Храма добывать нельзя.

Там, где Свобода — пир без всяких правил,
Свободу хлещут, как пираты ром.
Гончар Весталку Амфорой восславил,
Изъял из Храма Амфору Нерон.

И —
        сразу здесь такая непогода!!!
Не упасется никакой крепыш,
Когда падет со стройки Небосвода
Охоте на голову
                                метеор-кирпич.

Славянский Свет воспитывает стойких.
Сниму с век слезы, со свечей нагар.
Я знаю:
                Всенощную Перестройки
Не выстоять на глиняных ногах.

Мои — не глина, хрупкие суставы.
Как закалить их,
                                Небо,
                                            подскажи!
— Дыши без гонки за неверной славой,
Не предавайся честолюбью лжи.

Нет Храма?
                        Пусто место — для базара,
Где завывают про «Не укради»,
И деньги тратят мужики бездарно,
А бабы деньги держат на груди.

И книг духовных не читают храбро,
Не почитают лучших кинолент...
Служи Славянской письменности, Храму,
В каком не вымирает Интеллект.

Земля — Биолог.
                                Мы в ее пробирке.
Возможно, ясно внеземным мирам,
Что в каждой человеческой кровинке
Есть все:
                Нерон, Весталка и Гончар.

Как теснотой такой не возмутиться!
Кто усмирит протестные костры?
Сжигаются Неронами столицы,
Мир красотой спасают Гончары.
………………………………………..
...Я без тебя — не цельность, половина
С тобой — Воздухоплавательный Шар!

Ты так любил меня!
                        Так любят глину:
Найдется глина, сбудется Гончар.

ФЕДОР КОНЕВ

Туман

Повесть

Случайная компания

Здание столичного аэропорта, казалось, медленно плыло в пространстве, как многопалубный океанский лайнер, сверкая огнями. На самом деле полз туман, клочковатый, густой и серый. Похоже, слипшиеся в одну массу облака от собственной тяжести сошли с высот и лениво волочились по земле в полном унынии.

На стоянке выстроились в ряд автомашины. То и дело какая-нибудь из них просыпалась, выбрасывала вперед светлые усики фар и на ощупь выползала на шоссе. Но тут же другая машина выныривала из тумана, озаряла скользящим светом разномастных подруг, а точнее — соперниц, подыскивала место себе, становилась в ряд и впадала в дремоту, как остальные. Иногда проплывал огромный автобус, останавливался у здания, освещался салон, и в нем двигались к выходу пассажиры, как в аквариуме.

Все это Юрий Алексеевич Малышев видел, время от времени выходя из здания вокзала и прогуливаясь по темному, пропитанному сыростью асфальту, чтобы размяться и побыть наедине со своими не очень-то веселыми мыслями. Но каждый раз не находил для себя успокоительного ответа на один и тот же вопрос — зачем он здесь? — и возвращался к своим новым знакомым.

По причине затянувшейся нелетной погоды в зале ожидания поневоле и от полного безделья сошлись четверо людей разного возраста в согласную компанию. Они убивали время тем, что играли в карты, прогуливались в буфет или даже в ресторан, но более всего проводили часы в разговорах, когда кто-нибудь да обязательно рассказывал занимательную историю. Но еще более объединила их, бездельников поневоле, придуманная Павлом Савельевичем Щекулиным игра, которая состояла в том, что надо было выбрать кого-нибудь из пассажиров, после чего все старались угадать по наружности и поведению человека род его занятий и даже судьбу. А затем общительный и располагающий к себе Щекулин шел к этому субъекту и вкратце выяснял истину. Победителем оказывался тот, чья отгадка оказалась более верной.

Павел Савельевич Щекулин нашел нужным сразу сообщить, что работает по юридической части, ведет частную практику и летит в служебную командировку по срочному делу, да вот погода прямо-таки подло подводит, однако особого огорчения по этому поводу не проявлял. Очень даже могло статься, что никуда он не летел, а что-то вынюхивал в аэропорту, будучи детективом. И, возможно, игру придумал Щекулин, чтобы проще было ему шарить глазами по залу. Но, по правде сказать, эти подозрения возникли у Малышева не сразу, а значительно позже знакомства.

Выглядел Щекулин внешне весьма активным субъектом, умело играл рубаху-парня, чем располагал к себе с первой минуты. Но со временем по каким-то малозначительным приметам становилось ясно, что не так уж он прост, не так

уж открыт, что за беспечным внешним добродушием скрывается, как зверек в норе, холодный расчет, что всегда он — как говорится — себе на уме. Роста он был среднего, подбористого телосложения, что благоприятствовало подвижности, даже юркости, но лицо с телом не имело ни малейшей гармонии. Лицо его было круглым, мясистым в щеках, напоминало мордочку хомячка, живые маленькие глазки так и буравили, так и пронзали предмет, на котором останавливались. Два верхних передних зуба, выдающихся вперед, еще больше придавали схожесть с грызуном. Но живая мимика, почти калейдоскопическая изменчивость лица и непринужденная бодрая речь тут же и располагали если не искренним, то уж очень умело наигранным простодушием.

Трудно было скрыть свою профессиональную принадлежность второму члену компании — человеку в летах, персона которого была знакома, пожалуй, каждому кинозрителю на всем постсоветском пространстве, так что неловко даже называть его настоящее имя, и пусть он останется Сергеем Сергеевичем. Знаменитый артист кино и театра, по его словам, летел в Москву после актерских проб. Он не стал говорить, ради какого фильма и какого режиссера приезжал на местную киностудию. Это, мол, не суть важно. Может случиться так, мол, что он откажется от роли, если увидит, что молодой постановщик не туда гнет. Только задним числом у Малышева вызвало удивление, что такую знаменитость никто из съемочной группы не провожал. Но может статься, что Сергей Сергеевич, человек простой и непритязательный, отпустил сопровождающего, чтобы еще кто-то не маялся попусту вместе с ним, уж коль без толку терять время, так совестливей одному.

Украшала, как не раз отмечал Сергей Сергеевич, случайную компанию молодая женщина по имени Светлана. Описывать красивую женщину столь же трудно, как словесно обрисовать идеал. Ну, все сообразно в красавице, и настолько, что не за что зацепиться. Если бы какой-то изъян крохотный, так тут же и отметить можно — «на переносице греческого носа устроилась мизерной величины бородавка». Эта бородавка всему портрету колорит придаст. Но не было крохотного изъяна ни на переносице, ни на щеках, ни на лбу Светланы. И мягкого очертания подбородок, и чуть капризные чувственные губы, и прямой нос, и темные глаза под туго изогнутыми бровями — все было пригоже и сообразно.

Будто сошедшая с обложки глянцевого журнала Светлана однако ж вела себя в новой компании без кокетства, не придавая ни малейшего значения тому, что постоянно была в центре внимания трех мужчин. Что-то ее заботило, какая-то тревога не давала покоя, и больше других, пожалуй, огорчалась именно она задержкой рейса. Она спешила улететь, это было явно.

Четвертым в досужей компании оказался Юрий Алексеевич Малышев, человек самой обычной внешности, чуть выше среднего роста и довольно худощавый. Что-то еще затруднительно добавить к его портрету, разве только то, что чувствовался в его поведении и одежде устойчивый, застарелый налет провинциальности.

Жизнь Юрия Малышева была не богата событиями. Он прожил на свете тридцать два года, которые делились на детство в захолустном городке, школьные годы все там же и учебу в областном педагогическом институте. По окончании обучения вернулся в свой городок преподавателем русского языка и литературы, но родителей уже не было в живых, а отчий дом снесли, и место, где он стоял, закатали асфальтом, построив новый автовокзал. Ему выделили принадлежащую школе половину дома в частном секторе, и он был весьма доволен своим обустройством. Юрий Малышев работу свою уважал и честно старался привить ученикам любовь к литературе, которую сам беззаветно любил и знал весьма недурно.

За тридцать два года жизни не произошло ничего такого, что могло бы хоть как-то всколыхнуть ровное течение судьбы, которое так и струилось бы равнинной речкой до конца дней земных уважаемого Юрия Алексеевича, если бы не появилась однажды в городке Светлана, в прошлом его соседка по дому, одноклассница, первая любовь и фактическая супруга. Он уже и не вспоминал ту далекую детскую и школьную любовь, которая продолжалась сколько-то еще в институте, но резко оборвалась без всякой видимой причины. Скорее всего, этого захотела Светлана. Человек, а тем более — женщина, не управляет чувствами, скорее — наоборот, оттого Малышев и не стал ничего выяснять, а тихо отошел в сторону и по окончании института сам попросился в родной городок. Светлана ни разу о себе не напомнила, а прошло более шести лет, и Юрий Алексеевич ее приезду не обрадовался, а даже испугался в какой-то степени, точнее — возникла в душе тревога, опасение, предчувствие, что этот приезд нарушит его покой.

Не ностальгия и даже не родственные чувства, хотя она твердила всем, что приехала на могилу матери, повлекли Светлану в городок детства и отрочества. Забота была куда практичней, ее интересовал земельный участок, который остался после родителей. И эта земля по праву принадлежала теперь Светлане. Надо было выяснить, как это все оформить на свое имя, не выпускать же из рук добро. Из родных в этом городке оставалась тетка. От нее Светлана узнала, что Малышев живет буквально через улицу. На встречу пошла больше по долгу, надо же повидаться с человеком, с которым столь много связано. Но уже после первой встречи Светлана почувствовала в себе некое смятение, мысли только и крутились вокруг Юрия, и росло желание снова и снова видеться с ним. А вдруг она способна снова полюбить этого человека, как это было прежде — в школьные и студенческие годы? Суматошная жизнь последних лет замусорила память разной ерундой, а под этим хламом сохранилась любовь, и вот она нежданно-негаданно обнаружилась. Разве же не бывает так? И радоваться в таком случае или огорчаться?

Эти мысли Светлана тут же выложила Юрию Алексеевичу, но он не очень поверил, потому что Светлана была не из тех женщин, которым только и подавай любовь, уж никак они без страсти не могут. Юрий Малышев видел, что с ее школьной подругой нынешнее время обошлось в своем духе — научило работать локтями, чтобы не стоять в хвосте очереди. То, что она не без успеха занималась бизнесом, говорило о твердом характере и расчетливом уме. Юрий Алексеевич не сомневался, что какие-то теплые чувства к нему и впрямь могли проснуться в душе Светланы, но произошло это, скорее всего, от одиночества. Она не скрывала, что была в гражданском браке, теперь одна, но не об этом одиночестве подумал Юрий Малышев, а о том состоянии души, когда выплакаться даже некому и некого в сердцах к черту послать. Она явно крутилась среди людей, которым не было дела до ее души. Да и к чему душа при такой-то внешней красоте! Ну, ежели трезво-то рассуждать — не нужна в довесок к «мерседесу» скрипучая телега.

Неизвестная Малышеву жизнь сильно изменила Светлану, он просто дивился, временами начинало казаться, что от нее, от прежней, неизменной осталась только черная толстая коса, все так же свернувшаяся на голове сонной змеей. Юрий Малышев знал, как Светлана блюла волосы, времени на них не жалела, ухаживала с таким тщанием, словно от них зависела жизнь. Он видел, и не раз, как Светлана расчесывала их редкозубым гребнем, напоминая в такие минуты русалку с тонкими чертами лица, хрупкую в плечах и трепетную от робости вне своей водной стихии.

Да еще улыбка осталась!

Конечно же, дюжина — если не куда как больше! — улыбочек в запасе у нее находилась на разные случаи жизни, как у любой красивой женщины. Уж умеют они, хитрюшки, глазки состроить, губки скривить, бровями сыграть согласно обстоятельствам. Все женщины — актрисы, это и доказывать не надо. И главное оружие их — это улыбка. Впрочем, и щит тоже.

В новой компании Юрий Алексеевич подметил, что Светлана Сергею Сергеевичу улыбалась мягко, но без умиления, а даже чуть снисходительно. Она не могла принимать его всерьез, как мужчину, как бы ни пыжился безобидный Сергей Сергеевич, как бы ни старался выглядеть молодцом, но возраст за искусственными зубами не спрячешь, как бы они белоснежно ни сверкали. Павлу Савельевичу Щекулину Светлана улыбалась любезно. Именно — любезно и только. И улыбка сходила тут же с ее лица, как только Щекулин отводил взгляд. Чем-то этот человек не устраивал ее, чем-то настораживал. Может быть, пристальный, устремленный в глубину зрачков собеседника, следовательский взгляд Павла Савельевича раздражал Светлану, но она старалась вести себя так, чтобы не выдавать своей невнятной неприязни.

Из этой компании один Юрий Малышев знал искреннюю, только ему предназначенную улыбку Светланы, которая вспыхивала непроизвольно, и тогда будто распахивалась душа, тогда вся ее суть будто радостно извещала — да вот же я какая на самом деле! Может быть, именно эта улыбка, увиденная после долгой разлуки, и подкосила бедного Юрия Алексеевича, сбила с панталыку. Иначе по какой еще причине маялся он нынче в аэропорту?

Жить Юрий Малышев привык просто и ясно, всегда разбираясь, что происходит в душе, а тут впервые, пожалуй, толком сам себе не мог объяснить, что с ним такое творится. Светлана уговорила лететь с ней в Петербург, там у нее была какая-то своя фирма, и довольно, по ее словам, доходная, и Юрий Алексеевич вдруг согласился, хотя не было у него никакого интереса к бизнесу, а большие, но чужие деньги никак не могли соблазнить. Жил себе спокойно да ладно, все его знали в городке, и он всех знал, сеял помаленьку доброе да вечное, тормошил умы безалаберных девчонок и мальчишек, приучая на родном языке, на котором они говорили с детства, не ругаться и болтать глупости, а выражать мысли, прежде самостоятельно продуманные. Уж что может быть благородней!? Не путь, а стезя. Но вдруг с тощим чемоданом, в котором легко уложилось все нажитое, бросается за женщиной, которая еще несколько дней назад не помнила о его существовании, — и куда?! — аж в имперский град Санкт-Петербург, который не снился ему ни в дурном, ни сладком сне.

Где заплутало учительское благоразумие? Куда подевалась провинциальная осторожность? Уж не любовь ли, страсть оголтелая, понесла на огненных крылах Юрия Алексеевича, яко вихрь цыпленка со двора? Вроде давно потух костер, дождями и талым снегом пропитанные угли никак не должны были ожить, мало верилось, что стылое кострище затлело вдруг, заалели головешки и потянулся кверху дымок.

Последние дни Светлана не выходила из его жилья, и на ночь оставалась, да все уговаривала поехать с ней. Светлана загорелась идеей помочь ему заниматься научной работой и обещала создать в Петербурге все условия для этого. Он к тому времени написал несколько статей о преподавании родного языка в школе, которые были опубликованы в «Учительской газете» и получили хорошие отзывы. Сам Малышев до этого времени к своим невеликим трудам относился без всякого гонора — какие-то мысли накопились, вот и записал. Мало ли кто и что пишет в газету! Но Светлана, прочитав заметки Малышева, весьма воодушевилась и увидела в них начало научных поисков.

А поскольку была женщиной пылкой, то сумела на каком-то подсознательном уровне внушить свою уверенность простодушному Юрию Алексеевичу. «А отчего бы и не попытаться?» — мелькнула мысль в голове Малышева и осталась там, зацепилась за какой-то крючок самолюбия. Любому ефрейтору можно внушить, что быть ему генералом, если за это возьмется женщина.

Впрочем, Юрий Алексеевич не был уверен, что именно это пробудило охоту к внезапному путешествию или что-то другое. Из родного городка он выехал вместе со Светланой самым ранним рейсовым автобусом, будто сбегал и опасался свидетелей. Спроси его тогда — куда он навострился и чего ради, так ведь не ответил бы, потому что во множестве допустимых причин главный-то резон определить не мог. И сегодня Малышев не ответил бы тоже.

А ведь на этот день Светлана и Юрий Алексеевич уже сыграли бы свадьбу в узком кругу друзей, как намечалось, в Питере, но погода чего-то задумалась, напустила густого тумана и застыла в задумчивости, а жених с невестой застряли в аэропорту и убивали время под затеи остроглазого Павла Савельевича Щекулина и вальяжные откровения знаменитого артиста.

Странный тип

Никогда прежде Юрий Малышев не летал самолетами, ни разу не бывал в таком большом аэропорту, и все было внове для него — и вынужденное ожидание из-за тумана, и знакомство с непривычными для провинциала людьми, и само времяпрепровождение с ними. Предложенная Павлом Савельевичем игра — угадывание по одной только внешности, кто из пассажиров кем может быть, — особенный азарт вызвала при появлении человека с букетом, который сыграл в сегодняшней жизни Юрия Малышева непредвиденную роль. Сомнения по поводу своего бегства из дома его не оставляли. Кому-то смешными показались бы они — как можно маяться подобной дурью рядом с женщиной, которой мизинцем поманить, и побежит за ней мелкой рысцой любой мужчина? Но Юрий Алексеевич был человеком робким и неопытным, его маету понять можно.

Что судьба — злодейка, знают все по опыту, потому что каждому хоть раз да насолила она, однако нередко в минуты смятения и растерянности она же и приходит на помощь. Такой случай выпал на долю и Малышеву Юрию Алексеевичу. Потом он сам себе будет признаваться, что если бы не эта встреча, то все бы в его жизни сложилось не так, как ему было надо. А этой встречи не случилось бы, сиди он сиднем дома и не высовывай носа дальше порога. Может быть, и все горести-то наши и печали принимаем мы так тяжко потому, что не ведаем — все в этом мире к лучшему.

Почти одновременно компания заметила среди утомленных ожиданием обитателей вокзала одного довольно-таки странного человека, выделяющегося среди других своим отчужденным поведением и костюмом. Он был чуть выше среднего роста, худ и несколько сутул, одежда на нем говорила о крайней бедности. Он, видимо, старательно почистил свой коричневый пиджак и прогладил брюки, наведя острые стрелки, но пятна не вывелись, материал лоснился от долгой носки, да и местами так проходился, что выступили белые нитки основы. Рубаха тоже была чисто выстирана и проглажена, но воротник по верху заметно лохматился.

В руке же этот человек держал отлично подобранный букет, который по нынешним временам стоил немалых денег. Очень дорогие цветы и стоптанные донельзя туфли не очень-то объясняли, кто же он таков. Чудак, как

тут же окрестил его Щекулин, остановился в дверях в некотором смущении и прижимал к груди букет, как ребенка, да еще с таким видом, словно опасался, что отберут.

Он оказался неподалеку от той скамьи, на которой расположилась компания раскинуть карты. Щекулин держал на коленях плоский портфель, похожий на планшет, слева и справа от него сидели Светлана и Сергей Сергеевич, а Юрий Алексеевич расположился напротив, на соседней скамье. Все четверо тут же забыли о картах и стали строить предположения относительно этого человека.

— А ведь породист, — заметил в своей манере важно именитый артист. — Приглядитесь к лицу… Профиль-то, профиль! Прямо благородство некое...

— Да неужто? — насмешливо отозвался Павел Савельевич Щекулин, острым взглядом, как бритвой, полоснув незнакомца с ног до пят, и заключил: — Типичный бомж. Подобрал на кладбище цветы и продает.

Возможно, он был прав, но Юрию Алексеевичу в это не хотелось верить, потому что чудак был странным образом чем-то приятен. Малышев мысленно согласился с артистом — в осанке и жестах этого человека было что-то от породы или школы. Так военная выправка выдает служивого, хоть ты его в бабье тряпье наряди. Но этот был не армейский тип, ему подошел бы смокинг. Может, из бывших дипломатов. Кто его знает! Или выбитый из кресла начальник…

В зале, который был так велик, что люди и пристройки казались непомерно мелкими, народу было много, однако не замечалось суеты, в основном все сидели среди вещей и выглядели сонными от долгого ожидания. Полная женщина в синем кителе с погонами шла, как лунатик, прямо на человека с букетом и задела бы плечом, не отступи он на шаг.

— Берлинский рейс еще не был? — с уважением спросил он эту женщину.

— Я вам не справочная, — бросила женщина и пошла дальше с какой-то своей обидой.

— Извините, — чуть поклонился незнакомец ее широкой сутулой спине.

Посмотрев по сторонам, он заметил справочную и поспешил туда. Полученное сведение явно его огорчило, и он вялой походкой отошел от окошка.

— Кого-то встречает, — пожала плечами Светлана и настороженно поглядела на Юрия Алексеевича.

Рейсы то и дело откладывались, и она все заметнее нервничала. Малышев понимал, чего она опасалась. Ей удалось уговорить его бросить все, чтобы начать с нуля, но порыв может остыть, и тогда выползут сомнения. Светлана, естественно, боялась, что Малышев передумает и захочет назад в свой городок, где стоит домик на окраине с яблоней под окном. Дворик обнесен дощатым забором, тесен, и ничего в нем не растет, кроме этой яблони, под которой темнеет грубо сколоченная скамейка. «Сколько ни сижу, а ни одно яблоко не упало на голову», — шутил Малышев над собой. Светлане хотелось скорее улететь, чтобы и этот городок, и этот скучный дворик оказались далеко и стали угасающим воспоминанием.

— Встречает? — удивился Щекулин. — Да я сейчас подойду и куплю букет. Хотите?

— Не делайте этого, — строго осекла доброхота Светлана.

— Вы прямо испугались будто, что пойду, — пристально заглянул в глаза Светлане детектив. — С чего бы это?

Вроде и шутливо спросил, а Юрию Малышеву не понравилось его любопытство. Он и прежде замечал, что Щекулин не выпускал Светлану из виду, даже глядя в сторону. Такое создавалось впечатление, что каждое ею сказанное слово хватал на лету и тут же вглядывался в лицо, словно хотел угадать, что за этим словом стоит. И явно не чары Светланы проняли юриста, а что-то

ему хотелось выпытать у нее, но прямо спросить, видимо, не осмеливался, оттого похож был на человека, который мысленно решает задачку и каждую подсказку ловит, как щука плотву.

— Кого может встречать такой тип? — смягчил свой прежний вопрос Щекулин и улыбнулся Светлане. — Не хочу спорить, но я прав.

— Сомневаюсь, — не согласился Сергей Сергеевич. — Я на стороне Светы. И впрямь не торгует. Но и не приятеля встречает, не мужчину. С таким букетом встречают только женщин, господа.

Сергей Сергеевич победно посмотрел на всех, поворачивая рывками высоко поставленную голову и очень при этом напомнив сытого гусака.

— Хотел бы я посмотреть на эту графиню! — усмехнулся Щекулин. — Кто теперь самолетами летает? Кому по карману?

— Вы бросили хорошую подсказку, — подхватил Сергей Сергеевич. — Кажется, я знаю истину. Театр был на гастролях. Она прима. Он дворник при том театре. Или гардеробщик. Страстный поклонник капризной примы. И вот купил роскошный букет на сэкономленные деньги. На хлебе и воде сидел целый месяц.

— Театры нашего города, — прервала фантазию артиста Светлана, — на самолетах нынче не летают.

— Ах, эти женщины! — с барственным жестом воскликнул Сергей Сергеевич. — Всякое логическое построение тут же и разрушат. А почему? Да потому, что состоят из одних эмоций.

Человек с букетом временами так был занят своей внутренней тревогой, что явно никого не видел вокруг себя, нервно ходил, начинал жестикулировать, но замечал настороженное внимание к себе и притихал, стараясь найти место, где бы не так бросался в глаза.

— О, черт! — с досадой воскликнул Щекулин.

— Да что такое? — даже вздрогнул от неожиданного восклицания Сергей Сергеевич.

— Дело в том, что я этого человека встречал раньше. Но когда и где?

— Вспомните! — воскликнул Сергей Сергеевич. — У вас должна быть профессиональная память. А меня просто-таки разбирает любопытство, кто же та женщина, которую он встречает.

— Теперь не успокоюсь, пока не вспомню, — кусал кончик мизинца Щекулин.

Посмотрев на безучастного Малышева, Светлана потеряла интерес к разговору и взяла колоду карт.

— Да оставьте вы его, — сказала она со сдержанным раздражением. — Какая женщина! О чем вы говорите, Сергей Сергеевич? Здоровый мужчина, еще молодой, и так опустился. Современная женщина такого типа за версту обойдет.

Последние слова почему-то вызвали в душе Юрия Малышева несогласие, и тут же вспомнилась женщина в сером платке, которая в омертвелой неподвижности сидела под яблоней на скамейке, когда-то сколоченной его неумелыми руками. У ног ее лежали паданцы, сыпал мелкий осенний дождик, еще теплый по эту пору, и забор потемнел от сырости, стал еще более скучным, даже мрачным, как тюремная стена. Женщину звали Евдокией.

— А ведь мы бомжа упустили, — заявил Щекулин.

И он комично развел руками. Все одновременно глянули в ту сторону, где должен был стоять незнакомец с букетом, но там его не оказалось.

— Досадно, — огорчился Сергей Сергеевич и покрутил головой, вытянув шею, но никого не углядел. — Ах, как жалко!

— Господи, когда же распогодится, — вздохнула Светлана и положила на чемодан колоду. — И карты осточертели!

— Вот что, господа! — шумно хлопнул ладонями по коленям прославленный артист. — Не выпить ли кофию по такому случаю? — Он срифмовал, дважды сделав ударение на «ю». — Можно и с коньячком.

Сергей Сергеевич показал из нагрудного кармана плоскую фляжку.

Компания который раз поднялась на второй этаж и прошла в буфет. Высокий столик в углу оказался свободен, и четверка расположилась вокруг него. Щекулин вызвался устроить кофе и ринулся к буфету. За это время Сергей Сергеевич успел рассказать, как ему вручали орден в Кремле и как он остроумной шуткой рассмешил президента.

Подошел Щекулин с подносом, на котором дымились четыре чашечки кофе.

— А где коньяк? — спросил он.

Извлекая из кармана фляжку, выкручивая пробку и наливая по чашечкам понемногу, Сергей Сергеевич сожалел:

— У меня богатый жизненный опыт. Какие были истории! Записать бы… Ах, как надо бы запечатлеть на бумаге! И все нет времени.

Он посмотрел на Светлану, держа горлышко фляжки над ее чашкой. Светлана согласно кивнула, и он плеснул коньяку с чайную ложку.

Склонившись над чашкой кофе, Юрий Алексеевич молчал. Он мысленно видел всю ту же тихую женщину в пуховом платке под яблоней. Однажды Юрий Алексеевич вернулся под утро, с приятелями ездил рыбачить на озера, и уже вставив ключ в замок входной двери, оглянулся на шорох. Под яблоней на скамейке сидела Евдокия, накинув на голову свой неизменный пуховый платок, какая-то монашеская покорность была во всей ее фигуре, безропотное смирение. Он подошел к ней, коснулся ладонью плеча.

— Ты же промокла вся.

Дождь уже кончился, но шел он всю ночь, отчего, должно быть, и клев был хороший.

Только потом Евдокия призналась, что ключом не воспользовалась, потому что зарок дала — если дождется под дождем, все у них будет хорошо. Расскажи про тот случай Светлане, посмеется: «Мало ли дур?»

Женщина в белом фартуке, не первой и даже не третьей свежести, вытирала мокрой тряпкой соседний стол. Она поглядывала на Сергея Сергеевича, явно признав. И совершенно внезапно, стремительно откуда-то возникнув, к ней бросился человек с букетом. Компания так и застыла, увидев его.

— Простите, — заговорил он взволнованно, обращаясь к женщине с мокрой тряпкой. — Вы можете мне помочь? Самолет задерживается. А цветы... Они начинают... Вы видите? Надо их в воду. Я очень прошу вас, поставьте их в воду.

Уборщица с недоумением смотрела на странного просителя. Первым делом она, не стесняясь, окинула его взглядом. Одежда нахала, буквально налетевшего на нее, навела на определенные мысли.

— А ну убирайся, — потребовала уборщица.

— Да я вас очень прошу, — взмолился мужчина. — Я сам пробовал, побрызгал, но это не поможет, их надо в сосуд с водой. Они увянут.

— Не слышал, что я сказала? — повысила голос женщина. — Выметайся живо, алкоголик!

— Какой же я алкоголик? — не успокаивался мужчина. — Пожалуйста, поставьте в воду. Разве это так сложно?

Женщина заметила — на нее смотрят четверо, что стоят за соседним столом. Она улыбнулась им, надеясь на понимание.

— Нашел служанку, — сказала она, обращаясь больше к Сергею Сергеевичу. — Его цветы поставь, другие принесут. Тут не цветник, а буфет.

И она двинулась на явного наглеца, помахивая мокрой тряпкой, словно отгоняла из своего огорода чужого хряка.

— Иди, иди, гуляй. Не то милицию позову. Еще за цветы получишь. Небось, украл и у меня решил спрятать. Нашел дуру.

И тут Сергей Сергеевич почувствовал, что пора ему выходить на сцену. Он посмотрел на Светлану. Потом важно двинулся к женщине, позвав в прононс:

— Мадам!

Та застыла, отведя за спину руку с мокрой тряпкой. Сергей Сергеевич неторопливо подошел, вытянул из кармана купюру и протянул:

— За услугу. — Потом он показал пальцем на букет и добавил: — Поставьте в воду.

— Ну, если вы просите, — расслабилась женщина. — Я вас сразу узнала. Скажу мужу, не поверит, что разговаривала с вами. А денег я не возьму. Да вы что?

— Берите, берите, — настаивал Сергей Сергеевич и сунул купюру в карман фартука. — Купите шоколадку, попьете с мужем чаю вечерком при телевизоре.

Сергей Сергеевич взял из рук мужчины букет и осторожно передал женщине.

— Для вас я, пожалуйста, — закивала женщина. — Я вас как увидела, так прямо обомлела.

Она пошла в сторону кухни, оглядываясь и тем подтверждая, что все исполнит в точности, как попросил артист. Растроганный счастливым поворотом судьбы, хозяин букета шагнул к Сергею Сергеевичу и зашептал:

— Мне неловко просить вас, но если бы вы проследили. Ведь поставит не так.

— Мадам! — подал раскатистый голос Сергей Сергеевич.

Та стремительно обернулась.

— По первой просьбе вернете ему в лучшем виде, — повелел Сергей Сергеевич.

— Да уж не тревожьтесь, — уверила женщина. — Уж сохраню. Цветы-то свежие, зря испугался.

И она скрылась за перегородкой.

— Благодарю, благодарю, — быстро проговорил мужчина и бросился из буфета.

Но Сергей Сергеевич не успел вернуться к ним, как странный человек так же стремительно ворвался в буфет и подошел к нему.

— Не сомневайтесь, деньги верну. И в ближайшие часы.

И тут же удалился в порывистом движении.

— Странно, — произнесла задумчиво Светлана и отпила кофе.

— Что странного нашли, Светлана? — любезно спросил очень собою довольный Сергей Сергеевич, подойдя к стойке. — Видать, не повезло человеку при нынешнем рынке. Да уж такова действительность — кто выплывет.

— Он так не думает, — продолжила свою мысль Светлана. — Мне показалось, в нем гордости много.

— Какой гордости? — насмешливо спросил Щекулин Светлану. — Куда, вы думаете, пошел? А я скажу. Бутылки соберет и сдаст... Не то меня мучает. Не то!

— А что же? — спросил Сергей Сергеевич, все еще не остывший от недавнего триумфа, от прекрасного выхода на сцену.

— Этого не может быть, — заявил Щекулин, — но это он.

— Кто? — спросила Светлана.

— И он меня признал, — напористо, как напавшая на след гончая, продолжил Щекулин. — На миг глазами встретились. И признал! Меня не проведешь. Но этого не может быть.

— Отчего не может быть? — не понимал Сергей Сергеевич. — Объясните толком.

— Он помер, — сказал Щекулин. — Преставился. Отдал концы. Откинул копыта. Отбыл в мир иной. Оттуда не возвращаются.

Что-то уж больно всполошился в чувствах детектив, словно испугался, что какой-то давний знакомец мог оказаться вовсе и не покойником, а вполне живым, как сам Щекулин.

— Он признал меня, — почему-то зло повторил Щекулин. — Я по глазам видел. Это он. Но этого не может быть.

— Так «он» или «этого не может быть»? — не выдержал Юрий Алексеевич.

— Этот человек, — Щекулин показал пальцем в сторону ушедшего оригинала, — бросил под ноги смазливой бабе свое положение, власть, карьеру... С охраной ездил. Большим тузом был. И все под ноги. А она его — под зад. Вот так!

— Как его зовут? — сощурила глаза Светлана, сама пытаясь вспомнить.

— Дмитрий Евгеньевич Стахов, — отчеканил Щекулин чуть ли не по слогам. — По крайней мере — так звали покойника, который может оказаться совсем даже не покойником.

— Я же сама читала некролог! — воскликнула Светлана. — Мертвые не ходят с букетами, насколько мне известно.

Почувствовав, что невольно перешел на второй план, Сергей Сергеевич решил напомнить о себе и вернуть главную роль.

— Коли был некролог, значит — не тот, — важно повел он рукой. — С некрологами не шутят даже в наше время. Я вас уверяю. Но я встречал поразительно схожих людей. Ну, просто как две капли воды. Не различить при всем старании. А люди оказывались совершенно чужими, никакого родства не имели.

— Дорого бы я дал, — вздохнул Щекулин, — чтоб узнать, кто таков.

— Подойдите да и спросите, — предложила Светлана.

— А если это он?

— Чего-то боитесь? — в голосе Светланы прозвучала насмешка. — Чего?

— У меня возникло предположение! — озарился вдохновеньем Сергей Сергеевич. — Он только что из заключения. Вернулся, отсидев эдак лет семь. А до срока у него была женщина. И он встречает ее, прибежав сюда от тюремных ворот. Женщина, которую он встречает, не бедна. Иначе не летала бы самолетами. И на наших глазах произойдет встреча зека с любимой женщиной. Какая сцена! А? Преуспевающая дама и бедняк, неудачник.

— Ну, Сергей Сергеевич! — с досадой воскликнула Светлана, быстро глянув на Малышева. — Умерьте свои фантазии.

Знаменитый артист и понять не мог, чего она так испугалась, почему с такой опаской глянула на Юрия Алексеевича. А дело-то было в том, что Светлана многого добилась в бизнесе, вполне могла назвать себя состоятельной дамой, а Малышев был сельским учителем, которого совсем-то уж нищим не назовешь, однако в достатке никак не уличишь. И уж больно не хотел он быть примаком, никак этого не желал, потому долго не соглашался ехать с ней. По его провинциальным понятиям — добытчиком в семье должен быть мужчина и никак иначе. Но Светлана не могла остаться в городке, потому что дело-то было в Петербурге, и Юрий Алексеевич уступил ее настойчивой

мольбе с трудом, в одно поверив, что там без дела не останется, на ее шею не сядет. У него даже на билет не хватило денег, и он летел за ее счет.

Намек Сергея Сергеевича насчет богатой дамы и бедняка прямо-таки испугал Светлану. Она не могла не заметить, что Малышев все это время не светится от радости, его пасмурное настроение одно могло значить — так он и не отошел от сомнений. Взбредет в башку, и пойдет пешком обратно. Там его ждут — еще бы! — и школа с протекающей крышей, и хоромы в две комнаты, и главное — яблоневый сад об одно дерево, которое давно пора срубить. Это ж прямо рай! Светлана помнила, что в том раю есть еще и женщина со стылыми глазами, но не хотела брать ее в расчет. Малышев мужик, монашеского обета не давал. Вот и приходила какая-то неприкаянная бабенка. Заодно молоко приносила. Ну, какая она Малышеву пара! Глупа же, как деревенская корова. Ну да! Как будто бывают городские коровы, к тому же умные.

В находчивости Сергею Сергеевичу отказать было никак нельзя. Он уловил чутьем, что промазал, не попал в десятку, и тут же нашел выход.

— А не прогуляться ли нам, господа? — предложил он и приглашающим жестом широко повел рукой.

Все четверо молча спустились со второго этажа и вышли на улицу. Туман стал еще гуще, в нем размытыми пятнами выделялись огни фонарей и призрачно светились окна. Компания двинулась по пешеходной дорожке в сторону от вокзала. Сергей Сергеевич пристроился к Светлане, они шли впереди, а Малышев оказался рядом с Щекулиным.

— Вы помните фильм «Гранатовый браслет»? — начал бархатистым голосом знаменитый артист. — Хотя давно это было… Ну, рассказ-то читали, надеюсь. Трогательный и бедный юноша безответно влюблен в княгиню. Это лучшая вещь Куприна. Хотя Александр Иванович весь хорош. Весь! Согласны? Какие поразительные слова в последнем письме Желткова! — И Сергей Сергеевич красиво, даже с чувством произнес: — «Уходя, я в восторге говорю: «Да святится имя твое».

Он задумчиво помолчал, как бы смакуя глоток отменного вина, и продолжил:

— А ведь я должен был играть князя Василия Львовича. И надо же было случиться тому, что сломал ногу. А хромой князь Василий... Сами понимаете. Хотя, хотя… В этом могла быть режиссерская находка. Как я тогда огорчался! Представить не можете. Но все прошло. Потом были отличные роли. Много ролей. Грех жаловаться на судьбу.

— Это вы к чему? — спросил Щекулин, шагая в трех шагах за спиной.

— Да так, вспомнилось, — ответил Сергей Сергеевич и перевел разговор: — А ведь вы, Светлана, так и не открылись, кто по роду занятий. И Павел Савельевич, и Юрий Алексеевич, и я, грешный, как на ладони, а вы — инкогнито.

— Секрета нет, — ответила Светлана. — Я держу дамский салон. Клиентки мои — жены богатеньких мужей.

Узнав, что Светлана занимается бизнесом, Сергей Сергеевич несколько удивился:

— Вы деловая женщина?

— Пытаюсь быть. Вам не нравятся деловые?

— Да увольте! — всплеснул руками Сергей Сергеевич.

После чего неторопливым движением полез в карман пиджака и вынул визитную карточку.

— В знак расположения, — проворковал он, светясь обходительностью. — Мало кому доверяю. Будете в Москве, непременно позвоните. Я свожу вас в Большой театр. У меня там много друзей.

Светлана мельком глянула на визитку, спрятала в сумочку и кивком поблагодарила.

— Если, конечно, — заговорщицки понизил голос Сергей Сергеевич, — молодой человек, следующий за нами, не будет против.

Он оглянулся и с улыбкой посмотрел на Малышева, догадываясь, что он слышит.

Светлана остановилась, пристально посмотрела в глаза многоопытному артисту.

— Этот молодой человек, — четко ответила Светлана, — мой жених. Теперь у меня есть ваш адрес, непременно приглашу на свадьбу. И в скором времени.

При этом даже с каким-то вызовом она посмотрела на Щекулина.

— Вот оно как! — умилился Сергей Сергеевич. — А я все гадаю, кто вы друг другу. В наблюдательности мне трудно отказать, и я смекнул, что вы прежде аэропорта были знакомы, но кто вы друг другу, только теперь стало ясно. Пригласите, приеду. Со спектакля уйду. Прямо прерву монолог, сойду со сцены и устремлюсь в Питер к свадебному столу.

Он остался доволен нарисованной картиной и благодушно рассмеялся, опять поглядев назад, на Малышева.

Светлана взяла под руку Сергея Сергеевича и повела его дальше, а Щекулин остался на месте, удержав за локоть Малышева.

— Вот оно как — жених! — опять решил показать свое изумление Сергей Сергеевич. — Расскажите же, как встретились. Мне всегда интересна завязка. Люди не знают друг друга, но случай сводит их… Какой случай?

Голос его удалялся, Юрий Алексеевич уже не различал слов, одно воркованье, потом и оно затихло. Он посмотрел на Щекулина.

— Ну, и в чем дело? — освобождая локоть, спросил Юрий Алексеевич и почему-то отчетливо увидел в дверях класса опоздавшего Крохина.

С неизменным постоянством этот мальчишка приходил после звонка и с таким же постоянством Юрий Алексеевич обращался к нему с одним и тем же вопросом: «Ну, и в чем дело?» Крохин не оправдывался, не придумывал жутких историй, а с недоумением поднимал плечи и вдавливал между ними голову. При этом Таня Белова с первой парты, круглая отличница, прыскала со смеху в сложенные ковшиком ладоши. Только теперь Юрий Алексеевич заподозрил, что ради этого смеха Крохин и опаздывал.

— Понимаете ли, господин Малышев... — начал Щекулин, средним пальцем правой руки потирая висок. — Я ведь тоже гадал — кто вы ей. В нехорошую историю вляпались, голубчик. Поверьте, я хочу вам добра. Вы человек невинный, мухи не обидите. Это у вас на лбу написано крупными буквами. Но доверчивый. А это плохо. Женщинам вообще нельзя доверять. Они живут не по уму. Сегодня они задыхаются от любви, а завтра — от ненависти. И тоже задыхаются. Да к тому же человеку. Страсти, дорогой, одни страсти! А нам страдать.

— И что дальше? — перебил его Малышев.

— Сидели бы себе в городке, учили бы детишек, — сочувственно произнес Щекулин. — Куда вы полезли? Эта женщина никогда не будет вашей.

— Да отчего же так? — насмешливо спросил Малышев.

— Да потому, дорогой, что все права на эту женщину у другого человека.

— Права?

— Права, права, не ослышались. Значит, скрыла?

— Она была в гражданском браке, я знаю.

— «В гражданском браке», — передразнил Щекулин. — Где вы видели граждан? Не бывает их в волчьей стае. Ну да ладно. Бегите, пока не поздно. Возвращайтесь домой, пока целы.

— Не сами ли вы — тот человек? Ну, с правами?

— Не смешите меня, — с досадой отвернулся Щекулин. — Тот господин с вами и разговаривать бы не стал. Зря не верите мне. Все кончится для вас печально....

— Никуда я не побегу, — сказал Малышев. — Не заяц, не пугливый.

— Я предупредил, — вздохнул Щекулин и широко заулыбался.

Нехорошей была улыбка. Так улыбался, должно быть, тот тип из анекдота, который после долгого сидения все-таки дождался момента, когда мимо его крыльца понесли в гробу лютого недруга. Вот уж счастья привалило!

Возвратились Светлана и Сергей Сергеевич. Светлана испытующе посмотрела на Щекулина, потом на Малышева.

— О чем секретничаете? — спросила она.

— О жизни, — простодушно ответил Щекулин. — Не пора ли картишки разложить? Охота мне отыграться.

— Да, да, — согласился Сергей Сергеевич, — пожалуй, пора возвращаться. Этот туман скверно на меня действует.

— Чувствительный вы человек! — воскликнул Щекулин.

— В карты я — пас, — заявил Юрий Алексеевич. — Еще похожу. Уж вы извините!

И он пошел по дорожке из серых плит, которые в пяти шагах впереди сливались с туманом. Светлана проводила его недовольным взглядом, но не стала останавливать. Она молча прошла в зал ожидания, молча заняла свое место, достала небольшую книжицу в глянцевой обложке, из тех, которыми нынче завалены книжные прилавки, и углубилась в чтение.

— Ну вот, расстроилась компания, — печально произнес Сергей Сергеевич.

Ему никто не ответил, Светлана продолжала читать, а Щекулин чему-то смутно усмехнулся, но ничего не сказал, а откинулся на спинку скамьи и прикрыл глаза. Сергей Сергеевич почувствовал себя в неловком одиночестве, поэтому поднялся и заявил, что подойдет к справочной и поговорит с девушкой, может быть, что-то узнает.

На самом деле его манило окошко по другой причине. Каждый раз проходя мимо, он замечал восхищенный взгляд бальзаковского возраста женщины, что сидела на справке. Теперь выдалась возможность знаменитому артисту пообщаться с поклонницей, у которой и глазки, и ротик, и носик — все враз засветилось радостью при его приближении. Сергея Сергеевича особенно тронуло то, что его почитательница оказалась еще и хороша собой. Впрочем, Сергею Сергеевичу все женщины, которые узнавали его и улыбались ему, казались чертовски хороши. Прямо-таки волшебным образом даже явная дурнушка превращалась в глазах Сергея Сергеевича в писаную красавицу, как только узнавала его и умилялась.

— Ну, я пойду, — повторил Сергей Сергеевич, не дождавшись возражения, и важно двинулся к справочной.

И только Сергей Сергеевич удалился, Светлана, не отрывая взгляда от книги, жестко спросила:

— Кто вы? И что вы сказали ему?

— Кто я — вы знаете, частный детектив, — спокойно ответил Щекулин, не меняя вальяжной позы. — А ему я сказал, что у вас есть Мокий.

— Был Мокий. Был! Он знает. И все?

— Должен вас поправить, — Щекулин открыл глаза и оттолкнулся от спинки сиденья. — Мокий был, Мокий есть, Мокий будет.

— Уверены?

— Это Мокий уверен.

Светлана оторвалась от книги и посмотрела на Щекулина. Они сидели близко, на расстоянии пощечины. Щекулин это почувствовал и чуть откинулся назад.

— Вас послал Мокий? — презрительно спросила Светлана.

— Не кривите губы, — поморщился Щекулин. — Это вам не идет, а на меня не действует. Меня наняли. Это моя работа.

— И что вам приказано?

— Следить за вами. У Мокия нюх, как у гончей. Когда вы поехали в родной городок, он сказал мне: «За ней». Только два слова, и все.

— Так вы что, шпионили за мной?

— Можно и так сказать. Мне все равно.

— При чем его нюх?

— Он вычислил вашего учителя.

— Я и не скрывала.

— Да, но вы говорили — он в прошлом. Оказалось — нет.

— Вы тут же доложили ему?

— Доложил, не доложил — это отдельный разговор. И даже приватный. Для вас хуже другое.

— И что?

— Я заметил, — заявил Щекулин, — что этот школьный учитель боится будущего, трусит ехать с вами. Я знаю эту породу провинциальных умников. Такие люди не приживаются в мегаполисах. Они там теряются в толпе, а привыкли быть на виду. Я вам не советую…

— Не нуждаюсь в советах, — довольно резко оборвала Светлана.

— Я вам не советую, — спокойно продолжил Щекулин, — доверяться чувствам. Юрий Алексеевич вам не пара. Это со стороны хорошо видно. Вы скоро пожалеете, что поддались настроению.

— Это не ваша забота.

— Лучший выход — поехать со мной. Билеты я сдам в один миг. Мокий будет рад.

— К Мокию я не вернусь. Боже мой! И этот проклятый туман!

— Подумайте трезво, Мокий достанет вас и в Питере. Вас не спасет замужество. Вы все равно будете платить ему тем, чем платили раньше. Пожалейте бедного Малышева. За что его делать рогоносцем?

— Заткнись!

— Ну, не груби, Агапова. Давай без хамства. Ты меня мало знаешь, а у меня на тебя — целое досье. И ведь даже не догадываешься, какой я твой друг.

— Друг нашелся! Чтоб все вы сдохли!

— Придет время, сдохнем. А пока слушай меня, Агапова. Мокий пока не знает, что ты прямиком поехала в аэропорт мимо его дома. Да еще не одна, а с этим учителем.

— Что это меняет?

— Мокию скажешь, что вернулась из городка только-только, что земельный участок оформила, а по нему, по Мокию, очень соскучилась.

— А за твое молчание много ли?

— Это пустяки! За услуги беру сносно. Договоримся. Главное — все будет шито-крыто. А Малышев с радостью вернется к своей пассии. Ты хоть знаешь, что у него там осталась зазнобушка?

На вопрос Светлана не стала отвечать, а хмуро спросила:

— А если не поеду с тобой?

— Тогда я позвоню Мокию. Дальше ты сама знаешь. Он приедет с охранниками. Возьмут тебя под белые ручки и увезут.

Бедная женщина потерянно оглянулась в надежде увидеть Юрия Алексеевича, больше никто не мог ей помочь, но тот исчез, словно испарился. Нашел время для прогулки!

Знакомство

Проходя краем стоянки для автомашин, Юрий Алексеевич увидел мужчину, который пытался вытащить из багажника своей машины ящик. У него не хватало сил, и он обратился к стоящему в трех шагах человеку:

— Эй ты, подсоби. Тебе говорю!

Тот человек явно ждал, что его позовут на помощь, но ответил с неожиданным гонором:

— Не смейте «тыкать»!

— Я же заплачу, блин, — огорчился хозяин машины, и в голосе его прозвучали просительные нотки: — Ну, помогите, прошу вас…

Не говоря более ни слова, человек подошел к багажнику. Может быть, ему стало просто жаль хозяина машины, который без посторонней подмоги не управился бы с ящиком. Вел он себя именно так — снисходительно. Это был Дмитрий Евгеньевич Стахов. Теперь уже Юрий Алексеевич не смел выпустить его из виду, потому остановился, чтобы проследить за дальнейшим. Стахов нес ящик, прижимая к животу, и со стороны было видно, как ему тяжело.

— Стой! — крикнул хозяин машины.

Стахов остановился. Хозяин копался в багажнике. Стахов стоял с тяжестью в руках. Хозяин все копался, не спешил. Может, мстил за окрик, за нахальную снисходительность. Видно же — бомж, а чего-то из себя строит! Стахов ждал. Хозяин зачем-то полез в салон машины и стал рыться в бардачке. Тот еще был фрукт! И тогда Стахов опустил ящик на асфальт, прямо в лужицу, и пошел прочь. Хозяин ящика тут же это заметил, рванул от машины.

— Ты что, пришибленный?!

Но остановился и умерил прыть, увидев, что Юрий Алексеевич устремился к Стахову. Откуда ему знать, может, подельники!

— Дмитрий Евгеньевич! — окликнул уходившего Стахова Юрий Алексеевич. — Простите.

Остановившись, Стахов неторопливо обернулся, пригляделся к Малышеву и, должно быть, вспомнил, где его видел.

— Что вы хотите? — спросил он без интереса.

— Я хотел сказать, что Сергей Сергеевич от вас денег не возьмет. Ни за что не возьмет.

— Спасибо за информацию, — сказал Стахов и двинулся в сторону здания аэровокзала.

Пристроившись рядом, Юрий Алексеевич стал уверять:

— Я заговорил о деньгах — это глупо. Но вам не нужно беспокоиться. Я что хотел сказать? Сергей Сергеевич очень доволен был своим поступком. Он обидится, если вы вернете деньги.

— Вы меня окликнули по имени-отчеству, — сказал Стахов и посмотрел на Юрия Алексеевича. — Значит, они узнали меня?

— Щекулин, — быстро ответил Юрий Алексеевич, — Щекулин узнал. Но сомневался, потому что, потому что…

— Потому что я умер? — помог Стахов.

— Да, они говорили об этом. Щекулин сказал, что и вы его признали.

— Когда-то я был знаком с ними, но, как говорится, — шапочно. Нет, нет, актера знаю по кино, как все. А с этими судьба столкнула. Они кто вам?

— Щекулин никто. Познакомились на вокзале. А так — никто. А женщина…

— Кажись, Агапова? Не ошибаюсь?

— Да, да, Светлана Агапова. Мы с ней в школе учились, в институте. Жили совместно. Потом надолго расстались. А вот теперь решили брак оформить. Такие у нас намерения. Меня, кстати, зовут Юрием Алексеевичем. Малышев.

— Юрий Алексеевич, — повторил Стахов и покивал головой, словно подтверждая, что запомнил.

У ярко освещенного входа Стахов остановился и уставился, чуть откинув голову назад, на Малышева. И только теперь Юрий Алексеевич разглядел аскетическое лицо Стахова, на котором сразу притягивали к себе темные сосредоточенные глаза. Юрий Алексеевич даже не сразу понял, что же такое в них было, в этих глазах, но тотчас поверил им, то есть подумал про себя, что люди с такими глазами никогда не врут и ничего не боятся. Они все понимали, эти глаза, возможно, каким-то огромным страданием обученные видеть то, что есть на самом деле, не сомневаясь и не обманывая себя.

— Вы другой, — задумчиво, словно в забывчивости сказал Стахов и тут же спохватился. — Хотя не мое это дело — кто на ком женится. Желаю вам всего хорошего!

— Вы спешите? — спросил Юрий Алексеевич.

— Да собственно, нет. Куда мне спешить?

— И мне тоже.

— Чем же это Щекулин задел ваше любопытство?

— Почему решили, что задел?

— У вас на лице написано.

— Да. Вы правы, он говорил…

— И что же сообщил обо мне?

— Что вы пострадали из-за женщины. Простите...

Стахов двинулся вдоль стеклянной стены, передумав заходить в здание. Малышев пошел рядом.

— Значит, я пострадал из-за женщины? — неопределенно произнес Стахов, скорее обращаясь к самому себе.

— Щекулин сказал, что вы бросили под ноги женщине все — власть, положение, деньги…

— Даже деньги? — покачал головой Стахов. — Надо же — какие страсти!

— Я чувствую, вы посмеиваетесь надо мной. Ну и посмеивайтесь на здоровье, а я поверил.

— Поверили, что можно бросить все под ноги женщине? И без всякой корысти?

Говорил Стахов вроде бы серьезно, однако улавливалась в его голосе скрытая, но явно уловимая усмешка. Это опечалило Юрия Алексеевича, потому что его потянуло на откровенность с этим человеком. Он даже не задавался вопросом — с чего бы?

— Вы замечали у русского интеллигента привычку всегда искать сравнение из литературы? — быстро заговорил Юрий Алексеевич. — Живых подлинных людей мы находим похожими на Митю Карамазова, Обломова или на Собакевича и Плюшкина. Не правда ли?

— Прежде замечал, теперь нет, — ответил Стахов с той спокойной уверенностью, которая отбивает охоту спорить.

— Почему прежде? — все-таки спросил Юрий Алексеевич.

— Теперь классику не читают. Ни Пушкина, ни Гоголя…

— Я почему-то тут же вспомнил Федора Протасова из «Живого трупа» Толстого.

— Уж не меня ли с ним сравнили?

— Но бросили же под ноги…

— Какое там — «под ноги»! И ничего я не бросал. Я поступил весьма эгоистично. Простите, но вы преподаете литературу. Не так ли?

— И язык. А что?

— Вот и сравнения ваши из литературы… Я не ошибусь, если скажу, что вы из провинции.

— Не ошиблись. Я из маленького городка Лежавы.

— Тихая, спокойная жизнь. День похож на день, и так из года в год. А в романах страсти, убийства, пламенная любовь. И тот мир куда как занятней. Вот он и занимает вас больше, чем реальность.

— Вы опять посмеиваетесь надо мной?

— Нет, нет. Вы мне напомнили…

— Кого? — настороженно спросил примолкшего Стахова Юрий Алексеевич.

— Когда-то я знал учителя из маленького городка. Он тоже преподавал литературу и язык. И жил среди героев любимых писателей. Его многое не устраивало в реальной жизни, но он очень любил свою учительскую работу, отдавался ей весь до последней клетки и верил, что из его учеников вырастут настоящие русские типы, населявшие Россию Тургенева и Толстого. Николай Семенович — так звали его. Он был моим учителем. А вы? Вы-то верите, что из ваших учеников…

— Нет, — поспешно ответил Юрий Алексеевич и даже помотал головой. — Иногда они пугают меня.

— Чем же?

— Даже в отвратительных героях классиков мерзость человечна. Вы понимаете? У мерзости есть корни. Мерзость можно объяснить. А все, что можно объяснить, можно поправить. А сегодняшнее зло я не понимаю. Оно возникает вдруг, без причин. Внук, четырнадцати лет парнишка, безобидный с виду, убил деда, чтобы завладеть его пенсией.

— Вы знали деда?

— Мы все в городке друг друга знаем. И мальчишка был в моем классе. А дед? Ну, что дед? Работал на земле. Вот и вся его жизнь.

— Давно это случилось?

— Да уж год назад.

— А вы все не отойдете?

— Я же его учитель. Понимаете? Тут и моя вина, выходит.

— И вы убежали от своих учеников? — хитро спросил Стахов.

— Как убежал? — растерялся Юрий Алексеевич. — Так я не думал. Этого в голове не было. Нет, так вопрос не стоит.

— Но вы бросили своих учеников. Это же факт? Но ради чего?

— Я уже вам говорил…

— То есть, поехали за женщиной?

— Светлана не случайная для меня женщина.

— Ну да, вы были знакомы прежде. И захотели продолжения?

Собеседник, на которого Юрий Алексеевич накинулся с вопросами и хотел узнать, как этот человек с неких высот опустился до полного безденежного состояния, повернул разговор так, что уже самому Юрию Алексее-

вичу потребовалось объясняться. Ему почему-то не хотелось, чтобы Стахов думал, что Юрий Алексеевич ринулся в новое и светлое будущее, даже не подумав о своих учениках. Да, они были большие шалопаи, тошнотворный прагматизм детей удручал, их животно-растительные требования к жизни злили, но он любил этих Машек, Ванек, Танюшек, Сережек…

Не вина, а беда их, что они попали в такие времена, от которых взрослые растерялись, а потому не могли дать ни одного толкового ответа на беспокойные вопросы, а долдонили старые истины, красивые, как бабкины кружева, но изъеденные молью, а потому непотребные. Хотя чего уж так набрасываться на старые истины? Может быть, вся неустроенность жизни и произошла оттого, что отвергли их, а новых не нашли, потому что их в человеческой природе нет.

— Надо жить честно, — не раз повторял сам Юрий Алексеевич. — Жить по совести.

И видел по отсутствующим глазам детей, что слова его падают, как семена в песок в пору засухи, что дети жалеют его, потому что он учитель и вынужден говорить правильные слова, тогда как сама жизнь неправильная, и они знают это гораздо лучше, потому что не по книгам судят. На победу нет запрету. Главное — схвати ее, а уж как она далась, это неважно.

Может быть, Юрий Алексеевич в какой-то момент понял, что он никудышный учитель, даже вредный, со своими литературными понятиями, если его ученик Мальков убил собственного деда по наущению старших дружков, которым хотелось выпить. Вот и бросил работу Малышев. Вроде логично, продуманно, взвешенно. Но ведь собирается писать статьи про то, как правильно надо учить детей в школе. А тут где логика?

— Может, горячего кофе? — предложил Юрий Алексеевич.

— Нет, — поспешно, даже чуть испуганно ответил Стахов. — Я не хочу…

Он не договорил, но Малышев догадался, что опасается снова оказаться перед компанией.

— Но меня мучает один вопрос. Я хотел бы спросить вас, Юрий…

— Спросите. За чем дело стало?

Но Стахов почему-то раздумал спрашивать, а сказал:

— Идите к своим. Вас потеряли. Не прощаюсь, я вас найду.

От неожиданности Юрий Алексеевич даже возразить не успел, Стахов тут же отошел от него и направился к входу.

Какой вопрос? И почему он мучает его?

Короткий блеск молнии

Предчувствие не обмануло Стахова. Если бы он принял предложение Юрия Алексеевича и поднялся в кафе, то тут же и столкнулся бы с компанией, которая в очередной раз смаковала кофе с коньячком.

— Да куда же он запропастился? — недовольно проговорила Светлана и посмотрела на часы. — Сколько можно гулять?

— И часа не прошло, — добродушно успокоил артист. — Это потому кажется долго, что в ожидании время тянется медленней. Странное свойство времени! То оно летит, то еле движется. И все зависит от нашего настроения. Я вообще допускаю мысль, что никакого времени нет, а есть одни только наши ощущения.

— Паспорт при нем? — спросил Светлану Щекулин и тем грубо сбил Сергея Сергеевича, который в прекрасном состоянии духа после трогатель-

ной беседы с дамой из справочной решил поделиться некоторыми мыслями о времени, только что возникшими в голове. Они казались ему исключительно интересными.

— Паспорт? — поморщилась Светлана и посмотрела на Щекулина с раздраженным непониманием.

— Если паспорт при нем, то мог убежать, улепетнуть, смыться, — предположил Щекулин, мелко перебирая пальцами по столу. — Непредусмотрительно вы поступили, голубушка. В таких случаях надо забирать паспорт. И уж тогда он был бы как на привязи.

Широко разведя руками, Сергей Сергеевич выразительно, как на сцене перед публикой, изумился:

— Что с вами, Павел Савельевич? Юрий Алексеевич милейший человек. Как можно? Какой паспорт?

— Я знаю, о чем говорю, — ответил Щекулин артисту в своей новой развязной манере. — Милейший ваш Юрий Алексеевич пескарь, и не более того. Его нельзя вытащить из тины. Уж я-то в людях разбираюсь!

— Да что вы? — начал было возражать Сергей Сергеевич, глядя на Светлану, однако Щекулин не дал ему договорить.

— И не спорьте зря, — махнул рукой Щекулин. — Провинциал живет привычками. И как только лишают его привычек, так он тут же и теряется. Уверен, что Юрий Алексеевич сидит в автобусе и катит подальше от нас, радуясь свободе.

— Какой свободе? — заметался взглядом в растерянности Сергей Сергеевич. — Что вы говорите?

— Павел Савельевич пошел в наступление, — насмешливо произнесла Светлана, допивая кофе и неприязненно глядя на Щекулина. — Уж тут он ни с кем считаться не будет.

— А почему я должен с кем-то считаться? — насмешливо спросил Щекулин. — Я на работе. И мне жалко терять время попусту. Я ответа жду.

— Я вижу, — встрял снова Сергей Сергеевич, — между вами что-то произошло в мое отсутствие. Но не надо, не надо…

Он дряблой ладонью коротко отмахивался, словно отгонял нечто невидимое и неприятное.

— Чего не надо? — в упор и с раздражением спросил Щекулин.

— Не хами, — оборвала Светлана. — Сергей Сергеевич ни при чем.

— Я просто вежливо, очень культурно спросил уважаемого артиста — чего не надо? Какое же это хамство?

— Злостью себя накалять не надо, — ответил Сергей Сергеевич и продолжил примирительно: — Знаете что, друзья? Спешить нам некуда. И вообще — никогда не нужно спешить. Слово не воробей… Я вам одну историю расскажу. Очень она поучительна была для меня. Можно ли?

— Ну конечно, — ответила Светлана и даже изобразила на лице интерес, хотя явно мысли ее были заняты другим и тревожным.

— Послушаем, — согласился Щекулин и многозначительно посмотрел на Светлану. — А я пока решу, как мне быть дальше. Так что вам слово, Сергей Сергеевич.

— Лет мне было сорок, — начал Сергей Сергеевич. — Я отдыхал на даче одной моей знакомой. Погода стояла чудная. Я много бродил по лесу, уходил в поля, пропадал у реки. Чудное было время! Однажды куда-то забрел далеко и примитивнейшим образом заблудился. А погода стала портиться, надвигалась гроза. Я шел через поле. Вразброс стояли одинокие высокие дубы с пышными кронами. Я шел по тропе, выглаженной до мелового блеска

подошвами селян. Встретилась пожилая женщина с авоськой. Я спросил, правильно ли иду к дачному поселку. Она ответила, что тропа сама выведет меня, только не надо сворачивать никуда. И я пошел дальше. Тут внезапно ударил одной мощной волной ветер, подняв клубы густой пыли. Природа вмиг изменилась, скрылось солнце, в небе заклубились черные тучи, ударил гром и засверкали молнии. Шумно стал надвигаться ливень. Я побежал от дождя к ближайшему дереву и спрятался под его густой кроной. Гром разрывал небо, молнии полосовали его. И сквозь пелену яростного дождя я увидел человечка, который что-то кричал. Но слов нельзя было разобрать из-за грохота грома и водопадного шума дождя. Я бросился к этому человечку, думая, что тот просит помощи, уж больно он размахивал руками, и успел отбежать всего несколько шагов, как услышал за спиной страшный треск, и так ярко вспыхнуло вокруг, что зажмурился. Я оглянулся. Дуб, под которым только что я стоял, раскололся надвое, и разлом обуглился. В дерево ударила молния. Я не мог сдвинуться с места, страх парализовал все тело. Ко мне подошел человек, который оказался и впрямь невелик ростом. «Были бы угольком, — сказал он. — Кто ж в поле под деревом прячется в грозу? Идемте со мной, обсохнете». — «Да мне тут недалеко», — начал было я отнекиваться. Но он настоял: «Идемте, идемте». И я послушался. Потом мы сидели на крохотной веранде крохотной дачи. Одежда сушилась над электрическим обогревателем. Полы халата, который любезно предложил хозяин, не прикрывали колен, в плечах было тесно, из рукавов чуть не по локоть торчали руки. Я выглядел клоуном, но говорили мы о душе. Хозяин дачки, человек уже в изрядных летах, утверждал, что не все люди обладают душой, иначе никак не объяснить ту жестокость и бессердечие, которое гуляет по свету. Я у него и спрашиваю: «Что же, по-вашему, — душа?»

— На днях хирург выступал по телеку, — перебил Щекулин. — Известный! Фамилию забыл. Говорит, много я ковырялся в теле человека, а души чего-то не обнаружил.

— Ишь ты! — язвительно воскликнул Сергей Сергеевич. — Не обнаружил! А совесть? А благородство? А любовь? Обнаружил? Или тоже нет?

— Вы, Сергей Сергеевич, на меня не нападайте, — примирительно улыбнулся Щекулин. — Нынче модно стало говорить о душе. А никто ведь толком и не знает, что это за финтифлюшка. Ваш-то умник что сказал?

— Прощаю вам «финтифлюшку», так и быть, — вполне серьезно ответил Сергей Сергеевич. — Вижу, раздражены.

— Не отвлекайтесь, Сергей Сергеевич, — попросила Светлана. — И что он ответил? Ваш собеседник.

— А вот он что сказал, — продолжил уже спокойно Сергей Сергеевич. — Душа — это то, что человек накопил. Сам накопил. Естественно, речь не о материальном. Все, чем ты обогатил сердце и разум, и есть душа.

— Но я слышал, душа от Бога и бессмертна, — со скрытой насмешкой возразил Щекулин. — А если человек сам ее копит, то как-то тут концы с концами не увязываются. Выходит, рождаемся мы без души, как с пустой тарой приходим в мир, чтобы потом наполнять ее?

— Потому-то душа и неповторима, у каждого своя, как отпечатки пальцев, — внушал Сергей Сергеевич. — И она исчезает с нами. Тело может повториться, и не раз. Где-то за дальней далью живет точная копия моя. Двойники ж не редкость! Так и тут, где-то в другой стране и в другом веке может повториться моя плоть. Но она наполнится уже другой душой.

— В общем, все наоборот? — весело спросил Щекулин. — Однако богохульствуете, Сергей Сергеевич, должен заметить.

— Вы спросили, что сказал мой собеседник, я отвечаю, — выставил ладони Сергей Сергеевич, показывая тем, что чист и безгрешен.

— Однако связи не вижу, начали с грозы, а кончили ересью. Поняла что-нибудь?

Щекулин посмотрел на Светлану, которая слушала, опустив голову и медленно вращая мизинцем за дужку кофейную чашку на блюдце. Она вскинула глаза на Сергея Сергеевича и тут же снова уставилась на чашку.

— Молния-то при чем? — жаждал Щекулин ясности.

— А не будь души, остался бы я угольком в том поле под расколотым дубом. Я же скрылся от дождя под густой кроной дерева. И стоял бы себе да ждал исхода ливня. Моя хата с краю. Но человек звал на помощь, как мне показалось. И я не раздумывая бросился на выручку. А спас себя.

— Душа толкнула? — догадливо, нарочито подчеркивая это голосом, произнес Щекулин. — Вы ее так воспитали, что она толкнула? Иначе не могла? Теперь понял. А я вот как думаю. Чепуха это все, выдумки. Человеком правит не душа, а собственная выгода.

— Стремление к собственной выгоде только зло порождает, — проворно подхватил Сергей Сергеевич. — Оно сталкивает людей. Какой-то час назад нам было хорошо. А что-то случилось между Светланой и вами, и всем стало неуютно. Юрий Алексеевич вообще ушел. Я чувствую себя лишним. Так ломается компания, разваливается коллектив, раскалывается народ в гражданской войне, крушатся империи.

— Ох, как вы размахнулись! — воскликнул Щекулин. — Прямо Гегель!

— Вражда — вот что есть зло. И только развитой душе оно чуждо. И надо человеку…

Сказать, что Сергей Сергеевич был в ударе, это сильно умалить истину. Сергей Сергеевич был в том состоянии, когда мыслями и чувствами — как чудилось ему! — достиг вершины, выше которой нет ничего. Ему казалось, что в его сознании в этот миг уместились прошлое и будущее человечества, что он проник нитями, а может, точнее — лучами души своей во вселенскую тайну бытия. Он доподлинно знал в эту прекрасную для себя минуту, что нужно людям, чтобы их жизнь была не такой сумбурной, неулаженной, колдобистой. Если бы люди могли услышать его и понять то, что ему стало предельно ясно, то все неурядицы тут же исчезли бы. А нужно для всеобщего счастья всего-то согласие между людьми. Согласие, а не вражда.

Блаженство переполняло все существо Сергея Сергеевича, и страшно было сознавать, что это орлиное чувство неудержимо, как мираж, как виденье. У него было такое ощущение, что он молод, полон сил, что он обнимает судьбу, как прекрасную женщину с лучистыми от любви глазами, но знает, знает, что волшебным образом красавица вот-вот исчезнет, оставит его в горечи, и уже ничего не поправить, потому что это невозможно.

Но спасибо, спасибо судьбе за этот миг!

По тому, как встрепенулась Светлана, как устремила встревоженный взгляд мимо него, вся вспыхнув лицом, Сергей Сергеевич понял, что ей не до него стало, и оборвал речь, может быть, самую важную в своей жизни на полуслове. Обернувшись, он увидел подходившего к столику Малышева.

— Где ты пропал? — спросила, не сдержав досады, Светлана.

— Чашечку кофе? — поспешно предложил Щекулин и устремился к буфету.

Сделал он это с явным умыслом, но пока было непонятно — с каким. С чего бы стал так уж угодничать перед сельским учителем?

— Это Стахов, — сказал спокойным тоном Юрий Алексеевич, сбивая своим известием дальнейшие расспросы.

— Вы говорили с ним? — умилился Сергей Сергеевич.

— А как же некролог? — растерянно спросила Светлана.

— Уж не знаю, — пожал плечами Юрий Алексеевич. — Но это он.

Буфетчица готовила кофе, а Щекулин с кем-то оживленно разговаривал по мобильному телефону. При этом он поглядывал в сторону столика, но непонятно было — на кого. Светлана решила, что он ее метит глазами, потому что говорит с Мокием. Опытный в жизни Сергей Сергеевич тоже почувствовал беспокойство, интуиция подсказывала — красавица с лучистыми от любви глазами выскальзывает из его рук. Но минутная паника прошла, и Сергей Сергеевич обрел спокойствие, только на лице выступило усталое равнодушие обреченного на битье камнями. Он было даже начал искать причину для поспешного ухода, но Щекулин шел уже к столику с чашкой кофе, все еще прижимая телефон к уху. Бежать было поздно и глупо.

— Прошу, — поставил Павел Савельевич кофе перед Малышевым, отключил и с нарочитой неспешностью спрятал телефон. — А тут без вас любезнейший наш Сергей Сергеевич такую философию развернул, что уши посинели.

Не подозревающий ничего Юрий Алексеевич посмотрел на именитого артиста и сказал ему:

— Жаль, что пропустил.

— Ну конечно! — вскинулся Щекулин. — Однако самое интересное впереди. А, Сергей Сергеевич?

— Я, пожалуй, пойду, — уныло сказал Сергей Сергеевич, окончательно догадавшись о том, что его ждет, — интуиция никогда его не подводила, — и потому потерял полный интерес ко всему.

— Ну, зачем же? — возразил Щекулин. — Мы же друзья, свои в доску.

— Чего выпендриваешься? — жестко спросила Светлана, недобро глядя на Щекулина. — Заткнулся бы лучше…

— Ну нет! — теперь Щекулин был в ударе. — Не заткнусь. Я за правду-матку мизинец отдам.

— Который? — игриво спросила Светлана, проведя взглядом вниз по его животу и скромно потупившись.

— Грубо, Агапова, грубо. Но ты никогда не отличалась манерами.

Попытку Малышева одернуть его Щекулин остановил энергичным умоляющим жестом руки.

— Уж позвольте! Кто, по-вашему, перед вами?

С истинным наслаждением правдолюба Петр Савельевич повел раскрытой ладонью на Сергея Сергеевича. Жуткий народец — правдолюбы! Понять невозможно, откуда-то у них появляется уверенность, что они знают правду! Да как ее знать-то можно, если ее нет в природе?

— А вот и не знаете! — продолжил Щекулин, довольный своей профессиональной проницательностью. — Вторые сутки, думаю, болтается в зале ожидания всемирно известный артист, глыба, корифей, титан, а никому дела до него нет. Что-то тут не так. И я позвонил на киностудию, у меня там знакомая в актерском отделе, ушлая баба. «Да что ты? — говорит. — Ну да, приедет он к нам! Разбежался. Что мы платим? Гроши. Лет десять его не было на студии». — «Может, по какой другой линии пригласили?» — спрашиваю. «Нет такой линии, которую я не знаю, — отвечает. — У меня вот из Москвы люди. Говорят, там он, скоро премьера спектакля, так его уж ни за что не выпустят».

— Ладно, хватит, — сказал Сергей Сергеевич без всякого сокрушения, а только с досадой человека, потерпевшего неудачу в грошовой игре, и посмотрел на Светлану и Малышева. — Было приятно с вами. Желаю счастья. Прощайте!

На Щекулина он и не посмотрел, повернулся и пошел. Но Павла Савельевича так просто не объедешь, он тут же стремительно шагнул и ухватил старика за локоть.

— Позволь! Это как понимать? Я же тебя, пройдоху, разоблачил. А тебе хоть бы хны! Вот уж правда — «плюнь в глаза, скажет — божья роса». О нет, я так не отпущу. Пусть народ знает своих героев.

Удержал он старика только потому, что увидел вышедшую из подсобки уборщицу, которая приняла цветы из рук Сергея Сергеевича, и явно решил разыграть перед ней спектакль. Вырваться из цепкой хватки Щекулина бедный Сергей Сергеевич не мог, и лицо его стало бледнеть, потому что этой ситуации не ожидал и не хотел. А женщина приближалась. Юрий Алексеевич деловито и молча разжал пальцы Щекулина, и тот благоразумно не стал сопротивляться, почуяв силу. Получив волю, Сергей Сергеевич поспешно стал спускаться по лестнице в зал, а Юрий Алексеевич сказал в лицо Щекулину:

— Вы подлец!

Затем Юрий Алексеевич поспешил за унылой, с поникшими плечами, стариковской фигурой Сергея Сергеевича.

— Я подлец!? — изумился Щекулин, призывая в свидетели Светлану. — Ты слышала? Какой-то скоморох, юродивый дурит тут честной народ, я его за ушко да на солнышко, и на тебе — подлец. Никто правду не любит. Никто! А ваш Малышев хам!

— Вы ему скажите в глаза, — сухо посоветовала Светлана. — Не посмеете ведь.

Шумно выдохнув, Павел Савельевич сказал:

— А пошло оно все собаке под хвост!

И будто ничего не было только что, Щекулин моментально переключился на другой лад. И затеял-то он это разоблачение без всякой на то нужды, бездумно, с легкостью безразличия к другому человеку. А всерьез занимало его все то же, и он сказал:

— Вернемся к нашим баранам, Агапова.

— Уже звонил?

— Мокию? Нет. Мы же с тобой ни о чем не договорились.

— По поводу твоего гонорара? — с открытой издевкой спросила Светлана.

— Это пустяки. Хотя… Тебе же не выгодно, чтобы Мокий узнал про учителя? Или как? Мокий не прощает, ты знаешь.

— Да и тебе не выгодно, — заметила Светлана. — Как ты мог допустить? Почему не поднял тревогу?

— Согласен, не выгодно.

— А почему не позвонил? — заинтересовалась Светлана.

— Добрый я… Вижу — любовь. Как можно мешать?

— Не ври. Понял, что можешь из меня вытянуть денежку…

Она выразительно потерла большой и указательный пальцы.

— И это имело место, — честно признался Павел Савельевич.

Пока Светлана и Щекулин вели недружественный разговор, желая половчей и с выгодой для себя выпутаться из возникшей ситуации, Сергей Сергеевич и Юрий Алексеевич спустились с лестницы бок о бок, прошли через зал, вышли из здания через стеклянные двери и направились к остановке автобуса. Находилась она в двадцати метрах, в конце здания, и шли они

вдоль его стеклянной стены, а ярко освещенный зал ожидания казался неким аквариумом, в котором вяло протекала жизнь утомленных ожиданием людей. Чего они ждали? С недовольством и даже вскипающей временами злобой на долгий туман и равнодушное начальство они торопили время, чтобы вырваться из этого блочно-стеклянного саркофага и взлететь ввысь, где сияет солнце и покоится голубое небо. Но они жаждали вознестись в ту светлую высь не затем, чтобы душа обрела свет и разум, осознала земную тщету, а совсем даже наоборот — скорее достичь другую точку земли, где ждали их те же срочные и суетные дела, которыми они только и жили.

Эти мысли невольно возникли в голове Юрия Алексеевича, но ни к чему не привели, кроме неясной печали, и угасли.

Поначалу внешне сдержанный, но явно расстроенный Сергей Сергеевич не хотел говорить о чем бы то ни было, но чувствуя живое сочувствие рядом, по-стариковски расслабился, размяк душой, как определил сам для себя — рассиропился, и потянуло его на исповедь. Никогда и ни с кем он не говорил о том, что собирался сказать, и не сочувствия искал, оно ему было ни к чему, не оправдания, в чем тоже не было смысла, а единственно хотел поделиться думой, которая тревожила его, занимала и по природе своей стремилась излиться в словах.

— Нынче чужая душа скучна стала, — уныло проговорил он, остановившись и глядя под ноги, — проку от нее никакого, а хлопот — полон рот.

И он умолк, исподлобья, из-под густых седых бровей стрельнув глазами на Малышева, чтобы проверить, удивился ли тот этакому решительному умозаключению. Юрий Алексеевич не ожидал того, что разоблаченный притворщик поведет себя в той же манере, что и будучи в личине знаменитого артиста. Почему-то казалось, что он, скинув маску, заговорит попроще, без округлых фраз и умничанья, а в том обыкновении, в котором общается с близкими и соседями. Перед ними-то к чему ломать дурака!

— Сергей Сергеевич, — в полном непонимании спросил Юрий Алексеевич, — зачем это вам надо было?

Но будто никаких слов Малышев и не сказал, потому что Сергей Сергеевич продолжил в своем духе:

— С кем ни заговори, тут же и начнет жаловаться. Сколько ж можно сочувствовать, когда у самого горечи хватает? Вот и сторонятся люди чужой души, общаются только по делу.

— И что из этого? — спросил Юрий Алексеевич и пожалел — не очень ли суховато вышло.

— А то и есть, — туманно ответил Сергей Сергеевич. — Очерствел человек. И вы, думаю, не исключение. А потому — что вам до моей души? А в моей истории все дело в ней. Но только я не собираюсь ныть и плакаться, а наоборот — испытываю даже некую радость, что могу свободно, без стыда распахнуть перед вами душу. И совершенно уверен, что вы не поверите ни одному моему слову.

— Ну, отчего же? — даже несколько обиделся Юрий Алексеевич.

— А оттого, что мы верим только в то, что нам понятно. Мерка-то наша — собственное «я» и никак не больше. Что нашему понятию недоступно, то для нас — чепуха, вымыслы, бред. Ну да ладно! Я и раньше знал, что очень внешне похож на известного уже тогда артиста, кстати, моего ровесника. Однако относился к этому с полным равнодушием. Ну, бывало, разыграю шутку перед друзьями, заговорю его голосом, анекдот расскажу. Посмеемся, и ладно. Да и случалось это по хмельному делу. Но я с Бахусом мало дружил, был серьезным, положительным человеком, во всех отношени-

ях солидным соответственно должности. И вот однажды судьба свела меня с моим подлинником, если можно так сказать. Жена моя работала в гостинице. Я зашел за ней и увидел безобразную сцену. Известный актер вел себя, как последняя скотина, оскорбляя персонал гостиницы и мою жену хамски. Ему, видите ли, не понравился номер. И он требовал себе так называемый «президентский», чего жена моя не могла позволить, потому что не имела права. Ни на что иное он не соглашался. Я решил утихомирить дебошира и подошел к нему с решительным видом. Увидев меня, он онемел, будто в зеркале ожило его отражение. И тогда мне в голову пришла гениальная мысль. А уже подоспел милиционер, толпа собралась. И вот я говорю ему, что он проходимец, самозванец, а настоящий артист, гордость нации стоит перед ним. Тогда по телевизору показывали ряженого Ленина на Красной площади, кино даже было о двойниках вождей. Шли сумасбродные девяностые годы. И люди поверили. Милиционер выставил хулигана за дверь. Артист от бессилия плакал. А документы были на руках его администратора, который уехал в город. И доказать бедняга ничего не мог. Я к нему вышел на улицу, выждав паузу, и говорю: «Что ж ты, сукин сын, вытворяешь? Люди любят твой талант, Богом данный, а не тебя. Ты же сам мелкий пакостливый бес, ничтожество!» Как вам история?

— Из ряда вон! — посмеялся Юрий Алексеевич. — Но мне понравилась ваша история. Я поверил.

— Свой век я сиднем просидел в отделе кадров мебельной фабрики. Заполнял трудовые книжки, содержал документы в шкафах в большом порядке, выдавал справки, отбирал кадры… Я любил беседовать с теми, кто просился на работу, дотошно расспрашивал о его или ее жизни, требовал подробной автобиографии. Перед моими глазами прошли сотни, а то и тысячи судеб. Так и протекала моя жизнь в одном городе, в одной и той же квартире, в одном и том же кабинете. Даже в приятелях были одни и те же люди, теперь они поумирали. И жена отошла в лучший мир, так и не родив никого. Старые соседи по дому тоже истаяли, разъехались или преставились, а с новыми соседями нет ничего общего. Я один на белом свете как перст. Помню, станочник получил травму, на правой руке остался один мизинец. Так я подобен тому мизинцу.

— Что ж вас толкнуло на эту рискованную игру? Я не осмелился бы…

— Да одиночество! Когда вышел на пенсию, оно меня вовсе заело. Сидел у телевизора, как мумия. Только и оживал, когда видел своего двойника. Вот он дает интервью, а я от скорби стону. Право же так! Вижу, не понял он моего урока. Выставляется, умничает, а видно же, что мелок и глуп. Коль тебя судьба одарила талантом, будь скромней скромных, потому что благодарен должен быть. Узнаю, трех жен поменял, детей бросил. И не до них ему, потому что он Искусству служит. Идиот! Однажды мне подумалось — а как бы я себя вел с людьми, если бы дар-то Божий мне достался? И вот стал ходить на вокзалы, на концерты, на массовые гулянья, в общем — пошел в народ. Это оказалось не только спасением от одиночества, но стало своего рода занятием, работой, увлечением. Я и читал много, и сочинять научился разные истории. И вот до чего додумался: что я не его двойник в обычном понятии, а изгнанная им за ненадобностью душа. Эта мысль возвышала меня, я старался во всем и даже наедине быть добрым, хорошо думать о людях, сострадать им и любить. Я сказал в начале разговора, что чужая душа скучна стала. Но не для меня. Люди доверялись мне, делились со своими болями, хотели быть понятыми… Да и событием для них была встреча с актером. Потом детям и внукам расскажут, не сомневаюсь.

Они уже стояли на остановке, на которую несколько минут назад подкатил автобус. Перед тем как подняться в салон, Сергей Сергеевич прервал свою исповедь, дотронулся до локтя Малышева и доверительно сказал:

— Светлана очень красивая женщина. Но красивые женщины редко бывают добрыми. Прощайте, Юрий Алексеевич!

С этими словами он прошел в автобус, сел у окна, еще раз посмотрел на Юрия Алексеевича и осторожным жестом отлепил седые усы. Автобус тронулся, развернулся, выехал на трассу и уплыл в туман, будто субмарина неспешно погрузилась в море.

Весь мир виноват

Буйная и слепая злоба охватила Светлану Агапову, словно вся витавшая в округе нечисть ворвалась в ее неустойчивую душу и устроила там настоящую свистопляску. Светлана даже и не предполагала, что такие страсти в ней таились. Правда, прабабка по матери, по слухам, была колдуньей, морила скот и пугала людей невнятным бормотанием, по причине чего богобоязненными соседями была до увечья побита. Если бы правнучка обладала хоть малой долей прабабкиного чародейства, то самодовольное лицо Павла Савельевича Щекулина тут же пошло бы волдырями, глаза бы стали косить, а левая щека дергаться. Такие заклятия мысленно посылала Светлана Агапова, но Щекулин не только не менялся обликом, но очень даже был доволен собой после разоблачения лицедея. Хоть бы прыщ вскочил на носу! Так нет же, нет!

Завыть бы волчьим воем или зайтись громким истеричным смехом, а то пойти по залу и бить, бить открытой ладонью по щекам, чтобы люди не были так равнодушны к ее боли. Но она была не дикаркой, а современной женщиной, и приходилось сдерживать себя, так что по лицу и не заметить, какая смута разыгралась в груди. Откуда эта глухая злоба?

Этого гнусного, по мнению Светланы, Щекулина она знала раньше, но в родном городке не заметила его слежки потому, что мало кого видела, занятая одним Малышевым. Зная повадки Мокия, могла бы и осторожней быть, но в таких случаях говорят — черт попутал.

Она ведь искренне поверила, что свою первую любовь не потеряла, а хоронила в себе до времени, как прячут клад от чужого глаза. Так, красивый наряд, к примеру, любимое платье женщина устроит в гардеробе, а сама суетится в делах в повседневной одеже. Но однажды заглянет в шкаф и увидит любимое одеяние, примерит и замрет перед зеркалом, потому что и спрашивать надобности нет — кто на свете «всех милее, всех румяней и белее?».

Конечно, сравнение любви с нарядным платьем самой Светлане показалось не самым удачным, но ведь произошло-то очень похоже — при первой же встрече с Юрием Малышевым откуда-то из глубин души выплыло уже, казалось бы, почившее чувство, и Светлана преобразилась вмиг, будто воскресла или проснулась, что, впрочем, — одно и то же. Она почувствовала себя свободной, в глазах появился блеск… Ох уж этот блеск в глазах женщины! Светлана любила, при случае оказавшись в уличном людском потоке, ловить тусклые взгляды встречных дам. Печальное это зрелище!

А с ней же прямо чудо произошло! Что там блеск в глазах? Походка изменилась, стала порывистой, летучей, тело налилось озорной девичьей бойкостью, будто каждая жилка омолодилась, и даже дыхание стало легким и жарким.

— Других вариантов нет, — сказал Павел Савельевич. — Не тяни кота за хвост, Агапова.

Они уже спустились в зал и заняли прежние места. Светлана достала книгу, но Щекулин предупредил:

— Источник знаний придется отложить.

— И какой же вариант? — спросила Светлана.

— Я уже говорил. Отпустить тебя с женихом я не могу. Я лишусь гонорара. Ради чего?

— А если я больше заплачу?

— Не маленькая, прекрасно понимаешь — этим от Мокия не откупишься. А мне портить свой имидж ни к чему. Так что не будем терять времени, едем к Мокию.

Откинувшись на спинку сиденья, Светлана задумалась. Как и почему не заладилась жизнь, за какие грехи с некоторых пор все пошло кувырком, словно спихнули ее с крутой горы, и вот летит она кубарем по снежному склону, сама себе не хозяйка? А ведь как интересно, как увлекательно, в каком душевном увлечении начиналась жизнь! В эти минуты, когда ей было очень плохо, годы детства и студенчества вспоминались так тепло, словно прошли в раю, откуда изгнали бедную девушку на землю, не объяснив толком причины.

И главным в той жизни было то, что всегда, с первых, изначальных дней рядом был Юрка, соседский мальчик. Родители рассказывали, что он мог часами играть с ней, нянчиться и качать люльку, будучи сам трехлетним клопиком. Может быть, и впрямь для каждого мальчика рождается девочка, его природная половинка, только могут они быть разделены тысячами верст, отчего чаще всего и не встречаются, проживают розно, смутно тоскуя друг о друге, а тут пробеги от дома каких-то двадцать метров и увидишь ревущую, размазывающую по лицу слезы и сопли свою суженую. Родители удивлялись тому, как сразу же успокаивалась девочка и с удовольствием подставляла замурзанное лицо мальчику, а тот платком старательно вытирал ей щеки и нос. Может быть, она принимала его за любимую игрушку.

Уже учась в школе, Юрка все свободное время проводил с ней, учил читать, еще сам еле складывая буквы, уводил на озеро ловить карасей, пропадал в лесу, где было бесконечно интересно. Это был совсем другой мир, не похожий на людской, очень таинственный, скрытный, вызывающий в груди первобытные чувства страха и любопытства.

Обычные дразнилки — «жених и невеста» — со временем надоели самим охотникам скалить зубы, да и Светка с Юркой не обращали на это никакого внимания. Такая привязанность девочки и мальчика друг к другу не могла остаться незамеченной и взрослыми обывателями, но усмешки и намеки отдельных шутников тоже угасли сами по себе, не встретив отзвука. И дело, видимо, было в том, что и девочка, и мальчик росли хорошими людьми, отзывчивыми, прямодушными, честными. Учителя несколько забеспокоились, когда Юрка уже вошел в подростковый возраст, а Светка стала терять девчоночью неуклюжесть. Но что они могли поделать? Запретить встречаться? Да на это не пошел бы никто. Ребята росли на глазах, можно сказать — держась за руки. Классная по настоянию директора все-таки попыталась поговорить с воспитательными намерениями, но сама покраснела от стыда. Юрий четко и ясно объяснил ей, что ранний секс вреден для женского организма, может дурно повлиять на материнство. Если учительница этого не знает, он может предоставить ей нужную литературу. Светка была категоричней, она ответила коротко: «Это от нас не уйдет».

На первом курсе института Света, родители которой были более обеспеченными, сняла квартиру. Юра переехал к ней. И в близости им повезло, они очень подходили друг другу. Но оформлять брак не стали, им этого просто не

нужно было. «Ты меня все равно не бросишь никогда и ни за что, — сказала Светка. — Будет ребенок, тогда подсуетимся».

Они были не Ромео и Джульетта, те горели от страсти. Привелось бы тем жениться, еще неизвестно, до какой ненависти дожили бы. А Свету и Юру связывало чувство неразрывного родства душ и тел, реликтовое чувство.

Нельзя сказать, что все у них было безоблачно, что щебетали они, как птички, и в одних приятностях пребывали. Наждачная реальность жизни испытывала их, как всех прочих соотечественников, но они были трудолюбивы и не унывали. Да и характер Светы был далеко не ангельский, девица отличалась своенравием, и эгоизма хватало, и упрямства, если чего ей захотелось, то уступать не умела. Но Юра настолько знал ее натуру, что и не считал ее прихоти какими-то там недостатками. Уж такая она есть, какая уродилась. Ему не трудно, а даже приятно было уступить при любом конфликте. Капризы пройдут, а Светка останется. Так думал он.

Потом появился Мокий. Светлана была на последнем курсе.

— Ну, что? — снова напомнил о себе Щекулин. — Так и будем играть в молчанку?

— А куда торопиться? — неприязненно отозвалась Светлана.

— Сколько я тут торчу? А волка ноги кормят.

— Ты не волк, Щекулин, ты шакал.

— Да ладно тебе, Агапова. Не заводись. Значит, так…

— Значит, как?

— Я молчу о двух вещах — о женихе и что ты намылилась в Питер. Ведь мимо его дома проехала. Этого он не поймет.

— И сколько я за молчание должна?

— Сама прикинь. Но меня бы пятьсот баксов устроило.

— Думала, больше запросишь.

— Накинь, не откажусь.

— Я тебе дам на автобусный билет. И катись, Щекулин, чтоб глаза мои тебя больше не видели.

Тогда, на исходе двадцатого века, время было игривое, оно щекотало нервы многих небывалыми для бывшего советского человека возможностями. При ловкости везучему товарищу можно было стать состоятельным господином, даже богатым и очень богатым. Заманчивые дали забугорья распахнулись, в газетах писали, что русские покупали особняки в Париже, в Лондоне, отдыхали на Канарах, клали деньги в швейцарские банки. Стало возможным многого добиться в этой жизни.

— Красивая женщина не должна ездить в трамвае, — сказал Мокий при первой встрече. — Это оскорбление для мужчины.

Решительный и энергичный Мокий умудрился снять пелену с глаз Светланы, отчего она увидела, что Малышев никогда ничего не добьется, потому что у него на лбу написано — быть ему типичным сельским учителем с благороднейшей душой и с пустыми карманами. А так хотелось жить в роскоши! Светлане безбедная жизнь была хорошо знакома, отец всю жизнь работал по снабжению, а мать — главным врачом городской больницы. Они были людьми того ушедшего времени, когда кичиться богатством было неприлично, особенно в маленьком городке, потому жили совестливо, но дочери ни в чем не отказывали. Умерли они уже будучи на пенсии и, кроме добротного дома и шести соток при нем, ничего не оставили. Да Светлане и не надо было, своего добра хватало.

— Ну-с, — произнес Павел Савельевич Щекулин с видом человека, издержавшего все разумные доводы. — В таком разе звоню. Профессиональный долг повелевает…

И он поднялся. А Светлана подумала, что не пелену снял Мокий с глаз, а заморочил мозги. Может, и хуже того, не кто-то, а сама во всем виновата — жадная щука соблазнилась на яркую блесну и оказалась на леске — как ни трепыхайся, а воли не видать.

И надо же было злой и привередливой судьбе для какой-то собственной прихоти, — может, ей скучно стало! — свести людей, когда-то друг друга любивших. Может быть, это были самые страшные в ее жизни минуты, когда она постучала в дверь старого дома и отступила назад, чтобы не получить по лбу. Дверь открывалась наружу, а шаги за ней показались торопливыми. Предосторожность оказалась не напрасной, дверь распахнулась резко и широко. В ее проеме стоял Малышев в джинсовых брюках, заправленных в сапоги, и пятнистой камуфляжной куртке.

— О! А я думал, Иван, — он не удивился ей, не обрадовался, не смутился. — На рыбалку собрались.

Заговорил он с ней так, как будто каждый день виделись, и в том, что она стоит перед ним, ничего необычного нет, словно не годы прошли…

— Можно? — Светлана показала рукой на порог.

— Там не убрано, — просто объяснил он, закрыл за собой дверь, спустился с крыльца по двум ступеням, подошел к яблоне, где стояла скамейка, и широким жестом пригласил сесть.

— Тут у нас сарафанное радио работает исправно, — сказал он, добродушно глядя на Светлану. — Знаю, вчера приехала. Ты садись. Выглядишь прекрасно. Как это теперь называется? Прикид! Прикид на тебе клевый, сказали бы мои балбесы.

— Здравствуй, Малышев! — сказала она с укором.

— Здравствуй! — ответил он, не заметив и не поняв ее волнения.

Явно не зная, о чем говорить с гостьей, Малышев улыбался, но в его умных и добрых глазах не было ни малейшего интереса к ней. Должно быть, он не увидел в ней ничего от той Светки, которую любил когда-то, а сразу понял, что перед ним стоит чужая женщина, накрашенная и благовонная, одетая в дорогие шмотки, за которые лично он и гроша ломаного не дал бы, с драгоценностями на пальцах, на запястьях и шее, которые — спроси! — назвал бы барахлом. Светлана с первой минуты осознала, что Юрка Малышев нисколько не изменился, только немного повзрослел, но его открытое лицо, серые с голубизной глаза, мягкая улыбка и даже льняные густые волосы — все выдавало бесхитростную натуру. Он был таким же непритворным и честным, как прежде, даже не подумал ради приличия прикинуться обрадованным встречей. Ему не надобна была никакая игра. Подлинно свободны именно такие люди, что не играют в жизнь, а живут как дышат.

И — Боже милостивый! — каким же он был родным!

Обернувшись на скрип двери, Светлана увидела женщину, которая вышла из дома, спустилась с крыльца, остановилась и чуть кивнула Светлане, не поднимая глаз, потом пошла по выложенной плитками дорожке, исчерканной, испещренной по щелям упрямой зеленью. На ней было длинное, до пят, темное платье, куталась она в серый большой платок, прижав края руками изнутри на плоской груди. Что-то было монашеское в ее походке, наклоне головы, кругло стянутой белым платочком, и остром профиле смуглого лица с прямым носом.

— Жена? — спросила Светлана.

— Нет, — ответил Малышев.

— А кто?

— Евдокия.

Для него, видимо, это и был полный ответ, но Светлане он ничего не прояснил.

— Дуня? — уточнила она, почувствовав в груди первый укол злости.

Наверное, именно в ту минуту искоркой зародилось в ней ожесточение, а истрепанная неугодной жизнью душа ее оказалась подобна вороху сушняка. Вот теперь и полыхает огнем-пламенем. Женские страсти не бывают умеренными.

И вот теперь рядом с Щекулиным, как лиса, по дурости попавшая в капкан, Светлана Агапова исходила бессильной злобой. Она подспудно понимала, что ей самой не выбраться из ловушки, воли не хватит перегрызть собственную лапу. И куда девался этот Малышев? Жалеет старого комедианта, врунишку, а она тут корчится от боли и сходит с ума.

Откровение

Проводив чудака Сергея Сергеевича, который так и не назвался своим именем-отчеством, Юрий Алексеевич направился в зал аэропорта, но уже у входа в нерешительности остановился. Отчего-то ему неприятно подумалось о Щекулине и не захотелось еще раз встречаться с этим человеком. Юрий Алексеевич понимал, что обижает Светлану своим долгим отсутствием, но ничего не мог поделать со своим настроением.

Тут его и настиг Стахов, заметно возбужденный.

— Хотел бы рассчитаться с артистом, — сказал он и оглянулся в сторону автостоянки. — Дамочке помог. По-моему, везет гири, штук пять двухпудовых. Такая тяжелая сумка, еле донес.

— Артист уехал, — сказал Юрий Алексеевич.

— Вот же незадача! — искренне огорчился Стахов. — Что, решил поездом?

— Не знаю.

— Что же делать?

— Да ничего. Оставьте вы ему приятное воспоминание — человеку помог.

Чуть подумав, Стахов спрятал купюру в карман и посмотрел в глаза Юрию Алексеевичу.

— Ну, хорошо. Пусть будет по-вашему.

Все вроде бы ясно, еще чуть помолчать, и остается только одно — разойтись. Оба это понимали, оттого медлили. А ведь так и могло быть, пошли бы врозь каждый со своей заботой, растворились бы в тумане, а через короткое время и в памяти стерлись бы, потому что особой зацепки не осталось, чтобы помнить.

— О чем вы хотели спросить? — решился Юрий Алексеевич.

— Когда? — явно принял разговор Стахов.

— Прошлый раз вы о чем-то хотели спросить, но передумали.

— Да, да, поспешил к даме с гирями. Это я насчет Агаповой. Я ее немножко знаю. Только прошу вас — если я не туда сую нос, так вы тут же по нему щелчком. Давно ли ее знаете?

И он показал, как это надо сделать.

— Да я, по-моему, говорил уже, что с детства знакомы, — ответил Малышев.

Они подошли к железной ограде, которая разделяла площадь перед аэропортом от взлетной полосы, и устроились на бетонных блоках, уложенных там для какой-то будущей надобности.

Снова пошла густая полоса тумана, и смутно видневшиеся самолеты на стоянке скрылись за серой пеленой.

— Мы жили на окраине городка, наши дома стояли через плетень, — начал говорить Юрий Алексеевич. — Обычная история. Даже скучно рассказывать, настолько она проста. После школы мы выбрали один и тот же институт. Я не сказал бы, что нам очень уж хотелось стать педагогами. Просто решили остаться вместе. Да и ехать было ближе, в областной центр. Мы не были расписаны, но по существу жили семейно. Занимали однокомнатную квартирку, хозяева которой подались за границу. В те годы много нашего народу ринулось за бугор, думая, что двери в рай распахнулись.

— Наш человек не может без мечты, — усмехнулся Стахов. — «Хорошо там, где нас нет», — это наш человек сказал мечтательно.

— Вы угадали, — закивал Юрий Алексеевич. — Именно мечты… Чем ближе подходило время выпуска, тем настойчивей Светлана говорила о том, что в городок не вернется, что там она умрет от скуки, что она не хочет всю жизнь тянуть от зарплаты до зарплаты… А у меня еще были живы родители, оба нездоровы, и мне надо было вернуться к ним, в Лежаву. Другой мечты у меня не могло быть.

— Она отговаривала? — предположил Стахов.

— Нет, — пожал плечами Юрий Алексеевич. — У нее появились новые знакомые, с которыми она не хотела меня сводить. Она откровенно говорила, что эти люди не моих взглядов, что ничего общего у меня с ними нет и быть не может. Уж почему так решила — не знаю, но я все более становился неинтересным ей, и стал замечать — раздражаю. Она стала в эти годы красавицей. Так расцвела, словно природа решила на ней провести некий эксперимент — до чего может человек быть красив. И я решил, что не стою этой женщины.

— «На породистую лошадь и красивую женщину покупатель всегда найдется».

— Что? — неприятно удивился Малышев. — Что вы сказали?

— Не я, один мой прежний знакомый, нынешнего пошиба циник, любил повторять эти слова. Не возмущайтесь. Я могу говорить как думаю?

— Конечно, конечно.

— Кто-то запустил в головку вашей подруги мысль, что она стоит дороже, заслуживает лучшей судьбы, чем быть многодетной женой простого учителя. А вы отступили.

— Я ушел от нее потому, что ничего другого не оставалось. Если бы уговорил и она последовала за мной, потом не простила бы, что я лишил ее лучшей судьбы, как вы говорите.

Словно запнувшись, Юрий Алексеевич растерянно произнес, глядя под ноги:

— Лучшей… Как будто можно менять судьбу.

Но, видимо, тут же отмахнулся от возникших не ко времени мыслей и продолжил:

— Я вернулся в родной городок, стал работать в школе, ходил за родителями, которые тихонько таяли, а по вечерам писал стихи о потонувшей лодке любви. Господи, как мне помогли эти вирши! Я оказался бездарным поэтом. И однажды увидел, как чудовищно пошло все, что я написал. Я тут же кинулся к печке, благо, она топилась, и бросил в огонь ворох бумаги. Вы не поверите, но это помогло, как аспирин, температура спала, я стал здоров и разумен.

Словно очнувшись, Юрий Алексеевич умолк. Чего вдруг выплеснулся, вывернул себя наизнанку? Стахов тихо засмеялся и повернул лицо к насторожившемуся Юрию Алексеевичу.

— Интересное лечение, — сказал он. — Не пробовал. Да вы не смущайтесь.

— Вы о чем?

— Ведь только что подумали, как зря откровенничаете с незнакомым человеком. Так ведь со знакомыми об этом не заговорите. Верно? А со мной можно. Я ушел, и меня нет.

— Да, да, — задумчиво согласился Юрий Алексеевич, — я читал, что случайному встречному можешь выложить то, о чем не сказал бы и близкому другу.

— Вот видите! Почему эта женщина снова появилась в вашей жизни?

— Она приехала в наш городок по личным делам. Это не важно — по каким. Хотя… В общем, надо было оформить наследство — родительский дом, участок… И мы встретились. Я думал, что она прекрасно устроилась в этой жизни. А оказалось совсем не так. По ее словам, все эти годы была самой несчастной. И с дрожью в голосе произносила имя человека, из-за которого стала несчастной. Мокий — это имя. Мокий.

— Все я понял, — произнес Стахов таким тоном, словно ему стало нехорошо, не захотелось дальше слушать, даже поспешно поднялся на ноги.

— Вы знали Мокия? — догадался Юрий Алексеевич.

— Да уж знал, — коротко и зло проговорил Стахов. — И что ж поведала о нем Агапова?

— Ничего, кроме имени. Светлана произносила его с таким отвращением, словно касалась чего-то мерзкого, гадкого, склизкого. Странное имя, скажу вам.

— По паспорту он — Мокей. Однако называет себя по-церковному — Мокий, с ударением на первом слоге. Лучше звучит. Да, друг мой, угораздило же вас! Таких людей лучше обходить за километр.

— Я не мог бросить Светлану. Однажды это уже сделал.

— Она упрекает, что бросили?

— Нет, нет, я сам решил, что она несчастна по моей вине. Не она меня, я ее оставил.

— На произвол судьбы?

— Да ведь так! И зря вы усмехаетесь. Если бы тогда не убежал, то не было бы Мокия.

— Вы любите Светлану?

— Нас слишком много связывает.

— Я спросил — любите?

— Не хочу об этом, о любви. Я о любви не думал.

— О чем же? О своей вине перед Светланой?

— Что вы хотите знать?

— Все эти годы вы жили одни?

— Нет.

— А как зовут ту?

— Евдокия.

— За ней есть хоть капля вины перед вами?

— Да что вы! Она безгрешна вообще…

— И вы бросили ее ради женщины, которая вас однажды уже предала?

— Я не бросал Евдокию. Между нами не было обязательств. Конечно, я поговорил с ней. И она признала, что я прав, что мне надо возвращаться к жене. Это она так считает, что я был женат. Не знаю, за кого вы меня принимаете, но я поступаю так, как велит совесть. Евдокия сама уговаривала — несчастным надо помогать. Она как увидела Светлану, так сразу поняла, что эта женщина «обделена долей». Это ее слова.

Туман двигался незримо, наплыла новая волна серой мглы, даже недалекий от ограды самолет медленно потерял очертания, словно растворился в мутной серной кислоте до последней гайки.

В тумане

Не видя пользы в новых уговорах, Павел Савельевич Щекулин больше не подходил к Светлане, ни к чему было нарываться на грубости. По телефону он подробно описал ситуацию, Мокий молча выслушал и коротко бросил:

— Буду.

Теперь для Павла Савельевича важно было не упустить Агапову, как бы эта хитроумная женщина не скрылась от него. Приедет Мокий, а ее нет. Не потраченного времени жалко, не потерянного гонорара, как-нибудь пережил бы неудачу. Так ведь Мокий никогда один не ходит, а с двумя бывшими боксерами. Выведут они Павла Савельевича за белые ручки на улицу, отведут в туман и покажут, на что способны. Потом Мокий скажет: «Найди и приведи». Такая перспектива — очень возможная! — как-то не очень устраивала Павла Савельевича. Пока особой тревоги не возникало, без жениха Агапова аэропорт не покинет, это и ежу понятно, а тот где-то затерялся. Но и ждать, когда заявится Мокий, она не станет. Сидит и строит планы. Подслушать бы ее мысли. Жалко, нет такого прибора, очень бы понадобился в работе Павла Савельевича. Агапова поглядывает на вход, все более нервничая. А вот встала. Понятно, пошла искать жениха.

Павел Савельевич двинулся следом на солидном расстоянии. Это и подвело его. Надо было догнать и вежливо взять под руку даму, свежий анекдот или забавную историю из практики рассказать, в общем, заговорить, заболтать, наврать чего-нибудь. После освещенного зала на улице туман показался таким густым, что Щекулин обомлел. Агапова догадывается — не глупая! — что он за ней следует. И уж теперь-то поняла, как ей на руку туман. Прямо подарок судьбы! Мокию, чтобы добраться до аэропорта, понадобится не более часа. Да какой там час! Он уже катит по трассе со скоростью сто двадцать километров. А Светлана Агапова видеть его не хочет. Вывод?

Наитие не подвело Павла Савельевича, а фортуна явно подгадила. Малышев и Стахов шли вдоль стеклянной освещенной изнутри стены, когда Агапова оказалась на улице, а за нею — Щекулин. Она бросилась к ним, что-то сказала Малышеву и торопливо повела его за руку. Если бы Павел Савельевич даже рванул за ними, как спринтер со старта, и то не успел бы. Парочка отошла от освещенной стены буквально на десять шагов и растворилась в тумане. Не обращая внимания на Стахова, Павел Савельевич все-таки поспешил за ними, но уже через минуту понял, что они могли сменить направление, так что ищи-свищи, толку не будет. Он стоял в тумане и вполголоса матерился.

То, что по выходе из вокзала Светлана тут же и встретила Малышева, было добрым предзнаменованием. Так подумалось измученной злостью женщине.

— Нам надо поговорить, — сказала она и решительно взяла за руку Юрия Алексеевича.

Она оглянулась, уверенная, что Щекулин следует за ней, и хотела только убедиться, насколько он отстал. Медлить нельзя было. На Стахова она даже не глянула, потому что ничто и никто в эти минуты не интересовал ее, как утопающую, кроме собственного спасения.

Они нырнули в туман, будто углубились в облако. Светлана тут же свернула с выложенной плитками дорожки, при этом прикрыла рот ладошкой, умоляя молчать. Потом остановилась и прислушалась. Выждав минуту, повела Юрия Алексеевича дальше. Огни вокзала еще выступали неясными пятнами, потом и они размылись. Светлана и Малышев оказались в гуще тумана, будто в самой сердцевине, так что ничего вокруг не было видно далее двух метров. Коротко скошенная трава щетинилась под ногами жесткой стерней, босиком и не пройти, пожалуй.

— Что случилось? — спросил Малышев.

— Едет Мокий, — ответила Светлана. — За мной.

— Только и слышу — Мокий, Мокий. Да что это за пугало?

— Что-то надо придумать.

— Зачем?

— От него не отделаться.

— Бежать, что ли? Куда?

— От него не убежишь.

— И не надо. Он не охотник, мы не зайцы. Ты же не хочешь вернуться к нему?

— Нет!

— Вот и все. Вопрос решен. Скажи это в лицо. Я буду рядом. Нет, и все.

— Не поможет.

— Да перестань! Это же просто — сказать правду. И при этом не бояться. Если женщина не хочет быть с мужчиной, как ее можно заставить? Только насильно. А за насилие полагается срок.

Было ясно, что Малышев ничего не понимал — ни возникшей ситуации, ни опасений Светланы, ни возможностей Мокия. Этот его детский лепет о том, что надо держаться правды и все разрешится, вызывал горький смех. Что по танку стрелять дробью, что слова тратить на Мокия — одинаково напрасное занятие. Когда за ним сила, Мокий слов не слышит. А сила за ним.

Тетка Анна, сестра по матери, все не могла понять, почему Светлана не приехала на похороны отца и матери. Ведь они, земля им пухом, души не чаяли в единственной кровиночке. И муку бы приняли за милую доченьку самую страшную, какая только может быть на земле, только было бы ей хорошо. В предсмертные минуты жизни они шептали ее имя. А что еще было им шептать!

На похороны отца, а потом и матери Светлана не поехала из-за Мокия. В первом случае он как раз гостил у нее в Питере и даже слышать не захотел, чтобы она куда-то поехала. Выкроил неделю, примчался на крыльях любви — и расстаться? Да ни за что! Где-то далеко хоронили и оплакивали отца, а Мокий терзал ее в постели. И, должно быть, это приносило особую остроту его чувствам.

Тетка Анна сообщила о кончине матери телеграммой, которую получил Мокий, и в суете навалившихся в ту пору неотложных дел просто забыл передать. А может, и не забыл. Потом, конечно, каялся и просил прощения. А через месяц напомнил Светлане, что надо съездить на родину. Говорил он о святых родственных чувствах, что надо навестить могилы мамы и папы, обиходить их, оградку поставить, памятники, все по-человечески сделать.

На самом деле забота у него была куда практичней, его интересовал земельный участок, который остался после родителей Светланы. Земля по праву принадлежала теперь прямой наследнице, единственной дочери. Его не устраивало то обстоятельство, что в Лежаве оказались и другие родственники, как бы не выпустить из рук добро. Кстати, с могилами не

пришлось возиться, они оказались в полном порядке, как раз постарались те самые родичи.

И все-таки Мокий допустил оплошку. Правда, он предусмотрительно направил следом Щекулина, однако ту промашку, которая случилась, ему дано было предвидеть. Он мог вычислить каждый шаг Светланы, но душа человеческая для Мокия была областью неведомой, и в свои расчеты он ее не брал.

От тетки Светлана узнала, что Малышев живет буквально через улицу. На встречу пошла больше из приличия, надо же повидаться с человеком, с которым столько связано. Было еще и подспудное, но егозливое желание показать увязшему в учительстве Малышеву, что все у нее в жизни получилось. Если бы тогда вернулась в Лежаву, то теперь жила бы на одной половине небольшого дома с нужником во дворе, ездила бы на велосипеде, и то в лучшем случае, работала бы в школе до посинения, и единственной радостью оставалось бы сидеть дома перед телевизором. Счастье-то какое — смотреть по ящику на Канары или Париж! А она бывала и там, и там, и еще немало где. И ездит на «мерсе».

Но уже после первой встречи Светлана почувствовала себя неспокойно. Она даже обрадовалась, что местные чиновники не слишком были поворотливы, отчего пришлось задержаться на пять дней, для деловой женщины не в меру много. Правда, не приходилось торчать в присутственных местах, узнавала утром, что еще чего-то не уточнили, не оформили, не утрясли, и была свободна. Малышев находился в отпуске, все порывался на рыбалку, но Светлана пристыдила — разве ж можно бросать гостью!

Так что все эти дни прибегала к нему, как к себе домой, и не давала отвлечься — она гостья, а потому в центре внимания.

— Хоть несколько дней проживу, как прежде. Ну, потерпи! Ну, пожалуйста! Будь человеком.

— Может, пойдем на рыбалку? — спрашивал он с тоской.

— Не придумывай.

И Малышев уступал, иногда с печалью перебирая рыболовные снасти и вздыхая.

В последние годы Светлане приходилось жить в суровом мире. Люди, с которыми она общалась, и любезны, и милы, и обходительны были, но Светлана знала — это до поры до времени, пока нуждаются в ней. А не будет надобности, и отвернутся, кричи-ори — не услышат, будто и нет тебя на свете, и радуйся, что не сожрали с костями.

— Расчет, — говорила Светлана, — везде и во всем расчет.

— Лев Николаевич, — тут же заводился Малышев, — мучительно искал «разумения жизни». Люди знали об этом, писали письма, спрашивали: «Как жить?» И придавали этому вопросу огромное значение. Чуть ли не самое главное. А может, и без «чуть ли». На тот вечный вопрос я услышал от сегодняшнего человека поразительный ответ: «Живу, как живется». И все! И не надо думать! Чем можно довести человека до такого состояния, когда он, подобно животине, бредет в стаде и плевать ему на «разумение жизни»? Неужели об этой свободе так много и яростно кричали? Свобода от дум, от чувств…

И в прежние времена Светлана уютно ощущала себя со своим Юркой. Спокойный, сдержанный и одинаково со всеми вежливый Малышев преображался, когда начинал говорить о чем-нибудь таком, что его занимало, а занимало его многое на свете, и очень о разном был начитан. Но с ним ей не было скучно и тогда, когда он молчал. Он мог сидеть на краю дивана и думать

о чем-то, притом, лицо его будто светилось от внутренней улыбки. Светлана тут же, как кошечка, удобно укладывалась на том же диване, рядышком. От него исходил покой, она это чувствовала, и сладкая дрема окутывала сознание. «Как хорошо», — шептала она про себя, и все смятенные мысли оставляли ее. Такой аурой обладают в охотку потрудившиеся люди, у которых на уме нет дурных мыслей, а в сердце только добрые чувства.

— И я ведь, дурочка, решила, что в деньгах счастье, — признавалась Светлана. — Ну, чем может мешать богатство? — думала. Читай великих, посещай музеи, наслаждайся музыкой. Все ж тебе доступно. Но нет, деньги приходится зарабатывать. У меня на это уходит все мое время. Мозги только и заняты тем, как преуспеть, не ошибиться. Я попала в жернова, которые не останавливаются, и надо крутиться, вертеться, вилять и юлить, чтобы мукой не стать.

— Да как же ты в жернова-то эти угодила? — не понимал Малышев, наивный провинциал.

— А Мокий легонько толкнул. Вот и оказалась. У него от родителя осталась квартира в Питере. Папаша каким-то чином был. Квартира хорошая, большая, в престижном районе. Мокий ее унаследовал и оформил на меня. Потом устроил так, что я стала владеть еще и дамским салоном для избранных. Он говорил, что со временем переедет в родной город Питер, а пока надо капитал приумножать там, где это получается.

— Каким образом?

— Думаю, взятки. Все просто.

О своем бизнесе Светлана могла много рассуждать, но Малышеву не любопытно было об этом слушать, да и не понимал он ничего в том, как делаются деньги. Об отношениях с Мокием тоже не спрашивал, должно быть, так рассудил: найдет нужным, сама расскажет. Но Светлана не могла откровенничать об этой стороне своей жизни. Мокий, который помог ей стать на ноги, завести свое дело и преуспеть, сделал ее своей любовницей и даже не допускал мысли, что она может отказать его прихотям. Именно против этой его блажи она часто бунтовала, но он умудрялся устроить так, что все оставалось по-прежнему.

Поначалу ей казалось, что спать с Мокием вполне терпимо, он не был каким-то там уродом. Мало ли жен, к примеру, спят с нелюбимыми мужьями! К тому же он приезжал на выходные и праздники, и то не на все, а к нему она не ездила, всегда находя причину отказаться. И все бы ничего, но Мокий претендовал на любовь. Вот что было мучительно! С одной стороны, он постоянно внушал, что она в его руках игрушка, послушная кукла, с которой он может тешиться как только ему вздумается, а с другой — требовал любви. В минуты интимной близости он хотел от нее страсти, да не какой-то там рядовой, а бурной, безумной, одним словом — африканской. Видимо, мечталось ему быть таким мужчиной, который в любовных играх доводит женщину до полной потери сознания, до одури.

Женщины великие актрисы — и все без исключения! — но одно им не дано — играть любовь, если в сердце того чувства нет даже на малую капельку. И Светлане чаще всего не удавалось обмануть бдительного Мокия, отчего он зверел и бил ее, изрыгая ругательства.

Воспоминания о близости с этим человеком вызывали тошноту.

Если бы не встреча с Малышевым, то и не возникло бы у нее прямо-таки жгучей охоты вырваться из-под опеки надоевшего до смерти Мокия, не вспыхнуло бы нетерпеливое желание самой устроить личную жизнь, но все это случилось, и теперь Светлана не хотела упускать шанс. Ей ведь уже не

семнадцать. В том возрасте она не понимала, какое это счастье, когда рядом Юрка Малышев. А теперь — как ей думалось — и не видит без него свою дальнейшую жизнь, которая еще возможна, еще поправима. Ей хотелось плакать при одной мысли, что она может стать счастливой как женщина.

Оставалось убедить Малышева, что разлучились они глупо и зря, что нужно исправить ошибку, пока не поздно, что сама природа создала их для семьи, а они пошли против естества. Но Светлана понимала, что нужных слов не найдет, да и нельзя действовать по уму там, где замешаны чувства. Она в этом тут же и убедилась — очень осторожное, весьма тонкое кокетство не помогло. Светлана сделала разумное заключение для себя, что Малышев явно далек от того, чтобы терять голову из-за ее женских прелестей.

Жилище состояло из комнаты и кухни, обставлено было мебелью прошлого века, изрядно облезлой и безнадежно устаревшей, обклеено обоями еще советского производства, а потолок побелен известкой. Давно уже не продают полуторные пружинные матрацы в обшитой деревянной раме, которая ставилась на короткие самодельные ножки. А тут стояло это антикварное чудо, накрытое пледом. Не хватало только бабушкиных подушек, которые обычно высились пирамидой и были главным украшением в комнате. Но кровать тревожила воображение Светланы вовсе не ушедшей стариной, а недавней реальностью. На этом ложе Малышев с Евдокией занимались любовью, и до жути хотелось представить, как это происходило. Воробью понятно, что Малышева ни за какие коврижки не заманишь в ту постель, в которой он был со своей Дусей. Надо знать Малышева — ни за что! Это же такой человек! У него ж принципы! Он сам, как вся обстановка в доме, реликтовый. По своим понятиям, конечно.

— Евдокия не повесится? — спросила Светлана.

— С чего это?

— Если я заберу тебя? Ты поедешь со мной в Питер. Понял?

Вот когда у нее возник план, простой и четкий.

— Как это, заберешь? — не мог уразуметь Малышев. — Я ж не пес-барбос, чтоб на поводок и за собой. И зачем я тебе нужен?

— Помочь мне можешь только ты. Поедешь со мной. Распишемся. Я буду замужней. И Мокий отстанет от меня. Вот и все.

— А если я не хочу жениться?

— Почему? Дусю жалко?

— Оставь Евдокию… Пожалуйста.

— Хорошо. Оставила. Неужели я не имею права попросить тебя о помощи. Я в беде! Слышишь?

— Да слышу, слышу…

— Важно отвадить Мокия. Чтоб катился он к черту! Вот ведь о какой помощи я тебя прошу.

Поначалу Малышеву явно не по нутру был стратегический план Светланы, даже очень не по душе, но вода камень точит. Важно было заронить в сердце нерешительного Малышева чувство долга, а уж всходы будут, потому что почва-то больно благодатная. Светлана не забыла своего Юрку и хорошо знала, что этот человек прежде отдаст последнюю рубаху, а только потом подумает, как самому-то быть, по пояс голому?

Уже задумываться стал Малышев, уже и не брыкался, как вначале, а тут еще Светлана узнала, что, оказывается, он написал несколько статей о преподавании литературы в старших классах, которые были опубликованы в газете и получили хороший отзыв. Она тут же их прочитала, без притворства похвалила, потому что они и впрямь были толковые, естественно, загорелась

желанием помочь ему заниматься научной работой, раз она привлекает его, и твердо обещала помочь устроиться на работу в Петербурге, имея нужные знакомства.

Были и такие минуты, когда собственное назойливое усердие смущало женщину. Имеет ли она вообще право баламутить устоявшуюся жизнь Малышева? Но сомнения были коротки, Светлана легко убеждала себя, что старается не столько ради себя, сколько ради человека, которого когда-то очень любила и которому хочет пользы.

В один из вечеров Малышева очень долго не было. Светлана знала, что он у Евдокии. Вернулся тихий, задумчивый.

— Ладно, — сказал он. — Поедем в град Петров.

И уже были бы они в бывшей столице великой царской империи, когда бы не этот непредвиденный туман, то ли ниспосланный с небес, то ли проникший через поры земли. В аду ж день и ночь кипят котлы, клубами извергая густой пар. Куда ж ему деваться, пару, когда своды котельных низкие? Это ж не храмы.

— Не надо суетиться, — сказал спокойным голосом Малышев. — Вернемся в зал, будем ждать Мокия. Когда-то все равно надо расставить точки и запятые по местам.

И он показал рукой в ту сторону, откуда доносился шум вокзала.

Что было в другой жизни

Оставшись один, Дмитрий Евгеньевич Стахов насмешливо уставился на Павла Савельевича Щекулина, который ринулся было в туман за исчезнувшей парочкой, но разумно отказался от пустой затеи. Они стояли в десяти шагах друг от друга, на расстоянии безошибочного пистолетного выстрела, и молчали. Ни тот, ни другой не захотели хотя бы поздороваться. Возле освещенной стеклянной стены лица различались хорошо, усмешка Стахова вызвала раздражение у Павла Савельевича, и он тоже скривил губы, но сам почувствовал, что язвительной улыбки не получилось.

Теперь у него не оставалось сомнений, что перед ним стоит некогда могущественный Дмитрий Евгеньевич Стахов, падению которого и Щекулин подсобил в свое время, но только в силу своих возможностей. Ничего хорошего их не связывало в прошлом, так что теплых воспоминаний быть не могло, а оттого благоразумней будет уйти восвояси от этого «живого трупа». Заподозрит, конечно, что Щекулин струсил перед ним. Но какая разница, что подумает этот бомж? У Павла Савельевича теперь была одна забота — как выкрутиться перед Мокием, если эта парочка так и не выйдет из тумана.

Когда-то Дмитрий Евгеньевич Стахов часто вылетал из этого аэропорта. И тогда ему не нужно было подходить к справочной, вокзальные служащие вились вокруг, светясь улыбками. Здесь его встречали по возвращении услужливые люди с цветами, с обожанием провожали до машины. Эскорт уносился в город в сопровождении милицейских «мигалок» со скоростью выпущенной стрелы.

Чего только судьба не выкинет. После многих лет, но теперь уже собственная прихоть привела его снова на этот вокзал, и он нечаянно столкнулся с прошлым, вернее, — с людьми из той, другой жизни. Признаться, Щекулин не прочно сидел в памяти и только теперь всплыл. Тем более, позабылась и Светлана Агапова. А вот Мокий! Уж этого живчика Дмитрий Евгеньевич помнил хорошо. Был он неотлучен, как тень, в ту суетливую пору, когда Ста-

хов стремительно поднимался по служебной лестнице. «Все выше, и выше, и выше», — пел довольный Мокий в те времена.

Это было в другой жизни…

У входа в кинотеатр висел плакат, извещающий о встрече с кандидатом в депутаты. С плаката с голливудской улыбкой на лице смотрел молодой Стахов. А сам он в сопровождении двух господ в черных костюмах стремительно шагал по фойе. Один из сопровождавших, полный и низкорослый, то и дело вытирал круглое лицо платком, шумно сопел и по-рыбьи хватал ртом воздух. Ему было трудно приладиться к стремительной походке Стахова, но отстать — значило выпасть из команды, и он из последних сил исполнял роль молодца. Второй был худ, невысок, волосы прилизаны, безукоризненная белая рубашка, сверкающие туфли — прямо-таки денди русского пошиба. Дмитрий Евгеньевич первого звал по фамилии — Хомич, а второго по редкому для слуха имени — Мокий.

— Спорим, — говорил уверенно Стахов, — за десять минут сорву пять оваций.

— С вами спорить — заранее проиграть, — отвечал Мокий.

И подобного рода разговоры происходили не раз, были привычны и даже обязательны. Эта тройка давно притерлась, сработалась и действовала, как слаженный механизм. Стахов, конечно же, был лидером, а Мокий и Хомич принадлежали к той породе людей, что самостоятельно жить не могут, но всегда находят сильную личность и устраиваются удобно, как прилипалы на теле акулы. Они с полуслова понимали босса и готовы были ради него на все. Они чувствовали себя живой частью своего шефа.

В дверях зала Стахова встретили, мило улыбаясь, две женщины. Он прошел с ними. Хомич и Мокий остались в фойе. Хомич приоткрыл дверь и следил за шефом. Буквально сразу грохнул гром аплодисментов. Мокий поднялся на носки, чтобы через плечо Хомича увидеть хоть что-то. В узкую щель ему открылась только часть зала. Почему-то бросилась в глаза девушка с черной косой, которая стояла у окна, опираясь локтем на подоконник. Когда окружавшие ее молодые люди завопили и стали бешено хлопать, она осталась отрешенной и продолжала неотрывно смотреть туда, где был Стахов, невидимый Мокию, и на ее лице отражалась душевная сосредоточенность, словно она решала какой-то важный для себя вопрос.

Прислушавшись к словам Стахова, который бросал их в зал с большой уверенностью, Хомич раскрыл блокнот и стал записывать, бормоча под нос:

— Не «воля народа — для меня закон», «а воля моих избирателей — для меня закон». Это теплей.

Через какое-то время из зала стремительно вышел Стахов и пошел к лестнице, оставив в растерянности двух встречавших женщин и даже не глянув на помощников. И был он в ту минуту не плотью, а духом победным, по самочувствию. Хомич засеменил рядом, быстро перебирая короткими ногами. Мокий пристроился с другого боку.

Все трое стремительно спускались по лестнице. Мокий на ходу вскинул взгляд и заметил, как к перилам подошла та девушка, которую он приметил в зале. Она смотрела сверху на стремительно сбегающего по лестнице Стахова.

— В твоей коллекции такой не было, — сказал Мокий. — Готова птичка.

— Ты о чем?

— О девушке с длинными косами. Оглянись.

Стахов улыбнулся, но оглядываться не стал.

— Что у нас дальше? — спросил он.

— Съемки, — заглянул в блокнот Хомич. — Может, перекусим? От голода выть хочется.

— Перекусим, — согласился Стахов.

Маленький городок отличался от таких же других тем, что Стахов когда-то провел в нем два года. Покойный отец был военным и проходил службу в местном гарнизоне. Последние два класса Дмитрий Евгеньевич проучился в одной из двух школ городка, и его ретивые помощники выяснили, что все еще жив учитель, слова которого кандидат любил повторять в своих выступлениях перед избирателями. Мол, как говорил мой школьный учитель, человека надо уважать, тогда у него вырастают крылья. Или того же рода — «приходя в мир, нужно думать не только о том, что приобретешь, а больше о том, что оставишь после себя». Хомичу эти сентенции казались старомодными, но все-таки он решил снять на пленку встречу заслуженного учителя и его перспективного ученика. С этой целью пригласили оператора с телевидения и отыскали в частном секторе дом отставного сеятеля знаний.

Кирпичное под шиферной крышей здание с мезонином стояло среди яблонь и груш. У калитки Хомич толковал Стахову, приняв на себя роль режиссера:

— Ты должен появиться неожиданно. Первая реакция старика — вот что важно. Узнает, не узнает. Удивится, обрадуется. В общем, действуй. Пошел!

Стахов с усмешкой мотнул головой, но потом принял серьезный вид — раз надо, так надо! — открыл калитку и пошел по гаревой дорожке к открытому настежь окну. За ним следовал оператор с видеокамерой. Когда Дмитрий Евгеньевич приблизился к окну и заглянул в комнату, то увидел на кровати старика с изможденным лицом, чем-то напоминающего больного Некрасова. Глаза у него были закрыты.

А поодаль в кресле сидела девушка и держала на коленях томик. Она оторвалась от чтения, услышав шорох, увидела в рамке окна Стахова, прижала к груди книгу, словно защищаясь. Эта была та самая девушка, на которую намедни даже не глянул Стахов, спускаясь по лестнице. Она поднялась, заметила оператора с камерой, Хомича, подошла к окну и торопливо закрыла створки. Дмитрий Евгеньевич обернулся назад и замахал рукой, мол, прекращайте съемки. Девушка задвинула занавески, окно будто ослепло. Стахов растерянно повернулся и пошел назад к машине. Но тут выскочила девушка на крыльцо и догнала Дмитрия Евгеньевича у калитки.

— Я Таня, — назвалась она, теребя кончик косы. — Внучка. Николай Семенович плохо себя чувствует. Я не стала будить. Он бы так обрадовался! Приходите вечером. А пока ему надо отдохнуть. Ой, простите! Я не поздоровалась. Здравствуйте!

— Вечером у нас другие мероприятия, — деловито включился Хомич. — Надо разбудить все-таки.

— Не смей! — умоляюще вскинул руки Стахов. — Иди в машину. Уезжайте, я приеду в гостиницу.

— Но, шеф, — с упреком и нараспев проговорил Хомич. — У нас все расписано по минутам.

— Убирайся! — бросил Стахов.

Ретивые помощники сокрушенно развели руками и двинулись к машине, стоявшей в сторонке, за ними поплелся телевизионщик. Дмитрий Евгеньевич повернулся к девушке.

— Я подожду, пока он проснется, — сказал Стахов. — Надо повидаться. Я его вспоминаю. Как он говорил? Ах, да! «Готов пойти на крест, только бы молодежь читала книги».

— Да он и теперь такой, — тихо засмеялась Таня. — Дед не меняется.

— Всего «Онегина» знал наизусть, — вспомнил Стахов. — А я со школы не читал. Что помню? Татьяна влюбилась в Онегина. Онегин ее не любил. Потом Онегин влюбился в Татьяну. Однако запоздал. «Она другому отдана»…

— Так Пушкина не пересказывают, — отчужденно сказала Таня.

— А я ж о чем? Неучи мы. Время как-то изменилось, стало не до стихов. Николай Семенович милейший человек. Но мир заселяют уже другие люди. Практичные, деловые, дерзкие. Им сегодня жить. Им в битвах побеждать нынешних!

Но заметив, что Таня поскучнела, Стахов не стал выступать дальше и подумал, что девочку ждут многие разочарования, она совершенно не готова к современной жизни, потому что воспитал ее Николай Семенович. Со стариком так и не удалось встретиться, потому что позвонил из гостиницы Мокий и сообщил, что надо срочно что-то предпринять, срывается печать плакатов в типографии, противники не спят. Пришлось извиниться и уехать, пообещав, что вечером обязательно будет. Но предстояло еще провести три встречи, и он закрутился.

Было уже поздно. В гостиничном номере Мокий, скинув пиджак и расслабив галстук, перебирал за столом почту, вскрывал конверты и читал письма. На другом конце стола сидел Хомич, тоже скинув пиджак, и вдохновенно писал, то и дело вычеркивая написанное и отбрасывая листки. Услышав, что в ванной перестала шуметь вода, Хомич схватил листок и подбежал к двери.

— Как тебе эта мысль? — спросил он через дверь и прочитал: — «Я одолею взяточничество. Мир без взятки — это мой мир».

Тут же распахнулась дверь, и показался в халате Стахов.

— Я и так по твоей милости много глупостей болтаю, — ворчливо проговорил он.

— Уж позволь мне знать, что говорить толпе, — обиделся Хомич. — Я на этом собаку съел. И не одну. Будешь умничать, массы не поймут. Мы народ, привыкший к лозунгам.

Оттеснив Хомича, Стахов подошел к трюмо и стал разглядывать свое лицо. Чем-то он сам себе в этот вечер не нравился.

— Вам не кажется, что мы циники? — спросил Стахов.

— Здоровый цинизм полезен, — отчеканил Хомич.

— А врать хорошо?

— Мы не врем, мы обещаем.

— В тебе, Стахов, — сказал Мокий, отрываясь от очередного письма, — еще много мягкости.

— Я-то мягкий? — хохотнул Стахов. — Не смеши меня, Мокий. Что почта?

— В основном жалобы, просьбы, — ответил Мокий. — Но есть одно письмецо. Тут написано — «лично». Вскрыть?

— Не суй нос куда не следует, — шутливо ответил Стахов, забрал письмо и отошел к окну.

«Мне нужно с Вами непременно увидеться, — прочитал Стахов очень четким почерком выведенные на тетрадном листе слова. — Вы постоянно в окружении людей, и эти двое ваших помощников не отходят ни на шаг. Уделите мне хоть пять минут. От этого зависит моя судьба. Я жду вас в парке возле памятника павшим воинам. Там никто не помешает нам. Вы уезжаете завтра, времени нет. Я жду вас в девять вечера».

Все-таки не сразу, а чуть подумав, Стахов смял листок и, пройдя через комнату, бросил в урну.

— И что там? — спросил Мокий, подбежал мелкими шажками к урне, достал листок, разгладил на ладони и прочитал. — Ну, ничего нового.

Сунул листок Хомичу, который уже стоял рядом, тот пробежал глазами по строчкам, покрутил перед глазами письмо и сделал вывод:

— По почерку школьница. Подпись неразборчива. Маня, что ли?

Хомич в глубокой задумчивости прошелся по ковру. Он предупредительно поднял палец. Стахов и Мокий уставились на него.

— Это может быть провокацией, — сказал он. — Кто-то из твоих соперников знает, что ты... Ну, как сказать?

— До девиц охоч, — подсказал Мокий.

— Подсунут малолетку, — пояснил Хомич. — Снимут на пленку. Компромат готов.

— Тем более, заметь, — подхватил Мокий, — «у памятника павшим». А днем ты возлагал венок. И тебя снимали. Не вздумай идти на свидание. Попадешься, как кур в ощип. По стенке размажут.

— Пойдешь ты, Мокий, — сказал Стахов. — Выведай, кто подослал. А это я приберегу.

Он отобрал письмо у Хомича, сложил вчетверо и спрятал в карман пиджака, висевшего на спинке стула.

В условленное время Мокий пошел на свидание и вернулся ни с чем, потому что девушка не стала с ним разговаривать.

— Готовилась провокация, — уверенно решил Хомич.

— Едем в Минск, — твердо заявил Стахов, чувствуя, что ему опасно оставаться в этом городке, появились тайные недруги. — Распорядитесь насчет машины.

— Наши избиратели ездят в электричках! — заметил Хомич.

Замечание было резонным, и Дмитрий Евгеньевич согласился. Вечером он стоял на перроне в окружении своих сторонников, которые оживленно говорили, что встречи с избирателями прошли успешно, минимум шестьдесят процентов городка будут голосовать за Стахова. Дмитрию Евгеньевичу уже наскучили эти разговоры, и он посматривал на часы. Электрички все не было. Мокий осторожно дотронулся до локтя Стахова и сказал вполголоса:

— Она.

И кивком показал, куда смотреть. Дмитрий Евгеньевич увидел в метрах двадцати у кирпичной стены вокзала Таню. Он стал выбираться из толпы. Мокий удержал за рукав, но Стахов отвел его руку. Он подошел к ней.

— Не говорите ничего, — прошептала она, потом ее голос окреп. — Вы не пришли, я все поняла. Умоляю вас, возьмите меня с собой. Я хочу служить тому, чему служите вы. Я буду помощницей, я полезной буду. Вы правы — не надо жить иллюзиями. Другое время, другие люди. Я с вами буду другой.

— Что за чудачества? Какая-то записка! Неужели нельзя было подойти?

— Я не могла, — призналась Таня.

— Да отчего же? Отчего?

— Не знаю, что со мной, — прошептала Таня, бледнея. — Это я... Я влюбилась. Я люблю вас.

И она умолкла, испугавшись досады и огорчения, что выразились на лице Дмитрия Евгеньевича.

— Вот что, моя девочка, — как можно мягче сказал он. — Сейчас же иди домой. Я напишу твоему деду. И выбрось из головы глупости. Тебе школу кончать надо.

Но тут Стахов понял, что так говорить с ней нельзя, она уже не ребенок и сама себя чувствует взрослой.

— Ты прекрасная девушка, — искренне признался Стахов. — Милый, очень хороший человек. Очень! У тебя удивительный дед. Но не надо, не надо! Не придумывай меня. Я не стою того, чтобы ты меня любила. Это пройдет, Танюшка. Вот увидишь — все пройдет. Только не придумывай меня.

— Понимаю, — кивнула она. — Все пройдет.

— Я ведь совершенно не тот человек, каким тебе показался.

— Конечно, пройдет, — слабо улыбнулась Таня.

— Ты прелесть! — продолжал Стахов в порыве искренности. — Я о тебе, Танюшка, никогда не забуду.

— Забудете, — тихо сказала она без слез, склонив голову перед жестокой судьбой. — Обещайте мне...

— Все что угодно, — поспешно ответил Стахов.

— Когда вам будет совсем одиноко, позовите меня.

И тут подошла с грохотом электричка. Мокий и Хомич подбежали, схватили Стахова за локти и увлекли от Тани. А провожавшие приняли это за сигнал, и десяток рук подхватили Стахова, стали подбрасывать.

— Стахов! Стахов! Стахов! — скандировали сторонники.

Лязгнули буфера вагона. Стахова на руках донесли до подножки. Он поднялся на площадку и только теперь посмотрел в ту сторону, где должна была стоять Таня.

Но там никого уже не было.

Ожидание Мокия

— Вот видишь? — шутливо сказала, несколько успокоившись, Светлана, когда они выбрались из тумана и остановились перед входом в здание вокзала. — Сама природа подсказывает. Я не выбралась бы сама, заблудилась бы. А ты вывел запросто.

— Так ведь рыбак и охотник, — весело ответил Малышев. — Природный человек.

— Вот что, природный человек, не оставляй меня больше.

— Я не могу не подойти, — кивнул Малышев в сторону автобусной остановки, где маячил Стахов.

— Мокий появится с минуты на минуту. Прошу тебя.

Тут подбежал Павел Савельевич Щекулин, с лица спавший от переживаний, издерганный страхами чуть ли не до истерики, и умильно, захлебываясь от счастья, что снова видит Светлану, стал говорить:

— Вот и хорошо! Вот и славненько! Теперь уж я от вас ни шагу.

— Иди в зал, — сказал Малышев Светлане. — Я сейчас.

И он направился к Стахову.

— Я тебе глаза выцарапаю, Щекулин, — спокойно пригрозила Светлана. — Так что лучше держись в стороне.

— Уж как вам угодно, мадам Агапова, — любезно согласился Щекулин. — Но помни: я бдю.

— Бди, бди. Не дергайся, как паралитик, не убегу. Сама жду его не дождусь.

Стахов сдержанно улыбнулся подошедшему Малышеву.

— Вижу, собрались в город, — сказал Юрий Алексеевич.

— Это я вас поджидаю, — признался Стахов. — Стоял у входа, пожилая женщина пожалела, дала подаяние. Думаю, если так пойдет дальше, богатым буду. А мне это ни к чему. Вот я и прикинулся, что автобус жду.

— Ждали меня? — удивился Юрий Алексеевич.

— Такое ощущение, что мы недоговорили.

— О чем?

— Может, пройдемся?

— Понимаете? Должен прибыть Мокий. Светлана боится этой встречи. Просила меня быть рядом.

— Мокий сразу не примчится, — сказал Стахов. — Он большой артист, умеет выдержать паузу. Пока туман, знает — дичь никуда не денется, уж поиграет на нервах, доведет до полного каления и только тогда явится.

— Мы для него дичь?

— А то нет!

— Хорошо знаете его? — спросил Юрий Алексеевич.

— Один черт его знает, пожалуй. А забавно! Давненько я не видел этого кузнечика.

— Хотите встречи?

— Определенно не сказал бы. Но любопытно глянуть на старого дружка.

— Посоветуйте, как мне с ним себя вести.

— Опять же, один черт знает — как? Я ж говорю — большой артист. Кем он явится, не угадать. То ж Мокий!

— Вот как раз ко всем чертям я и пошлю его, — воинственно заявил Юрий Алексеевич, но тут же смягчил тон: — Если понадобится.

— Попробуйте, — с большим сомнением пожал плечами Стахов.

— Да, в конце концов, кто он такой? — занервничал Юрий Алексеевич. — Есть же на него управа. Не может же силой забрать женщину. Я милицию позову.

— Вот этого не делайте, — поспешно дотронулся до локтя Юрия Алексеевича Стахов. — Вас заберут в каталажку. Пришьют хулиганство. Нужна вам такая радость?

Видя, что от Стахова ждать совета бесполезно, Юрий Алексеевич поспешил заявить, что ему надо идти.

— Конечно, конечно, вас ждут, — тут же согласился Дмитрий Евгеньевич и даже отошел от Юрия Алексеевича, чтобы тот не задерживался из-за вежливости, а того более — не стал бы извиняться.

Вину-то как раз чувствовал за собой Стахов, было жаль молодого еще провинциала, который по неопытности надеется одолеть Мокия. Но что тут можно предпринять, чтобы этой встречи не случилось? Да ровным счетом ничего. Малышев явно из тех людей, которые сдержат обещание в ущерб себе. Но ведь и того Дмитрий Евгеньевич не знал, насколько решительно Агапова настроена. Та, в отличие от неопытного Малышева, может и озадачить Мокия, все-таки из одного теста чижики-пыжики, да и слабости своего любовного дружка знает доподлинно. Все зависит только от того, на самом ли деле Агапова одумалась и больше не желает жить как жила.

Женщина может пойти на многое ради любви. И если Агапова и впрямь снова любит, да еще с пониманием того, что однажды уже теряла нить, за которую только и стоит держаться в метельной неразберихе жизни, то трудно и представить, чем кончится молодецкий набег Мокия. Он-то едет с уверенностью, что возьмет за руку вздорную женщину и отвезет в свои покои. Ему Малышев — не помеха. А вот Агапова… Но что-то уж больно Дмитрию Евгеньевичу не верилось, что женщина после Мокия способна искренно любить.

Встреча и последствия

Когда-то Дмитрию Евгеньевичу Стахову ни к чему оказались чувства провинциальной девушки, которая начиталась книг из дедовой библиотеки, подобно деду знала «Евгения Онегина» от первой до последней строки наизусть и реальную жизнь воспринимала как досадное недоразумение. Жадный до утех Стахов на этот раз посчитал непристойным воспользоваться наивностью девушки, по-доброму посоветовал ей из светлой своей головки выбросить глупости и вскоре забыл о незначительном случае.

Его несло бурным потоком. И одиночества он не знал, женщины не могли того позволить, а окружали одни красавицы. Уж если секретарша, то обязательно с глазами косули и талией осы. И где только Мокий находил таких сотрудниц?

Отошла в прошлое перестройка, развалилась великая страна, но у Стахова все складывалось хорошо. Он вовремя выбросил партбилет коммуниста, стал ярым демократом и рыночником. Его заметили, доверили солидный пост. Мокий намекал, что еще немного напрячься и можно рвануть выше. И он не чурался мысли занять министерское кресло. По крайней мере, Хомич и Мокий носили такую идею, строили планы. Так прошло восемь лет.

Презентация по поводу открытия новой поликлиники в городе происходила в ресторане. Большой танцевальный зал соседствовал с банкетным. Находились они на втором этаже, а снизу вела изогнутая полукругом широкая лестница.

Сверху хорошо было видно, как по этой лестнице поднимались гости — мужчины в черных костюмах и женщины в роскошных платьях. Это было новое высшее общество. Дмитрий Евгеньевич чувствовал себя в этой атмосфере своим среди своих, даже более того — благодетелем.

— Ваша помощь в строительстве клиники неоценима, — говорил Дмитрию Евгеньевичу Стахову стоявший рядом с ним седой и представительный человек. — Я глубоко благодарен вам.

— Оставьте, Валерий Леонидович, — дружески коснулся локтя собеседника Стахов. — Это наше общее дело. Я очень рад, что клиникой будет руководить такой крупный ученый, как вы. Если возникнут вопросы, в любое время заходите ко мне.

И тут среди разодетой публики прошел какой-то непонятный шорох, произошло какое-то общее движение и стало тихо. Дмитрий Евгеньевич увидел, как легко и воздушно восходила по лестнице женщина в окружении нескольких мужчин. Она непринужденно отвечала на их реплики, и на лице ее мелькала улыбка.

— Кто это? — невольно спросил Дмитрий Евгеньевич профессора.

Но уже он узнал ее, однако не поверил сразу, что это она. В ее поступи, в ее стати было много непринужденной естественности. Этим движениям, этой походке нельзя научиться, они даруются природой, как талант. Быть ослепительной ей давалось легко, она не придавала решающего значения своей красоте, оттого не чувствовалось отчуждения и холодной гордости, что свойственно женщинам, которым трудно достается ежедневное очарование. Из угловатой девочки возникла богиня так же естественно, как из непритязательного саженца вырастает роскошное дерево.

— Это моя жена, — сказал Валерий Леонидович. — Я вас представлю.

Поискав глазами мужа и увидев в толпе, Татьяна с милой улыбкой двинулась к нему.

— Дмитрий Евгеньевич, — представил Валерий Леонидович Стахова. — Думаю, не надо представлять.

Ничто не дрогнуло в лице Татьяны. Даже улыбка не сошла с лица. Она смотрела открыто и дружелюбно, как на всё и на всех.

— Помню Стахова, — сказала Татьяна. — Я когда-то была горячей его сторонницей на выборах.

— И только потому он победил? — с любовью в голосе произнес Валерий Леонидович.

Татьяна посмотрела на мужа и сказала:

— Пора звать к столу.

Она более не взглянула на Стахова. Взяла под руку мужа и повела в банкетный зал, проходя через толпу, которая невольно раздалась, образовав живой коридор. Стахов смотрел вслед, забывшись. Возник рядом Мокий. Он кашлянул в ладонь, не смея иначе потревожить шефа. Дмитрий Евгеньевич потерянно посмотрел на него.

— Ты помнишь ее? — спросил он.

— Припоминаю вроде.

— Вроде, — с сарказмом повторил Стахов.

— На себя злись, шеф, — посоветовал Мокий как свой человек. — Сам упустил, теперь кусай локоть. Какая баба!

Обидное, хлесткое слово в ответ прямо-таки застряло на губах Стахова, сдержался в последний миг, из банкетного зала торопливо вышел Валерий Леонидович и двинулся к нему с раскрытыми для объятья руками. Он остановился в двух шагах.

— Я знаю вашу занятость, — заговорил Валерий Леонидович. — Но побудьте хоть немного. Вы очень обяжете, если скажете первое слово. Все ждут, Дмитрий Евгеньевич.

— Иду, иду, — вдруг суетливо проговорил Стахов и двинулся за Валерием Леонидовичем. К нему ловко пристроился Мокий. Но Дмитрий Евгеньевич злым шепотом отогнал его:

— Сгинь с моих глаз!

Тот тут же остановился и согласно кивнул:

— Сгину.

Пройдя в зал, где люди усаживались за длинный, обильно уставленный едой и питием стол и были озабочены только одним — как бы выгоднее устроиться, Дмитрий Евгеньевич пожалел Мокия и вернулся к двери. Он увидел, что Мокий, один в пустом зале, стоял в полупоклоне. И вдруг приподнял одну ногу, а на второй сделал два прыжка. Он был тонок, гибок, строен, но невелик, словно игрушечный мужчина. На нем был отменный черный костюм, и туфли сверкали чистотой. Мокий прошелся по залу вприпрыжку. И поначалу можно было подумать, что он дурачится. Потом стало ясно, что он танцует мазурку. И ловко у него это получалось, прямо артистично. Он был счастлив, этот Мокий. Он порхал по залу, упиваясь движением. Дмитрий Евгеньевич не стал ему мешать.

Стахову довольно часто приходилось бывать на презентациях, и он по обыкновению не засиживался, а после третьего тоста уходил, всегда ссылаясь на неотложные дела. На этот раз, ругая себя за постыдное слабоволие, Дмитрий Евгеньевич не мог заставить себя подняться и покинуть зал. И более того — пригласил Татьяну на вальс. Он уже и не помнил, когда последний раз танцевал.

Он кружил ее, и она легко подчинялась его воле. Потом перешел на вальсирующий шаг.

— Как там мой милейший Николай Семенович? — спросил Дмитрий Евгеньевич.

— Дед умер, — ответила Татьяна. — Пять лет тому...

— Ему за восемьдесят было, — прикинул Стахов. — Мне почему-то запомнилось, как Николай Семенович готов был на крест, чтобы молодые читали книги. Я очень рад нашей встрече. Вы даже представить не можете, как я рад.

Он покружил ее и снова перешел на скользящий шаг.

— Почему так больно вспоминать о прошлом? — спросил он.

Татьяна скучающе посмотрела по сторонам, явно давая понять, что ей-то как раз не хочется воспоминаний.

Потом она танцевала с другим кавалером. И еще с одним. Дмитрий Евгеньевич Стахов снова устремился к ней, но кто-то перехватил ее. Он никого не видел, только Таню. Вот она смеется. Вот она задумалась. Вот она отпивает из бокала вино. Вот она внимательно слушает собеседника. Потом, когда уже все расходились, она спускается по лестнице рядом с мужем, держа его под руку. Муж кланяется Стахову. Она улыбается, очень скупо и сдержанно, из одного только приличия, вскользь окидывая лица рассеянным взглядом.

После той роковой для него презентации Дмитрий Евгеньевич Стахов почувствовал, что с ним приключилась оказия. Когда-то он видел старинную открытку — шаловливый амур, весьма упитанный карапузик, пускает стрелу прямо в сердце, как меткий стрелок в мишень. Вот это и случилось с трезвомыслящим и целеустремленным господином сорока с лишним лет. А то как еще можно было объяснить ту сумятицу, которая поднялась в душе, всегда прежде послушной твердым расчетам и доводам своего хозяина? Вышла она из-под власти, душа-то, как река в половодье, безбрежье чувств затопило разум, и стал бедный Дмитрий Евгеньевич вести себя глупее мальчишки. Стал появляться повсюду, где бывала Татьяна. Ум влюбленного человека изворотлив, Дмитрий Евгеньевич находил тысячи причин, чтобы оказаться на совещании директоров школ, на званом вечере, на концерте заезжих гастролеров или еще на каком другом мероприятии, где она появлялась обычно с мужем.

Если бы кто-то еще вчера сказал, что можно так влюбиться, Стахов только рассмеялся бы. Он сразу понял, что это было не привычное увлечение женщиной, много раз им испытанное, а любовь в ее подлинной природной сути. Две ипостаси человека — мужчина и женщина. Не могут они без интереса друг к другу, испокон веку стараются как-то приладиться бок о бок, и вся разница в том, что связывает их — слабая нить, надежный мостик или яростная молния. Эту самую невидимую молнию люди и называют безрассудной страстью, которую воспели все поэты, но мало верится, что кто-то из них испытал на себе всю ее тираническую власть. Иначе не чирикали бы, не заливались бы соловьями, а в поисках нужных слов томились бы в немоте. Это Стахов по собственному опыту знал…

В один из будничных дней в сопровождении Мокия Дмитрий Евгеньевич после обеда прошел в приемную, в которой сидело несколько посетителей. Он уже потянулся к ручке двери своего кабинета, как резко обернулся и замер. Среди посетителей, ожидавших его приема, сидела Татьяна.

— Вы? — бессмысленно произнес Стахов и засуетился. — Прошу.

— Не моя очередь, — ответила Татьяна.

— Да как это можно? — растерянно повел взглядом Стахов.

Он уставился на Мокия, но тот глазом не моргнул, лицо его при этом выражало некое торжество — выпутывайся, мол, сам, я вас свел, с меня довольно.

— Идемте же, прошу вас, — попросил Стахов и не прошел в кабинет, а вышел в коридор.

Татьяна последовала за ним.

— Что вас привело ко мне? — взволнованно спросил Стахов. — Почему предварительно не позвонили?

— Что привело? — холодно отозвалась Татьяна. — Вы отобрали деньги на ремонт библиотеки. Мне посоветовали лично к вам обратиться.

— Посоветовали, — с горькой усмешкой повторил Стахов, уже догадываясь, что это проделки услужливого Мокия. — Да идемте, идемте.

Там был карманчик размером в добрую комнату, где стояли низкий столик и мягкие сиденья. Уютный такой уголок, даже цветы в вазах. Татьяна и Дмитрий Евгеньевич сели напротив друг друга.

— Давайте спокойно и по порядку, — предложил Стахов.

— Деньги были выделены по плану. Городская библиотека в плачевном состоянии. В сырости хранятся редкие книги. Вы хоть знаете это?

— Таня… Простите! Татьяна Семеновна. Я ничего не понимаю. Деньги действительно выделены. И немалые деньги.

— Но вы их отозвали на другие нужды. Библиотека, мол, потерпит.

— Кто вам сказал?

— Ваш помощник, — она махнула рукой в сторону приемной. — Стахов, что с вами? Я же вижу — вы всюду преследуете меня. Теперь решили вызвать и власть применить?

— Что вы такое говорите, Таня? — устыдился подозрения Стахов.

— Почему я должна приходить и кланяться вам в ноги, если ремонт библиотеки запланирован правительством? Ну, так вот, я кланяюсь. Я вас умоляю. Вам мало этого? Что же вы еще хотите?

— Да что ж это такое? — возмутился Дмитрий Евгеньевич и вскочил. — Как вы можете обвинять меня невесть в чем!?

Тоже поднявшись, Татьяна смотрела на него как-то очень устало, словно молча умоляла оставить ее в покое, потому что ничего другого она не хочет. И ему вдруг стало жалко эту милую и очень одинокую — как почудилось — женщину, себя, больного никому ненужной любовью, и всех людей на свете, кому в эту минуту так же плохо, как им. И словно уловив его горечь, Татьяна изменилась в лице, показалось, что и в ее глазах отразилась та же беспомощная жалость, но она не поддалась сочувствию и пониманию, а тут же нахмурилась, поторопилась отвернуться и сухо бросила:

— Прощайте!

Она повернулась и пошла по длинному коридору. Стахов видел, как торопливо достала платок из сумочки и поднесла к лицу. Он поспешил за ней, но около приемной остановился, потому что открылась дверь, преградив ему путь. Возник самодовольный Мокий. Под взглядом Стахова его лицо приняло выражение недоумения и даже обиды. Так старался для любимого патрона!

— Акело промахнулся? — не поверил он. — Не похоже на тебя, шеф.

Чутью Мокия можно было только удивляться, он видел на много ходов вперед, как гениальный шахматист. Был даже умнее гениального шахматиста, потому что играл одновременно за черных и белых, поэтому в проигрыше не оставался. Уж как ему это удавалось, можно объяснить только его исключительно юрким талантом.

Только власть и карьера занимали Дмитрия Евгеньевича до этой поры. Но вдруг его работа, его заботы — начинания, проекты, устремления — все потеряло всякий смысл. Ему стало скучно заниматься тем, что считал единственно интересным еще недавно. И это тут же почувствовали недруги. Не мог Стахов, зани-

мая высокий пост, не иметь врагов. И зашевелились все, кому он мог мешать или был неугоден. Как клопы выползли из щелей. Мокий и Хомич поначалу не могли понять, что случилось с шефом. Но отчетливо видели, как Стахов теряет былую деловую хватку, допускает явные ошибки, не замечая пока еще пробных, но не случайных укусов. Дальше так пойдет, так шефа съедят, а ими закусят. Мокий и Хомич не хотели оказаться деликатесами, пытались вразумить Стахова, но он не понимал, чего они хотят от него. Ему была смешна их озабоченность. И тогда Мокий первый решил, что Стахов исчерпал себя, пора позаботиться о себе.

Прошло более недели после неприятной встречи с Татьяной, все эти дни Дмитрий Евгеньевич не находил места, так ему хотелось опять увидеться, но все не приходила в голову удачная мысль — где и как. В таких случаях часто выручает отчаяние, и он решился на смелый шаг.

Чисто выбритый, причесанный, в отличном костюме, Дмитрий Евгеньевич Стахов поднимался по лестнице. Он остановился на площадке и посмотрел на номер квартиры. Он только потянулся к звонку, как дверь открылась и на пороге показалась пожилая женщина с сумкой в руке. Она узнала его, все-таки часто мелькал на экране телевизора, и приветливо улыбнулась. Дмитрий Евгеньевич путано стал объяснять, что ему по неотложному делу нужно видеть хозяйку дома.

— Да у нас тут без церемоний, — сказала добродушно женщина. — Вы проходите. Я только в магазин спущусь за молочком. Приду, приготовлю кофе. Татьяна Семеновна у себя.

И они разминулись. Он осторожно ступил в прихожую. Она была просторной и сияла чистотой. Стахов двинулся прямо. В богатой гостиной оглянулся, прошелся взглядом по стенам, на которых висели картины.

Рядом находилась небольшая смежная комната, дверь которой была приоткрыта. Стахов увидел Татьяну перед зеркалом. Она сидела на пуфике, уронив руки на колени и опустив голову. И была печальна. Шорох привлек ее внимание. Еще не подняв взгляда, она проговорила усталым голосом:

— Анна Васильевна, вы на сегодня свободны.

И тут подняла взгляд. Она сильно побледнела, глаза ее расширились и будто полыхнули внутренним огнем.

— Я не мог не прийти, — забормотал Дмитрий Евгеньевич. — Я пришел сказать...

Она порывисто поднялась с пуфика. Длинный, до пола цветастый халат подчеркивал ее стройную фигуру. Она двинулась к Стахову, остановилась перед ним в двух шагах.

Только теперь Дмитрий Евгеньевич понял, что он пришел, не обдумав ни того, зачем идет, ни того, что переступает все правила приличия. Но смутило, что Татьяна смотрела без гнева, без укора, словно ждала его прихода и теперь была довольна, что так и случилось, как хотела.

Возможно, Дмитрию Евгеньевичу показалось, он слишком был взволнован, но она глядела на него приветливо, даже с тихой радостью. Но вот что-то преодолела в себе, какая-то трудная минутная борьба произошла в ее душе, и она уже преобразилась. Теперь это была снова сдержанная Татьяна, спокойная до смирения.

— Мы ошиблись однажды, — сказал он. — Но нельзя... нельзя допустить еще одну ошибку.

— Уходите, Дмитрий Евгеньевич, — попросила Татьяна.

— Это конец, если я уйду, — проговорил он. — Давно, очень давно вы сказали: «Когда будет совсем одиноко, позовите меня». Мне отчаянно одиноко. И я вас зову. Слышите?

— Боже мой! — прошептала Татьяна.

Пораженный и потрясенный ее печалью, Стахов прикрыл глаза ладонью и пальцами сжал виски, тихо простонав:

— Да что же это такое? — В следующий миг Стахов выхватил из кармана платок и поднес к глазам. — Простите.

— Все могло случиться иначе, — сказала Татьяна. — Не буду скрывать от вас, Дмитрий, первая любовь не умирает. Но все поздно, поздно...

Она пошла в свою комнатку и прикрыла за собою дверь. Дмитрий Евгеньевич минуту стоял, потом повернул голову и увидел свое лицо в зеркале серванта, заставленного хрустальной посудой. Он даже вздрогнул от неожиданности — ему показалось, кто-то чужой смотрит на него с гримасой боли на лице.

— Вот и все, — сказал он своему сумрачному изображению. — Это конец, брат.

В августовских сумерках

Походив по залу в поисках удобного места, Светлана и Юрий Алексеевич устроились на скамье, что стояла в дальнем от двери углу меж двух глухих стен, отчего там никто не ходил. В зале поредело народу, уставшие пассажиры поселились в гостинице, видимо, а местные разъехались по домам в ожидании ясной погоды. Щекулин сидел на виду, но в таком отдалении, что можно было свободно разговаривать, не подслушает. Время от времени Светлана бросала тревожный взгляд на входную дверь, но Малышев ее успокаивал:

— Приедет, как туман начнет редеть.

— Стахов сказал. Он Мокия знает.

— Все-таки это Стахов? — Светлана задумчиво покивала головой. — Дмитрий Евгеньевич. А как же некролог? Сама читала.

— Что ты о нем знаешь? — ушел от ответа Малышев.

— Большим начальником был, рукой не достать. Потом запутался с одной женщиной. У них что-то было раньше, Мокий говорил. Вроде как у нас с тобой. Нет, не совсем. Она вроде любила его, а он — нет. Потом расстались. Она вышла за человека старше себя, обеспеченного. А тут опять встретила Стахова. Ну, как я тебя. Только теперь он влюбился, а она… Ну, чего ей бросать мужа? От добра добра не ищут. В общем, взаимности не получилось. Он полностью отошел от дел, и вижу, — совершенно опустился, несчастный.

— А я не вижу, что опустился, — не согласился Малышев. — Да и несчастным не назвал бы.

— О чем хоть говорили?

— Да так…

— Я тут как на иголках сижу, а он с каким-то бомжем болтает. «Да так…» Совести у тебя нет.

— А что делать? Окопы рыть? Мокий идет, держи оборону!

— Ну конечно! Зачем это тебе надо? Я же вижу, места себе не находишь, слоняешься, думаешь, как бы назад рвануть. А? Угадала?

— Никуда я не собираюсь бежать. Не сочиняй.

— А там Дуняша. Тихая, покорная. Небось, блинами закармливала, ноги мыла и своими волосами вытирала. И где только такую клушу подобрал?

Молча слушая, Юрий Алексеевич думал о том, сколь много обиды и несправедливости, должно быть, выпало на долю Светланы, если она со злобой накидывается на несчастную женщину, о которой ровным счетом ничего

не знает. Евдокия эти речи не слышит, и обижаться за нее не стоит, потому что правды нет в словах Светланы, оттого и возражать не хочется. Может, выговорится человек и легче станет.

Накануне отъезда Юрий Алексеевич навестил Евдокию. Был уже десятый час, сгущались августовские сумерки. В этот дом вхожий по-родственному, он прошел без стука и застал Евдокию одну в темной горнице. Жила она в деревянном доме с матерью, которую и стар и млад называл одинаково Людкой. Так уж отчего-то повелось, что тихую, смиренную дочь звали полным именем — Евдокия, а шестидесятилетняя мать не удостоилась такой чести. Может быть, тому причиной была внешность. Она осталась подросткового телосложения, однажды прекратив наливаться женскими округлостями, и ростом не перевалила полутора метров. Всю жизнь покупала одежду в детском отделе магазина, яркую и пеструю. Проработала почтальоном, таскала тяжелую сумку с газетами и письмами, а к вечеру освобождалась от наплечного груза и еще порхала по знакомым, потому что была большой охотницей поболтать и дома не сиделось при молчунье-дочери. Гостье, которая знала все городские сплетни, были хозяйки рады, уж наслушаются и наговорятся.

Эта женщина родила дочь от неизвестного солдата, который приезжал в составе роты артиллеристов на уборку колхозного картофеля. Людке было уже за тридцать, а сватать ее никто не собирался. Пора было задуматься — бобылкой век куковать или выносить под сердцем родного человечка. Должно быть, прельстился зрелой девушкой не абы какой замухрышка, а видный из себя воин, потому что Евдокия уродилась очень даже отличной от матери. Сказалась в ней какая-то утонченная порода, и вступившую в девичьи лета Евдокию недаром прозвали барышней. Малышев вполне допускал, что прапрабабушкой Евдокии была тургеневская девушка, гулявшая с книжкой в руках по берегу какого-нибудь прихваченного ряской пруда. Иной раз вздохнет Евдокия, глазки потупив, и оторопь берет Малышева — до чего ж не нынешняя!

— Что ж не распишетесь? — частенько спрашивала Людка. — Совестно мне как-то перед людьми. Спрашивают: «Замужем дочь-то?» А я не знаю, как ответить.

— Я хоть сегодня, — говорил Малышев. — Так Евдокия не хочет.

— Какая-то она, — вздыхала мать, — вся у меня не такая.

Так оно и было. Парни ее замечали, но подступиться опасались, характер у Евдокии был жесткий. «Отойди, — скажет ухажеру, — от тебя сивухой несет». И столько в ее голосе презрения, что кавалер теряется. Он и выпил-то, может, для смелости, потому что в трезвом состоянии перед Евдокией робеет. Отчего — не понять.

— Чего в темноте? — спросил Малышев, различив Евдокию на фоне тускнеющего окна.

Она, видимо, по шагам узнала его, потому не удивилась.

— Глаза чего-то болят, — ответила. — Телевизор долго смотрела.

— Поговорить надо, — Малышев устроился поблизости на стуле.

— О чем говорить, Юрий Алексеевич? Да все я понимаю.

— Что ж ты понимаешь?

— Ехать тебе надо. С ней.

— Почему?

— Она твоя жена.

— А ты?

— Нас одиночество свело, а вас жизнь связывает. С детских лет… Как этого не понять?

— Может, я к тебе привязался.

— Ну, что об этом говорить? Я знала, она к тебе вернется. Судьба это. Ты был ко мне добр. И спасибо. Но она — твоя судьба. Я знаю.

— Слишком ты много знаешь, Евдокия.

— Только не жалей меня. Калека, что ли, какая!

— Нехорошо я поступаю, нехорошо!

— Ладно уж, скажу. Ну, знаешь же Логова. Сколько лет не отстает. Узнал, что за тобой жена приехала, так тут же и прибежал. Мужик работящий. Вон какие хоромы отгрохал. Говорит, все есть, хозяйки нет. Так что за меня, Юрий Алексеевич, беспокоиться не надо. Все равно ушла бы…

— Серьезно, что ли — «ушла бы»?

— Ну, что я с тобой шутить буду? Я ведь пожалела тебя. Очень уж ты одинокий был. Из жалости привязалась. А теперь к тебе жена вернулась. Так что и мне нужно устраивать свою жизнь. Правильно?

— Может, ты и права, — согласился Малышев, но под сердцем шевельнулась обида.

Плохо, оказывается, знал Евдокию. И у этой с виду тихони и скромницы свои расчеты в жизни. Ну что ж, устраивайся, в таком случае, Юрий Алексеевич помехой не будет. Не тот человек Малышев.

Но теперь, сидя в аэропорту, парализованном серой мглой тумана, Малышев стал сомневаться в искренности Евдокии. Чертова обида! Она помешала уловить лукавство собеседницы в темной горнице, когда лица не разглядеть было, в глаза не заглянуть.

— Чего это он? — встрепенулась Светлана, встревоженная тем, что Щекулин слишком уж резво поднялся на задние лапы, как хорошо натасканный охотничий пьес. — Никак Мокий прибыл?

Торжество Щекулина

И на этот раз Мокий сработал безошибочно, заранее рассчитав ситуацию. Он был из тех людей, которые никогда не вылезают вперед, не могут, да и не хотят быть вожаками, они идут, отстав на шаг от босса, нашептывая нужные советы, да таким ловким образом, что начальник и не сомневается, что сам до всего додумался. Талант. Тут ничего другого и не скажешь. Таким ловкачам в бюрократической сфере нет цены. Но для них смерти подобно потерять шефа. А уж коль видно стало, что дорогой и многоуважаемый захромал, так тут же нужно угадать, кем беднягу заменят. У того, естественно, свои прилипалы есть, но талант таланту рознь, да и ретивость Мокия широко известна в узких кругах больших чинов.

В один из обычных дней в кабинете Стахова появился плотного телосложения человек с въедливыми глазами. Он назвался Павлом Савельевичем Щекулиным и с ходу стал излагать дело. По его словам получалось, что на Дмитрия Евгеньевича Стахова имеется компромат, который уверенно можно назвать убойным. Стахов никак не ожидал такого поворота судьбы и очень заинтересовался тем, что же он такое умудрился натворить, что ему грозит суд.

— Деньги на ремонт школ, выделенные Минфином, до генподрядчика не дошли, — заявил с понимающей улыбкой Щекулин. — Последний след — ваша подпись. Денежки эти исчезли. Много условных единиц, так сказать. Очень много.

Конечно же, Дмитрий Евгеньевич понять не мог, куда и как могли исчезнуть деньги, которые и впрямь в одно время застряли, но после прихода Татья-

ны Семеновны были направлены по адресу. По крайней мере, так ему доложили. Но и этой странной пропажи оказалось мало, Щекулин припас еще какие-то документы, что пока лежали в папке, по которой он постучал пальцем.

— Подписи, даты, места, лица, кто давал.

— Что давал? — поинтересовался Стахов.

— Взятки. И немалые.

— Я давал?

— Вам, Дмитрий Евгеньевич. Вам давали. Но нынче народец пошел ушлый. На всякий случай зафиксировали, значит. Взяткодатели, имею в виду.

— С ума сойти!

— Вот и я говорю, — охотно согласился Щекулин. — Если бы только взятки. Тут заявленьице есть. На семь лет тянет.

— Чего, чего?

— Насилие. Вот бумаженция. От Светланы Агаповой.

— Кто такая? А эта… из общего отдела? Протеже Мокия.

— Более того — гражданская жена. А вы, пользуясь служебным положением…

— Перестаньте!

— Так ведь пострадавшая пишет…

— Выходит, обложили со всех сторон?

— Документы передавать в прокуратуру? — счастливым голоском спросил Щекулин.

— Вы меня спрашиваете? — усмехнулся Стахов. — Передайте, и немедленно.

— Когда-нибудь судились, Дмитрий Евгеньевич? — Щекулину не понравилось поспешное согласие. — Хлопотное это дело. К тому же...

— Что еще? — насторожился Дмитрий Евгеньевич Стахов, потому что на лице Щекулина появилась похотливая бесовская ухмылка.

— Я понимаю, — старательно закивал Щекулин, — женщина требует расходов, а красивая и с положением — больших расходов.

— На что намекаете?

— Какие уж тут намеки! — раскинул руки Щекулин. — Как говорят французы — ищите женщину. Так что госпожа Погудалова пойдет свидетельницей.

— Какая еще Погудалова? — стал нервничать Стахов.

— А то не знаете?

— Ах, да! — вспомнил фамилию мужа Татьяны Стахов. — Но она-то при чем?

— Деньги назначались на ремонт городской библиотеки, которой руководит госпожа Погудалова. Возможно, был сговор. Тогда это уже не свидетельница, Татьяна-то свет Семеновна.

И Щекулин уставился озорными глазами на Стахова, в душе торжествуя от сознания того, что загнал в угол человека, один кабинет которого вызывал еще вчера священный трепет. При одной мысли, что будут какие-то судебные тяжбы, в которых достанется роль и Татьяне, Дмитрий Евгеньевич без колебаний решил, что согласится на все, чего от него потребует этот щекастый человек. Стахов не один пуд соли съел с Мокием и теперь догадался, откуда подул гнилой ветерок. Должно быть, появилась надежная кандидатура нового шефа.

— Что от меня нужно? — спокойно спросил Стахов, уже зная, что бороться он не будет, потому что никогда не позволит, чтобы кто-то запятнал имя Татьяны.

— Сойти с дистанции, я так думаю.

— Я сойду, — сказал Стахов, и даже с каким-то облегчением.

— Нет Стахова — нет вопроса, — подвел итог Щекулин и, чтобы утешить клиента, беспечным тоном добавил: — Не вы первый, не вы последний.

Заботы Стахова

Так, без боя, Дмитрий Евгеньевич уступил свой пост, написал заявление с просьбой уволить по собственному желанию, и его не стали отговаривать. Оказалось, что просторная квартира, которую он занимал, принадлежит не ему, а ведомству, и он обязан был ее оставить. Личной машины он не заводил, не было в этом нужды, и дачи не имел. При службе пользовался казенной, но теперь соваться туда не имел права, только забрал кое-что из вещей, без чего не обойтись было. Жил на даче приятеля, но почувствовал, что в тягость. Совершенно случайно познакомился с одним стариком, который с охотой приютил. Звали его Герасим. Жили они в однокомнатной квартире, старик обещал оставить ее по наследству Дмитрию Евгеньевичу. Герасим получал пенсию, но с утра до вечера постоянно был чем-то занят, собирал бутылки, мыл их, потом сдавал, опять собирал, опять мыл, и так по двенадцать часов в сутки. Денег у него на еду хватало, но Герасим не мог сидеть без дела. Любил повторять, что если бы это рыночное время пришло раньше, при его молодых летах, он бы непременно долларовым миллионером стал. Только это несовпадение возраста с приходом рынка и огорчало его, а так Герасим не унывал — и некогда, и нет никакой практической пользы от переживаний.

— Человек, что белка, — иногда любил пофилософствовать Герасим, — всю жизнь крутится в колесе. А потом — брык! — и лапки кверху. Смехота!

При всей невероятной деловитости Герасим не осуждал Дмитрия Евгеньевича, который в иную пору целыми днями сидел дома без дела, о чем-то думал, а то все книги читал и что-то записывал в толстую тетрадь. Дед видел — человек добрый, сочувственный, безобидный, значит — какое-то свое страдание несет. А всякая внутренняя маета, как понимал Герасим, та же болезнь, излечение требует времени. Он и не беспокоил квартиранта, к которому легко привязался. Герасим никогда не расспрашивал о прошлом, да и, признаться, — не было интереса. Что толку говорить о том, что прошло. И у него была жена, да померла раньше мужа, потому что всегда была непослушной. Сына вырастил, а тот в Америку подался и пропал. Было бы худо, написал бы, но устроился, видать. Зачем ему родитель?

Ни жена, ни сын уже и не снятся. Что о них вспоминать? Огорчать себя Герасим не любил. Вот бутылки снились, как грибы заядлому грибнику.

— Ничего, — говорил Герасим, — пили, пьют и будут пить. На мой век тары хватит.

Нахлебником Дмитрий Евгеньевич Стахов не был, на свой кусок хлеба зарабатывал, поначалу на рынке грузчиком нанимался, а потом и вовсе хорошо устроился — в строительной бригаде, заработки пошли. Герасим догадывался, что жилец был не из рядовых, повадки выдавали начальника, оттого удивляло, что к физическому труду легко привык. Ведь, небось, одним языком работал прежде. Сам Герасим простоял тридцать лет за станком в ремонтных мастерских автобусного парка и ко всякому начальству относился снисходительно.

Еще одно обстоятельство было дивно старику — в самом соку мужик, а без бабы. Но по всем наблюдениям Герасима, была у холостяка заноза.

Каждый год в один и тот же день квартирант покупал цветы непостижимой красоты. Грошей стоили — ужас! В комнате постоят — голова кружится от запаха. И нес кому-то. Но Герасиму не хотелось выяснять — кому, не будешь совать нос в чужие дела, сохранишь целым. Хоть он не велик, а свой.

Это было так на самом деле — во второй половине августа, а коли быть точным, то двадцать третьего числа, Дмитрий Евгеньевич старательно приводил себя в порядок, брал в руки заранее приготовленный роскошный букет роз и уходил из дому в прекрасном расположении духа. Да и возвращался обычно в просветленном и благостном настроении, как после молений в храме.

Обычно он появлялся в рабочее время в библиотеке, заходил в небольшой кабинет, постучав, передавал цветы в руки Татьяне Семеновне и говорил несколько поздравительных слов. Он никогда не садился, если даже она приглашала, а через минуту уходил, потому что говорить на общие темы не хотел, а душевных признаний Татьяна слушать не стала бы. Она не удивлялась его приходу, привычно говорила, что напрасно хлопочет и тратится на дорогие букеты, но за внимание благодарила, хотя без особого чувства. В читальном зале библиотеки он появлялся и в другие дни, но весьма редко, чтобы не быть назойливым, однако в месяц раз непременно, потому что сердце не выдерживало большей разлуки. Она, видимо, не раз на дню заглядывала в зал, и он дожидался этого случая, они молча раскланивались, иногда перебрасывались двумя-тремя словами, но Татьяна не задерживалась возле него, а уходила по своим делам.

На этот раз Дмитрий Евгеньевич узнал от сотрудниц, что Татьяна накануне вышла в отпуск и оставила пригласительные билеты, наметив отпраздновать день рождения в том ресторане, в котором однажды Дмитрий Евгеньевич увидел ее в новом облике, еще не зная, как эта встреча повлияет на его собственную жизнь. Из-за банальной уличной пробки Стахов опоздал, а намеревался он встретить ее у входа, но Татьяна уже прошла в здание, как сообщил мрачный швейцар. Растерянный Дмитрий Евгеньевич стоял с букетом цветов у входа, когда появилась служебная машина, судя по номерам, и остановилась неподалеку от него.

Из машины выскочил Мокий и распахнул дверь шефу, который продолжал разговаривать по мобильному телефону и не спешил выходить. На переднем сиденье рядом с водителем расположился Хомич, смотрел на шефа и кивал, а шеф поглядывал на него. Должно быть, шеф сверял свои ответы на Хомиче, одобряет тот или нет.

Стахов подошел к Мокию сзади, вежливо покашлял. Мокий оглянулся.

— По старой дружбе, — стал просить Стахов, — посодействуй... Передай. — Он протянул букет. — Ты знаешь, кому. Будь добр!

Мокий сделал вид, что не узнает Стахова.

— У нее нынче день рождения, — объяснял Стахов. — Я обязательно должен поздравить, а меня не пропустят.

Наконец шеф закончил разговор, вышел из машины и стремительно двинулся к дверям ресторана. Хомич тоже выбрался наружу, что далось нелегко, еще больше пополнел. Он даже не глянул на Стахова, а побежал за шефом, быстро перебирая ногами.

— Мокий, прошу тебя! — встревожился Дмитрий Евгеньевич.

Мокий посмотрел на него через плечо и жестко бросил, как когда-то сам Стахов:

— Сгинь с моих глаз!

Затем он побежал за шефом, догнал, пристроился сбоку и старался идти в ногу, но шаги его были мелковаты. Стахов смотрел вслед и усмешливо

думал, что когда-то он так же стремительно и целеустремленно шагал впереди, а за ним еле поспевали эти двое. Нет в мире незаменимых людей, кроме Хомича и Мокия. Эти вечны.

Букет он все-таки передал с одной дамой, когда-то шапочно знакомой. А несколько дней спустя Мокий напомнил о себе самым неожиданным образом. На автобусной станции, где множество народа было занято дорожной суетой, толпилось у касс, бежало с вещами к машинам, пило пиво и соки у киоска, Стахов сидел на скамье и держал раскрытую газету. Пробежав глазами страницу, он перевернул полосу, и лицо его от удивления вытянулось. Дмитрий Евгеньевич увидел черный заголовок «Слово друга», а ниже следовало — «Из достоверных источников стало известно, что Стахов Д. Е. погиб при загадочных обстоятельствах». И дальше говорилось, что покойный был прекрасным человеком и принадлежал к той плеяде активных демократов, что положили начало рыночным преобразованиям в государстве. Подписи не оказалось, но стиль был знакомый, лозунговый. Пером водил, конечно же, Хомич. Но к творчеству понудил несомненно Мокий. Еще раз бросил: «Сгинь!»

— Зачем вам это надо, зайчики? — невольно вслух удивился Стахов и даже оглянулся, но никто на него не обращал внимания, как будто и впрямь он был уже духом.

Возможно, деньги из государственной казны и впрямь ловким манером перекочевали в чей-то личный карман, а чтобы о них не возникло вопросов, понадобился некролог. С мертвого что возьмешь? Стахов только подумал об этом, и то с гадливостью, бежать и оправдываться он ни за что не стал бы. Свяжешься с ними, потом не отмыться.

Явление Мокия

То ли показалось, то ли впрямь что-то изменилось в природе, туман не поредел, но возникло такое ощущение, что его толщу стали пробивать струи воздуха, и он стал неровно двигаться. Видимо, бродяга-ветер наткнулся на него извне и стал теснить, нетерпимый ко всякому препятствию на своем пути. Туман не каменная глыба, резвому ветру разогнать его много времени не понадобится. Дмитрий Евгеньевич на всякий случай перебрался в зал ожидания, ближе к справочной, чтобы не упустить объявления о возобновлении рейсов. Уже в зале он поискал глазами, заметил Светлану и Юрия Алексеевича в дальнем углу, но подходить не стал.

И тут Стахов увидел идущего от входа невысокого, очень ладненького, будто игрушечного человека в длинном плаще, полы которого широко и победно развевались. Слева и справа от него, как ведомые, шагали ровно такого же роста, но втрое шире в плечах, сбитые из одних мышц типы с низкими лбами и с боксерскими носами, кривыми в разные стороны. Великолепная тройка двигалась так слаженно, будто выступала на арене цирка под бравурную музыку. Все впечатление портил семенивший за спинами этой великолепной тройки Павел Савельевич Щекулин. Дмитрию Евгеньевичу, мимо которого прошествовала примечательная группа, почему-то бросились в глаза бурачного цвета надутые щеки детектива.

А Мокий был хорош! Великолепен был Мокий! Всегда он любил длинные плащи и всегда носил их, расстегнув все пуговицы.

Боевитая тройка направлялась к той скамейке, на которой сидели Светлана и Малышев. Светлана, видимо, пыталась вскочить, сама не осознавая

своего поступка, но Малышев обнял ее за плечи и удержал. А ребятки шли красиво, будто олицетворяли само праведное возмездие, так много было на их лицах невозмутимой уверенности. Мокий был особенно приметен — шляпа набекрень, руки в карманах плаща, на губах улыбочка. Не только бедно одетого Стахова, вообще никого из людей не видел он, глаза были нацелены только на Светлану, так тигр перед броском из стада косуль выбирает цель, чтобы уже не менять. Шел напористо и прямо, но артистично легкой поступью.

Потом резко остановился перед Светланой, широко поставив ноги. Юрия Алексеевича будто и не замечал. Смотрел в упор только на женщину. Дмитрий Евгеньевич остановился в нескольких шагах, но так, что Мокий видеть его не мог.

Мокий усмехнулся.

— Не понял. Кто еще такой?

И надо же было жалкому Павлу Савельевичу сунуться с объяснениями:

— Я говорил о нем — учитель из Лежавы.

— Заткнись, — бросил зло юристу Мокий. — Говорил он… Когда!? Я тебя в порошок сотру, Щекулин!

Светлана демонстративно прижалась к Малышеву.

— Дружка нашла? — спросил с издевкой Мокий.

— А какое твое дело?

— Знаешь, голуба? Мне надоели твои выкрутасы.

— А мне ты надоел, — героически вела себя Светлана.

— Ну, зря же, зря огрызаешься, — вдруг на сочувственный тон перешел Мокий. — Все равно пойдешь со мной. Так что не тяни кота за хвост.

— Хоть убей, не пойду, — заявила Светлана, без боязни глядя в глаза своему мучителю, из-за которого завелась нынче в душе мглистая, как туман, да к тому же ядовитая злоба.

— Ну, что мне — кланяться перед тобой, — теперь уже подобно кроткому ангелу развел руками Мокий. — Так я могу и поклониться.

— Да неужели? — удивился Дмитрий Евгеньевич, уже стоя за его спиной. — Прямо при всех?

Должно быть, узнав голос, Мокий застыл на какой-то миг и обернулся с невозмутимым лицом к Стахову, выдержки не занимать было.

— А-а, — пропел он приятным голосом, — покойнички разгуливают! А где ж букетик? Не для меня купил? Доложили, хорошие цветы, дорогие.

Он покосился на Щекулина, потом оценивающим взглядом изучил убогое одеяние Стахова. Даже головой покачал — эк, до чего докатился, мол! Стахов его словам и выразительной мимике не придал значения.

— Чего ж не кланяешься? — указал он рукой на Светлану. — С удовольствием посмотрю.

— А в самом деле! — с усмешкой подхватила Светлана. — Поклонись, Мокий. Слезу пусти. Ты же клоун. Давай, давай!

И в ту же минуту, не раздумывая и ничего не сказав, широко и благодушно улыбнувшись, Мокий ладонями вскользь ударил по коленям. Потом он чуть присел, словно проверил на гибкость суставы ног, и похоже было, пойдет вприсядку. Но в следующий миг сделал легкие скользящие шаги в сторону Светланы, остановился, весь напружинившись, и отбежал на носках назад.

— Мадридский поклон! — объявил Мокий и начал мельтешить, выписывать кренделя ногами, махать воображаемой шляпой.

И снова отскочил назад.

— Поклон времен Людовика Четырнадцатого! — громко произнес Мокий и снова задрыгал ногами, засучил руками и стал ломаться в поясе.

Уже собрались любопытные зеваки. Они не понимали, что происходит, но человек красиво бьет поклоны, и всем это казалось забавным. Может, артист какой, уличный? Теперь кого только не встретишь!

— Хватит! — зло крикнула Светлана, видя, что Мокий издевается над всеми, этаким образом опять же себя возвысив. — Скоморох!

Но нет, Мокий не считал себя шутом. Ему дела не было до того, что о нем кто-то подумает, потому что чувствовал себя хозяином ситуации. Ему достаточно было увидеть этого учителя, чтобы тут же понять — не соперник. Он моментально уловил, что Светлана дерзит без всякой уверенности. И потому не поклоны бил Мокий, а исполнял танец победителя.

— Молодец, Мокий! — одобрил Стахов. — Узнаю! Ловок! Теперь меня послушай, Мокий. Не приставай к молодым людям. Лучше тебе уйти.

— Угрожаешь? — очень сильно удивился Мокий. — Ты?

И тут странно повел себя Павел Савельевич Щекулин. Всем телом передернулся, как от корчей, бурые щеки побледнели, маленькие глазки налились мстительным гневом, и он с искренним чувством проговорил:

— С вами же тогда, Дмитрий Евгеньевич, подло поступили. Ой, подло! К сожалению, и у меня рыльце в пушку. Но лучше поздно раскаяться, чем никогда. Все документы я сохранил. Готов постоять за истину.

— Что это с тобой, Щекулин? — удивился Мокий. — Какая муха укусила?

— По тебе, Мокий Устинович, тюрьма заливается слезами, — вошел в раж Павел Савельевич.

— Не пугай уж так меня, дорогой друг, — улыбнулся и впрямь вполне дружелюбно Мокий. — Мы ж свои люди. А что касается его — он посмотрел на Стахова, — так человек не понял ситуацию. Никто тут ни на кого не давит. Светлана Кирилловна пойдет со мной по своей воле.

— С чего это решил? — вскинула глаза Светлана.

— Может, хотя бы отойдем в сторону? — проявил вежливость Мокий.

— Никуда я с тобой не пойду, — отбивалась Светлана.

— Ну, воля твоя. Тогда при всех потолкуем по душам. Куда летишь-то? Домой?

— Домой. А что?

— Так ведь зря. В квартиру не попадешь. Уже замки сменили. Где жить будешь с милым? В шалаше вождя пролетариата?

— Что ты мелешь? — прошептала Светлана, хорошо помня, что Мокий впустую болтать не станет.

— И с бизнесом плохи твои дела, — с притворным сочувствием вздохнул Мокий.

— С молотка спущу, а тебе не достанется, — пригрозила Светлана, чувствуя, как становится пусто в груди и как мечется сердце в этом гулком пространстве, ноя жалостно.

— Неужели думала, что я лох? Нет, моя красавица, я все предусмотрел. Контракт — дело тонкое. Есть там пунктик, что компаньоны владеют имуществом, пока вместе. А раз ты нарушила договор, то все права переходят мне, а ты остаешься с карманными деньгами. Много ли в сумочке-то? Пусть твой возлюбленный содержит тебя в роскоши. А я пас.

До этого молчавший Юрий Алексеевич, который по своей неопытности поначалу перед лицедеем Мокием растерялся и потерял волю, теперь почувствовал, что пора действовать.

— У вас все? — спросил он Мокия и заявил: — Теперь послушайте меня.

Он встал и шагнул к Мокию, естественно, полный решимости постоять за свою женщину, если даже придется пострадать. Тупые взгляды двух кач-

ков ничего хорошего не обещали. Но Малышев не чувствовал в эти минуты страха, потому что только теперь понял, от кого надо спасать Светлану и как правильно он поступил, поехав с ней.

Однако Мокий вызова не принял, а слушать учителя из Лежавы и вовсе не собирался, он шагнул в сторону, чтобы видеть Светлану, и сказал:

— Выбор простой — или ты с ним, но нищая, или со мной, очень богатая. Считаю до трех.

— Слушайте, вы…

Бесстрашный порыв наивного Юрия Алексеевича оказался напрасным, Светлана поднялась, положила открытую ладонь на его плечо и посмотрела в глаза.

— Спасибо, — сказала она. — Прощай! И не суди.

Мокий резко взял под руку подошедшую к нему Светлану и повел через зал к выходу. Уже изрядно удалившись, он повернул голову и бросил через плечо:

— Живи, Стахов! Я разрешаю!

Схороненная страсть

Все так стремительно переменилось, что Юрий Алексеевич остался в полной растерянности. Он не мог сомневаться в искренности Светланы, когда она говорила, что не хочет возвращаться к Мокию, к прежней подневольной жизни, но как скоро и как легко изменила решение.

— Да мы этого Мокия! — вспыхнул вдохновением Павел Савельевич, но осекся под сумрачным взглядом Стахова.

— Прощайте, Щекулин! — сказал Дмитрий Евгеньевич.

— А как же? — растерялся Павел Савельевич, готовый бороться за правду и справедливость.

— Никак, — ответил Стахов, взял под руку Малышева и повел.

Оставшись один, Павел Савельевич еще раз подумал, что живет не в лучшем из миров, населенном, кстати, мелкими людьми, недостойными его светлых порывов.

— Только не подумайте, — говорил Дмитрий Евгеньевич Малышеву, — что я от нечего делать, от скуки лезу в вашу жизнь. Нет, нет. Я могу уйти. Но что-то меня удерживает. Вам очень важно понять, что случилось. Нельзя рыбу спасать от щуки, вытащив из воды. Агапова вернулась в свою среду. И вашей вины нет.

— И я должен успокоиться? Вы же видели, как торжествовал Мокий! Вас это устраивает?

— Да плевать мне на Мокия! Я говорю о вас. Вам очень больно, что Агапова ушла с ним?

И этот вопрос всполошил Малышева, потому что прошло-то всего несколько минут, как Светлана удалилась с человеком, которого ненавидела, от которого умоляла спасти, и впору, казалось бы, скрипеть зубами от обиды, а Юрий Алексеевич в глубине души почувствовал облегчение, словно какие-то путы сбросил. Его удивила проницательность Стахова, ведь знал, что спросить, но Малышев не мог вслух признаться, что боли-то как раз и нет.

— Но нельзя же так! — с нарочитым жаром возмутился он. — Не могут эти Мокии жить безнаказанно! Вот и вы, по сути, уступили ему. Я понимаю, что вы спасали честь женщины, ее доброе имя, но ведь негодяй только рад был тому. На это и рассчитывал! Почему Мокию должно быть хорошо, а вам плохо?

Гнев Малышева был праведен, тут ничего не скажешь, но сам-то он понимал, что этим возмущением только прикрывается от той истины, которая ему открылась. Он боялся этой голой истины.

— Да что вы, право! — коротко посмеялся Дмитрий Евгеньевич. — Отчего ж мне плохо? Я здоровый мужик. Руки-ноги на месте. И растут откуда надо. Голова соображает. И устроился хорошо. Работал по вызову. Бригадир в любое время мог позвонить — есть заказ. Делал любую работу по ремонту. Оконные откосы — пожалуйста. Покрасить потолок, обшить балкон, остеклить, уложить плитки в ванной — нет проблем. Нужда заставит, спляшешь и споешь. Зарабатывал неплохо, очень даже недурно.

— Но отчего же, простите, похожи на бомжа?

— На бомжа? — улыбнулся Стахов. — Да я и есть подлинный бомж. Уже год, как не работаю.

— Отчего?

— Когда навалились на меня все беды, я привел себя — именно привел! — к пониманию, что живой природе не хватает той любви, что изредка зарождается в человеческом сердце. Она, эта подлинная непритворная любовь, не ищет взаимности, а находит радость в страдании. Есть боль, которая возвышает человека настолько, что все то, за что мы хватаемся — деньги, достаток, положение в обществе, — становится сущей ерундой. Без этой боли нарушается гармония и человеческая природа становится уродливой.

— Понимаю, о какой боли вы говорите, — признался Юрий Алексеевич.

— Я искренне думал, мне достаточно того, что она знает, как любит ее один человек. Оттого спокойная. Оттого гордая. Может, и сама того не понимает, а так оно. Этим помыслом я жил до последней встречи с ней.

Год назад Дмитрий Евгеньевич пришел в кабинет Татьяны с букетом, как это всегда случалось в прежние дни ее рождения. На этот раз в кабинете оказался Валерий Леонидович Погудалов, ее муж. И как выяснилось, дожидался Стахова. Тут же без лишних церемоний приступил к разговору, а вернее — произнес свой предварительно продуманный монолог:

— Мне кажется, вы ведете себя не лучшим образом. Чего вы добиваетесь? Чего вы хотите от нас? Таня не давала вам повода, чтобы вы так упорно ее преследовали. Я знаю о ее детском поступке. И что? Она вас придумала. Потом мы узнали о вас много неблаговидного. Неужели думаете, что Таня может уважать казнокрада? А эта история с некрологом! Чего вы добивались? Хотели проверить, как она поведет себя? Это же надо — написать на себя некролог! Мокий Устинович всем объяснил — кто автор. Не будьте жалким, вам мой совет. Таня не любит и никогда не полюбит вас. Не обманывайте себя надеждами.

В продолжение всего монолога Татьяна была спокойна, только чуть бледна, и сидела, уткнувшись взглядом в какой-то, скорее всего, случайный документ. Но — боже мой! — какими потухшими были ее глаза!

— Хотите, чтобы она сама сказала это вам? — спросил с угрозой Погудалов.

Осторожно положив букет на стол, на самый уголок его, Дмитрий Евгеньевич коротко поклонился и молча вышел из кабинета.

— У меня все было, чего только можно пожелать, — говорил он теперь Юрию Алексеевичу, — власть, деньги, женщины. Но не было смысла, ради которого стоит жить. Потом я лишился многих благ, но у меня появилось значение жизни. Я жертвую собой ради покоя любимой женщины. Как благородно! А? Но последняя встреча…

И Стахов скупо рассказал о том, как оказались в кабинете три человека — он, она и ее муж.

— И я вдруг понял, — говорил Дмитрий Евгеньевич, — что хочу эту женщину и что это желание самое сильное в моей жизни. Я испугался самого себя, потому что впервые догадался, как страстно я хочу эту женщину. Будущее без нее, без ее близости предстало бессмысленным. Стоявший передо мной мужчина говорил о своих правах на нее, а я готов был наброситься на него, потому что не с ним, а со мной должна быть эта женщина. Я тогда ушел молча, чтобы не вырвался из глубин моих волчий вопль отчаяния и злобы.

И устыдившись своего дрогнувшего голоса, Дмитрий Евгеньевич откашлялся и спросил:

— Вам не кажется, что туман начинает редеть?

— Нет, не кажется, — заявил Юрий Алексеевич, приглядевшись.

— А ведь и впрямь рассеивается, — стоял на своем Дмитрий Евгеньевич. — Я вас уверяю — скоро распогодится.

— Сегодня ее день рождения? — догадался Юрий Алексеевич.

— Был, позавчера. Но из-за тумана… Герасим, у которого я квартирую, отнес на барахолку мой последний приличный костюм.

— И вы купили роскошный букет?

— Целый год я пытался усмирить себя, все падало из рук, ничто меня не могло отвлечь от страсти, и я пришел к решению — последний раз увидеть ее и убедиться… Одержимость самца в ее реликтовой первозданной сути! Очень может быть, что я схожу с ума. Но не это я вам хотел сказать. К чему я вел…

— К чему?

— Когда я думал о спасительной боли, о благородстве неразделенной любви, я не жил, а придумывал жизнь. Вот и вы с Агаповой… Никогда, Юрий Алексеевич, ни при каких обстоятельствах не притворяйтесь. Жить надо искренно. Только так!

Они подошли к металлической ограде и оказались около штабеля бетонных плит. Дмитрий Евгеньевич внезапно умолк и удивленно застыл, потому что за железными прутьями высокого забора уже довольно четко проступили силуэты самолетов.

Ожил далекий громкоговоритель, Дмитрий Евгеньевич прислушался, но слов нельзя было разобрать.

— Идемте же, идемте! — заторопился он.

Осмелевший ветер резво нарастал, разгоняя еще недавно, казалось бы, незыблемый и уверенный в себе, но вдруг оробевший и послушный натиску туман. С каждой минутой все отчетливей и зримей выступал окружающий мир.

— Простите, — сказал Дмитрий Евгеньевич и торопливо пошел, должно быть, надумав проверить, целы ли цветы и так же ли свежи.

Юрий Алексеевич не стал мешать, остался один, подошел к ограде и смотрел на дремлющие самолеты, еще даже и не смекающие в истомной лени, что вскоре взревут диким воем и бешено ринутся в небо, презрев покой и не страшась опасности.

Слова Стахова о боли не забывались, потому что именно в эти минуты и Юрий Алексеевич почувствовал боль, только чужую и далекую. Она обожгла его стыдом. В эти минуты Малышев уже понял и признал, что соблазнился… взял грех на душу... позарился на чужие деньги, чтобы ловчее и удобнее устроить свою жизнь. Одновременно ему стало ясно, отчего Евдокия так легко и вроде безболезненно отпустила его. А ведь оттого, что понимала, насколько Малышеву выгоднее быть со Светланой, чем оставаться в городке рядовым учителем, и что сам он эту выгоду принимает, хотя и не сознается. Малышев согласился ехать в Питер ради своей выгоды. Вот она — голая истина. Остальное — ложь.

Боже милый, как же стыдно бывает за себя!

Та, что звалась Татьяной

По репродуктору сообщили, что прибывает самолет из Берлина. Юрий Алексеевич уже собирался на первом автобусе уехать в город, потому что ему-то уж точно делать тут нечего, но какое-то подспудное чувство подсказывало, что не стоит спешить. Он увидел Дмитрия Евгеньевича у выхода с летной полосы, где должны были появиться пассажиры прилетевшего самолета. Стахов торжественно держал в руке букет и ждал. Он весь углубился в это ожидание, как в обморочный сон, и до него нельзя было, видимо, даже докричаться.

Вокруг стали собираться оживленные люди, многие тоже с букетами цветов. И если Дмитрий Евгеньевич прежде стоял на самом виду у выхода, то теперь его оттеснили, и он оказался в тылу. Из-за этого Дмитрий Евгеньевич занервничал, пытался протиснуться ближе к двери, но кто-то задел локтем букет, и Стахов с ужасом отскочил назад. Через образовавшийся живой коридор стали проходить прилетевшие пассажиры, но толпа равнодушно пропускала их. И вдруг она оживилась, зашевелилась, заулыбалась.

Еще молодая и очень красивая женщина шла раскованно и легко, положив руку на согнутый локоть пожилого и очень представительного человека. Почему-то Юрий Алексеевич сразу определил, что это она, Татьяна. Десятка два встречающих с цветами бросились к этой чете и стали шумно поздравлять мужчину.

По восклицаниям было понятно, что прилетевший удачно выступил на каком-то важном международном симпозиуме и произвел некий фурор в научном мире. Лица лоснились довольством и почитанием. Стахова вовсе оттеснили, и он не мог пробиться к Татьяне, совершенно оробев. Он суетился перед плотной стеной из спин в дорогих костюмах. И Юрий Алексеевич не выдержал, подошел. Стахов уставился на него, как на спасителя, и молча протянул букет. И тот взял цветы из рук Стахова, бесцеремонно растолкал встречающих и вручил женщине.

— Вы знаете, от кого, — сказал Юрий Алексеевич и тут же был вытиснут встречающими. — Он здесь.

С лица Татьяны сошла казенная улыбка, глаза ее наполнились чувством, и она стала смотреть по сторонам. Она искала его. И потом, когда толпа встречающих увлекла ее через зал к двери, она все оглядывалась, все искала среди множества народа его, все пыталась найти…

К Стахову подскочил Юрий Алексеевич.

— Она хочет вас видеть! — умолял он в большом нетерпении. — Ну, что же вы!

Но Дмитрий Евгеньевич был спокоен. В этом нищем одеянии она и не узнала, должно быть, Стахова, даже скользнув по нему взглядом. Дмитрий Евгеньевич двинулся к выходу.

— Чего-то испугались? — спросил после продолжительного молчания Юрий Алексеевич, следуя за ним.

Уже выйдя на улицу, где природа жила так, словно и не было недавно гнетущего тумана, словно всегда светило солнце, чирикали воробьи и суетливые люди продолжали куда-то спешить как заведенные, Дмитрий Евгеньевич с каким-то даже испугом глянул на Малышева, словно тот разгадал его тайну.

И тогда Юрий Алексеевич Малышев прямо-таки жгуче почувствовал, как важно убедить этого человека в том, что он не прав, что нет смысла в одиночестве.

— Я видел ее близко, — взволнованно заговорил он в искреннем стремлении помочь. — И когда сказал: «Вы знаете, от кого», она вся вспыхнула. Чест-

ное слово! Я видел ее глаза. А если все эти годы она любит вас? Что тогда? Она любила и боялась, не осмеливалась нарушить правила, по которым приходилось жить. А вы устранились, не протянули руку, не помогли. Почему вы должны уступать свою женщину другому мужчине? А если она этого не хочет! Если она несчастна без вас? Почему и она, и вы должны страдать, если можете быть счастливы?

— Да, да, да, — несколько раз повторил в большой и странной задумчивости Дмитрий Евгеньевич.

И тут посмотрел на Малышева с таким видом, словно неожиданно вспомнил, как сильно куда-то опаздывает и как важно ему тут же уйти, за что винится, но поступить иначе не может.

— Прощайте! — сказал Стахов и торопливо пошел в сторону от остановки автобуса, от стоянки машин, от всего ожившего, многолюдного и шумного аэропорта в направлении светло желтеющего стерней поля, за которым узкой полоской темнел далекий лес.

Когда-то Дмитрий Евгеньевич Стахов обидел наивную, но чистого сердца девушку. И ее же, повзрослевшую, снова не понял. Ни к чему ей страдания его, ни тепло ни холодно ей от его боли, если не угасло в душе чувство, что вспыхнуло в юные годы.

По жесткой и хрусткой стерне через пустынное поле шел взъерошенный в мыслях Дмитрий Евгеньевич, то желая раствориться, как бесследно исчезнувшая мга, чтоб только спокойно стало, то пугаясь такого исчезновения, потому что тогда пришлось бы оставить Татьяну одинокой в этом мире, залитом солнечным светом.

Он шел и чувствовал, как уходит смирение, как наливаются жилы и сердце веселящей хмельной силой, как просыпается застоявшийся разум, как вся его человеческая мужская суть требует движения, борьбы, действия, как зреет и крепнет отважная уверенность, что все в этой жизни будет по плечу ему, Дмитрию Евгеньевичу.

Он убедился нынче, что ждет она от него поступка.

Евдокия

В эти последние дни августа уже повсюду чувствовалась ранняя в этом году осень, природа созревшие за лето плоды отдавала людям, чтобы освободиться от них, чтобы уйти на покой и только собой заниматься — наряды менять да кутаться в загадочные туманы перед зимней спячкой.

Автобус катил по шоссе уже третий час, Юрий Алексеевич неотрывно смотрел в окно и видел то стригущий ржаное поле комбайн, то боронующий суглинки под озимые трактор, то снимающих яблоки людей в садах. И казалось, что и природа, и работающие люди довольны друг другом, оттого светит им солнце с особенным удовольствием.

Почему-то вспомнилось, как они с Евдокией пили чай. А были ранние сумерки. Они сидели за маленьким кухонным столиком и не включали свет, чтобы не нарушить покой чаепития. Им было хорошо без слов. Евдокия любила пить чай из блюдца с карамелькой во рту. И Юрий Алексеевич последовал ее примеру. Заметив это, она ничего не сказала, а только улыбнулась. Вот-вот, попробуй, говорили ее глаза, увидишь, как хорошо.

Что уж такого в этом воспоминании? Подумаешь, сидят два человека и пьют чай с карамельками! За последнюю неделю после приезда Светланы в жизни Малышева произошло столько событий, что не отдышаться, казалось

бы. А он катит в автобусе, смотрит через стекло на свет Божий, вспоминает обычное чаепитие, и ему становится все спокойней и спокойней.

Евдокия пришла в его дом в такие же сумерки, не осмелившись при бесстыжем дневном свете. Занятый у кухонной плиты, Малышев уже собирался включить лампочку, как она появилась на пороге. В темном длинном платье, плотно облегающем статное тело, и в туго стянутом платке она показалась ему монахиней из той старинной жизни, когда ходили по земле странники и странницы. Малышев почему-то не удивился приходу Евдокии, хотя прежде она ни разу не заходила в дом. Но они и до этого были в добрых отношениях, здоровались с обоюдным удовольствием, даже иной раз заводили необязательный, однако приятный обоим разговор, как это бывает с людьми, давно знакомыми, живущими в небольшом городке и потому знающими друг о друге всю подноготную. Какие могут быть церемонии! Потом Евдокия говорила, что была в обморочном состоянии, если бы он повел себя иначе, то ее сердце могло бы разорваться. Но он встретил ее по-доброму, и она тут же успокоилась.

— Можно, я посижу? — сказала она и тут же присела на табуретку при кухонном столике.

— Посиди, Евдокия, — сказал Юрий Алексеевич, — посиди.

Как раз Юрий Алексеевич помешивал ложкой в кастрюле и не мог отвлечься от плиты.

— Сейчас свет включу, — сказал он.

— Еще не темно, — ответила она и спросила: — Что готовишь-то?

— Пельмени.

— А что еще умеешь?

— Яйца варить.

— И все?

— Еще картошку. Но не люблю чистить.

— Так давай я тебе готовить буду.

— А что ты умеешь?

— Все умею. Да и постирать могу. Тебе вон и окна помыть надо. Уборку-то хоть делаешь?

— Изредка.

— Буду убирать. Хочешь?

— Вообще-то хочу, Евдокия. А как мы договоримся?

— Никак. Мне после работы все равно делать нечего.

— А что люди скажут?

— О чем?

— Ну, что будешь приходить ко мне. Они ж глупости подумают.

— Какие глупости?

— Ну, как? Мы ж молодые еще.

— А сейчас мало говорят?

— О чем?

— Ну, что без женщины живешь? Что хорошего-то, без бабы?

— С меня хватит. Не для семейной я жизни, Евдокия. Невезучий я в этом деле.

— Я знаю, у тебя была жена. Если я тебе противна, скажи, я уйду, не обижусь.

Он выключил газ, сел напротив Евдокии, очень осторожно спросил:

— Что с тобой, Евдокия?

— Ничего, — ответила она, глядя ему в глаза. — Я ж подумала прежде. Я много думала.

— О чем?

— О своей жизни. О чем еще?

— Почему меня выбрала?

— Я ж вижу, тебе никто не нужен. Ни на кого не смотришь. Все один. И я одна. Я так решила — буду о тебе заботиться. Не бойся, не надоем.

— Ничего я не понимаю, Евдокия.

— Не гони меня.

— Поедим пельменей. Хочешь?

— Хорошо.

— А то я голодный, как собака.

— Днем-то хоть обедаешь?

— Да не всегда. Как получится.

— Я буду обеды приносить.

— В школу, что ли?

— А что?

— Да ты что! Я лучше прибегу домой.

Так и стала она заботиться о Юрии Алексеевиче, каждое утро прибегала до работы, чтобы приготовить завтрак и обед, вечером вместе чаевничали, а как-то Малышев сильно простыл, схватил ангину, и Евдокия осталась на ночь с хворым. С тех пор и стали жить как муж с женой, однако никаких взаимных обязательств не давали. Евдокия и не догадывалась ставить условия, а Юрий Алексеевич решил, что если наметится у них ребенок, то обязательно женится, как человек порядочный.

— Что ж тебе на ужин приготовить? — бывало, спросит Евдокия.

— А мне все равно, — ответит Юрий Алексеевич. — У тебя все вкусно получается.

— Может, рыбку в тесте? Хочешь?

— Можно и рыбку в тесте.

— Так ведь вчера ел.

— И нынче съем.

— Я щуку купила. А что, если я проверну в мясорубке да котлеты приготовлю? Хочешь?

— И то добре, — сдерживая смех, соглашается Юрий Алексеевич.

— Не то оладьи приготовлю, — не унимается Евдокия. — И давно я тебе блины не пекла. С маслицем. А?

— И то хорошо, Пульхерия Ивановна ты моя, — вырвалось как-то однажды у Малышева, и тут же он решил смягчить: — Была такая трогательная супружеская пара. Читала Гоголя?

— Глупый ты, Юра, — спокойно ответила Евдокия. — Они, конечно, никакие не герои, но зато счастливы были вместе. Им друг с другом хорошо было. А что еще надо?

Странная привязанность Евдокии была Юрию Алексеевичу непонятна, ничего такого особенного он в себе не видел, чтобы так самоотверженно заботилась о нем эта женщина. Ему даже казалось забавным, что тихая по натуре и робкая в жизни Евдокия, не умеющая находить свою выгоду и держать судьбу за шелковую уздечку, прониклась жалостью к мужчине, который не заслуживает сострадания, потому что вполне самостоятелен и уж точно добился бы житейских благ, если бы к тому возникло желание. Юрий Алексеевич не понимал природу этой жалости.

В детстве Евдокия была очень серьезной девочкой, довольно замкнутой, однако не букой, не любила играть в шумные игры с визгом и беготней, но с удовольствием наблюдала за тем, как развлекались ровесники. Сидит

на трибунах школьного стадиона, иногда единственной зрительницей, и переживает за всех, кто гоняет в поле футбольный мяч. Она болела не за команду, а за тех игроков, которые мазали, падали, теряли мяч или били в свои ворота.

Девчонки своего класса как-то затянули Евдокию в игру в баскетбол и прямо-таки удивились тому, как она ловко вела себя. Тоненькая, гибкая, хваткая, она будто летала по полю, разве чуть касаясь земли носками, и ничего ей не стоило забросить мяч в кольцо. После тренер чуть не со слезами уговаривал ее участвовать в соревнованиях, но она отвечала ему, что любит больше смотреть, чем бегать, потому что, бегая, она не видит всю игру.

Больше всего ей нравилось сидеть на трибуне, когда за одну из футбольных команд играл Юра Малышев. Она училась тремя классами ниже, и для Юры была поначалу просто малявкой, но и потом заметной для него не стала. Зато в одном с ней классе училась Светка Агапова. Вот из-за нее-то, из-за этой воображалы в маленьком сердце Евдокии и возникла огромная жалость к Юре Малышеву. И когда она смотрела футбольную игру, в которой участвовал Юра, ей совершенно неважно было, кто кому забил в ворота, потому что видела она только одного человека и за него переживала. И если этому человеку делали подножку и он падал, Евдокия всем тельцем чувствовала боль.

Светка могла появиться в самый разгар игры, в голос позвать Юру Малышева, взять за руку и увести. И он бросал команду. Это был такой позор! Евдокия потом полночи не спала, а все думала, зачем надо было унижать Юру перед товарищами? Ответа не находила и все объясняла вредностью характера Светки.

Однажды она была свидетельницей спора Светки с подружками. Она заключила пари на шоколадку, что испачкает ноги, а Юрка при всех будет их мыть. Все происходило на школьном крыльце. Светка села на ступеньку и притворно распустила нюни. Юрке Малышеву сообщили, что Светка плачет, так он тут же прибежал. Потом воды принес в ведре, помыл ее ноги, которые были чуть испачканы глинистой жижей. А происходило это при школьниках, которые потешались над Юркой. Евдокия чуть не умерла от жалости, но почему-то сердце не лопнуло. Может быть, ее спасла мысль, что никак нельзя ей умирать, потому что тогда некому будет жалеть Малышева.

При всем при этом надо обязательно отметить, что Евдокия даже мысли не допускала, что любит Юрку, ведь более чем ясно было, что Светкино место никто не займет, что эта неразлучная парочка поженится, повзрослев, и другого выбора у них нет. На чужой каравай рот не разевай — уж эту-то истину Евдокия освоила.

Оно так и случилось — Светка с Юрой уехали в город и, по слухам, сошлись в семейной жизни. Евдокия жила тихо, безропотно, в свободное время любила почитать книжки или сидеть у окна, смотреть на уходящий в сумерки мир и вспоминать мелкие эпизоды из прошлой жизни — крупных-то не было! — обязательно связанных с Юрой Малышевым. Она не роптала на судьбу, не жаловалась и ничего не ждала для себя. Ее существование было похоже на дремоту, когда реальность уже размыта, а сон еще не одолел ум.

К ней сватался Логов, с которым она училась в одном классе. Городок-то маленький, ходили по одним и тем же улочкам, чуть ли не каждый день встречались и друг о друге все знали. Логов одним из первых в Лежаве занялся бизнесом, начал с обычного челнока, а теперь стал фермером, обретя недалеко от городка землю. Видимо, решил, что лучшей хозяйки, чем Евдокия, для него и быть не может. Но он так и не понял, почему одинокая, никакими

обязательствами ни с кем не связанная девушка отказала ему, видному и безбедному парню.

Потом еще не раз заговаривал с Евдокией о женитьбе, но она мягко и с печалью не соглашалась.

— Да отчего же? — мучился загадкой Логов. — Какая причина?

— Нельзя мне замуж, — ответила как-то Евдокия. — Уж не знаю, как тебе объяснить, а только никак нельзя.

Он отстал от нее, привел в дом другую женщину, но жил с ней, не расписавшись, готовый тут же попросить за порог, если Евдокия все-таки придет. Он ломал голову — почему ей нельзя замуж? Даже гинеколога, дурень, пытал, здорова ли Евдокия. Никаких с этой стороны причин не оказалось. А разгадка-то была немудрена, куда как проста — будучи замужем, Евдокия не сможет броситься на помощь Юре Малышеву, если с ним — не дай Боже! — что-то стрясется. И будто чуяло сердечко Евдокии!

Возвращение Малышева в городок потрясло девушку так, как если бы произошло чудо. Она прежнего покоя лишилась полностью, сердце учащенно билось, потому что в нем проснулась прежняя жалость к одинокому учителю, который сам себе рубашки стирал и питался одними пельменями, ежедневно покупая их в магазине. Это ж куда годится!

Евдокия обрела смысл жизни и уже знала, что сама пойдет к нему, но еще долго не осмеливалась.

И однажды, в сумерки, решилась.

А потом Светка вернулась, и Евдокия не стала спорить с неласковой судьбой. Она и прежде интерес Малышева ставила поперед себя, и тут своей натуре не изменила.

Автобус прибыл в Лежаву, когда уже стало смеркаться. Домой Малышев спешил, очень даже резво шагал. Здоровался со встречными не близко, а сторонясь их, чтобы не затеялся разговор. Сразу понял, пройдя в комнату, что Евдокия не приходила. Он присел к кухонному столу и почувствовал духи Светланы, по-французски тонкий и такой стойкий аромат. Евдокия никогда не душилась, но от нее всегда пахло приятно. Он увидел на столе салфетку, которой пользовалась Светлана, и неубранную после нее чайную чашку. Малышев понюхал салфетку, не поленился, вышел с ней на улицу и повесил на веревке, специально натянутой между крыльцом и яблоней для сушки белья, пусть проветрится. Потом вернулся в дом и стал тщательно мыть чашку, думая о том, что с людьми в последние годы что-то все-таки случилось, будто прошла неведомая врачам вирусная эпидемия и поразила души, отчего они скукожились, стали тесны для чувств.

Но уже в следующую минуту рассердился на себя, — какой ерундой маюсь! — бросил недомытую чашку и поспешил из дома. Ему нестерпимо захотелось увидеть Евдокию.

Пока шел к ее дому, который не так уж и далеко находился, его раза три останавливали знакомые. Трезвый особенно приставать не станет, а к вечеру рабочий народец Лежавы имел обыкновение прикладываться к бутылке. Тогда народец становился приставучим. Да если бы только! А то ведь еще и обидчивым. Нужна была ювелирная дипломатия, чтобы увернуться от трепа и не задеть распахнутую настежь душу выпивохи.

Двор старой халупы под шифером сорокалетней давности, пятнами прихваченным ядовито-зеленым мхом, был тесным и узким. С двух сторон богатые соседи возвели коттеджи и отгородились кирпичной стеной трехметровой высоты, так что три раскидистые яблони, огромная груша и крохотный сарай оказались стиснуты с двух сторон и лишены воли. Шустрая Людка собирала

паданцы, которыми земля была буквально усеяна. Все три плодовитые антоновки в этом году явно перестарались. Яблоками были наполнены цинковая ванна, две бадьи, ведра, а на траве оставалось еще несметное число и с веток свисало великое множество.

— Куда девать? — пожаловалась на урожай, выпрямившись и опустив руки, Людка.

Она стояла, как оробевшая перед учителем школьница, которая никак не вспомнит, в чем провинилась.

— Нынче у всех яблок!..

— Заготовщики должны принимать, — разумно рассудил Юрий Алексеевич.

— Да где ж они? Пропадет все, сгниет.

— Жалко.

— Жалко, конечно. Вы-то откуда? Уехали вроде.

— Как уехал, так и приехал.

— В Питере были? Вот бы куда яблоки.

— Не добрался до Питера, — Малышев поглядывал на маленькие окна домика, начиная думать, что там никого нет, потому что уже время, а свет не горит.

— А чего так — не добрались?

— Заблудился. Ехал в Питер, а прикатил в Лежаву.

— А-а, — мелко закивала головой Людка. — Вы шутите, а я никак не пойму.

Видно стало, что расстроена была не только напрасной работой, а чем-то еще, и очень сильно, если даже улыбнуться не смогла.

— Евдокия ушла куда? — спросил Малышев, не строя догадки.

— Куда она уйдет? — отозвалась Людка и тяжело вздохнула.

— Отдыхает?

— Уж и не знаю, как сказать.

— Чего без света, если дома?

— Я всегда говорила — какая-то она у меня вся не такая. Боюсь, с головой что-то. Не в себе она вроде. С работы пришли, спрашивают — заболела? Третий день же не ходит. Так она их будто не слышит. Что делать-то? Я уж к врачу собралась. А какого врача звать?

— Третий день, говоришь?

— Как вы уехали. И не ест. Только водичку чуть... Валентина, соседка, говорит — тихое помешательство. А меня такой страх берет, что я и домой заходить боюсь. Вот яблоки собираю. И куда их девать? Сидит, как покойница, разве только дышит, а так никакой разницы. Вот он как, грех-то мой, аукнулся!

Дальше с Людкой говорить было без толку, испуганная женщина ничего не объяснит, а попусту себя терзает, что незаконно родила дочь и тем беду навлекла на нее, невинную. Юрий Алексеевич прошел в дом, осторожно пробравшись через скрипучую дверь с низкой притолокой.

Он увидел при сумерках темный силуэт Евдокии на фоне блеклого окна. Она сидела на стуле, откинувшись на спинку, и смотрела на улицу, на глухой кирпичный забор соседа. Юрий Алексеевич поставил стул близко от нее и сел. Она не сразу, словно это стоило ей большого усилия, перевела на него взгляд глубоко запавших глаз. Не удивилась ему, должно быть, заранее узнала по шагам.

— Почему ты здесь? — тихо спросила Евдокия. — Почему не там?

— Потому не там, что ты здесь, — решил отшутиться Малышев.

Но Евдокия не поддержала его бодрого настроения, а заплакала.

— Я знала, знала, — говорила она сквозь слезы, которые вытирала с лица, — что вернешься. Вспомнит меня, думала, и пожалеет. Зачем ты вернулся? Теперь я виноватая буду.

— О какой вине говоришь?

— Не хочу твоей жизни мешать.

— Умереть собралась?

— Я бы тихо… И не узнал бы.

— Хоть соображаешь, что говоришь? Ты же молодая, тебе тридцати нет. Все у тебя впереди.

— Я все продумала о жизни.

— Так ведь о жизни думала! Умирать-то зачем?

— Зачем жить без тебя?

Смешно вспомнить, но Малышев на это тихое признание Евдокии мысленно отозвался весьма странным образом, он стал вспоминать, какой из его любимых писателей использовал сюжет, в котором женщина готова умереть от любви. Потом спохватился, что не чужой вымысел, а его собственная жизнь развернулась в эти минуты непредвиденной стороной. И на слова Евдокии, которые Малышев никак не ожидал, надо было ответить, и не увильнуть, не отделаться посулами, не утешить на время, а сказать правду, потому что любая, даже самая сладкая ложь на этот раз будет кощунственной, будет тем грехом, который не отмаливается.

— Идем домой, — сказал Малышев, даже не подумав, а поспешно, словно боялся опоздать.

Поднявшись, он выставил перед собой ладони. Евдокия положила на них — свои, маленькие и прохладные, как беличьи лапки. Она поднялась на ноги, пошатнулась и чуть не упала в обморочной слабости, но Малышев обнял ее и прижал к себе.

И словно только теперь выпуталась наконец-то его душа из тумана, в котором нет ориентиров, и ясно увиделась ему жизнь, состоящая из вечных и простых истин, главная из которых — любовь, которая не бывает притворной.

ТАМАРА КРАСНОВА-ГУСАЧЕНКО

Вас быть счастливыми молю

«Поставьте памятник деревне...»

Поставьте памятник деревне
на Красной площади в Москве…

Николай Мельников

Какой деревне памятник поставить —
Своей любви — от *блудных сыновей!*
Я только и сумела там оставить
След босоногой юности своей,
Да чистый взгляд, да звездное свеченье,
Там — мир врывался радостью в окно,
Там — голос мамы нежный, незабвенный.
И, Боже, как сирень цвела весной!
Там, за окном — то зимы да метели,
То белоснежный яблоневый сад,
То — аисты, на юг они летели,
Чтоб не вернуться никогда назад.

Как совести своей надгробье ставить?
Мы родовой нарушили завет,
Покинув землю прадедов, и стали
Бездомными на Родине своей,
Где были так окутаны любовью.
Ты помнишь ли тот первый детский крик?
А первый шаг? А залитую кровью
Страну? Войну? Но и в горючий миг
Лихой беды она давала силы,
Пощады и подмоги не просила,
Но воинов земле своей дала.
За сыновей молилась. И — жила.

Качала в люльке, *пестила* детей,
Нам пела колыбельную метель,
Сугробы засыпали хаты, крыши,
Но пробивались окна светом — выше,
Деревня выживала как могла,
Растила хлеб и нас с тобой ждала.
Трудилась от зари и до зари
На трудодни, и что ни говори,
Не гневалась она, и не роптала,
В отчаянье не падала, стояла.

Не просто встать старалась, а идти,
И с честью долю крестную нести.

Покорно приняв все и всех прощая,
И ни упрека, даже умирая…
И — где деревне памятник поставить?
Спросите, опросите всех людей,
И люди скажут: нет ее, не знаем,
Таким на свете нету Площадей.

Дорога к маме

Ты ждешь меня, мама, я знаю,
И — снова к тебе уезжаю.
Дорога вся — яма на яме,
Раз тысячу пройдена нами.

Все наши с тобой расставанья
Омыты твоими слезами.
А я говорю на прощанье:
— Мы скоро вернемся, мама!

И дней через десять вернусь я,
Ну что тут — из Беларуси
До Брянска? Стоим под Лиозно,
Таможня, приедем поздно...

Ты ждешь у окна, ты слышишь,
Как где-то скребутся мыши,
Как падает лист с осины,
Тревога — невыносима.

Но ждать ты не уставала...
А мы все в пути долгожданном,
Сквозь снег, и дожди, и туманы,
Пока ты жива была, мама.

* * *

Спряталась душа за печку:
Там не каплет, там — тепло!
Но промерзшее сердечко
Все никак не отлегло...

Ей, продутой сильным ветром
И хлебнувшей с горя слез,
Даже долгим жарким летом
Лютый помнится мороз.

И дрожит она, чуть дышит...
А старалась — как жила, —
Чтоб не видеть и не слышать,
И не помнить людям зла...

Люди, что ж это такое?
Как же душу исцелить?!
Наливное, золотое
Надо яблочко купить!

И живую воду надо
Ей с ладони принести,
Мира, ладана и лада
И — свети, огонь, свети!

Спряталась душа за печку…

Коле

Верила, молилась и просила,
Падая из жуткой высоты,
И за мною вслед — невыносимый,
Ангельский *избыток* доброты.

Горе слева заходило, справа,
А потом ударило в лицо.
Но любовь, любовь сметала лавой
Все. И обручальное кольцо

Сорвалось, пропало под обвалом
Стылых весен и горячих зим,
Где горело белое на алом,
Покрывалось черное — седым.

И стояла я, и каменела:
А — мой сын, как будто бы во сне,
Но каком-то белом, белом-белом,
Через вечность улыбался мне.

Небосвод над ним сверкал лазурный.
И была высокая звезда.
А ведь он не знает, что он умер,
И уж не узнает никогда.

* * *

Выставляла счастье напоказ
И губила слепо свою долю,
Говорила мама сколько раз:
«Я тебя, дочушка, не неволю,

Я тебя, дочушка, берегу.
Ну, куда ты? Дров ведь наломаешь».
Отвечала дерзко, на бегу:
«Мама, мама! Ты не понимаешь».

Выживала там, где не могла
И где было выжить невозможно,
Но когда весь свет скрывала мгла,
Я огнем вставала перед ложью,

Душу настежь — звонко и легко,
Выполняя все твои заветы,
Мама, мама, как ты далеко!
Ни совета мне и ни ответа.

Только холод синих стылых вод,
Только ветер жесткий и холодный.
И за каждым поворотом ждет,
Как ягненка, серый волк голодный.

С давних пор ягненок виноват
В том, что волк опять проголодался.
«Счастье прятать надо, а талант
И подавно, чтоб не попадался

Ни за что *лихому* на глаза!»
Помню, часто мама говорила.
Жаль, былого возвратить нельзя,
Чтоб меня ты драться научила:

«Бейся смертным боем с подлецом!
Бей и никого не бойся, Тома...»,
Но с укором смотрят мать с отцом
С фотографий старых из альбома.

Деревня Щепятино

Среди полей и трав высоких
Я отыскала дом родной,
Там выше крыш была осока
И лопухи — глухой стеной.

Там все дома стояли целы,
Но там — такая тишина.
Лишь окна синие горели
Упреком, в чем моя вина?

Но я запричитала — воем,
И плач мой рвался высоко,
И стыло небо, как чужое,
И облака, как молоко,

Сбивались в груды снеговые,
Сегодня, завтра и вчера,
И были там лишь вы живые:
Ты, проводник наш, и сестра.

А я пропала вместе с домом,
Давным-давно уж неживым.
И только голос мамы: «Тома!
Вернись!» — таким был молодым.

Так и жили…

Заведите хороший обычай —
Избегать нежелательных встреч!
И когда это станет привычкой,
Вы научитесь сердце беречь!

Так и жили.... На всё приговорки —
Все деревни: и наша, и та,
Что за лесом, и та, что за горкой...
В приговорах жила доброта.

Заведите незлую собаку,
Чтоб табличку прибить на забор:
«Очень злая, большая собака
Во дворе!», чтоб не крался к вам вор.

Пусть погромче ваш пес добрый лает!
Да не проговоритесь никак,
Что он даже чужих не кусает,
Что он просто такой вот чудак!

Заведите хороший обычай:
Не копите обиды и боль!
И когда это станет привычкой,
Вас, как воздух, окружит любовь!

* * *

Я исполняла все, мой Бог,
Ты знаешь, Отче, я старалась,
Но спотыкалась о порог
Чужой, о свой же — разбивалась.

А как я сына берегла,
На каждый зов его — орлицей,
Но он ушел, и не спасла.
А я живу, чтобы смириться.

Я уходила от беды,
И приходила к ней — по кругу.
Того, кто мною был любим,
Моя утешила подруга.

Была я верности верней,
И предана была за это.
Для раскаленных болью дней
Я рождена была поэтом:

Чтоб раненой и битой быть,
Превозмогая злобу, зависть,
И чтоб любить, любить, любить,
Чтоб миру лишь любовь осталась.

* * *

А вы, забывшие меня,
Вы, проклинавшие меня,
И осуждавшие меня,
И — оболгавшие меня,
Не раз предавшие меня,
Не разлюбившие меня,
И никогда, ни в дождь,
ни в зной,
Не забываемые мной,
Где вы? Где вы...

Я Вас прощаю в этот снег,
Я Вас прощаю в эту ночь,
Я Вам желаю дольше всех
Прожить на свете, превозмочь,
Преодолеть, перебороть,
Перетерпеть... Пусть все не в лад,
И — пусть — пурга, пусть — камнепад,
Желаю выжить вам, и — быть,
Ночную боль души изжить!

Вас быть счастливыми молю.
Прощаю. До конца.
Люблю.

ЛЕОНИД ЛЕВАНОВИЧ

Два рассказа

Букет васильков

Быль

I

Ранним июньским утром ехал я в Минск. На заднем сиденьи «жигуленка» тихо голубел большой букет мокрых от росы васильков. В середине его торчали два ржаных колоска, еще пустые, плоские и легкие, потому как рожь совсем недавно отцвела, открасовала, но в них уже виделась будущая сила.

Я люблю ездить в город ранним утром: дорога свободная, свежий ветер ласкает лицо. На душе радость и приятные ожидания: приеду рано, много чего успею сделать. Но на этот раз настроение было грустное — ехал на похороны. Мрачные, как дождливые тучи, мысли, теснились в голове. Вспоминались встречи с великим писателем.

А вспоминать было о чем. Судьба подарила мне довольно много встреч, телефонных бесед с Василем Быковым. Однажды был у него в гостях — на улице Танковой в Минске. Как-то посчастливилось сидеть рядом в застолье. Вместе выступали с прощальным словом над могилой Михася Дубенецкого, директора издательства «Мастацкая літаратура». Особенно участились наши беседы, когда я редактировал книгу избранных произведений Василя Быкова «Знак беды» в серии «Беларуская проза XX стагоддзя».

Ночью спалось вполглаза: весть о смерти Василя Быкова сильно взволновала меня. Вспомнилась первая встреча, еще в старом здании Союза писателей на улице Энгельса. Было обычное собрание, я сидел рядом с Павлом Мисько, с ним когда-то вместе работали в «Сельской газете». В перерыве Павел познакомил меня с Василем Быковым. Высокий, подтянутый, с непослушной русой прядью, спадавшей на широкий лоб, Быков крепко пожал мою руку, внимательно посмотрел в лицо, будто старался запомнить. А мне запомнились его синие, как васильки, глаза.

— Читал ваш очерк о картошке. Интересно, проблемно. Картофель — действительно наш второй хлеб.

Потом мы не виделись несколько лет и встретились в Доме литератора на секции прозы, которую Быков возглавил, когда перебрался на постоянное жительство в Минск из Гродно. Поздоровавшись, я назвал себя.

— А я вас помню. Читал недавно в «ЛіМе» ваш рассказ. Признаюсь, не знал, что донник — по-белорусски баркун. И что именно желтый баркун собирают для чая. Лекарственные травы меня интересуют.

Тогда я не мог и подумать, что лет через десять мне придется руководить секцией прозы.

II

И застолье, о котором вспоминал, проходило в Доме литератора. Повод был серьезный: Иван Шамякин, назначенный на должность главного редактора издательства «Беларуская Энцыклапедыя», передавал ключи от кабинета первого секретаря Союза писателей Нилу Гилевичу. Я тогда был профсоюзным лидером писательской организации, членом партбюро, потому и присутствовал на том «мероприятии». Сидел я между Василем Быковым и Пименом Панченко.

— Вы помоложе. Рука у вас тверже. Налейте мне водочки, — шепнул Быков.

— А мне, пожалуйста, коньячку, — попросил Панченко.

После чарки-другой завязалась веселая, юморная беседа. Громко, раскатисто смеялся Максим Танк, широко улыбался Шамякин. И только Иван Чигринов, сидевший напротив нас, был мрачен и молчалив.

— Налейте Ивану Гавриловичу. Надо подвеселить его, — шепнул Быков, а вслух сказал: — Не грусти, Иване. Ты и так — светлейший. Тебя уважают. Читают. Любят.

Все знали, что Чигринов претендовал на кресло первого, но пленум Союза писателей выбрал другого. Василь Быков старался подбодрить, утешить коллегу.

Вскоре я перешел работать на телевидение и сразу же в перспективный план включил передачу о Быкове. Была тогда телепередача «Лира» — встречи знаменитых людей искусства, литературы в самой большой студии. Передача состоялась. На память мне остался автограф на первом томе четырехтомного Собрания сочинений Василя Быкова. Зеленым фломастером крупным красивым почерком Василь Владимирович пожелал мне успехов в литературе и на телеэкране. Но выдержал я телемясорубку всего два года. Оставил большой кабинет главного редактора литературно-драматических программ и засел за роман «Щеглы», начатый семь лет назад в Коктебеле. Впервые в жизни почувствовал себя свободным человеком, потому как служил и поклонялся только Слову. За два года закончил роман.

III

Как-то майским днем 1983 года приехал я на Лысую гору, где писателям дали по пять соток земли, появились новые лысогорцы. Я копошился на своей делянке, как вдруг неподалеку остановилась шикарная белая «Волга». Из нее вышли Василь Быков и его жена Ирина Михайловна. Они стояли, негромко о чем-то говорили. Быков подошел ко мне, поздоровался.

— Ну, как там Казахстан? Спасибо, что вспомнили и меня.

— Так о вас там все говорят. Пьесы идут в театрах. Повести переводят. Спрашивали, над чем работаете теперь.

Поясню для читателя. В тот день на телевидении прошла передача о белорусско-казахских литературных связях. Я был автором сценария и ведущим. Теперь даже не верится, что наше телевидение могло послать в командировку трех человек: режиссера, редактора Евгена Хвалея — он написал сценарий о белорусско-киргизских литературных связях — и меня в Среднюю Азию. Тогда, благодаря поддержке руководителя Гостелерадио Геннадия Буравкина, часто можно было увидеть на экране писателя. Теперь этого нет: и не увидишь, и не услышишь. Только и звучит: деятели культуры и искусства. А литераторы вроде и не существуют. Хотя во всем цивилизованном мире литература считается первоосновой культуры. Хлебом искусства.

Так вот, мы поговорили о Казахстане, потом Быков поинтересовался, над чем работаю я. Сказал, что закончил роман «Щеглы», душа полна сомнений — первое масштабное произведение. Набрался смелости, попросил Быкова прочитать рукопись.

— Добренько. Прочитаю. Оставьте рукопись в библиотеке Дома литератора. Я там буду на днях, заберу. Только не подгоняйте меня. Месяца через два-три… А сомнения будут всегда. С годами — еще больше.

IV

Месяца через три Быков позвонил: «Простите. Что читал долго. Не продохнуть было. Завтра еду в Молдавию. Рукопись ваша в библиотеке. Подсыпал малость замечаний. А вообще, роман есть. Так что, поздравляю».

С волнением раскрываю папку с моим творением, ищу критические замечания мэтра. Вот они: аккуратным почерком исписаны полторы страницы. Вверху первой — заглавие; «добра» — здесь отмечалось, что удались образы детей, родителей, соседей, люди как живые. Образы участкового Браусова, уполномоченного по заготовкам Круподерова — открытие в белорусской литературе. Далее — «Ня дужа добра»: не совсем выразительно выписаны районные руководители. Не всегда мотивированы их действия. Снова засел за роман. Написал два новых раздела, перелопатил некоторые старые. Переписывал и с благодарносью думал о Быкове: не похлопал по плечу, как иные классики, прочитав рукопись младшего коллеги. А высказал конкретные замечания. А потом и помог напечататься.

История вышла такая. В журнале «Полымя» роман одобрили в отделе прозы. Подписали, а главный редактор уперся: не будем печатать, в романе полицейские злые, а немцы добрые. И это было сказано о произведении, которое имеет эпиграф: памяти моих четырех братьев, которых забрала война. Правда, на фронте погиб только старший брат. Младших забрали послевоенный холод и голод: жили в землянке, немцы сожгли деревню. Пришлось забрать рукопись. Отдал в журнал «Маладосць». Роман очень понравился главному редактору Анатолию Гречаникову. Закинул слово и Быков — как член редколлегии. Журнал печатал моих «Щеглов» в трех номерах без купюр. Следующим романам так не везло — приходилось сокращаться. Вот почему не люблю журнальные варианты — это не укороченные произведения, а искалеченные.

V

После городского поселка Радошковичи дорога шла в гору. «Жигуленок» вдруг сбавил скорость. Жму на акселератор, а машина ползет как черепаха. Кое-как выехал на автостраду Минск—Вильнюс. Машина заупрямилась на ровной дороге. Свернул на обочину. Мотор работает. А машина ни сместа, скорость не включается. Все ясно: как говорят водители, полетело сцепление. Начал голосовать. Одна иномарка просвистела мимо, другая… Третья остановилась. Вышел довольно молодой мужчина. Выслушал меня. Сел за руль. Подергал рычаг скоростей.

— Да. Сцепление полетело. К сожалению, помочь не могу. Времени в обрез. А ехать далеко.

— Еду на похороны Василя Быкова. Вот васильки везу.

— На похороны Быкова? Тогда я вас не оставлю.

Он достал буксирный трос и потянул мою «колымагу» в Минск. Доехали. Поставили на стоянке. Мой спаситель Владимир Усеня — директор фирмы

«Орхидея» из города Вилейка, брать деньги за доставку отказался. «Вот если книжку подпишете, буду благодарен». Подарил ему «Лариса, или Приключения автомобилиста».

Вместе с женой поехали в Дом литератора. Траурная очередь — проститься с великим писателем — начиналась метров за сто. Жена с букетом осталась держать очередь. А я пошел вперед. Всматривался в опечаленные лица, ища знакомых. Коллеги-литераторы приглашали присоединиться, чтобы меньше стоять, но я не согласился. Когда вернулся на свое место, увидел, что людской поток намного увеличился. Траурная очередь начиналась почти от станции метро. Будто вырастала из глубины земли.

Эта всенародная любовь к Василю Быкову волновала, заставляла гордиться нашей литературой. Никто не приказывал этим людям идти сюда. Ни райком, ни горком. Народ шел по зову сердца. Чтобы проститься с великим сыном белорусской земли, поистине Народным писателем.

Часа через два мы приблизились к Дому литератора. Ко мне подошла незнакомая женщина. Попросила несколько васильков. «Эти цветы лучше, чем гвоздика. Это — глаза нашей земли», — промолвила она сквозь слезы. Отдал почти половину букета.

Гроб с телом усопшего буквально утопал в цветах. Я положил свой скромный букет на цветочную гору, поклонился с чувством благодарности великому человеку. Краем глаза увидел, как женщина в темном траурном платке, которая сидела возле гроба, взяла васильки с колосками ржи. Положила на грудь покойника.

И показалось мне, что в сурово сжатых устах Василя Быкова мелькнула светлая улыбка.

Метро

I

Проснулся он рано, хоть торопиться нужды не было. Куда уже торопиться, если протопал по земле восемьдесят с хвостиком. А вставать рано приучила жизнь. Сызмала пас гусей, потом — телята, коровы. Мать жалела его, однако будила рано — надо, ничего не поделаешь. Теперь можно спать поздно, да не спится. Зимой он лежит подольше — нет, не спит, думает, вспоминает, качается в кровати, чтобы не включать свет слишком рано, за электричество надо платить. А сколько той пенсии! Кот наплакал. Летом другое дело: еще пяти нет, а уже видно.

Он поднялся, высокий, сутуловатый, с бурой морщинистой шеей и седой головой, зашел в соседнюю комнату — как там внук? Виталька спал, закинув руки за голову, будто обнимал кочанок капусты с белобрысой челкой-листком. Одеяло сползло на пол, до пояса внук был голый. Худощавый, уже довольно рослый — такой родной, невыразимо близкий. Это продолжение его, дедовой жизни.

Люди, в чьих руках была власть, сделали все, чтобы он, Стах Крупеня, не имел продолжения рода, чтобы никогда не возвратился с Колымы. А он выжил. Вернулся на родину. Да не один — с женой-сибирячкой, лагерной медсестрой. Девушка полюбила зека-белоруса, и эта любовь помогла Стаху выстоять. Вырастили они троих сыновей, имеют пятерых внуков. Виталька — самый младший.

Дед Стах накрыл внука. Тот пробормотал что-то. Таинственно улыбнулся, повернулся на бок и заснул. Вдруг Стах заприметил темный предмет под подушкой. Взял, рассмотрел. Это был игрушечный пистолет. Большой, но

удивительно легкий, серебристо-блестящий, с черной шершавой рукояткой — именно ее сначала увидел Стах. Имелась у этой игрушки и прорезь прицела. И мушка, и надпись: «Омега, мэйд ин Чино» — по-английски. Ну, китаезы, такую игрушку смастерили, как настоящий маузер. Нечто подобное болталось на ремне командира партизанского отряда, в который Стах попал шестнадцатилетним пареньком. О, как он мечтал тогда иметь боевой пистолет или автомат! А приходилось таскать на неокрепших плечах тяжелую бельгийскую винтовку.

Как давно это было!

А вчера дед Стах — Стефан Адамович Крупеня, в лагере его дразнили «стахановцем», — пережил большую радость: парился с внуком в бане.

Какое это счастье — ласково, бережно стегать-шлепать, поглаживать распаренным березовым веником разогретое докрасна тельце малого мужичка. Родного твоего отпрыска. Твою кровинку. Вчерашней бани и радости могло и не быть. Но, как иногда случается, помогло несчастье. Заболели дедовы ноги. Они болят уже не первый год. Иногда боль отпускает, особенно зимой, когда меньше топонины. А теперь, в начале лета, ноги заставили искать спасения в поликлинике. Молодая остроносая дивчина-хирург попросила сделать приседание. Стах попробовал, но приседание получилось неказистое. Так и застыл, раскорячившись.

— Глубже! — строго сказала доктор.

— О, если б я мог… глубже. То к вам бы не пошел.

Девушка застеснялась. Начала расспрашивать, есть ли дача. Что он там делает.

— Все делаю. Что нужно.

— И землю копаете?

— Приходится копать.

— Так что же вы хотите?

— Хочу, чтоб мои ноги ходили по земле. Я еще не устал от жизни. А на этом свете не устанешь, так на том не отдохнешь.

— Вы оптимист, дедушка. Возможно, это вам и поможет.

Доктор заулыбалась, прописала десять сеансов лечения электротоком. Подобные процедуры Стах принимал и раньше. Но к этому врачу попал впервые. Вот и получилось, что дед Стах оказался привязанным в городе на десять дней. Он ходил на процедуры, читал, смотрел телевизор. Вдруг позвонила невестка: Виталику неделя до отъезда в лагерь. Сидит целыми днями у телевизора. К бабушке на дачу не хочет.

— А с вами согласен побыть.

— Ну, раз согласен, так привози.

И дед с внуком стали жить вместе.

II

Сегодня Стах запланировал свозить внука в Ботанический сад, покататься в метро. Они уже катались в метро три дня подряд. Осмотрели все станции. Метро — это роскошь особенная. Можно ездить в любую погоду. Ни дождь, ни снег тебе не мешают. Кругом чисто. Светло, красиво.

Но была и еще одна причина катать внука в метро. О ней дед не сказал внуку. Не говорил ему ни слова о Колыме. Когда-то даже детям боялся об этом рассказать, не мог признаться и товарищам по работе, как стал нацдемом в двадцать лет от роду.

После Колымы трудно было устроиться на работу. Всюду получал отказ. Помог друг юности, с которым учился в педагогическом техникуме. Приняли

Стаха в Министерство финансов, в хозяйственную группу, где он был и столяром, и плотником, и электриком.

Когда-то отец его, Адам Крупеня, умел и столярничать, и плотничать, мог и печь сложить. И возле пчел был своим человеком, и в саду умел хозяйничать. А еще Адам Крупеня обладал медвежьей силушкой. Имея золотые руки, не спился безвременно, как это бывает с мастеровитыми людьми на Беларуси да и в других краях. Учил Адам Крупеня умельству и своих детей. Не раз вспоминал отца Стах на Колыме, в душе благодарил за науку. Стахановцем Крупеню дразнили зеки не только за имя Стефаний-Стах. А за то, что любую работу делал быстро, ловко, сберегая силу. И совершал эту работу сначала в голове, а потом брался делать руками.

Вскоре его оценили и в Министерстве финансов. В те годы именно финансовый министр читал доклады на белорусском языке. Да не абы-какие, а о бюджете. Депутаты внимательно слушали, делали вид, что все понимают. Правда, понимания от них никто не требовал. Как ванька-встанька, они поднимали руки, утверждали, что им предлагалось. Альтернативы быть не могло.

III

Время менялось, началась хрущевская «оттепель». Крупене разрешили прописаться в Минске, дали квартиру. Как-то набрался смелости Стах и постучался в тяжелую массивную дверь дома с громадными колоннами на главном проспекте Минска. Добился аудиенции у высокого начальника КГБ. Тот слушал, удивленно смотрел из-под очков на него, как на ископаемое. Потом тихо процедил сквозь зубы:

— Ах ты, сволочь! Нацдемовский недобиток! Как тебе удалось выжить? И ты еще хочешь реабилитации? Ты же — враг народа!

Серо-стальные глаза, будто сверла, буравили Крупеню. Он молча вышел из кабинета, боясь оглянуться назад.

А если разобраться, какой же он враг? Молодой учитель, как и его соратники, хотел, чтобы школы на Беларуси были белорусскими, чтоб родная речь царила на родной земле. Так разве ж это преступление? На всем белом свете таких людей считают патриотами, помогают им, гордятся ими, потому что они — стержень нации. А тут — враг народа. За что? За какие грехи?

Всю жизнь искал Крупеня ответа на эти воросы. Иногда казалось, что он докопался до истины, все понял, но жизнь снова поворачивалась другой стороной.

Как радовался Стах, когда однажды карапуз Виталька пришел из садка и процитировал стишок:

Просіць пеўніка хлапец:
— Ты пазыч мне грабянец.
Валасы я прычашу,
Табе хлеба накрышу.
— Не прычэшаш валасы.
Мой грабеньчык для красы.

Звук «р» малыш произносил, как «л», и потому стишок звучал особенно трогательно и мило. Дед Стах даже прослезился, в душе промелькнула мысль: хоть младший внук вырастет настоящим белорусом. Сыновья знали родной язык. С родителями говорили по-белорусски. Но за стенами дома, как и все — на «трасянке», которая считалась официальной. И начальники их, вертикальные ратники, говорили с высоких трибун: «борба за урожай». И думали, что говорят с народом на «великом и могучем».

Жена Евдокия, сибирячка, оказалась этнической белоруской: ее дед по материнской линии был косинером Кастуся Калиновского. После удушения восстания очутился в Сибири. Видимо, в генах Авдотьи-Евдокии жила память о родине. Она быстро научилась петь белорусские песни, а потом и говорить на языке пращуров. Но в Минске, в столице советской Белоруссии, муж-нацдем и жена-сибирячка говорили по-белорусски только на кухне да в спальне. А на работе, среди людей — Дуня устроилась медсестрой в военный госпиталь, — только по-русски. Дуня боялась хоть одним словом высказать неуважение к советской власти. Страх еще усилился, когда мужа отказались реабилитировать.

Страх жил и в душе Крупени. Страх не за себя, а за семью, за детей, а потом и за внуков. Крупеня понимал: идет идеологическая война против белорусского народа. А на войне без жертв не бывает. Потому за свою жизнь не боялся, хоть иногда с грустью думал: его надо называть не Стах, а Страх Крупеня.

IV

В восемь часов, как и договорились вчера, дед разбудил внука. Они сбегали на озеро, сделали зарядку, поплавали. Стах радовался, что может потихоньку бежать — процедуры пошли на пользу, огород копать не нужно, руки-ноги отдохнули. Краем глаза посматривал на Виталика. Тот раскраснелся, бежал легко, радостно.

— Ты беги впереди. А я вслед за тобой.

— Дзеда, ты некалі гаварыў інакш: следам за дзедам. Пойдзем разам.

— Хай будзе так.

Пошли бодрым шагом через перелесок. «Мне помогли процедуры, а Виталику — метро, — подумал Крупеня. — Там он слышит белорусский язык».

Снова заныла душа: дожили, родную речь, пусть искусственно-механическую, можно услышать в подземелье, в метро, да в заграничном посольстве с чужим акцентом.

На балконе, когда вешал мокрые плавки, вдруг увидел диво: в уголке, на стыке бетонной плиты и жести, зеленел клочок мха, торчали зеленые шильца травы. А между ними возвышался… василек. Он уже готовился зацвести — выбросил три бутончика, верхний курчавился голубовато-синим чубчиком.

После завтрака показал василек Витальке. Тот не особенно удивился, хотя и выслушал дедушку внимательно. Малеча, не понимает еще, какая нужна сила, чтобы расти между бетонной плитой и жестью, подумал Стах. В последнее время его все больше удивляла неистребимая живучесть всего живого.

В Ботаническом саду они были долго. Дед уже устал, а внуку все хотелось осмотреть, еще раз обойти вокруг озера, где плавали лебеди, понюхать еще столько самых разных цветов. Хоть ноги разболелись снова, Стах радовался: внук любит природу. Еще один день проживет без ужасного ящика — телевизора.

Потом они катались в метро. Летним днем в большом городе задуха, будто в котле, а в метро прохлада. Любота! Стах даже задремал, или сделал вид, что спит. И вдруг услышал звонкий голосок:

— Дзеду! Наступны прыпынак наш! Плошча Якуба Коласа!

— Ага. Унучак. Наша станцыя. Наша… — дед Стах заволновался и ответил слишком тихо.

На самом деле ему хотелось кричать.

Перевод с белорусского автора.

МИКОЛА КОНДРАТОВ

Водосвятье

Купалье

Скреплены наши узы бескрайней водой.
Пред восходом вода, как густой сыродой.
Доверяем ей тел молодых наготу —
и она отдает нам свою теплоту.

Водяной хоровод
воскрешает восход —
солнца водоворот
пусть беду отведет.

Солнце ясное катится средь берегов
сонной речки прелестнейшим из венков.
Их колышет вода, словно добрая мать,
не желая объятий своих разжимать.

Водяной хоровод,
где венок твой плывет,
Солнца водоворот
Счастье нам принесет…

* * *

Гуляет в Креве древнем осень,
где замка старого каменья
небрежно время разбросало,
но деревцом — о чудо! — на стене
взрастает память предков.

* * *

Отворяются райские двери
словолюбам, а не словоблудам.
Первым стих воздается по Вере,
словно Благо небесного чуда.

Рвется Истина к мира порогу
чрез века от Завета земного...
Хоть поэтами пишутся строки —
но стихи все же созданы Богом!

Перевод с белорусского Сергея Патаранского.

* * *

И минута и другая
чиркнет по небу звездой:
у меня судьба иная,
у тебя — путь светлый свой.

Из цветов весенних дивных
осенью венок не свить,
как в короткой этой жизни
никогда с тобой не быть.

В час нежданного свиданья
на скрещении дорог
рук случайное касанье
испытаем как ожог.

* * *

Мед не кончается в сотах.
Вечер осенний, как храм.
Солнышко прячется в соснах,
я обнимаю твой стан.

Робкого сердца томленье,
губ ярко-красных костер.
Кажется — это мгновенье
больше, чем жизни простор.

Я после памятной встречи
целую ночь не уснул.
Сердцу не трудно, поверьте,
осень принять за весну.

* * *

Вошла, напротив села
В сияньи юности беспечной, —
и сердце онемело
от близкой красоты небесной.

На остановке вышла,
маня мелодией сирены,
оставив запах вишни
и ощущение измены.

* * *

Мне и тебе — не совсем молодым —
свыше дано нам свиданье.
— Хочешь, останусь стихом я твоим?
«Да, — прошепчу я, — останься»…

Что опьянило — дыханье твое,
запах цветущих акаций?
— Хочешь остаться надежды лучом?
Верю, должна ты остаться…

Мы поделили с тобой на двоих
сладость земного признанья.
— Хочешь остаться в объятьях моих?
Крикну с любовью: «Останься!»

* * *

Грешный пепел жизни остывает,
сжег огонь всю былую тоску.
Забываю тебя, забываю,
но, наверно, забыть не смогу.

Забывается боль огорчений,
забывается холод зимы.
Не забудется запах весенний
в том столетьи, где встретились мы.

* * *

Чужими были мы совсем,
пока не встретились вдруг взглядом.
Минуты, тайные для всех,
с небес струились водопадом.

Стена стеклянной немоты
Меж нами не разбита словом,
и наши зыбкие следы
исчезли, словно цвет вишневый.

Осталась легкая печаль,
как аромат поникшей розы.
Увядшую красу мне жаль,
а в памяти — одни лишь грезы.

Пусть мы не встретимся нигде:
ни в этом крае, ни за краем —
у Господа на том Суде
моя душа твою узнает.

Триолет осени

Запуталось меж облаками солнце,
Как мотылек в белесой паутине.
На разноцветной осени картине
Запуталось меж облаками солнце.

Цепляя пики корабельных сосен,
Они присели с ветром на осине.
Запуталось меж облаками солнце,
Как мотылек в белесой паутине.

Медуница-ночь

Молча город окружила
медуница-ночь,
черным нас крылом накрыла
медуница-ночь.
Манит звездами-следами
медуница-ночь.
Мы — одни, и только с нами —
медуница-ночь.
Из влюбленных глаз мерцаний
медуница-ночь,
из объятий и признаний
медуница-ночь.
Освежает жизнь мечтами,
романтичным сном,
до рассвета только с нами
медуница-ночь.

* * *

Дано так много нам от Бога,
что и умом не можем охватить:
прекрасное творить, любить и жить…
Дано так много нам от Бога!

Мы выбираем: быть или не быть
по сходству с дьяволом иль Богом.
Дано так много нам от Бога,
что и умом не можем охватить.

Перевод с белорусского Алины Черехович.

МИКОЛА БУСЬКО

Танцы в небе

Рассказы

Овсянка

I

Далеко виден тронутый первой изморозью унылый пролесок. С наступлением осени в душе появляется невыразимая печаль от мысли о приближающихся холодах. В такое время стараюсь чаще бывать на природе. Иду ранним утром за околицу и подставляю свое лицо сиянию серебристых звездочек-росинок, растревоженных неожиданным ветерком. Совсем недавно что-то изменилось в погоде: вначале было тихо-тихо, аж, казалось, звенит рассвет от такого безмолвия. Нужно петь или разговаривать с самим собою, чтобы не оглохнуть от тишины.

Неожиданно, когда ветер прогнал обрывки серых тучек и небо зарумянилось, овсянка звонко сообщила, что прибрежный перелесок вон от того куста до этого плюшника — ее владения:

— Зинь-зинь, тик-тик!

Ей тотчас отзывается родня:

— Тиик-тиик, зинь-зинь!

Голоса разделяются поровну, и птички, взвод за взводом, исчезают в прибрежных зарослях, чтобы позавтракать любимым блюдом — семенами аира. В их голосах только и слышится суждение об этой окраине леса. Птица с рождения усвоила: нужно жить не только для себя, но и в гармонии со всем миром. Судьба каждого живого существа — в сердце и душе.

Каждый согласится со мной, что наша земля сотворена таким образом, чтобы человек, живое существо или растение на ней чувствовали себя свободно и имели для развития все необходимое.

От одной этой мысли мое настроение начало подниматься, как ртутный столбик термометра. А от дуновения легкого свежего ветерка тревога почти совсем прошла. Да и подумалось: никогда не надо сосредотачиваться на собственных проблемах, ведь все проходит, и это пройдет. Беспокойство, тревога ограничивают нас, как путы коня. И человек невольно становится равнодушным к радости. Если взять за основу своей жизни чистые помыслы, искреннее слово и добрые поступки — успех во всех делах гарантирован. И еще: никогда ничего не оспаривай — учись у природы.

По всей округе разносится звонкий голос пестрого дрозда, усевшегося на высоком клене. Так он утверждает свое право на толстый сук, обломанный ветром. Он, может, не обратил бы на него никакого внимания, если бы не заметил огромного количества живности: «О, сколько еды!» Несчетное количество личинок шевелилось под корою.

Пением дрозда заполнилась вся округа, ему стали подпевать укрывшиеся в кустарнике птички, расшевелили даже чубатого дятла.

— Эй, дружок, — показал крылом вдаль, — кто там так дружно горланит?

Дятлик подскочил выше, прицепился к ветке и принялся за свою обычную работу:

— Стук-стук-стук!

Это мой еловый сук!..

Синичка, что жила невдалеке, завела свою песню:

— Букашек здесь не счесть —

Хватит всем друзьям поесть!

К ней моментально подлетела стайка подружек. Они прыгают, они довольны, клюют, радуются. Радуюсь и я. А почему бы и нет?..

II

Как только полночь дохнет морозцем, еле слышно заводит свою песню овсянка: «Раз так, пора и мне домой».

В небе над перелеском закружился ястреб. Выписывает резкие виражи, стремительные повороты. На фоне заходящего солнца птица отливает багрянцем.

Пружинят под ногами мягкие мхи. Кусты ивняка, заколдованные луной, наклонились к воде. Неожиданно, идя вдоль берега, я набрел на какое-то небольшое строение на кочке. Кочка пирамидальной формы из тростинок и веток.

— Ты посмотри! — обрадовался я. — Гнездышко!..

Сбоку чернел небольшой лаз. Овсянки — прекрасные мастера. У них — свой вкус, строят на свой манер.

— Шри-тик-тики! — разнеслось над водой.

А, так это самец вдруг взлетает и исчезает в сумерках.

Синева постепенно заливает прибрежный простор. Луна опустилась, будто серебристый челнок поплыл в направлении острова. Желтые пятна, словно щепки, колышутся на волнах.

Тик-тиик-зинь! — желает своим родным овсянка доброй ночи.

След охотника вывел меня на тропинку. Иду перелеском. А каждый кустик так и старается зацепить меня, брызнуть в лицо холодной росой. Дышится свободно, легкие наполняются ароматом сумерек. В свои природные шалашики прячутся овсянки. Они, как и синички, боятся холодного ветра.

В последние деньки осени, когда теплу уже совсем невозможно справиться с настойчивыми холодами, овсянки и другие пернатые, собравшись в большие стаи, будто серьезно обсуждают будущие перелеты...

Возле травянистой заводи, отливающей малиновой от заходящего солнца водой, на кочке, похожей на чуб, я заметил: овсянка почти совсем не двигалась... «Замерзла, видно, но ведь еще и холода настоящего не было», — подумалось мне. Ветер трепал ее оперение. Она так сжалась, что никакому хищнику не хотелось нападать на нее. «Ну что за еда, какая-то лохматая личинка», — рассуждала, ухая, сова.

Осень берет свое: ветер усилился настолько, что поднял овсянку — «Лети отсюда, прячься!» Птичка юркнула в ветки, спряталась там. «Правильно, — подтвердил я. — Никак не поддавайся холоду». Будто услышав мои советы, все остальные птицы бросились в свои укромные местечки. Лес затих. Теперь каждое утро просыпается без птичьих голосов. И дело здесь не только в наступающих холодах, а в чем-то еще, чего я не могу понять, испытывая чувство беспомощности перед моей подружкой-овсянкой.

Дочь Перуна

На прибрежном живописном лугу, отмеченном кротами черными кучками, подняв мускулистые ветки-руки, словно поддерживая небеса, стоит вековой дуб-богатырь. В нескольких десятках шагов от него тянется в небо белоствольная березка. В солнечный день тени деревьев, будто влюбленные прогуливаются, и впечатление это усиливается ночью, когда на полянке льется лунный свет. Как подростки, играют тени, катаются на ветках, перебегают с дерева на дерево, потом тихо лягут на травку и начинают заниматься спортом — отжимаются: раз-два-три. Человек все соотносит с собой.

Иногда прихожу сюда отдохнуть душой, полежать в тени. Бывает, палатку поставлю, чтоб подольше побыть здесь, слиться с природой, поговорить с ней. Так поступил и на сей раз. Исповедовался перед дубом — отцом пущи, молитвенно попросил разрешения у матери леса — березы — позировать мне. А когда устанут глаза, прилягу — и расслабленный взор мой бродит по траве, потом взлетает в высь, и нет ему преград: он плывет по лазоревому лугу неба вместе с годами, десятилетиями, веками. Взор мой что-то ищет... А что? Верно, место своей душе ищет в бесконечном просторе Вечности, а проще, вечное пристанище на родине предков.

Лежу на травке, наслаждаюсь солнцем, окружающим буйством красок летнего дня, слушаю звуки леса — нежное молчание успокаивает сердце, шепот листьев настраивает на приятный лад. Деревья раскачиваются, как и мы, о чем-то своем говорят.

Ближе к полудню в бесконечной синеве вырисовываются темные облачка. Они собираются в целое стадо большущих туч. Ветер, как пастух, подгоняет тучи, они начинают затягивать небо, приближаясь сюда, к лесу, к самой реке.

Проносится стремительно, разрезая сумерки, череда уток. Плюх! Сыплются на волны, как листья.

— Ух! У-ух, — стонет в черной тиши царевна ночи, остроглазая сова. Молодчина, сообщила жителям леса о приближении грозы. Ее глубокие вздохи слышны везде: загудела напряженно верхушка дуба, испугалась березка, упругие волны пробежались по траве. Как грязные тряпки, болтаются в небе обрывки туч. Покой и тишина, что радовали душу, постепенно сменились тревогой.

«Нужно идти отсюда...» Я торопливо вырвал колья, начал собирать палатку, но брезент, как собака на цепи, то бросался на меня, то вырывался из рук, то старался всем своим рыжим телом навалиться на меня. Наконец мне удалось ухватиться за край и потянуть в сторону мелколесья. Кое-как поставил палатку на новом месте, привязал к елочке, и как раз возле входа оказалась молодая березка. Я знал, что в березу молния не бьет, потому спокойно спрятался и застегнул двери своего пристанища.

Через узкую щель смотрел вдаль. Весь простор заполонила черная туча. В душу закралась смута, все застыло словно в предчувствии беды. Тревожно заметались заросли кустарника, от порывов ветра взъерошилась река. Ветер невидимыми пальцами расстегнул палатку, брезент судорожно колотился, словно раненое крыло огромной птицы. Только я протянул руку, чтоб закрыть вход, как раздался оглушительный грохот грома. Гроза решительно наступала на принеманские просторы. Черные рукава облаков тянулись по земле, будто стараясь ухватиться за деревья. Ярко-белые зигзаги разлетались по черной выси, пронзали облака, — молния расписывалась на небе. Ходуном ходила земля, дрожал весь простор, будто разворачивалась картина Страшного суда.

Я осмелился выглянуть из палатки. В сплошной тьме между небом и землей образовался туннель.

«Когда же успокоится гроза?» — в отчаянии думал я.

Время тянулось — я нервничал. Порой выглядывал из палатки: облака то подымались, то опускались, — будто двигался огромный, на полмира коловорот, накручивая на катушки бесконечные нити.

Я со страху перекрестился и, держа в руках иконку Николая Чудотворца, попросил:

— Спаси меня!

Стало легче. Летние грозы, особенно над лесом, страшны и опасны.

Гроза, наконец, обессилела, ослабела. Крупные капли дождя еще стучали о палатку, но дождь уже успокоился. Где-то в ясной дали еще гремел гром, но уже не столь грозно. Небо стало прозрачным, и я оставил палатку. Живительный воздух просто распирает грудь — так легко дышится!

Неожиданно за спиной послышался шум. За кустами показались двое взрослых с корзинками в руках, а впереди них прыгал-играл мальчик.

Заметив палатку, люди направились ко мне. Поздоровавшись, мужчина поинтересовался, как я переждал грозу.

— За грибами охотитесь? — спросил я. — А дождик застал вас?

— Мы переждали в машине, а теперь решили пройтись по грибным местам, да что-то пропало желание.

Наступал полдень, выглянуло солнце и стало припекать, и я решил разобрать палатку, растянуть ее на траве, высушить — дождь был обильный и так промочил землю, что даже место, где стояла палатка, пахло сыростью.

— А вы отдыхаете? — поинтересовался человек.

— Тружусь, — натянуто улыбаясь, ответил я.

Разве все, чем занимается человек, можно заключить в рамку слов?

Грибники ходят по лесу — трудятся, ученый размышляет — трудится, художник рисует — трудится, писатель пишет — тоже трудится.

Разговор с незнакомцами в такой ситуации был обычным — о лесе, грибах, рыбалке.

Мальчику было неинтересно слушать взрослых, он немного поканючил и побежал на пригорок. Неожиданно перед ним покатился какой-то ярко-оранжевый, как апельсин, шарик. Ребенок так увлекся игрушкой, что бросился вслед за ним, догнал и хотел стукнуть ножкой. Однако шарик стремительно убегал, то подскакивая, то опускаясь, отстраняясь от удара, затем, набирая скорость, устремился против ветра на горку. Ребенок помчался вслед, но отстал. Разве можно догнать огонь?

Смертоносная сила, спрессованная в шарик, стремительно понеслась к моему дубу, нанесла снизу стремительный удар, раздирая дерево до самого верха. Щепки с длинными концами, будто огненные копья, со свистом разлетелись во все стороны. Одна большая щепка с гулом пролетела мимо, воткнулась в землю, затрепетала и зазвучала, как камертон.

— Сынок, назад! — криком зашлась женщина. — Молния!..

Мужчина, схватив ребенка, побежал в противоположную сторону, и я следом за ними. Отбежали, может, сотню шагов, запыхавшись, остановились.

— Шаровая молния! — произнес мужчина, прижав сына к себе.

А мальчик как ни в чем не бывало смеялся. У женщины на глаза набежали слезы.

— Главное, цел, — сказал мужчина. — Пожалела... моего мальчика...

Вскоре до меня донеслось глухое урчание машины, удалявшейся во влажной гуще леса.

А мою душу разбередили размышления: почему молния так повела себя? Может, ее притягивают живые существа? Может, ее разумное начало запрограммировано высшими силами неизвестного нам мира?

Шаровая молния действовала разумно! Она продемонстрировала свою силу, пожалев мальчика. А если б огненный шарик не владел разумом, бегал ли бы сегодня тот человеческий сынок?

Когда-то моя мать говорила, что в июле пророк Илья посылает гром и молнии на алчных людей, грешников. А ты не греши — и Бог поможет! Так что старайтесь не попадаться на пути линейной или шаровой молнии!

Танцы в небе

Лабаз был сложен из еловых бревен, и в одном из них молодой пестрый дятел выдолбил дупло и поселился в нем. От его монотонного «тук-тук» я проснулся. Долгожданное апрельское утро согревало землю. Искристым роем разлетались во все стороны блики-звездочки звонкого ручейка. Округа наполнилась птичьими перепевами.

Я подошел к окну. Солнечное утро было целебным, как мед. Открыл форточку. Неожиданно вместе с освежающей прохладой ворвался лучик света, да такой яркий, словно пламя. Он полетал по комнате, потрогав все уголки, и вылетел словно птица. «Выйди во дворик, посмотри вокруг», — будто позвал он меня.

Так и быть. Решил прогуляться к реке, посмотреть в веселые глаза весны.

— Ты в лес решил прогуляться? — удивился сосед.

— Да, а что?..

— Гм... — улыбнулся пожилой мужчина.

— Ты, наверное, слышал, какую околесицу нес Васька-лесник...

— О чем?

— Будто он видел там, на Лузиновце, небесное чудо...

— Чудо?.. Ты что?..

— Какие-то танцы в небе...

— Танцы в небе? Впервые слышу...

Настроение, подогретое любопытством, ведет меня лабиринтом тропинок, вьющихся между лужиц по мелколесью. Поля наполнены влагой, почва еще послушная, как пластилин. Взгорки и возвышенности, обласканные светилом, поснимали с себя посеревшие зимние пиджаки. Созвездия черемухи наполняют воздух душистым ароматом.

— Вот молодец, Веснянка! — радовалось солнышко, посылая на землю пучки-метелки лучей.

Радовались люди, птицы приходу весны. А как радовался Неман: волны качали, как младенцев, голубые тучки. А вдруг выбежавший из кустов ветерок снегом, словно белой тряпкой, протер застекленные ночным морозцем хрупкие оконца-лужицы.

Волнуюсь: я в сказочных владениях дедушки Лесовика. Впечатления от увиденного старательно запоминаю. Захожу в непролазную гущу смешанного лесочка и сразу чувствую, что попал в незнакомый мир — таинственный мир тишины, гармонии и вечности. Здесь в каждом уголке живет Лесовик. Он старательно наводит порядок в своих владениях согласно лесным законам. А у каждого лесного жителя свой нрав, свое положение — веками закрепленное.

— О—о-о-те-те, — послышался знакомый голос.

— Бекас!.. Вальдшнеп... Привет!..

От их появления на душе возникает умиротворение, без них было бы грустно. Принеманские просторы околдованы их брачными концертами.

Тороплюсь выбрать полянку и нахожу удивительное место — огороженный стеной леса пригорок, устланный, словно покрывалом, белым мхом.

Нашел удобный пенек под елочкой. «Нужно замаскироваться, а то заметит меня и молнией — фьють! — в кусты!»

Притаившись, наблюдаю. Заходящее солнце повисло над лесом.

Неинтересно вальдшнепу демонстрировать свое мастерство в густых зарослях, и выходит он на полянку-сцену, где раздольно игривому ветерку.

Сцена с одной стороны упирается в стену медных сосен, с другой — возвышается над лесом.

Вальдшнеп не сосредотачивается на мелочах жизни, он никогда не забывает о главном — любви и уважении к своему месту. Он живет во взаимопонимании и гармонии с окружающим миром. Так все живое и существует в природе, кроме человека...

Ждать долго не пришлось. Неожиданно из серой гущи сумерек появилась точка, и по мере приближения ко мне она превращается во что-то крылатое и проносится совсем низко. Взлетев вверх, птица, нарезая круги, стремительно снижается по спирали. Наконец села на белое покрывало.

Покрутив головой, убедилась, что ей ничто не угрожает, затянула:

— О те-те, те-те-си-си...

Здесь, в лесном приволье, вальдшнеп обретает уверенность. В трепетном забавном танце забывает об опасности.

Неожиданно теканье обрывается, и вальдшнеп, выписывая круги, устремляется в небо, вяжет петли, заходит в крутые виражи, затем камнем падает вниз, кувыркается несколько раз над самой сценой и снова мгновенно набирает высоту под собственную музыку.

— Ну, танцор, ну, артист — что тут скажешь!..

Круги сужаются, переходят в спирали.

— Те-те-си-си-и ... — разносится у облаков.

Я не в силах отвести взгляд от забавного спектакля. Вальдшнеп-циркач под синим куполом неба. Среди далеких облаков он кажется летающей точкой, но при снижении видны его кувыркания, пируэты. Иногда он, сложив крылья, падает вниз, словно подбитый самолет. Но это падение не вызывает страха. Зрелище увлекает все больше: птица, зная цену вольным движениям крыльев, отдается во власть своего вечного танца.

Прислушиваясь, наслаждался завораживающей мелодией, сопровождающей ее удивительный полет, смотрел во все глаза, не отрываясь, на крылатые чудеса. Кружась в бездонной сини сумерек, вальдшнеп одарял окрестности нежной мелодией, переливчатой трелью. Ох, как позавидовала бы ему любая птичка, и даже соловей!

— Посмотри! — кричу я в восторге. — Крутится, как веретено! Вот, брат, артист!

Высочайшее мастерство! Вальдшнеп превосходит всех остальных птиц своими колоритными танцами, благородством, чистотой.

Где-то над самой полянкой лесная птица выравнивает полет и бесшумно, на недвижимых крыльях опускается на сцену.

Широкие листья кленов, будто мужские руки, аплодируют, ветер, подхватив их шумные, будто всплески морских волн, овации, разносят их вокруг, над всем амфитеатром.

— Те-те-си-си, — затягивает вальдшнеп, продолжая свой танец.

Птица издалека напоминает молодую красавицу на высоких каблуках.

Густая темень, как занавес, опустилась на лесок. Артиста почти не видно, но он продолжает свое выступление. Оно длится довольно долго — больше часа, а бывает, в ясную ночь — пока луна не выключит свой прожектор.

Вальдшнеп — необычная птица. Она дает концерты только перед гнездовьем.

Перевод с белорусского Татьяны Куввариной.

АНДРЕЙ СКОРИНКИН

В лучах янтарного заката

К пауку

Паук, паук, сотки мне одеяло,
Заметно на дворе похолодало;
В моем жилье нет света, нет огня,
И с теплыми вещами туговато,
Ты знаешь, что живу я небогато —
Особенно теперь, когда меня
Врасплох приватизация застала...
Паук, паук, сотки мне одеяло.

Зимний ночлег

1

В метель, при наступленьи темноты,
По воле поэтической стихии,
Я странствовал в глухих местах России,
Вдали от волокит и суеты.
Но силы оставляли плоть мою,
И только я подумал о приюте,
Как тут же предо мной возникли люди
И сами предложили мне приют.

2

Я шел — куда попутчица вела,
Которая представилась Матреной,
Мы подошли к квартире двухвагонной,
В ней было много света и тепла.
Еще там было множество икон,
Что путника приятно удивило,
Ведь столько лет нас партия учила
Лишь ей самой отвешивать поклон!..
Чудесным оказался мой покой:
Меня хозяйка грела и кормила,
И платы за любезность не просила —
Ни твердой, ни какой-либо другой...
Я сразу вспомнил «Русский огонек»,
Я начал ей рассказывать Рубцова,
Но понял: для нее все это ново,
А почему? — мне было невдомек...

Всю ночь я ей рассказывал стихи,
Всю ночь она их слушала, вздыхая,
Всю ночь со мной боролась сила злая,
Толкая на забытые грехи...
Но вдруг заговорили мы о том,
Что ожидает в будущем планету.
Что знал — я ей поведал по секрету,
Она внимала мне с открытым ртом...
И многое неясно было ей
Из моего рассказа неземного —
Особенно про хищника восьмого,
Что доведет до гибели людей...
Метель же свирепела за окном,
Бледнел восток — за тучами светало,
Я сожалел, что времени так мало,
Два сердца сожалели об одном.

3

Расстались мы в суровые часы,
Расстались мы в суровую годину,
Когда метель вонзала стрелы в спину,
Когда дрались пиковые тузы,
Когда надежды таяли, как снег,
Когда весь мир прислуживал Мамоне...
Расстались мы, но память о Матрене
Со мною не расстанется вовек.

Осенний этюд

В лучах янтарного заката
С ветвей лесных стекает медь,
Как бы продрогшие цыплята
В яйцо Земли решили сесть...

Вот так и мы — в изнеможенье
Летим в иное бытие,
Едва заметной легкой тенью
Скользя по жизненной стезе...

Орлик

Был конь у лесника по кличке Орлик;
В беседах с ним я душу отводил,
Но как-то в полночь в хлев проникли воры,
А старый пес дежурство завалил.

Назавтра я пришел с последним хлебом,
Чтоб поделиться с другом дорогим,

Но плакало дождем над лугом небо,
Где накануне виделись мы с ним.

Я шел назад в убогую лачугу,
Все думал и никак не мог понять:
За что меня лишили люди друга?
И вообще — как можно воровать?

Года прошли, утихла боль, и все же
Я часто вспоминаю о коне;
Кому и где служил мой друг хороший?
И долго ли он помнил обо мне?

И можно ли когда-нибудь на тверди
Соприкоснуться с Орлика душой?
Ох, если б знать, что будет после смерти
Со всеми нами в жизни неземной!..

* * *

Какое счастье — видеть небеса!
В земле такой возможности не будет...
Но почему на землю смотрят люди?
Что ищут на земле людей глаза?..

Цветок

В моем саду от синего цветка
Всю ночь струился дивный аромат!
Я любовался им издалека,
И он, похоже, этому был рад...

Наутро я решил его сорвать,
Не так благоухал уже цветок,
Как будто наперед он ведать мог,
Что я намерен жизнь его прервать...

Ива

Ива росла на откосе,
В зной укрывая меня.
Путник в холодную осень
Срезал ее для огня.

Целую зиму скорбела
Ивы живая душа.
Солнышко землю прогрело,
Очередь ливней пришла.

Скорби покинули иву,
Ветви пошли от пенька,
А из отростков счастливых
Слезно листва потекла!

Женщина в электричке

Как сладко дремлет женщина с цветами,
Уставшая от каторжных работ!
Она во сне парит под небесами,
Хотя вокруг беснуется народ.

Она все ниже клонится к букету —
В сырой, благоухающий жасмин;
Она сама под стать любому цвету,
И так к лицу ей изморозь седин!

Ей видятся нездешние просторы,
Улыбка на устах ее видна...
Таких людей обходят контролеры
И даже облетает сатана!

Ода к Эрато[1]

Ах, наконец, моя Эрато,
Я завершил духовный бой!
Я изменяю духам ада,
Я начинаю жить с тобой!..
И вновь в душе моей волненье,
В очах потупленных свеченье,
Я полон сил, я молод вновь,
В крови бурлит вулкан желаний,
Твой стан воздушный ищут длани
И губы шепчут про любовь!..

Звени, послушная цевница,
Эрато славой одари!
Струись, речей моих криница,
Всю ночь с заката до зари!
Пускай волшебной серенадой
Переполняются палаты,
Пусть звуков бурная волна
Салютом катится по тверди, —
Меня избавили от смерти
И пробудили ото сна!

И вновь во мне весна бушует,
Хоть в мире царствует зима

[1] Муза любовной поэзии (*греч. миф.*).

И ледяные ветры дуют...
Я от любви схожу с ума!
Какое сладкое забвенье
И наяву, и в сновиденье!
За что такая благодать
Сошла на бедного пиита,
Когда меня сама Киприда[1]
Готова сыном величать?..

Во всем, Эрато, ты виновна!
О чем бы я сегодня пел?
Я до тебя смотрел любовно
Лишь на лучи небесных тел.
Стихом холодным и железным
Сражался б с жителями бездны
Или правителям Земли
Читал бы лекции смешные;
Я прожигал бы дни земные,
Когда б не знал твоей любви!

Благодарю тебя, родная,
За все тебя благодарю:
За то, что чувствами пылаю,
За то, что звездами смотрю,
За то, что вновь в душе цветенье,
За то, что снова от волненья,
Как новоявленный листок,
Я содрогаюсь сладострастно,
За то, что столько строк прекрасных
Я для тебя придумать смог!..

Майская ночь

Я лежу на сене
В тереме пустом.
Мокрые сирени
Пахнут за окном.

Светятся березы,
Озеро дымит,
Облаком белесым
Яблоня парит.

Теплые зефиры
Веют, как в раю.
Я касаюсь лиры —
И пою, пою!..

[1] Богиня любви и красоты (*греч. миф.*).

БРЕТТ ХОЛЛИДЕЙ

Убийство замужней девственницы

Глава 6

Когда Шейн снова появился у себя в конторе, то застал Люси Гамильтон за наведением красоты: она пудрила свой носик. Девушка с удовлетворением изучила себя в зеркале и, улыбнувшись собственному отражению, поинтересовалась у шефа:

— Что нарыли?

Шейн отшвырнул в сторону промокшую насквозь шляпу.

— Кое-что, но, в общем и целом, немного. Только то и делал, что задавал вопросы и выслушивал ответы.

— Да? Вот как, значит, ведутся настоящие расследования!

— Ну, не совсем так! Лично я предпочитаю более динамичный стиль! — угрюмо отшутился Шейн. — Но приходится довольствоваться тем, что получается.

Секретарша тщательно накрасила верхнюю губку и рассеянным тоном задала следующий вопрос:

— Вы, что, хотите купить изумрудное колье? — после чего всецело сосредоточилась на нижней губе.

— Что!?

— Я спрашиваю, вам надо изумрудное колье? — она прошлась пуховкой по розовому подбородку и нежной шейке. — Какой-то мужчина звонил вам и предлагал купить такое у него.

— Что за мужчина?

— Вот это большой секрет, судя по всему! — Люси разровняла щеточкой свои густые брови и принялась за кудри. — Он не представился, а я не стала лезть к нему с вопросами. Вы же не предупредили меня, как следует вести себя с незнакомыми мужчинами, которые хотят толкнуть вам ворованное колье. Вот если бы у меня были четкие инструкции на сей счет, то тогда я бы наверняка...

— Не беда! Он обязательно позвонит еще раз! — перебил девушку Шейн. — Интересно-интересно! Еще слишком рано, чтобы предпринимать попытки перекупить меня. Наверное, поняли, что кое-что у меня на них есть, и решили поторговаться авансом.

Зазвонил телефон.

— Если это он, то я буду говорить с ним из кабинета. А ты за это время постарайся выяснить, откуда он звонил.

Люси сняла трубку и проворковала в нее:

— Мистер Шейн только что вернулся. Одну минуточку! Сейчас я соединю вас с ним! — Она прикрыла трубку рукой и проговорила вполголоса, обращаясь уже к шефу: — Это он!

Шейн вихрем ворвался к себе и в мгновение ока очутился возле письменного стола, схватил трубку и прорычал:

— Шейн слушает! — Он услышал негромкий щелчок в трубке и понял, что Люси поставила аппарат на определитель номера.

Окончание. Начало в № 11, 2010.

В трубке послышался приятный, хорошо поставленный баритон:

— Сегодня утром у меня был разговор с неким мистером Титоном из компании «Взаимная компенсация». Он сообщил мне, что делом Ломакса занимаетесь именно вы.

— Это правда! А кто говорит?

— Обойдемся без излишних церемоний! — хохотнул в трубку незнакомец. — И, пожалуйста, не тратьте понапрасну время и силы, чтобы установить, откуда я звоню. Сразу же предупреждаю, я звоню из бара и через минуту ухожу отсюда. Итак, я предлагаю вам купить у меня колье.

— За сколько?

— За сорок тысяч зеленых.

— Вам чертовски повезет, если вы сумеете избавиться от вещицы за половину этой суммы! — насмешливо возразил Шейн.

— Скорее всего, вы правы! — согласился баритон, сделав вид, что не расслышал ироничных ноток в голосе сыщика. — Но вы все же подумайте хорошенько над моим предложением! Я стану вам регулярно названивать, пока вы окончательно не созреете для того, чтобы перейти к делу. — В трубке послышались гудки.

В кабинет вбежала раскрасневшаяся Люси.

— Я его вычислила! — начала она радостным тоном прямо с порога. — Он звонил из автомата в аптеке на углу улицы Святого Карла и Пойдрас.

— Бог с ним! — устало отозвался Шейн, садясь в свое рабочее кресло. Потом он выдвинул верхний правый ящик стола и извлек из него бутылку и два стакана.

Глаза у Люси тотчас же погасли.

— А я думала, что помогла вам! — протянула она разочарованно. — Разве это был не тот человек?

Шейн плеснул в стакан немного коньяка и придвинул его к девушке, но та лишь отрицательно покачала головой:

— Спасибо! Но на работе мне нужно сохранять трезвую голову. Иначе я не смогу заработать свои восемьдесят долларов в неделю.

— Если будешь слишком трезвой, то черта с два ты их заработаешь! — саркастически улыбнулся Шейн, но настаивать не стал. Он залпом осушил стакан и налил очередную порцию. — Кажется, наш молоденький лейтенант был прав. Его невесту, вернее всего, убили.

Шейн принялся неторопливо излагать секретарше все, что узнал сегодня о Кэтрин Мо. Окончив свой рассказ, он спросил: — Ну, и что ты обо всем этом думаешь? Изложи мне свою, так сказать, женскую точку зрения.

— Пожалуй, это будет непросто! — беспомощно развела руками Люси.

Шейн допил коньяк, спрятал стакан и заметно опустевшую бутылку обратно в стол и снова встал с кресла.

— Хорошо! Я иду к Титону. Потом поеду к доктору Мэттсону. Просто нутром чую, что и там, и там меня поджидают сюрпризы. Причем, не из приятных. Вот тогда я действительно напьюсь вдрызг!

— Но прежде не забудьте позвонить лейтенанту Дринкли! — поспешила напомнить ему Люси. — Он звонил уже несколько раз, умолял меня сказать вам, что он ждет вашего звонка во второй половине дня. Я пообещала.

— Раз пообещала, тогда действуй! Приятное занятие — утешать безутешного жениха, а? — ядовито поинтересовался Шейн. — И вот еще что! Побольше чувства, моя радость, в разговоре с ним и всяческой поэтической чуши!

— Иногда, Майк Шейн, у меня возникает непреодолимое желание убить вас! — разозлилась Люси и гордо удалилась к себе.

Шейн глубоко вздохнул и тоже поплелся на выход. В приемной он нахлобучил мокрую шляпу на свою рыжую шевелюру и спросил уже более миролюбивым тоном:

— Ну, так и где же наш благородный рыцарь начищает свои сверкающие доспехи?

— Если вас интересует лейтенант Дринкли, — неприветливо отозвалась со своего места секретарша, — то он остановился в гостинице «Дракон» на...

— Знаю! — Шейн схватил плащ и выскочил в коридор.

При виде Шейна мистер Титон не выказал ни малейшего удивления. Напротив! Сыщик не успел переступить порог, а тот уже бросился изливать на него последние новости.

— Шейн! Сегодня утром нам звонил какой-то субъект. Намекал, что владеет полезной информацией, которая якобы может пролить свет на украденное колье Ломакса. Я сказал ему...

— Да-да! Знаю! Он только что звонил мне! — перебил его Шейн.

— Звонил вам? — удивился мистер Титон и даже снял очки, прицепив их по обыкновению к черной ленточке на груди. — А чего он от вас хотел?

— Требовал от меня сорок тысяч долларов.

— Сорок тысяч? Он что, с ума спятил?

— Я сказал ему, что торги начинать еще рано, и он тут же отключился. Справки о текущих делах Ломакса у вас уже есть?

— Может быть, стоило с ним поторговаться, а? Сделать вид, что мы принимаем его условия. Глядишь, вышли бы и на него самого, и полиция моментально арестовала бы его!

Шейн со всего размаха громыхнул кулаком по столу Титона.

— Сколько раз вам повторять! Я так дела не делаю! Он потому и позвонил мне, что знает: я всегда веду честную игру. Если бы я стал ловчить и обманывать, то уже давно сидел бы без работы в своем сыскном агентстве. Вам ясно?

— Но, по-моему, когда имеешь дело с мошенником и мерзавцем, то все средства хороши! — протестующе заметил Титон. — Разве не так?

— Нет, не так! Я буду работать по своей обычной методике. Если у вас нет конфиденциальной финансовой информации по Ломаксу, которая нужна мне просто позарез, то я раздобуду эти сведения в другом месте. Только и всего.

— Да все у меня есть! — поспешил успокоить Титон разбушевавшегося сыщика. — Я как раз работал с этими документами, когда вы вошли. — Он лихорадочно водрузил очки себе на нос и вынул из ящика стола несколько скрепленных вместе бланков, отпечатанных на гербовой бумаге. — Вот здесь перечислены все активы, и они разделены на....

— К черту подробности! Скажите мне сразу: у Ломакса есть проблемы с наличностью?

— Ничего подобного! — воскликнул Титон таким обиженным тоном, словно это Шейн был повинен в том, что у их клиента нет проблем с живыми деньгами. — Полгода тому назад кое-какие трудности у него были, но сейчас... Тогда мистер Ломакс организовывал новое предприятие по производству шнурков для ботинок. Естественно, дополнительные расходы, значительные капиталовложения. Но зато сегодня он получает просто колоссальную прибыль! Взгляните сами, мистер Шейн, на эти цифры! — круглые глазки мистера Титона смотрели на сыщика торжественно и важно. — Мне кажется, вы не там...

— Пожалуйста, изложите мне все, что вы только что сказали, в письменной форме! Иными словами, мистер Титон, напишите мне письмо! — Шейн стремительно развернулся к выходу и захлопнул за собой дверь.

На улице шел все тот же противный дождь, ветер гнал низкие тучи, обложившие небо со всех сторон. Окружающие здания тонули в сыром тумане. И такой же беспросветный туман опустился на все, что было связано с таинственным исчезновением изумрудного колье и с загадочной смертью Кэтрин Мо.

Какое-то время Шейн задумчиво крутил ключи от машины, словно размышляя, куда ему поехать. Потом сунул ключи в карман, поднял воротник плаща и решительно пошел вперед по тротуару. Он прошагал под дождем почти полквартала, пока не увидел вывеску винно-водочного магазина. В магазине он

внимательно изучил содержимое полок и, наконец, снял с одной из них бутылку с красивой этикеткой, на которой большими буквами было написано: «Старые времена». Вручил бутылку продавцу и скомандовал:

— Заверните!

После чего почти бегом вернулся к машине и поехал в полицейский участок. Патологоанатом терпеливо дожидался его в своем кабинете. Он сидел на допотопном венском стуле, который своей спинкой подпирал такой же старый, разбитый стол. Доктор с головой ушел в чтение какого-то дешевенького журнала с обнаженной девицей на обложке. На лице девчонки, пытающейся выскользнуть из лап огромного желтолицего верзилы с похотливыми глазами, застыл ужас. Верзила, к тому же, размахивал длинным черным хлыстом, похожим на извивающуюся змею.

При виде Шейна доктор Мэттсон оторвался от чтения. Глаза его за толстыми линзами очков заискрились в предвкушении грядущих радостей.

— Как хорошо, что ты пришел, Майк. Мне как раз надо хлебнуть чего-нибудь крепкого для успокоения нервов. Тут такие страсти печатают! Просто жуть!

Шейн понимающе усмехнулся и выложил сверток на стол.

— Пригоден для употребления? — поинтересовался Мэттсон и стал внимательно рассматривать содержимое бутылки на свету. — Ах, Майк! Как сладостно звучат эти слова! «Годен к употреблению». Сегодня редко услышишь такое оптимистичное заключение.

Майк вырвал у него из рук бутылку, распечатал ее и сказал:

— Между прочим, это самая настоящая взятка!

— Согласен! В последнее время я покупаюсь легко! А вот были денечки, когда меня и за ящик самого отборного коньяка было не уговорить!

Шейн глотнул прямо из бутылки, долго смаковал коньяк во рту, наконец, проглотил и удовлетворенно кивнул головой. После чего протянул бутылку доктору.

— Теперь твоя очередь! Пьянствуй на здоровье!

Мэттсон сокрушенно вздохнул.

— Нет уж! Я, пожалуй, тоже для начала ограничусь глотком. К тому же не исключено, что после того, что я сейчас сообщу тебе, ты передумаешь и заберешь бутылку обратно.

— Ну так не тяни!

Доктор отхлебнул спиртного, потом закрыл бутылку пробкой и поставил на стол.

— Итак, докладываю! Девушка умерла от отравления газом. Никаких следов яда или иных сильнодействующих препаратов в ее организме не обнаружено. Она встретила смерть добровольно, сознательно и легко. Я уже говорил тебе об этом сегодня утром. За четверть века ежедневного общения с трупиками я таки научился по их лицам читать, как именно они встретили свою смерть.

Шейн с рассеянным видом потер подбородок, задумчиво устремив свои серые глаза куда-то в пустое пространство.

— Что скажешь, Майк? Такие новости тебе явно не по душе, а?

— Да! Я ожидал от тебя других новостей! Но, тем не менее, спасибо и на том!

Вцепившись обеими руками за руль, Шейн влился в поток движущегося транспорта, старательно выжимая из двигателя своей машины по максимуму.

Гостиница «Дракон» размещалась в небольшом, современной архитектуры здании на Рейс-стрит. Было уже половина пятого, когда Шейн вошел в гостиничное фойе и спросил у дежурного администратора, как ему найти лейтенанта Дринкли. Молодой человек быстро просмотрел картотеку регистрации и сказал:

— Номер четыреста двенадцать, сэр. Можете позвонить по внутреннему телефону. — Клерк с готовностью придвинул аппарат поближе к Шейну.

Шейн снял трубку и попросил у телефонистки соединить его с номером четыреста двенадцать. Лейтенант снял трубку только на четвертый звонок.

— Говорит Шейн! — начал сыщик и на всякий случай добавил: — Частный детектив.

— Помню-помню! — воскликнул Дринкли. — Я ждал вашего звонка.

— А я сам тут как тут! — ответил Шейн и уже приготовился бухнуть трубку на рычаг, как лейтенант перебил его:

— Давайте лучше встретимся у вас в офисе. Это же совсем рядом.

— Но я уже торчу в фойе вашей гостиницы и сейчас направляюсь к вам! — отрезал Шейн и, повесив трубку, зашагал к лифту. Лифт моментально доставил его на четвертый этаж. Он вышел из кабинки и побрел по длинному коридору, внимательно читая таблички с номерами на дверях комнат. Номер четыреста двенадцать находился почти рядом с лифтом. Дверь в комнату была закрыта. Шейн постучал в дверь, но ему не ответили.

Он постучал еще раз, уже сильнее, снова никакой реакции. Он дернул за ручку, дверь была заперта изнутри на ключ. Тогда он принялся барабанить по фрамуге. Неожиданно дверь широко распахнулась, и перед ним предстал лейтенант Дринкли. Вид у него был растерянный и весьма странный. Военная рубашка хаки измята, светлые волосы взъерошены. Впрочем, помнится, утром они точно так же торчали в разные стороны. Черты его лица еще более заострились, и глубокие складки залегли в уголках губ.

— Прошу прощения! — начал он сконфуженно. — Я... Я не мог подойти сразу же.

Лейтенант заметно нервничал и смущался. Так ведет себя человек, которого внезапно разбудили. Хотя на его лице не было никаких следов сонливости. Да и кровать, стоящая по центру комнаты, была аккуратно заправлена.

Шейн ногой прикрыл за собой дверь и прошествовал мимо Дринкли. Комната была совсем небольшой, с одним окном. Возле стены письменный стол, рядом с ним примостилось рабочее кресло, обитое жаккардовой тканью. Напротив — небольшой деревянный стул. На столе полбутылки скотча и полбутылки содовой, рядом стакан, наполненный смесью виски и содовой, с плавающими кубиками льда. Рядом валялась промокашка с мокрыми следами от стакана.

Шейн пристально посмотрел на Дринкли, и тот вспыхнул под его тяжелым взглядом до самых корней волос. Нет, он не пьян, подумал Шейн, усаживаясь в кресло. Он отрицательно покачал головой, когда лейтенант предложил ему выпить.

— Я никогда не пью в это время суток! — бодро солгал он и достал из кармана сигарету. На столе рядом с пепельницей валялся коробок со спичками. Шейн взял его, чтобы закурить, и с удивлением взглянул на этикетку на коробке: бокал с пенящимся шампанским, а ниже надпись — «Клуб Лорель».

Пепельница была до краев наполнена окурками. И один из них еще тлел. От зоркого глаза сыщика не ускользнуло и то, что на нем были видны следы губной помады. Еще два окурка тоже были в помаде.

Шейн вороватым движением незаметно смахнул коробок себе в карман и, повернувшись к Дринкли, сказал.

— Боюсь, лейтенант, мне придется огорчить вас! Я не слишком преуспел в расследовании вашего дела.

Дринкли устроился в уголке кровати, подперев лицо руками.

— Наверное, глупо было с моей стороны на что-то надеяться! — проронил он мрачно. — То есть, вы хотите сказать, что Кэтрин и в самом деле покончила жизнь самоубийством, да? — Он облизал языком пересохшие губы и угрюмо уставился на собеседника.

— Все факты говорят в пользу этой версии! — Шейн сделал глубокий вдох и явственно различил слабый, едва уловимый запах духов. Он еще раз окинул комнату взглядом: платяной шкаф полуоткрыт, зато дверь, ведущая в ванну, плотно закрыта. — Однако пока мне не удается установить мотив самоубийства. Ведь ваша невеста не оставила никакой предсмертной записки. Даже вам, — добавил он нарочито погребальным тоном, — она ничего не написала!

— Так вы полагаете, что смерть Кэтрин как-то связана с этим ограблением? — спросил лейтенант с убитым видом. — В газетах пишут о пропаже какого-то изумрудного колье. Утром, когда я был у вас, я ничего не знал об этом.

Шейн слегка подался вперед.

— А вам что за дело до украденного колье? — И тут же добавил уже помягче: — Правда, некоторые члены семьи Ломаксов действительно считают, что колье украла именно Кэтрин. Украла и передала его кому-то, кто работал с ней на пару и сейчас скрывается в городе.

Дринкли инстинктивно отпрянул назад, словно чего-то испугался. Или он решил, что Шейн вот-вот ударит его.

— Это неправда! — закричал он. — Кэтрин — не воровка! Она не могла ничего украсть. И она никогда не стала бы якшаться с преступниками.

Он вскочил с кровати, подбежал к письменному столу, схватил стакан с виски, снова вернулся к кровати и, усевшись на прежнее место, отхлебнул из стакана большой глоток.

— Она у меня весь день из головы не выходит! — простонал он и поставил стакан на пол возле себя. — Просто не знаю, что и думать.

— А вы совсем неплохо справляетесь со спиртным! — заметил как бы между прочим Шейн. — Для человека, который, насколько я помню, вообще не пьет, у вас получается совсем неплохо.

— Да! Я тут совсем уже расклеился. Надо же было хоть как-то взбодриться.

Лейтенант украдкой посмотрел в сторону ванной комнаты, а потом перевел глаза на Шейна.

Шейн тоже бросил взгляд на ванную комнату и сурово поджал губы.

Дринкли снова вскочил с кровати и стал возбужденно бегать по комнате, заложив руки в карманы брюк.

— Я все думаю и думаю об этом самоубийстве! — зачастил он, не глядя на Шейна. — А что, если кто-то насплетничал Кэтрин обо мне? Наговорил ей всяких гадостей, хотел, быть может, помешать нашему браку. А она ведь была такой идеалисткой, моя Кэтрин! — Он снова упал на кровать и, закрыв лицо руками, простонал: — Боже мой! Я не верю, что все это случилось со мной... И с Кэтрин! У меня все еще такое чувство, будто это произошло не с нами, а с какими-то посторонними людьми. Сегодня утром, когда я был у вас, я вообще был близок к помешательству.

Шейн посмотрел на него долгим изучающим взглядом. Его серые как сталь глаза были холодны и неумолимы.

— А кто, по-вашему, мог насплетничать Кэтрин на ваш счет?

— Понятия не имею! Это ведь всего лишь предположение, не более того. Я целый день пытался найти мотив, толкнувший Кэтрин на самоубийство. А вы? Вы так ничего толком и не выяснили!

— Ничего! — негромко отозвался Шейн, и уже совсем другим тоном потребовал: — Скажите, это правда, что Клэрис Ломакс была влюблена в вас?

— Клэрис? С чего вы взяли? — растерянно промямлил Дринкли.

— Но вы сами! Вы давали ей повод кокетничать с вами? Быть может, вы ходили куда-то вместе?

— Никогда! Да я и видел ее всего лишь пару раз, и исключительно в доме Ломаксов.

— Так-так-так! — задумчиво протянул Шейн. — Он встал с кресла и подошел к окну. Повернувшись к Дринкли спиной, он задал следующий вопрос: — А вы были в курсе того, как ваша невеста проводила свои выходные? Что она делала по средам?

Ответ последовал не сразу. Шейн отвернулся от окна и увидел, что Дринкли сосредоточенно морщит лоб, словно пытается что-то вспомнить.

— Когда я проходил службу в Новом Орлеане, мы проводили этот день вместе. А когда уехал, то понятия не имею, чем она занималась. Она как-то не распространялась на эту тему в своих письмах. А что, это так важно?

— Пока не знаю! — Шейн сделал шаг по направлению к ванной. — Можно мне зайти сполоснуть руки?

Лейтенанта словно пружиной подбросило с кровати, и он вскочил на ноги, потом огромным усилием воли заставил себя сесть и молча наблюдать за тем, как сыщик безрезультатно дергает за ручку, пытаясь открыть дверь ванной комнаты.

— Прошу прощения! — пробормотал Дринкли. — Там, наверное, кто-то сейчас моется. У нас ведь общая ванная комната на два номера.

— Вот как? — Шейн иронично выгнул дугой бровь. — Но ничего страшного. Помою где-нибудь в другом месте. Не стоит так расстраиваться из-за такого пустяка. И постарайтесь поменьше пить! Помните, я работаю сразу по нескольким направлениям. Вполне возможно, на одном из них удача нам все же улыбнется.

Шейн направился к двери. Дринкли поплелся за ним следом с видом побитой собаки.

— Я тоже со своей стороны постараюсь вспомнить все, что может оказаться полезным, и если что... — пролепетал он.

— А почему бы нам с вами не поужинать сегодня вечером? — перебил его Шейн. — Я заеду за вами часа через два. Договорились?

И он громко хлопнул дверью, не став дожидаться ответа. Потом тихо, почти крадучись, прошел по коридору мимо лифта и спрятался за углом так, чтобы слышать, как хлопнет дверь в комнате номер четыреста двенадцать. Ждать пришлось совсем недолго. Минут через пять дверь отворилась, и Шейн, осторожно выглянув из-за угла, увидел девушку, которая вышла из номера Дринкли. Она задержалась на пороге, сказала несколько слов лейтенанту и заторопилась к лифту. Шейн поднял воротник, натянул шляпу почти на глаза и, дождавшись, когда лифт остановится на этаже, вынырнул из своего укрытия. Девушка вошла первой. Но лифтер терпеливо дождался и его. В кабинке они с незнакомкой оказались единственными пассажирами. Высокая, красиво сложенная девушка в вызывающе обтягивающем фигуру костюме желтовато-коричневого цвета с зеленой отделкой. На голове элегантная зеленая шляпка с пером, прикрепленным к креповой ленте. Пышные рыжие волосы незнакомки хорошо гармонировали с цветом костюма, да и светло-карие глаза были лишь на полтона светлее. Уголки ярко накрашенных губ капризно опущены вниз. Она бросила на Шейна быстрый взгляд и тотчас же закрыла глаза, спрятав их за длинными изогнутыми черными ресницами. Казалось, девушка целиком погрузилась в собственные невеселые, судя по выражению ее лица, мысли. Шейн стал в углу кабины, положив локти на перила. Когда лифт остановился на первом этаже, он пропустил девушку вперед, а сам последовал за ней на некотором расстоянии. Девушка вышла на улицу и тут же поймала такси. Второго такси поблизости не было. Пришлось довольствоваться лишь тем, чтобы записать номер такси и название таксопарка. После чего Шейн снова сел в свою машину и поехал прочь.

Дождь уже прекратился, но тяжелые свинцовые облака висели так низко, что, казалось, задевали верхушки деревьев. Промозглый сырой ветер по-прежнему пробирал до самых костей. На улицах включили освещение. Шейн глянул на часы и с удивлением обнаружил, что уже шестой час вечера. Что-то щелкнуло в его памяти, и он вдруг вспомнил, как разозлилась Люси, когда он уходил из офиса. Он нажал на акселератор и, взвинтив скорость до запредельной величины, помчался назад, в Международный центр.

Глава 7

Шейн ворвался в приемную и увидел Люси, стоящую посреди комнаты, трогательно хрупкую и беззащитную в своем прозрачном дождевике, который делал ее похожей на привидение. Такое симпатичное привидение в белом балахоне с капюшоном, из-под которого выбивались каштановые кольца кудрей. Увидев разъяренное лицо шефа, она растерянно отпрянула назад.

— Господи! Что стряслось, Майк?

— Ненавижу лицемеров! — прорычал Шейн. — Бог свидетель! Как же я ненавижу эту поганую породу людей! Особенно тех из них, кто падок на всякие сладкоречивые сказочки!

Девушка подбежала к Шейну и даже привстала на цыпочки, чтобы обхватить его могучие плечи.

— Кто это? О ком вы говорите?

Он бросил отрешенный взгляд на стену, не сделав ни малейшей попытки обнять Люси или прижать ее к себе.

— Но еще больше я ненавижу, когда из меня делают олуха. А именно настоящим олухом я сейчас и являюсь. Да! Именно так! Олухом и болваном! — он невесело рассмеялся. — Представляешь, попался, как пацан! Купился на дешевку! А все потому, что был уверен, будто хорошо разбираюсь в людях!

Люси с силой тряхнула его за плечи.

— Пожалуйста! — умоляюще проговорила она. — Не говорите так! Когда вы такой, то я просто боюсь.

Шейн посмотрел сверху вниз на ее расстроенное личико и, кажется, только теперь заметил, что она вцепилась пальцами в его плечи. Он полуобнял девушку и осторожно погладил ее по спине. Лицо его разгладилось, и он тихо сказал:

— Ты хорошая девочка, Люси! Но не позволяй мне впредь так раскисать.

— Постараюсь! — пообещала она тоном послушной секретарши, отступая от него. — Так все же, что случилось?

— О, все случившееся тебе категорически не понравится! Предупреждаю заранее! Я — подлец, Люси! Самый настоящий мерзавец! Являюсь сюда и молю о твоем сочувствии, и что? — Он достал из кармана сигарету, закурил и, сделав глубокую затяжку, выпустил две тоненькие струйки дыма.

— Что за глупости вы говорите! — возмутилась девушка и стала снимать свой дождевик, повернувшись к нему спиной. — Никакой вы не подлец! Перестаньте наговаривать на себя!

— Ты сегодня вечером занята?

— Нет! А что? — она выжидательно уставилась на шефа, даже забыв повесить на вешалку свой дождевик.

Шейн внимательно осмотрел ее аккуратную фигурку в облегающем темно-сером шерстяном костюме, из-под которого виднелась белоснежная блузка, застегнутая на все пуговички.

— Интересно, как тебе удается не расплескать свою первозданную свежесть за целый рабочий день? Являешься сюда утром благоуханной, как роза, и такой же свежей уходишь.

— Детектив Шейн! Вы очень невнимательны! — попеняла ему Люси с веселым смехом. — Я просто пользуюсь хорошей косметикой, только и всего! Рекомендую! Фирма «Айворлюкс». Надолго консервирует любую свежесть.

Она говорила шутливым тоном, и глаза ее смеялись, но стоило ей снова посмотреть на него, и она тут же посерьезнела.

— Отлично! Именно свежесть нам и нужна! Ты можешь пойти на ужин прямо так, не переодеваясь.

— Если это не официальное мероприятие, то да. А куда мы пойдем? — спросила она с почти детским любопытством.

— Сейчас возьмешь такси и поедешь в гостиницу «Дракон». Там спросишь лейтенанта Дринкли, номер четыреста двенадцать. Извинишься перед ним, что я не приехал. Дескать, обстоятельства изменились и все такое. Наплетешь, одним словом, что-нибудь. Объяснишь, что мы собирались отужинать втроем, но вот не вышло.

— Что вы несете? — возмутилась Люси. — Какой ужин? Это же настоящее святотатство — предлагать ему...

— Отведешь его в какое-нибудь тихое местечко. Например, ресторан «Мадам Марти». Там хорошая кухня, отличные напитки, и освещение в зале не очень

яркое. Это нам и надо! — выражение его лица снова стало сердитым и даже грозным. — Пусти в ход все свои женские чары и понаблюдай за ним. Будь с ним кокетлива и мила. Понимаешь, о чем я? — Шейн снова оглядел девушку, словно видел ее впервые. — И учти, это — не просьба, а служебное поручение.

— Но Майк! — задохнулась от возмущения секретарша. — Неужели вы думаете, что сегодня утром он притворялся? Ломал перед нами комедию? Ведь он произвел впечатление человека, убитого горем. Да он и был убит! — поспешила она поправить себя. — Говорю же! Я готова поспорить на что угодно, что ни на какой ужин со мной он не пойдет!

— Не спеши спорить! Иначе проспоришь! — мрачно посоветовал ей Шейн. — Он не просто пойдет, он побежит за тобой как миленький.

— Не верю! — протестующе воскликнула Люси. — Я не верю! Не знаю, что там у вас произошло, но вы не правы. Это я вам как женщина говорю! Сегодня утром он, пока ждал вас, рассказывал мне о Кэтрин и...

— Догадываюсь! Он тебе хороший спектакль разыграл! Во всех лицах.

— Никакой это не спектакль! — снова возмутилась Люси. — Просто вы — циник, не верите в душевные порывы. Иногда в такие минуты мне хочется ударить вас! — она гордо вскинула подбородок и бросила на него вызывающе дерзкий взгляд.

— Да меня не просто ударить, меня убить мало! — охотно согласился с ней Шейн. — За то, что так легко купился на пустышку, за то, что поверил в детскую сказочку. Впрочем, ступай. И все увидишь сама! Только не перебирай по части жалости. Прошу тебя! — напутствовал он секретаршу, направляясь к себе в кабинет. — И еще! Мне нужен полный и объективный отчет обо всем, что там у вас будет!

— Будет вам отчет! — выкрикнула она с негодованием, уже в спину шефа, и дверь с громким стуком захлопнулась за ним.

Шейн плеснул себе немного коньяку, поставил стакан на стол и набрал номер телефона таксопарка. После недолгих объяснений ему пообещали, что как только таксист вернется из очередного рейса, его направят к нему.

Майк отставил телефон в сторону и, поудобнее устроившись в кресле, стал потягивать коньяк с видом человека, честно исполнившего свой долг на сегодня. Вперив свой неподвижный взгляд в стену, он долго и сосредоточенно изучал ее, словно пытаясь вычитать там какие-то таинственные знаки, адресованные лично ему. Целый день он рыскал по городу и ни на шаг не продвинулся в этом запутанном деле. Можно даже сказать, что он имеет ровно столько же информации, сколько ее у него было утром. Единственное, что ему удалось, так это полностью избавиться от чувства сострадания к лейтенанту Дринкли. При мысли об этом сосунке Шейн снова раздраженно нахмурился, но тут же постарался взять себя в руки и переключиться на что-нибудь более веселое.

В дверь приемной постучали. Шейн подождал, пока Люси ответит на стук. Но Люси молчала, зато снова раздался стук, уже более напористый и громкий. Тут он вспомнил, что сам же услал секретаршу на свидание с лейтенантом Дринкли, и зычно гаркнул, не вставая с кресла:

— Входите!

Открылась входная дверь, и Шейн снова крикнул:

— Идите сюда!

Послышались неуверенные шаги в сторону его кабинета. Распахнулась дверь, и на пороге показался рослый молодой человек с форменной фуражкой в руке.

— Мистер Шейн? — неуверенно спросил он.

— Да! А вы кто?

— Бад Стэнли, таксист. Работаю в компании «Орандж Тэкси». В таксопарке мне сказали, что вы хотели видеть меня.

— Да! Мне нужны сведения о пассажирке, которую вы подвозили с полчаса тому назад от гостиницы «Дракон». Помните ее?

— Еще бы! Штучная девчонка! Экстра-класс!

— И куда вы ее доставили?

— На Чаттерс-стрит. Меблированные комнаты «Арментерс». — Шофер стал взволнованно теребить свою фуражку. — А что случилось, босс? Полиция?

— Никакой полиции! Так, одно частное дельце. Тебе же, надеюсь, сказали, кто я и откуда?

— Да, босс! Я и сам кое-что слышал о вас. Но, ей-богу, мистер Шейн, не хочу впутываться ни в какие истории. Вы понимаете, о чем я?

— А я не собираюсь впутывать тебя ни во что. Просто помоги мне найти более короткий маршрут к цели. Только и всего. Итак, что ты знаешь об этой девчонке? Имя! Квартира!

— Да совсем немного я о ней знаю. Правда, мне она попадалась на глаза и раньше.

Шейн засунул руку в карман и извлек оттуда горсть монет, выбрал из нее три монетки по полдоллара и положил их на стол перед молодым человеком.

— Где и когда?

— Отиралась один раз возле клуба Лорель. Наверное, обирает тамошнюю публику.

— Она что, карманница?

— Да нет! Я не в том смысле! Думаю, она их по-другому обирает. Пару недель тому назад я ее подвозил из клуба, но, видно, в тот вечер она была сильно на мели.

Шейн спрятал мелочь в карман и достал бумажник.

— Спасибо! То, что ты сообщил мне, тянет на пять долларов. Никак не меньше.

— Благодарствуем! — расцвел в улыбке таксист и потянулся к чеку.

— А в тот вечер, когда она была на мели, ты ее одну вез? — поинтересовался Шейн, не выпуская чек из рук.

— Нет, сэр! С ней еще был какой-то военный.

— Получай! — Шейн протянул водителю чек, тот ловко спрятал его и был таков.

Шейн залпом осушил стакан до дна и принялся сосредоточенно массировать мочку уха. Кажется, шарада начинает складываться, если чутье его не подводит. Во всяком случае, в центре всей картинки находится клуб Лорель. Уж слишком многое и многие на него завязаны.

Он позвонил в полицию и попросил соединить его с шефом. На что ему ответили, что шеф уже ушел домой. Тогда он позвонил ему домой.

— Что тебе известно о клубе Лорель, Мак? — начал он без обиняков.

— Неофициально? — хохотнул в трубку Маккракен.

— Само собой!

— Клуб находится на пересечении улиц святого Луи и Тулузы. Владелец — некто по имени Дан Трумэн. С ним у нас проблем нет. Он ведет дела чисто. Если кто-то из его клиентов и играет в задних комнатах на крупные денежки, то их все равно не застукаешь! Пока то да се, они всегда успеют замести следы. А потому мы его особо и не трогаем.

— Чистосердечное признание! — одобрил Шейн. — Говоришь, Дан Трумэн?

— Да! Одно могу тебе сказать. Свой бизнес он сотворил буквально из воздуха. Занимался производством каких-то шнурков, и вот, представляешь, получилось в итоге вполне симпатичное заведение. А ты все еще рыскаешь в поисках изумрудов?

— А! Толку-то! Пока результатов — ноль! — пожаловался Майк полицейскому. — Ну, бывай!

Он швырнул трубку на аппарат и прошелся рукой по рыжей шевелюре. Потом подхватился с места, в приемной оделся, рачительно выключил свет в обеих комнатах и отправился домой.

Шейн снимал трехкомнатную квартиру в старинном двухэтажном особняке на улице святого Карла. Правда, само здание подверглось капитальной реконструкции и почти полной перепланировке. Он припарковал машину возле парадного

подъезда и поднялся к себе на второй этаж. В нос ударили соблазнительные ароматы, доносившиеся снизу, из кухни. Вкусно пахло мясом и терпкими, осенними пряностями. Майк вошел в просторную угловую комнату с высокими потолками, которая служила ему гостиной. Стены в комнате были оклеены свежими обоями, на полу лежал новый палас. Он включил свет, и тотчас же вспыхнуло множество лампочек в старинной люстре с хрустальными подвесками.

В квартире было душно, и он настежь распахнул двойное окно, а потом направился в спальню, снял костюм, развязал галстук. Снова вернулся к входной двери и поднял с пола вечернюю газету, подсунутую под дверь, после чего удобно устроился в кресле и стал просматривать заголовки. Внимательно изучил статейку о смерти Кэтрин Мо и краже изумрудного колье из дома Ломаксов. Ничего нового из этой писанины он для себя не почерпнул. Репортер подал новость как обычное самоубийство, хотя мотивы, толкнувшие девушку на столь отчаянный шаг, он назвал загадкой. Будучи, видно, специалистом по душещипательным сенсациям, он пространно расписал все, что касалось несостоявшейся свадьбы Кэтрин Мо и лейтенанта Дринкли. Рядом были помещены фотографии жениха и его покойной невесты. Однако никакой связи между смертью Кэтрин Мо и похищением колье журналист не усматривал и нигде не обмолвился об этом ни словом. Была также благоразумно опущена та часть информации, которая касалась небрежения самой хозяйки колье, мадам Ломакс.

Шейн с некоторым любопытством принялся рассматривать снимки Кэтрин Мо, пытаясь на глаз определить, когда именно они были сделаны. С одной фотографии на него смотрело круглое пухленькое личико с острым подбородком. Но само лицо девушки поражало своей серьезностью, а большие глаза были строгими и даже немного печальными. Волосы, заплетенные в две косы, уложены короной вокруг головы. На другом снимке она была запечатлена уже с короткой стрижкой: крупные мягкие локоны пушистым ореолом обрамляли головку.

Шейн свернул газету и отшвырнул ее в дальний угол гостиной, а сам направился в спальню, сдирая с себя по пути рубашку. Потом побрился, принял холодный душ и стал тщательно одеваться. Он выбрал темно-синий костюм в тонкую полоску, в котором он, как ему казалось, выглядел гораздо моложе своих лет, и голубую, в тон костюму, рубашку. Что до галстука, то после недолгих раздумий Майк остановил свой выбор на синем с модным рисунком из белых кубиков. Темно-серое пальто и такая же фетровая шляпа с мягкими полями завершили процесс превращения сыщика в респектабельного джентльмена, в котором посетительница лейтенанта Дринкли навряд ли узнает замотанного мужчину, спускавшегося вместе с ней на лифте гостиницы «Дракон».

Шейн вышел на улицу и остановился возле машины, решая, куда направиться в первую очередь. Сильный порывистый ветер не утихал, он уже успел разогнать почти все тучи, которые сгрудились у самой кромки горизонта, но все равно было холодно и неуютно. Наконец Шейн сел в машину и поехал в сторону Французского квартала. Он притормозил неподалеку от здания с нарядной неоновой вывеской: «Клуб Лорель».

В небольшом фойе красная неоновая стрелка указывала поворот налево, а под ней высвечивались голубые буквы: «Зал для коктейлей».

Шейн сдал в гардероб пальто и шляпу и вошел в просторный зал, в котором царил приятный полумрак. Лампы дневного света были вмонтированы в низкий потолок и искусно замаскированы резными панелями. Весь угол зала занимала длинная стойка бара, возле которой стояли высокие обтянутые кожей табуретки. Остальное пространство зала было разбито на отдельные кабинки со столиками, вокруг которых стояли подковообразные стулья. Большинство кабинок еще пустовало. Шейн, направляясь к стойке бара, намеренно заглянул в те немногие, где уже сидели люди. Ни одного знакомого лица.

Обозрев местность будущих боевых действий, он решительным шагом направился к центральной кабинке: отсюда ему в равной степени будут хорошо видны

и главный вход в зал, и запасной выход рядом с самим баром. К нему уже направлялся официант, когда он увидел свою незнакомку. Девушка тоже успела переодеться: на ней было серебристо-зеленое вечернее платье, тесно облегающее стройную фигуру и открывающее неожиданно крепкие и мускулистые плечи и руки.

Приятельница лейтенанта Дринкли скользнула рассеянным взглядом по кабинкам и медленно поплыла к бару.

Официант подошел к Шейну, чтобы взять заказ.

— Скажите, в баре я, наверное, получу спиртное быстрее?

— Да, сэр. Сами видите, еще слишком рано. Почти все столики пусты, а потому на зале работает всего лишь несколько официантов.

— О’кей! Тогда я иду к стойке.

Шейн уселся на высокий табурет рядом с рыжеволосой красавицей и заказал себе порцию коньяка. Делая заказ, он методично рассматривал соседку в огромном зеркале, установленном на задней стенке бара. Она метнула на него короткий взгляд и стала сосредоточенно копаться в блестящей вечерней сумочке, пока не извлекла оттуда изящный дамский портсигар. Открыла его со щелчком, но он был пуст. Шейн тотчас же достал из кармана пачку сигарет и, слегка тряхнув ее, услужливо выдвинул сигарету.

Девушка, поблагодарив, взяла ее и снова начала копаться в сумочке, на сей раз в поисках спичек. Шейн тоже взял сигарету, зажег спичку и, закурив, предложил огонек девушке, не преминув заметить при этом:

— Эти крохотные дамские сумочки ни на что не годятся, верно? Что туда можно положить!

Она с невозмутимым видом прикурила сигарету и коротко хохотнула:

— А я и не люблю таскать с собой много вещей!

Бармен сосредоточенно тряс шейкером, стоя прямо перед Шейном: он делал ему коктейль из коньяка, апельсинового ликера и сока.

— Еще одну порцию для барышни! — приказал он бармену и вопросительно приподнял рыжую бровь, взглянув на девушку: — Не возражаете?

Она утвердительно кивнула и спросила:

— Решили пойти в загул?

— Я в вашем городе еще новичок, поэтому до загулов мне еще далеко. Но надо же как-то вечер убить! — Шейн окинул девушку долгим и откровенно изучающим взглядом и назидательно заметил: — А вот таким девушкам, как вы, не стоит появляться в подобных заведениях без сопровождения. Да еще принимать от незнакомых мужчин выпивку.

— А я здесь работаю! — беззаботно отозвалась незнакомка и взяла поставленный перед ней бокал с коктейлем.

Шейн поднял свой стакан и чокнулся.

— Это меняет дело! На работе все позволительно! Предлагаю выпить за постепенное увеличение размера порций и возрастание доли спиртного в них! — Он швырнул пятидолларовую купюру на прилавок и сказал, обращаясь к бармену: — Сообщишь, когда закончатся.

— Все-то вы знаете! Во всем разбираетесь! — процедила девушка и недовольно поджала губки.

— Да, знаете ли, повидал на своем веку! — покладисто согласился с ней Шейн и тут же спросил прямо в лоб: — А как вас зовут?

— Лана Мур! — Девушка немного помолчала и добавила: — Вашего имени я не спрашиваю! Все равно ведь не скажете правды, а придумаете что-нибудь на ходу. Буду звать вас — Ред.

— Тогда лучше Майк! — предложил Майк Шейн и, отставив пустые стаканы в сторону, знаком заказал бармену еще две порции.

— Такими темпами вы быстро спустите свои пять долларов! — рассмеялась девушка. — Впрочем, зато и познакомимся быстро. Скажу вам по секрету, Ред, я просто балдею от рыжих. Но вы же ни за что не поверите! Подумаете, что я про-

сто клеюсь к вам и всегда веду себя так! — добавила она с неожиданной серьезностью, между тем как бармен выставил перед ними два свежих коктейля.

— Звучит многообещающе, если это правда! — Шейн залпом осушил свой стакан и снова отодвинул его в сторону. — Так чем вы здесь промышляете? Поделитесь опытом!

Она сделала небольшой глоток.

— Так, пустяками. Окучиваю клиентов здесь и в других местах и имею от этого какую-то выгоду. Одним словом, работаю за комиссионные. Вот, предположим, если я сумею затащить вас в игорный зал, и вы там проиграете, то я получу свой процент от суммы вашего проигрыша. — Девушка рассмеялась гортанным смехом.

«Занятная девчонка, — подумал Шейн. — Если не считать того мимолетного взгляда искоса, которым она одарила его при появлении в коктейль-зале, то все говорит в пользу того, что она его не узнала».

После четвертой порции сайдкара Шейн предложил:

— А не перекусить ли нам чего-нибудь?

— Тогда я предлагаю перебраться в ресторан. Там у них новая программа: танцуют прямо среди публики. Конечно, не бог весть какое зажигательное шоу. Во Французском квартале есть и более интересные представления.

Лана Мур легко спрыгнула с табуретки и, взяв его под руку, повела в ресторанный зал. Метрдотель встретил появление очередных гостей низким поклоном и усадил их за столик для двоих почти рядом с небольшой сценой, отгороженной от остальной части зала бархатным канатом. Зал был заполнен менее чем наполовину. Однако шоу было уже в полном разгаре. Довольно смелые танцевальные номера сменяли друг друга, но все — на грани приличия. Неудивительно, подумал Шейн, что у Дана Трумэна нет проблем с блюстителями порядка.

Официант подал ему меню, но Шейн отложил его в сторону и посмотрел на Лану.

— Вы же тут завсегдатай! Знаете их кухню! Вот и закажите ужин по своему вкусу.

— С удовольствием! — очаровательно улыбнулась девушка. — Начнем с коктейля «Сазерак», затем салат из креветок с острым соусом и устрицы «Рокфеллер».

Шейн сделал недовольное лицо.

— Однако совсем немного для успевшего изголодаться за день мужчины!

Девушка весело рассмеялась.

— Да вы просто не видели еще их порций! На десерт — кофе и бренди «Крошка Брюль».

— Что ж, я всецело полагаюсь на вас!

Официант, приняв заказ, отошел от столика, а Шейн снова вернулся к волнующей его теме. — Так расскажите мне все же, чем вы тут промышляете?

Официант подал коктейли, девушка пригубила, потом поставила стакан на стол и посмотрела в упор на Шейна. Это был холодный и даже несколько циничный взгляд. В уголках губ снова обозначились недовольные складки.

— Я же сказала вам, имею свою небольшую выгоду. Иногда неплохую! Плюс кое-какой навар с клиентов.

Шейн попробовал коктейль и с отвращением сказал:

— Какая гадость! Какой болван испортил хороший виски, вермут и абсент, смешав все вместе? Так, говорите, навариваете на мужиках? — он вопросительно поднял одну бровь.

Лана невесело рассмеялась. Она уже захмелела, голос у нее стал хрипловатым, и она стала часто запинаться, выговаривая слова заплетающимся языком.

— Когда-то, давным-давно, еще в ранней юности, у меня случилась одна маленькая радость. Совсем малюсенькая, Ред. Как говорится, получила цветы любви. В положенный срок созрели и ягодки! Вы понимаете, о чем я! Крохотный провинциальный городишко, где все знают всех, и тут я, послушная дочь своих родителей! Какой ад мне пришлось пережить! Я боялась даже показаться им на глаза!

— А я-то думал, что имею дело с примерной девушкой! И с сильной!

— Я и была примерной! — сверкнула она глазами. — У меня, между прочим, за спиной два курса университета. И сильная я! А когда все это случилось, мне было всего лишь девятнадцать лет! — Она залпом осушила стакан.

Официант принес заказ, и они выжидательно замолчали, наблюдая за тем, как он расставляет блюда.

— Что-нибудь еще желаете, мадам? — поинтересовался он, закончив сервировку.

— Не забудьте «Крошку Брюль» и кофе.

Они приступили к еде тоже молча, невеселое молчание сопровождало их и на протяжении всей трапезы.

Лана заметно протрезвела и, разделываясь с последней устрицей, заметила невзначай:

— Между прочим, отличная пища для мозгов, Ред. Мне бы следовало проглотить их с десяток штук, прежде чем открывать рот. Тогда вместо правды я бы легко наплела вам какую-нибудь чушь.

— Я уже давно научился отделять зерна от плевел, детка! Так что зерно правды я бы отсортировал из любой небылицы.

Лана повела голыми плечами, потом наклонилась к нему, упираясь локтями в стол, и посмотрела на него долгим проникновенным взглядом.

— Знаешь, Ред! А я ведь тебя не обманываю! — проговорила она тихо. — Иногда тянет на откровенность с незнакомым человеком. А может, я просто нашла мужчину своей мечты, как думаешь?

— Меня, что ли? — ухмыльнулся Шейн. — Да ты присмотрись ко мне получше! Сразу обнаружишь во мне кучу минусов! У тебя ведь такие красивые зеленые глаза. И такие умные!

— Уже присмотрелась! И глаза у меня не зеленые, а желтые, как у кошки. Это просто зеленое платье придает им такой оттенок.

— Хороший оттенок! Ну что — в путь? — Шейн слегка отодвинул свой стул.

— Не торопись! — она закрыла ладонью его руку. — Или ты забыл, что у нас по программе еще бренди и кофе?

Снова появился официант с подносом, на котором стояли две пиалы, сделанные из двух половинок апельсина в кожуре, небольшой графинчик с бренди, декоративная вазочка с корицей и две чашечки кофе.

— Счет, пожалуйста! — сказал ему Шейн. — На сегодня у нас все!

Лана наполнила пиалы бренди, предварительно положив в каждую по два кусочка сахара, а сверху посыпала напиток корицей. Потом зажгла спичку и поднесла к пиалам. Вспыхнуло синее пламя, и она с наслаждением вдохнула в себя терпкий аромат.

— Как красиво! — проговорила она мечтательно и улыбнулась.

— Да, смотрится красиво! — согласился Шейн. — А как на вкус? Я не очень люблю рискованные эксперименты со спиртным.

Лана весело рассмеялась и задула огонь. Они немного подождали, а потом пригубили напиток. Шейн сделал небольшой глоток и недовольно поморщился.

— Я так и знал! Можешь забирать и мой! — Он придвинул к себе чашечку с кофе.

— Ах, Ред! Придется взять над тобой шефство! Подожди! Я в два счета обучу тебя всем изыскам Французского квартала.

— Давай прямо сейчас и начнем наш ускоренный курс обучения. Предлагаю первый урок провести в игорном зале! Как смотришь?

Лана осушила обе пиалы, сделала пару глотков из кофейной чашечки и поднялась из-за стола. Шейн расплатился, и она, снова взяв его под локоть, твердой рукой повела каким-то окружным путем, понятным только посвященным, в самый конец ресторана, туда, где находился вход в игорный зал.

Высокий широкоплечий верзила в смокинге встретил их у самой двери и немедленно расплылся в улыбке при виде Ланы.

— Добрый вечер, мисс Мур!

Комната была обставлена с тем неброским вкусом, который отличал интерьер всех помещений клуба. В остальном же здесь было все, как в самом обычном казино: игорный стол, рулетка. Еще три стола, покрытых зеленым сукном, для игры в карты. За всеми столами шла игра, за которой безмолвно наблюдали благопристойные джентльмены и несколько дам.

Лана слегка замешкалась у двери и, сжав локоть Шейна, прошептала ему хрипловатым голосом:

— Не пускайся во все тяжкие! Дай мне заработать свой процент, и хватит с тебя!

Шейн понимающе оскалился в ответ:

— Да, ты права! Уж если бездумно швыряться деньгами, так лучше потратить их на тебя, чем скармливать этим прожорливым акулам бизнеса.

— Поступай как знаешь! — улыбнулась Лана. — Но в любом случае, не советую увлекаться!

— Честное слово, Лана! Ты — просто чудо, а не девушка! — совершенно искренне воскликнул Шейн и предложил: — Давай попытаем счастья, а? Предлагаю поставить на четыре-пять-шесть.

Он подошел к крупье и, поменяв пятидесятидолларовую купюру на фишки, сложил их в две стопки и одну подвинул к ней. Лана теснее прижалась к нему и снова смешала все фишки в одну кучу.

— Я никогда не играю, дорогой! Во всяком случае, здесь! — прошептала она ему на ухо.

Банк держал какой-то толстяк, возле которого стояли стопки с фишками на сумму порядка нескольких сот долларов. По его лицу обильно струился пот. Некоторое время Шейн молча наблюдал за игрой. Когда подошла его очередь, то он, естественно, поставил на четыре-пять-шесть и сразу же сорвал весь банк.

— Пару раз мне чертовски везло в рулетку! — заговорщицким тоном сообщил он Лане.

Следующая попытка оказалась менее удачной. Шейн, скорчив Лане веселую рожицу, полез в бумажник и извлек из него еще двести долларов. На сей раз он сделал ставку пять к одному и снова сорвал выигрыш в триста двадцать долларов.

Тогда он взвинтил ставки, поставив на кон все выигранные деньги, и стал внимательно наблюдать за вращением колеса. И в этот момент услышал у себя за спиной глубокий, приятный баритон:

— Добрый вечер, мисс Мур! С вами все в порядке?

Шейн даже вздрогнул от неожиданности. Он не мог ошибиться. Именно этот голос сегодня днем предлагал ему по телефону купить изумрудное колье. Он слегка повернул голову, чтобы иметь возможность разглядеть мужчину.

— О, не беспокойтесь, мистер Трумэн! Все замечательно.

Так вот он какой, владелец клуба Лорель! Высокий, скорее тощий, чем худощавый, с заострившимися чертами лица и глазами миндалевидной формы со слегка опущенными вниз наружными уголками. На вид мистеру Трумэну чуть за сорок, скорее похож на преуспевающего юриста, чем на владельца азартного клуба. Мистер Трумэн церемонно поклонился Лане и важно прошествовал к другому столику.

Перед Шейном уже возвышалась целая гора фишек на общую сумму шестьсот сорок долларов. Он проследил за передвижениями хозяина клуба и, удостоверившись в том, что худая фигура Дана Трумэна исчезла за боковой дверью, немедленно сделал очередную ставку. Само собой, на четыре-пять-шесть. Именно эти цифры и выпали, когда колесо замедлило свой ход.

Шейн терпеливо подождал, пока крупье обсчитает его выигрыш, а потом спокойно объявил во всеуслышание:

— Все! На сегодня хватит!

Вокруг стола прошелестел легкий ропот, но Шейн сделал вид, что не расслышал возмущенных реплик. Он повернулся спиной к толпе зевак и стал внимательно следить за тем, как крупье обналичивает его фишки. Сумма получилась более чем внушительной, чуть более тысячи ста долларов. Совсем неплохо для того, кто начал игру с пятидесяти зеленых. Он спрятал деньги в бумажник и с улыбкой посмотрел на раскрасневшуюся от возбуждения Лану.

— Боюсь, босс будет сегодня тобой недоволен.

И впервые за вечер услышал ее жизнерадостный и совершенно чистосердечный смех:

— Да плевать я хотела на него, Ред! Ты ведь первый на моей памяти, кто сумел их тут обуть и уйти победителем!

Шейн еще раз осмотрел игорные столы и сказал вполголоса:

— Ступай в коктейль-зал! Закажи там пару коктейлей! Право же, у нас есть что отметить!

— С удовольствием закажу! — воскликнула она с жаром.

— А где здесь …

— Через эту боковую дверь. Мужская комната налево! — ответила она ему с улыбкой, не дожидаясь конца вопроса, и они разошлись в разные стороны.

Глава 8

Шейн открыл дверь, ведущую в узкий коридор, прямо перед ним была еще одна дверь. Он открыл ее и очутился в небольшой комнате с баром в углу. Несколько квадратных столов, освещаемых свисающими с потолка абажурами, были оккупированы угрюмыми парнями, которые азартно резались в карты в густых клубах табачного дыма. Справа виднелась еще одна дверь, на которой висела табличка «Служебный вход».

Снаружи ее подпирал огромный верзила с лицом, побитым оспой. Он стоял возле двери как вкопанный, и его накачанные бицепсы шарами перекатывались под тонким свитером.

Стоило Шейну сделать шаг по направлению к двери, как он грубо крикнул:

— Ты что здесь потерял?

— Мне нужно увидеть босса. Это его кабинет?

— Он сейчас занят! Жди!

— У меня нет времени ждать! — раздраженно бросил Шейн и сделал еще один шаг, явно намереваясь смести охранника со своего пути.

Глаза у охранника мгновенно налились кровью. Левой рукой он небрежно отпихнул Шейна назад, а правой извлек из кармана медный кастет, приготовившись к атаке. Времени на раздумья не было, Шейн сместился чуть влево и нанес молниеносный удар в нижнюю челюсть противника. Амбал слегка пошатнулся, и в его глазах появилось замешательство. Но Шейн не дал ему опомниться и следующим ударом свалил парня на землю. После чего небрежно перешагнул через лежащее тело и вошел в кабинет.

Четверо мужчин изумленно вытаращились на него. Двое сидели за столом, а еще двое, уцепившись руками за край стола, услужливо изогнулись, всем своим видом демонстрируя величайшее внимание к тому, что говорит босс.

Дан Трумэн сидел лицом к двери. Он настолько растерялся при виде Шейна, что даже вынул изо рта сигару. Его собеседник развернулся вместе со стулом, на котором сидел, чтобы увидеть Майка. Это был крупный мужчина с необычно маленьким ртом и умными глазами, над которыми не было ни бровей, ни ресниц. Глаза смотрели на Шейна холодно и даже жестко. Двое парней помоложе явно состояли на побегушках при Трумэне.

— Заблудились? — миролюбивым тоном поинтересовался у него хозяин клуба. — Здесь служебное помещение!

Он говорил негромко, но отчетливо произнося каждый звук. Так обычно разговаривают с пьяными клиентами.

— Вы ведь — босс, не так ли? Позвольте занять у вас минуту времени!

— Если вы ко мне с жалобой, то придется обождать. Интересно, как Тайг пропустил вас сюда?

— Я привел ему пару убедительных аргументов! — спокойно парировал Шейн и осторожно подул на посиневшие костяшки пальцев. — Моя фамилия — Шейн, мистер Трумэн. И мне безотлагательно нужно переговорить с вами.

Слабая улыбка тронула губы Трумэна, но его глаза сузились, а взгляд сделался колючим и недобрым.

— А, так вы Майк Шейн? Ребята, оставьте-ка нас на пару минут! Заодно взгляните на Тайга, как он там. Да! И передайте ему, что прежде чем извлекать из кармана кастет, надо научиться пользоваться им.

Трумэн подождал, пока молодые люди исчезнут за дверью, выпустил в потолок кольца дыма, а потом негромко сказал:

— Наслышан о тебе, Шейн, наслышан! С чем пожаловали ко мне, сэр?

Шейн взглянул на второго мужчину, но Трумэн перехватил его взгляд.

— Не волнуйтесь! Это мой адвокат Джим Нолан. — Владелец клуба изобразил ослепительную улыбку. — Этот человек знает о моем бизнесе больше, чем я сам!

— Вы звонили мне сегодня днем и предлагали купить у вас изумрудное колье.

— Ошибаетесь, милейший! Я же говорил вам, что вы заблудились. У меня здесь не ювелирная лавка.

— Предупреждаю! Дельце пахнет жареным, и кое-кто может на нем поджариться в два счета!

— Кое-кто? И что же вы хотите передать этому «кое-кому»?

— Скажите, что я уже вышел на след пропавшего колье. И еще! Страховая компания не будет затевать с ним торги. И покупать колье тоже не станет.

— А! Так вы толкуете о той штуковине, которую украли у Ломакса! Читал-читал! Говорят, безделушка застрахована на сто двадцать пять тысяч долларов. Конечно, это сумасшедшие деньги для страховой компании. Но ведь можно выкупить колье и за меньшую сумму, скажем, за сорок тысяч долларов. Вон какая экономия получается!

— Огромная экономия, согласен! Но торгов не будет! Более того, передайте парню, что компания готовит встречный иск.

— Иск? — почти фальцетом взвизгнул Нолан, впервые за все время их разговора открывший рот. — Что еще за иск?

— Халатность клиента. Ломакс сам признался мне сегодня, что во всем виновата его жена. Но она упряма и настаивает на компенсации. А Ломакс, отлично понимая, что может проиграть дело, готов сам погасить сумму страховки и тем самым закрыть тему о пропаже колье.

— А зачем вы мне все это рассказываете, хотел бы я знать? — холодно поинтересовался у него Трумэн.

— Затем, чтобы вы знали, где мы все находимся. Чтобы потом не возникло никаких недоразумений. Еще раз предупреждаю! Костерок уже полыхает! Смотрите, чтобы пятки остались целы.

— У вас ко мне все? — злобно оскалился на него Дан Трумэн.

— Пока все! Запомни, Трумэн! Сейчас я уйду отсюда без лишнего шума. Но если вернусь к тебе снова, то все уже будет по-другому!

Лана поджидала его в холле. На ней было длинное пальто из черного бархата с воротником из чернобурки.

Шейн нахмурился:

— А я думал, мы отпразднуем наш выигрыш в клубе!

Лана метнула на него озабоченный взгляд. Уголки ее губ снова капризно опустились вниз, словно ей уже до чертиков надоело ждать его. Но вот она взяла его под руку, и выражение ее лица мгновенно изменилось.

— Ах, Ред! Настоящий праздник можно устроить только дома! — нежно проворковала она, глядя на него своими широко распахнутыми невинными глазками.

Шейн еще сильнее наморщил лоб. Нет! Он определенно не понимает, что у девчонки на уме. Ее самообладанию можно только позавидовать! Либо она действительно простушка, либо очень, очень искушенная штучка!

— А как же твоя выгода? По-моему, сегодня ты явно в минусе!

— Иногда такое случается. Не часто, но бывает! — Она потянула его к дверям. — Но, ей-богу, ты — настоящий герой! Выиграл кучу денег и беспрепятственно ушел из игорного зала.

— А зачем же доводить дело проигрыша? Я не люблю проигрывать.

Она посмотрела на него искоса.

— Ах, Ред! Какая мне разница, ты выиграл или проиграл? Не в игре ведь дело. Любой девушке порой хочется обычных развлечений. Только и всего.

— С тобой все ясно! — грубовато прокомментировал Шейн.

Они вышли на улицу, и Майк моментально поймал такси. Лана назвала адрес, и машина покатила по ночным улицам Нового Орлеана.

Они не успели проехать и полквартала, как Лана вдруг встрепенулась в темноте, придвинулась к нему поближе и, повернувшись вполоборота, обхватила его лицо руками, а потом впилась в него долгим поцелуем. Он тоже обнял девушку и еще теснее привлек ее к себе.

— Ты не можешь сейчас просто так взять и оставить меня, Ред! — прошептала она ему на ухо хриплым от возбуждения голосом.

Шейн, расслабившись от поцелуев, промолчал. Он лишь поудобнее вытянул ноги и не без удовольствия отвечал на ее ласки. Некоторое время они ехали молча. Лана уютно свернулась подле него калачиком, а Шейн стал усиленно теребить мочку левого уха. Глубокая морщина, залегшая между бровями, выдавала напряженную умственную работу.

Водитель остановил машину перед четырехэтажным жилым домом.

— Вот мы и приехали, Ред! — радостно прощебетала девушка, взглянув на улицу.

Шейн снял руку с ее талии и стал вылезать из машины. Ступив на тротуар, он подал руку своей даме и помог выйти ей. Немного подождал, пока она расправит складки длиннополого пальто, и сказал:

— Послушай, Лана! Уже поздно! Пожалуй, я...

— Нет! — воскликнула она и со всей силой впилась пальцами в его руку: — Прошу тебя! Не уезжай!

Свободной рукой Шейн извлек из кармана несколько монет и расплатился с таксистом. Они пошли к парадному подъезду. Но уже возле самой двери его снова охватили сомнения. Идти, не идти?

Лана бросила на него насмешливый взгляд.

— Ну, что же ты? — сказала она укоризненно. — Или у тебя даже в такое позднее время есть дела?

— Да никаких особых дел у меня нет! — поспешил успокоить ее Шейн и, широко улыбнувшись, зашагал вперед.

— Тогда давай сейчас напьемся! Вдрызг! — предложила она.

— Идет! — согласился Шейн. — Только если тебе удастся проделать это со мной. Видишь ли, я не из тех, кого можно легко споить.

Они поднялись на лифте на четвертый этаж и оказались в небольшом уютном холле, устланном зеленым ковром. Лана снова принялась сосредоточенно рыться в своей сумочке, пока, наконец, не извлекла из нее связку ключей от квартиры.

Огромная гостиная с альковом, распахнутая дверь слева вела в спальню. Девушка сбросила с себя пальто и шляпку и небрежно швырнула их на стул. Потом прошла к радиомагнитоле и, повернувшись к Шейну спиной, сказала:

— Ты не возражаешь, если я включу спокойную музыку?

Она долго щелкала клавишами настройки, пока не нашла то, что хотела.

Шейн молча наблюдал за ней прищуренными глазами. Вот она схватила какую-то вещицу с журнального столика и, спрятав ее в складках платья, торопливо направилась к спальне.

— Я сейчас! — проговорила она, улыбнувшись через плечо.

Но Шейн в два прыжка успел загородить ей дорогу.

— Подожди! Ну-ка, покажи, что ты там спрятала?

Она отступила назад, кусая губы в бессильной ярости.

— Ты что себе позволяешь? Я ничего не прятала!

— Нет! Ты взяла что-то со стола и спрятала. Показывай! — он выжидательно протянул руку.

— Ну, раз ты так хочешь! — она попыталась рассмеяться. — Готов устроить сцену из-за пустяка.

Лана протянула Шейну небольшую фотографию в рамочке. На ней красовался лейтенант Дринкли форме сержанта. В правом нижнем углу фотографии стояла подпись: «Моей дорогой Лане».

— Ну вот! Сам видишь! Всего лишь снимок! Я просто не хотела, чтобы ты увидел. Некоторые мужчины ведь могут приревновать даже к фотографиям.

Шейн вернул ей фото.

— Давай не будем дурачить друг друга и терять время зря. Тебе прекрасно известно, что о твоем лейтенанте я знаю все.

— С чего ты взял? О каком лейтенанте?

— Перестань разыгрывать наивную дурочку! — взвился Шейн. — Эта роль тебе совсем не к лицу. Я спрашиваю тебя о лейтенанте Дринкли! Ты ведь из кожи лезла, детка, чтобы я подцепил тебя в клубе, не так ли? Потому что узнала по голосу, что я — тот человек, который явился к твоему приятелю в номер, а ты в это время пряталась в ванной комнате.

Ее глаза стали холодными и желтыми-желтыми. Действительно, как у кошки.

Она расправила плечи, но ее хрипловатый голосок был спокоен.

— Разумеется, я узнала тебя, Майк Шейн.

— Что тебе наплел про меня Дринкли?

— Да ничего такого! Сказал, что ты детектив. Он очень боялся, что ты разнюхаешь про нас с ним.

Шейн негромко чертыхнулся и, пропуская Лану в спальню, сказал:

— Ступай! И приготовь-ка пару коктейлей! У нас с тобой предстоит долгий разговор. Надеюсь, приятный.

Когда через некоторое время Лана появилась из дверей спальни, то румянец на ее щеках посвежел, да и на губах снова засверкала яркая помада. Она бросила кокетливый взгляд в сторону Шейна и молча проследовала на кухню.

Шейн подошел к столику, на котором стоял магнитофон, и стал просматривать стопку кассет, лежавших рядом. На некоторых не было ни названия, ни даты записи. Потом он снова принялся с мрачным видом разглядывать фотографию Дринкли, стоявшую рядом. Но тут в комнату вошла Лана с подносом.

— Иди сюда, Ред. Или ты уже забыл, что мы хотели напиться? — Она поставила поднос с выпивкой на низкий стеклянный столик, возле которого стояли два кресла.

Шейн сел в одно из них и, отхлебнув из стакана, спросил:

— Как давно ты знаешь лейтенанта Дринкли?

— Около года. То есть, я увидела его впервые около года назад. А что он хочет от тебя, Ред? Добивается, чтобы ты установил, действительно ли эта глупышка покончила жизнь самоубийством? Но он же не любил ее.

— О, да! Он ведь любит тебя, так?

— Любил! Год тому назад.

— Еще до того как он познакомился с Кэтрин Мо?

— Да! — девушка спокойно встретила его взгляд и не отвела своих глаз. А они снова стали зелеными. Возможно, потому, что на ней больше не было черной одежды.

— А ты надеялась, что он все еще любит тебя?

— Нет! Я надеялась, что он полюбит меня снова! — в ее голосе послышалась злость. — После того, как Кэтрин перестанет путаться у нас под ногами.

— Ах, так вот кому она мешала в первую очередь! Ты совсем голову потеряла, да?

— Ты задаешь слишком много вопросов, тебе не кажется? — вспыхнула Лана. — Особенно с учетом того, как я по-человечески обошлась с тобой сегодня вечером. — Она взглянула на поднос, и голос ее стал мягче. — Мы же собирались напиться, Ред! Вот и давай!

Но Шейн раздраженно махнул в ответ.

— Подожди! То есть, ты сама признаешь, что подцепила меня с одной-единственной целью: выведать у меня, что мне известно о Дринкли?

— Да! Поначалу так и было! — Лана закрыла глаза и сделала несколько глотков. Голос ее звучал серьезно и вполне искренне. — Мне действительно позарез было нужно знать все, что тебе известно о нас. Особенно после того, как Тед спрятал меня в ванной, а потом буквально в шею вытолкал из номера, не успел ты уйти. Но если честно, ты меня зацепил за живое, Ред! Правда! — Она допила свой стакан до дна и потянулась, чтобы взять его за руку, отпихнув ногой мешавший ей столик.

Шейн почувствовал легкий озноб. По спине пробежался холодок. Откуда этот сквозняк, мелькнуло у него, когда он, напряженно вглядываясь в коричневато-желтые глаза девушки, спросил:

— Так это ты убила Кэтрин Мо?

— Убила?! — отшатнулась она от него, а ее пальцы непроизвольно сжали его запястье. — А я думала, она покончила жизнь самоубийством.

— Не ты одна! Многие так думают. А вот лейтенант Дринкли знает точно, что это не было обычным самоубийством. Это его и волнует прежде всего. Кстати, любовная интрижка с тобой — вполне тянет на мотив…

Шейн скорее инстинктивно почувствовал, чем услышал какое-то движение у себя за спиной, оглянулся и увидел мужчину, приготовившегося нанести ему удар по голове. Лана дико вскрикнула и рванулась к нему, прижавшись головой к его животу. И в это время последовал сильный удар справа. Он скорчился от боли, накрыв девушку своим телом, а сам начал медленно сползать на пол.

Глава 9

Шейн с трудом расклеил слипшиеся от крови ресницы и открыл глаза. Солнечный свет ослепил его. Он по-прежнему лежал на полу. Попытался слегка повернуть голову и тут же почувствовал густую вязкую кровь на затылке, которой уже успел пропитаться весь ковер. Взглянул на магнитофон и увидел, что стопка кассет, лежавшая рядом, бесследно исчезла.

Острая боль пронзила все тело, и он непроизвольно закрыл глаза. Да, едва ли он сможет подняться самостоятельно, даже если попытается. Некоторое время Шейн лежал неподвижно, а потом стал осторожно, не открывая глаз, проверять, целы ли мускулы, и начал проверку с пальцев ног и рук. Постепенно он прошелся по всему телу, а когда закончил, то сумел слегка приподнять голову из лужи крови и чуть-чуть сдвинуть ее в сторону, чтобы солнечный свет не бил прямо по глазам. Кресло, на котором он сидел минувшей ночью, было перевернуто. И столик тоже. В комнате царил невообразимый кавардак. Шейн стал мучительно вспоминать, успел ли он дать сдачи обидчику, напавшему на него, но так ничего путного и не вспомнил. Тогда он попытался сесть, каждое движение отдавалось пронзительной болью, но усилием воли он заставил себя не закрывать глаза.

И тут он увидел Лану. Девушка лежала на пороге в спальню. На ней была шелковая ночная сорочка небесно-голубого цвета, которая слегка закрутилась вокруг ее тела и задралась вверх, обнажив колени. Судя по позе, Лана была мертва.

Шейн стал отчаянно карабкаться, чтобы встать на ноги, но тут же снова осунулся на пол. Все поплыло у него перед глазами, и комната погрузилась во мрак. Через какое-то время темнота отступила, и он попытался добраться до девушки ползком. Кое-как дополз и приложил руку к ее ноге. Она была теплой. Часть сорочки закрывала лицо Ланы. Он откинул сорочку с лица, и в нос ему ударил сильный запах перегара.

— Все-таки напилась! — пробормотал он вполголоса. — Надралась до полной отключки!

Лана, по-прежнему не подававшая никаких признаков жизни, никак не отреагировала на это восклицание Шейна. Снова ползком он добрался до кровати и, ухватившись за спинку, сделал еще одну попытку встать на ноги. Наконец ему это удалось: некоторое время он висел над спинкой, боясь отпустить ее, пока туман перед его глазами не рассеется окончательно. В комнате было очень холодно. Дверь, ведущая на балкон, была распахнута настежь. Держась за стену, Шейн добрел до балкона и увидел снаружи лестницу со ступеньками, которые заканчивались возле самой земли.

Все понятно! Значит, именно так налетчик и проник в дом. Пошатываясь, Шейн вернулся в спальню, взял с кровати одеяло и накрыл им Лану. Некоторое время он молча разглядывал девушку. Лицо ее заострилось, под глазами темнели круги, жесткие складки залегли в уголках губ.

Обнаружив ванную комнату, Шейн первым делом включил холодную воду, а сам принялся изучать свое отражение в зеркале. Огромная шишка за правым ухом: значит, вот куда его ударили. Он стащил с себя рубаху и, подставив голову под струю ледяной воды, стал осторожно перебирать волосы, смывая с них кровь. Потом наполнил раковину водой, взял лежавшую рядом мочалку и начал оттирать следы крови с лица.

Перемежающаяся боль сменились постоянной. Уже болела не только голова, а ныло все тело. Шейн кое-как пригладил мокрые волосы, набросил на себя рубашку и пошел на кухню. В раковине валялась пустая бутылка из-под джина, а на столе стояла небольшая бутылочка от бренди. Шейн поднял ее на свет и увидел, что на донышке еще кое-что осталось. Он поднес бутылку к губам и с жадностью отхлебнул из нее.

Вернувшись в гостиную, он какое-то время стоял без движения, хмуро созерцая учиненный погром. А потом подошел к высокому секретеру, стоявшему возле стены, и стал осторожно, один за другим, выдвигать ящики. Он и сам не знал, что ищет, но точно знал лишь одно: в нужный момент ему сразу же станет ясно, что это именно то, что надо.

В самом нижнем ящике он обнаружил несколько кошельков. В одном из них лежала свернутая вчетверо телеграмма, аккуратно засунутая под крышку складного зеркальца.

Телеграмма была отправлена из Майами, время отправления — минувший понедельник. Текст гласил следующее: «Письмо получил. Увидимся в среду вечером. Тед».

Шейн сунул телеграмму в карман, снял с вешалки пальто и шляпу и захлопнул за собой входную дверь.

На улице было холодно, но свежий воздух подействовал бодряще. Он надел шляпу и тут же снял от очередного приступа резкой дергающей боли. Минут через двадцать он, пошатываясь, как пьяный, уже карабкался по лестнице в собственную квартиру. На лестничной площадке его поджидал какой-то краснощекий мужчина с добродушным лицом и немного заспанными глазами. Увидев Шейна, он тотчас же преградил ему путь.

— Вы — Шейн?

— Да! — ответил сыщик, доставая из кармана ключ.

— Прошу прощения, сэр, но вам придется проследовать со мной в полицейский участок.

Мужчина помахал перед его носом своим служебным удостоверением.

— Вы собираетесь арестовать меня? — возмутился Шейн.

— Пока нет! Но можем и арестовать! Особенно, если вы этого сами захотите.

— Что стряслось?

— Понятия не имею! Моя фамилия — Гритинг. И я толкусь возле ваших дверей уже с четырех утра. Инспектор Квинлан жаждет видеть вас.

Какое-то время Шейн мучительно соображал, что ему делать, потом кивнул в знак согласия.

— Хорошо! Иду с вами! У меня сегодня выдалась непростая ночка! — он осторожно потрогал шишку на голове.

— Охотно верю! — ухмыльнулся полицейский, взглянув на шишку. — И, пожалуйста, без глупостей, ладно?

— О чем ты, парень? Я же понимаю, что ты при исполнении! — Шейн открыл дверь и жестом пригласил полицейского. Тот последовал за ним.

— А я много слышал о вас! Интересная работа у частного сыщика? Много денег платят?

— Пожалуй, постоянное жалование имеет больше плюсов. Так что не торопись выбывать из платежной ведомости. Как смотришь, если мы организуем по чашечке кофе на дорогу?

Гритинг замялся.

— Не возражаю! Только давайте я лучше сам приготовлю. Или хотя бы поприсутствую рядом.

На кухне полицейский уселся на единственный стул и принялся с любопытством разглядывать рыжую шевелюру Шейна, хлопотавшего возле плиты. Когда кофе вскипел, Шейн отставил турку в сторону и снял с полки бутылку бренди.

— Предлагаю кофе по-королевски!

Он взял чашку и на треть наполнил ее бренди, а потом долил горячий кофе.

Соблазнительный аромат поплыл по кухне, Гритинг сделал глубокий вдох и ответил:

— Предложение принимается! Только мне, пожалуйста, поменьше бренди.

Прихватив кружки с кофе, они снова вернулись в гостиную и сели в кресла.

— Так ты, дружище, точно не знаешь, что у вас там приключилось? — снова спросил у полицейского Шейн.

— Без понятия! — ответил тот с самым невинным видом, весь во власти ароматного напитка. — Отменный вкус, надо сказать! — причмокнул он. — А говорят, что вы пьете не просыхая, когда занимаетесь расследованием.

Шейн оскалил зубы.

— Пустое! Злые языки, ты же понимаешь! Скажу тебе по секрету, глоток бренди помогает мне обрести контакт с космическими силами, только и всего.

— Да? — озадаченно уставился на него полицейский. — Как это?

Шейн с трудом сдерживал смех.

— Все очень просто, приятель! Когда я веду какое-то дело, то всегда подключаю к расследованию свое подсознание. Именно на уровне подсознания происходит обработка всей имеющейся у меня информации, ее сортировка и анализ. И в итоге я всегда знаю наперед, что именно случится в следующий момент. Ясно?

— Не совсем! — разочарованно протянул Гритинг. — Да вы просто дурачите меня. Говорят, вы большой шутник.

— Помилуй, какие шутки? Говорю же тебе, именно так все и происходит! Что ж, я готов! Мне уже самому не терпится узнать, что за кашу вы заварили.

— Да, пора! Иначе Квинлан пришлет за нами полицейский наряд.

Шейн натянул на себя пальто, надел набекрень шляпу, стараясь не потревожить шишку, и они направились на улицу.

Инспектор Квинлан был в кабинете один. При их появлении он бросил холодный взгляд на Гритинга и сказал раздраженным тоном:

— Долго же ты управлялся!

— Да он лишь недавно вернулся в свое гнездышко! — стал оправдываться тот. — Впрочем, пусть сам все расскажет!

— Хорошо! Ступай отоспись!

Шейн уселся возле стола и закурил.

— У вас сегодня чертовски официальный вид, инспектор!

— Я бы даже сказал, убийственный! Причем, в прямом смысле слова! — отрывисто ответил инспектор, тоже переходя на «вы». — Вы согласны беседовать со мной без протокола? Или станем вести запись? Если нужно, мы готовы пригласить сюда вашего адвоката.

— Какого же важняка, интересно, пристрелили? — Шейн выпустил струю дыма и с некоторым любопытством принялся разглядывать белое облачко, устремившееся к потолку.

— Дана Трумэна! — Квинлан впился в него стальным взглядом.

Шейн моментально снял шляпу и сказал, как отрезал:

— Тогда мы беседуем под протокол!

— Хорошо! — инспектор нажал на кнопку, и через какое-то время в кабинет вошел прихрамывающей походкой седой мужчина с блокнотом в руке. Он сел за стол и достал из-за уха карандаш.

Шейн изобразил на лице некое подобие улыбки и забубнил как заведенный:

— Майк Шейн, возраст — тридцать девять лет, занятие — частный детектив. Готов ответить на ваши вопросы, инспектор.

— Отлично! Где вы были и что делали минувшей ночью?

— С какого времени?

— С ужина.

Шейн выпустил еще одну спираль дыма, а потом начал неторопливо излагать все подробности вчерашнего вечера: как приехал в клуб Лорель, как познакомился с Ланой Мур, как повез ее на такси домой.

— Я попал в какую-то передрягу, сам еще не пойму, какую! — подытожил он свой рассказ. — Меня кто-то сильно ударил, я даже не успел разглядеть нападавшего, потому что потерял сознание. А потом еще избили. Я пришел в себя каких-то полчаса тому назад в квартире этой девчонки. Лана тоже валялась на полу без чувств. Я оставил ее там, а сам вернулся к себе домой.

Квинлан слушал его, не прерывая и не сводя с него пристального взгляда, потом взял авторучку и стал методично вертеть ее между пальцами. Его следующий вопрос поставил Шейна в тупик.

— Вы готовы повторить свой рассказ под присягой?

— Я однозначно подпишу этот протокол, когда вы его напечатаете, — ушел он от прямого ответа.

— То есть, всё, что вы сказали, — правда? — спросил Квинлан напряженным голосом. — И вам нечего более добавить к своему рассказу?

Шейн слегка потрогал шишку на своей голове.

— Ну, разве что вечером в клубе у меня случилась небольшая стычка. Но это связано с тем делом, которым я сейчас занимаюсь, а потому я хотел бы оставить сам инцидент за скобками.

— Вы имеете в виду дело Ломакса?

— Для протокола я сказал все! — Шейн бросил взгляд на мужчину, стенографировавшего их разговор с инспектором. — Назовем это «одним из моих текущих дел».

Квинлан отпустил стенографиста и, откинувшись на спинку стула, снова вперил свой немигающий взгляд в Шейна.

— Речь идет о той стычке с охранником, которая случилась у вас, когда вы попытались ворваться в кабинет Трумэна?

— Я не врывался, а просто вошел!

— И угрожали Трумэну еще вернуться, не так ли?

— Вполне возможно. Он меня немного разозлил.

— Позвольте поинтересоваться, чем?

— Это касается моего клиента! — упрямо тряхнул своей рыжей шевелюрой Шейн.

— Ошибаетесь! Это касается вас! Вы ведь исполнили свое обещание: вернулись и убили Дана Трумэна.

— Ах, вот оно что! Значит, это я убил Трумэна! А как же мое алиби? — Шейн погасил окурок и тут же снова закурил.

Квинлан снял телефонную трубку и продиктовал кому-то адрес Ланы Мур.

— Немедленно доставить ее сюда. Ничего не говорите. И внимательно осмотрите квартиру, пока будете там.

Шейн сделал глубокую затяжку.

— Вы же прекрасно знаете, что я не убивал Трумэна! — сказал он отрывисто.

— Да! Но факты против вас!

— И тем не менее, я его не убивал!

Некоторое время инспектор напряженно молчал.

— Буду откровенен, Шейн. Очень уж все смахивает на ваш почерк. Трумэна не просто убили. Он был убит в отчаянной борьбе. Как вы знаете, он не был трусом, а потому, видно, дрался до последнего. Вполне возможно, у вас и в самом деле были веские основания вернуться в клуб еще раз и продолжить выяснение отношений с его хозяином. Я даже допускаю, что убийство не было преднамеренным: всего лишь самооборона. Так расскажите же мне честно, как все произошло на самом деле. Обещаю, я пущу в ход все что можно, задействую все пружины, чтобы в суде дело приняло именно такой оборот: самооборона и прочее...

Инспектор снова замолчал и полез в нагрудный карман за сигарой.

— Но я не возвращался в этот проклятый клуб после того, как ушел! Девчонка подтвердит мое алиби!

— Я вынужден задержать вас, Шейн. Вдумайтесь в то, что нам известно на данную минуту. Вы угрожали убитому. Вы обезоружили его охрану. А у парня, между прочим, есть разрешение на ношение оружия. Он ведь не просто охранник. Он работает в ночном клубе. Вы поколотили его, выбили ему зубы, а потом, когда клуб закрылся, снова вернулись туда. Зачем?

— У вас есть свидетели?

— Целая куча. Так вы признаете, что вернулись в клуб?

— То есть, у вас есть свидетели, которые показывают, что видели, как я убивал Трумэна? Или снова появился у него в кабинете?

— Ну, вы были осторожны и, как всегда, изобретательны. Постучали в боковую дверь, охранника как раз на месте не оказалось и...

— Я и не знал, что там имеется боковая дверь!

Квинлан, наконец, раскурил свою сигару и погрузился в задумчивое молчание. Серьезность ситуации предстала перед Шейном во всей своей неприглядной наготе. Да, конечно, Квинлан — честный и порядочный малый, но он все же, в первую очередь, — инспектор. Коп! Такой, как он, недрогнувшей рукой отправит на электрический стул даже близкого друга, если того потребуют закон и справедливость. Сейчас все зависит от Ланы. Дай бог, чтобы она уже очухалась и смогла дать внятные показания! Как только она подтвердит его алиби, в чем Шейн ни минуты не сомневался, у полиции не будет никаких веских оснований для его задержания. Квинлан может не поверить ей, он даже может посчитать ее слова ложью, но он обязан считаться с ее показаниями. И тогда еще есть шанс распутать до конца эту проклятую историю и с лейтенантом Дринкли, и с Кэтрин Мо, и с украденным колье. А пока...

Шейн глубоко вздохнул, и его вздох прозвучал пугающе громко в безмолвной тишине, царившей в кабинете. Господи, подумал он, мне ведь и надо всего лишь каких-то пару часов. Несколько часов, чтобы поставить точку в деле. Да, смерть Дана Трумэна — это неожиданный поворот, ничего не скажешь. Но надо действовать! А он тут прохлаждается и понапрасну теряет драгоценное время!

В этот момент в кабинет Квинлана протиснулся худенький полицейский.

— Сэр, мы доставили Лану Мур по вашему распоряжению. Она — в коридоре.

Квинлан отложил дымящуюся сигару в сторону.

— Пригласите ее ко мне!

Шейн распрямился и попытался встать со стула, резкая боль охватила всю голову. Он взглянул на Лану и искренне изумился той стремительной метаморфозе, которая произошла с девчонкой. Еще какой-то час тому назад она валялась на полу собственной квартиры в совершенно невменяемом состоянии. Пьяная в стельку! Или просто искусно притворялась пьяной?

Он сдвинул брови, наблюдая за тем, как Лана неторопливой походкой идет к столу следователя. Простенькое спортивное платье бежевого цвета, зеленая шляпка с мягкими широкими полями, отбрасывающая зеленую тень на ее глаза и придающая особую бледность ее несколько осунувшемуся личику безо всяких следов косметики. На плечи небрежно накинута спортивная куртка зеленого цвета, рукава которой свободно свисают по обе стороны. Обеими руками она крепко сжимала коричневую сумочку.

Лана была абсолютно вменяема. Более того, она держалась с завидным хладнокровием. Правда, вот ее глаза! Шейн заметил, что когда она пытается делать удивленное лицо, они начинают как-то странно бегать и не могут сконцентрироваться на одной точке. И взгляд у нее сонный, словно она совсем недавно выпила сильнодействующее успокоительное средство.

— Что вы хотите от меня узнать, инспектор? — проговорила она медленно, тщательно подбирая каждое слово.

Квинлан встал из-за стола, а молодой сыщик, сопровождавший девушку, услужливо подставил ей стул.

— Вы знаете мистера Шейна? — спросил у нее инспектор.

— О, Ред! Привет! Конечно, я знаю его! — ее пухлые губки сложились в презрительную гримасу. — А что он здесь делает?

— Минуточку! — сказал Квинлан и снова нажал на кнопку. В кабинете снова возник стенографист, который уже знакомой шаркающей походкой прошествовал к своему месту, извлек из-за уха карандаш и приготовился вести запись допроса.

— Где был Майк Шейн минувшей ночью?

— Какое конкретно время вас интересует? — уточнила Лана.

— Между двумя и тремя часами ночи.

Она снова попыталась изобразить удивление, и глаза ее расширились, но блуждающий взгляд был мутным. Лана кокетливо помахала длинными ресницами.

— Не знаю, что вы там обо мне думаете, господин инспектор, но я совсем не та девушка, за какую вы меня принимаете! — проговорила она хрипловатым голосом. — Да, у меня с ним было вчера свидание. Но только вечером! И именно свидание, и ничего больше! Он привез меня домой и ушел от меня еще до полуночи.

Инспектор впился в нее цепким изучающим взглядом.

— И вы готовы подтвердить это под присягой?

— Само собой! — с готовностью ответила Лана Мур, даже не посмотрев в сторону Шейна. — Я готова поклясться в этом на Библии.

Глава 10

Инспектор Квинлан знаком указал Шейну на его стул, и тот снова сел, чертыхнувшись себе под нос.

— Расскажите подробно, как вы провели вчерашний вечер?

— Весь-весь? — она кокетливо вытянула губки.

— Весь! — не поддался ее чарам Квинлан. Голос его звучал строго и требовательно. — Мы занимаемся расследованием убийства.

— А кого убили? — она снова захлопала своими пушистыми ресницами.

— Прошу вас, мисс Мур, расскажите, что вы с Шейном делали минувшим вечером, — проигнорировал ее вопрос инспектор Квинлан.

Лана бросила короткий взгляд на Шейна, потом перевела глаза на Квинлана.

— Мне нечего скрывать! — воскликнула она с детской обидой в голосе. — Я была в коктейль-зале, когда появился он, то есть Ред. Уселся рядом, стал угощать спиртным. Я не усмотрела в этом ничего предосудительного. Подумаешь, один коктейль! Потом мы поужинали вместе, и он… — девушка напряженно облизала кончиком языка пересохшие губы и смущенно замолчала.

— Рассказывайте все! — назидательно посоветовал ей инспектор. — Вы не выдадите страшной тайны, если сообщите нам, что он играл.

Лана перевела облегченный вздох.

— Да, он захотел попытать счастья в рулетку. Мы отправились в игорный зал, и я наблюдала за тем, как он играет. Он выиграл целую кучу денег. А потом я сказала, что хочу домой. Мы взяли такси и...

— Минуточку! — перебил ее Квинлан. — Разве в клубе больше ничего не случилось?

Она наморщила лобик, пытаясь вспомнить что-то интересное, и после некоторого раздумья ответила:

— По-моему, ничего существенного! Во всяком случае, при мне!

— А вы безотлучно были с ним?

— Да! Все время! Вот только… — она снова смущенно замялась. — Ну, он отлучался на пару минут, по своей надобности.

— Ходил в туалет?

— Думаю, да. Он попросил меня подождать его в холле. Я так и сделала. А когда он вышел, мы взяли такси и...

— Сколько он отсутствовал? — снова нетерпеливо перебил ее инспектор.

Лана в очередной раз впала в глубокую задумчивость, о чем свидетельствовала тоненькая складочка, образовавшаяся на переносице.

— Минут десять, не больше! — наконец вымолвила она.

— Продолжайте! Итак, вы взяли такси и поехали к вам домой. Что дальше?

— Да! Мы поехали ко мне. Он захотел подняться ко мне в квартиру, наверх. Сказал, на минутку. Я снова не заподозрила ничего плохого. Весь вечер он был очень обходителен со мной. Вел себя как истинный джентльмен. Я согласилась и сказала, что он может подняться на пару минут, не более! — Она замолчала, словно собираясь с силами, потом красноречиво пожала плечами. — Если бы я только знала! Мужчины думают, что если девушка живет одна, то им все можно! Дескать, я тебя угостил ужином, теперь твоя очередь платить! Куда только подевались его изысканные манеры? Стоило нам переступить порог, и он превратился в настоящее чудовище! Я с трудом вытолкала его вон! Это было где-то около двенадцати. Потому что ровно в двенадцать я легла спать.

Ее желтые глаза простодушно уставились на инспектора.

Квинлан, в свою очередь, холодно взглянул на Шейна.

— Ну, и как все это стыкуется с тем, что вы нам рассказали?

— Бросьте вы слушать весь этот вздор! — возмутился Майк. — Эта потаскушка нагло врет!

— Вы! — взвилась Лана, как ужаленная. — Вы не смеете!

— Сядьте! — резко приказал ей Квинлан, и девушка послушно осунулась на стул, кусая в негодовании губы.

Инспектор пристально разглядывал лицо Шейна, пытаясь, видно, понять, кто из этих двоих говорил ему правду.

— Я могу доказать свои слова! — сказал ему Шейн. — Пригласите сюда полицейского, который привез ее к вам. Пусть расскажет, в каком состоянии была ее квартира, когда он приехал туда.

Квинлан молча снял трубку внутреннего телефона и приказал кому-то:

— Пришлите ко мне Хэндли! Немедленно!

Молоденький сыщик незамедлительно предстал перед начальством.

— Опишите мне, — попросил его Квинлан, — в каком состоянии находилась квартира мисс Мур, когда вы туда приехали? И каково было ее собственное состояние, кстати?

— Ее состояние?

— Ну да! Вы ее разбудили? Она была полуодета? Как она выглядела?

— Мисс Мур открыла дверь сразу же, как только я постучал. На ней был такой красивый... — молодой человек замялся в поисках нужного слова.

— Пеньюар! — со сладкой улыбкой подсказала ему Лана.

— Да, пеньюар! — согласился с ней Хэндли. — Красивый, из голубого шелка. Она сидела в гостиной, пила кофе и просматривала утреннюю газету. Страшно удивилась, когда я сказал, что ей надо проехать со мной в полицейский участок. Впрочем, мисс не стала возражать и сразу же согласилась.

— О женщины! — с горечью воскликнул Шейн. — Говорю же вам! Всего лишь какой-то час тому назад, когда я уходил из ее квартиры, она лежала на полу как мертвая! В голубой ночной сорочке.

Лана издала возмущенное восклицание и умоляюще посмотрела на инспектора.

— Какая наглая ложь!

Хэндли сурово выставил вперед челюсть и тоже бросил презрительный взгляд на лжеца.

Квинлан печально покачал головой, словно и ему было крайне неприятно, что в его присутствии обижают такую славную девушку.

— А в каком состоянии была квартира, Хэндли?

— Я не заметил там ничего необычного, сэр! Пока мисс Мур одевалась, я прошел на кухню. А когда она выходила из спальни, имел возможность заглянуть и туда. Везде был полный порядок.

Квинлан снова посмотрел на Шейна и еще раз сокрушенно покачал головой.

— Я еще не рехнулся! — с неожиданной злостью воскликнул Шейн. — Все это самая обычная подстава, и надо быть слепцом, чтобы не видеть этого! Отправьте к ней своего криминалиста, и он в два счета обнаружит на ковре, где я провалялся всю ночь, следы крови. Вполне возможно, она их смыла сверху, но сам-то ворс пропитался кровью до самого основания.

Лана слегка вздрогнула и повернулась к инспектору:

— О чем это он? Какая кровь? Он, что, с ума сошел?

— А что вы скажете о ваших контактах с лейтенантом Дринкли? — неожиданно резко спросил ее Квинлан.

— Лейтенант кто? — переспросила она с видом человека, пытающегося вспомнить незнакомую фамилию. — Не могу припомнить такого. Хотя среди моих знакомых есть и военные.

Шейн сверкнул глазами. Он что-то процедил сквозь плотно сжатые губы, но инспектор знаком призвал его к молчанию.

— Шейн пытается выгородить себя, доказать свою непричастность к убийству, — пояснил Квинлан Лане. — Нельзя винить его за это. Вы нам очень помогли, мисс Мур! Подождите в приемной, пока напечатают протокол вашего допроса, и вы подпишете свои свидетельские показания.

— Заставьте ее сделать это под присягой! — снова вмешался Шейн. — И у вас, Квинлан, будет на руках железный аргумент для присяжных — ее лжесвидетельство!

Он всем корпусом подался немного вперед и стал сосредоточенно рассматривать носки своих ботинок. А пальцы левой руки непроизвольно потянулись к уху и стали ожесточенно массировать мочку.

Когда Хэндли вывел девушку из кабинета и закрыл за собой дверь, Квинлан негромко сказал:

— Да! Такое впечатление, что вы здорово вляпались, Шейн!

Шейн молча кивнул головой, а потом процедил сквозь зубы:

— Что ж, должен признаться, что девчонка держалась просто превосходно! — в его голосе, несмотря на злость, чувствовалось нескрываемое восхищение актерскими талантами девушки. — Это же надо! Разыграть такой спектакль!

— А зачем ей это, Шейн? Объясните мне! Нужны очень веские основания, чтобы идти на столь откровенную ложь!

— Уверяю вас, они у нее есть.

— Какие?

— Они касаются совсем другого дела! — проговорил Шейн удрученно. — Я уже был близок к тому, чтобы расколоть этот орешек. И вот!

— Это касается изумрудного колье Ломакса?

— Частично! — осторожно ответил Шейн.

— Как бы то ни было, но если вернуться к убийству Трумэна, то на данную минуту алиби у вас, Шейн, нет.

Шейн перестал терзать свою мочку и угрюмо согласился с инспектором:

— Нет! И все же я с трудом верю, что вся эта грязная история с убийством была спланирована заранее. Ведь никто не знал, что я встречусь с Даном Трумэном. Или, уж тем более, затею с ним перепалку. А что пишут сегодняшние утренние газеты?

— Подробнейшие отчеты о ночном происшествии. Ваша ссора с Трумэном фигурирует везде. Пишут и о том, что полиция разыскивает вас. По крайней мере, для того, чтобы снять свидетельские показания.

— Ну вот! — зло сверкнул глазами Шейн. — Надо было и допрашивать в присутствии прессы! Это же столько дополнительной славы для вас, инспектор! Коль скоро вы уже поторопились слить в газеты всю информацию, даже не удосужившись выслушать мою версию!

— Я к этому не имею никакого отношения! — попытался оправдаться Квинлан. — Какой-то журналюга оказался в баре, когда вы прорывались к Трумэну. Он узнал вас и сообщил мне об убийстве прямо по горячим следам. Черт! Я же не мог заставить его молчать!

— Так-так-так! — пробормотал в задумчивости Шейн. — Смахивает на импровизацию. Послушайте, Квинлан! А что, если дело было так? Я ушел, она очухалась, просмотрела утреннюю почту, нашла статейку обо мне и быстро скумекала (она ведь девочка неглупая), что мне позарез понадобится алиби. И тут же бросилась прибираться, чтобы сделать из меня обманщика!

— Может, и так! — уклончиво ответил Квинлан. — Но доказательств этого у вас нет! И пока вы не дали мне веских аргументов для того, чтобы считать ее лжесвидетельницей. Вы сможете доказать, что она как-то связана с лейтенантом Дринкли?

— Едва ли! Скорее всего, она уже выбросила вон его фотографию. А в «Драконе» тоже вряд ли ее опознают. Думаю, она не обращалась к администратору, чтобы узнать, в каком номере поселился ее любовник.

— Вы имеете в виду гостиницу «Дракон»?

— Ну я же говорил вам, что работаю по одному делу! — Шейн встал со стула и немного поморщился от боли. Потом глубоко засунул руки в карманы пальто. — Итак, что со мной будет?

— Пока вы не выложите мне все, что у вас есть, я буду вынужден задержать вас по подозрению в убийстве!

Шейн медленно прошелся по кабинету и завис над столом инспектора.

— У вас не найдется что-нибудь выпить?

Инспектор подошел к шкафу с картотекой и извлек из нижнего ящика небольшую бутылочку бренди. Шейн зубами достал пробку и почти наполовину осушил едва начатую бутылку.

— Благодарю вас! — прочувствованно поблагодарил он Квинлана, возвращая ему остатки бренди. После чего снова возобновил свое хождение по комнате. Квинлан молча наблюдал за ним.

— А вы торопитесь! — пробормотал Шейн и бросил короткий взгляд на инспектора.

Но тот промолчал, сделав вид, что всецело поглощен авторучкой, которую он машинально вертел между пальцами.

— Да-да! Торопитесь побыстрее усадить меня на скамью подсудимых! Следовательно, у вас тоже есть свой интерес! Как и у Ланы Мур! Вы же знаете меня не первый год, Квинлан! И отлично знаете, что я — не сумасшедший, чтобы выдумывать себе несуществующее алиби, а потом цепляться за него любой ценой.

— Да, это на вас не похоже! — вынужденно согласился с ним инспектор. — И, тем не менее, на сей раз, получилось именно так.

— Получилось или вы получили — это уже вопрос второстепенный.

— Хорошо! Тогда скажите мне правду! Из-за чего у вас произошла стычка с Даном Трумэном?

Шейн снова сел.

— Послушайте, Квинлан! Вам ведь известно, что я зарабатываю себе на жизнь частным сыском. Если я сумею найти колье Ломакса, то в мой карман ляжет чек с вознаграждением за труды на сумму двенадцать тысяч долларов. Повторяю, если я сумею обнаружить пропажу! И что вы от меня хотите? Чтобы я поделился с вами своей секретной информацией? Сколько бы я заработал, если бы стал носить копам в клювике все то, что нарываю сам, а? Да я бы сидел без куска хлеба!

— Так вы считаете, что Трумэн был каким-то образом причастен к похищению колье?

— Еще как был!

— Я ожидал от вас такого ответа! — тихо сказал Квинлан. — Потому что... Потому... — Он отложил в сторону авторучку и достал из стола конверт. Открыл его и осторожно вывернул на промокашку небольшой изумруд. — Вот это было найдено на полу в кабинете Трумэна.

Зеленый изумруд упал на стол и угрожающе блеснул.

Шейн зачарованно уставился на камень. Потом наклонился к нему поближе и осторожно потрогал пальцами.

— Это изумруд из колье, да?

Напряжение с лица Квинлана спало, и он усмехнулся.

— Пока со всей определенностью можно сказать лишь одно: это изумруд, вырванный из какой-то оправы.

Шейн еще некоторое время повертел камень в руке, а потом молча вернул его инспектору. Тот спрятал его в конверт и сунул в стол. В комнате снова повисло молчание.

— Так этот сукин сын! — начал Шейн после продолжительного раздумья. — Он все время держал украденное колье у себя в кабинете! Вот негодяй!

Он снова вскочил с места и стал ходить по комнате.

Инспектор откашлялся и сказал:

— Прошу обратить внимание! Информация об изумруде в прессу не просочилась! Не пора ли вам начать сотрудничать с нами, а? Расскажите, как все было?

— Хорошо! Я знал, что колье у Трумэна. Или он выступал в качестве посредника от имени того человека, у которого находилась вещица Ломакса. Он вчера мне звонил и предложил выкупить от имени страховой компании это колье за сорок тысяч зеленых. Правда, он не представился. Но когда вечером того же дня я пришел в клуб Лорель и случайно столкнулся с ним, то узнал его по голосу. Тогда я пошел к нему в кабинет и заявил, что никаких торгов с ним не будет. Чтобы он и не надеялся, что мы станем покупать у него эту игрушку. Он стал юлить, отрицал, что ему что-то известно об украденном колье. Попытался представить дело так, будто бы я явился к нему с жалобой на мошенничество в игровом зале. Вполне возможно, он говорил это специально, в расчете на кого-то, кто нас в этот момент слушал.

— Но ведь, по моим сведениям, вы вчера выиграли крупную сумму.

— Вот именно! Улавливаете ход их игры? Зачем мне было снова идти к нему? Подумайте сами! Весь остаток ночи я провалялся в собственной крови на полу у Ланы Мур.

— Что она категорически отрицает!

— Потому что ей это на руку! Я же говорил вам!

— Да! Но вы не сказали, почему ей это на руку.

Шейн тяжело вздохнул и безнадежно махнул рукой. Лицо его осунулось, и глубокие складки залегли возле губ.

— Что вы собирайтесь сделать?

— Арестовать вас за убийство Дана Трумэна.

— То-то настоящий убийца возликует, узнав о том, что вы отправили меня за решетку!

— Вполне возможно. Со временем мы узнаем и это.

— Конечно! У вас, копов, времени до фига!

— Что правда, то правда! — вполне миролюбиво согласился с ним Квинлан.

Невозмутимость инспектора привела Шейна в бешенство.

— Если вы сейчас упрячете меня в каталажку, то знайте: на вашей совести будут два нераскрытых убийства!

— Почему два?

— Считать разучились? Дан Трумэн — раз! — Шейн загнул палец. — Кэтрин Мо — два!

— Девушка покончила жизнь самоубийством!

— Как же! Как же! — язвительно усмехнулся Шейн. — Ах, да! Совсем забыл! Вы же — коп! Для вас главное — успокоить общественность, доложить наверх, что преступник пойман и обезврежен. Вам ведь наплевать, что в это время истинный убийца разгуливает по улицам города и в душе смеется над всеми нами!

— Я изучил это дело от корки до корки! И заключение следователя читал! Говорю же вам! Там стопроцентное самоубийство!

— Стопроцентное убийство, хотите вы сказать!

— Откуда у вас такая уверенность?

— Да все более или менее серьезные улики указывают на то. Она была девственницей, по уши влюблена в парня, за которого собиралась выйти замуж на следующий день. Скажите на милость, зачем ей кончать жизнь самоубийством, а?

— Да! Но тогда скажите мне, зачем ее убивать?

Шейн замолчал, и молчал долго. Наконец он тихо сказал:

— Квинлан, давайте заключим с вами временный пакт.

— Какой еще, к черту, пакт?

— Если я смогу представить вам мотив для убийства Кэтрин Мо, если смогу даже показать вам, как именно ее убили, а потом предъявить и ее убийцу, который, по моему убеждению, убил и Дана Трумэна, если я смогу все это доказать, то обещайте мне, что вы забудете всю эту ерунду, которая у вас есть против меня. Обещайте! Но только дайте мне шанс поймать настоящего убийцу!

Инспектор Квинлан пристально впился в него долгим взглядом холодных немигающих глаз.

— Да что там думать! — нетерпеливо воскликнул Шейн. — У вас же есть письменное показание против меня, которое эта дрянь согласна подтвердить под присягой. Я тоже никуда от вас не сбегу! Если у меня ничего не получится, вы в любое время сможете арестовать меня и бросить в тюрьму. Да я и пикнуть не успею, как присяжные влепят мне срок на полную катушку. Так дайте же мне возможность отработать хотя бы задаток, который мне дали.

— Хорошо! Будь по-вашему! — согласился, наконец, Квинлан. — Но прежде постарайтесь убедить меня в том, что это действительно необходимо.

— Проще простого! — уверенно ответил ему Шейн, старательно загоняя вглубь собственные сомнения. Он закурил, снова сел к столу и начал неторопливо

рассказывать инспектору обо всем, что узнал за минувший день по делу Кэтрин Мо. Он начал с того, как вчера утром лейтенант Дринкли чуть ли не на коленях умолял его взяться за расследование обстоятельств смерти своей невесты, а закончил тем, как посыльный Квинлана задержал его дома и доставил сюда.

Квинлан слушал его напряженно, не перебивая. Когда Шейн закончил свой монолог, он сказал:

— Да! Пожалуй, вам и в самом деле удалось нарыть кучу улик в пользу того, что Кэтрин Мо убили. Вот только какая у нее связь со сбежавшим преступником, которого она навещала позавчера? Неужели это он украл колье? Ведь один из двух сбежавших уголовников мотал срок именно за грабеж. Судя по всему, они оба находились в Новом Орлеане в ночь совершения ограбления. Вполне возможно, она сама показала им, где лежит колье. Сделала она это намеренно или под страхом смерти — уже не суть важно. А потом ее стали мучить угрызения совести, и она убила себя в приступе раскаяния.

— Да, так могло быть! Но так не было! — жестко парировал Шейн.

— Хорошо! Тогда второй вариант. Она узнает о существовании Ланы Мур, понимает, что лейтенант Дринкли обманывал ее, что на самом деле он никогда не любил ее, и в порыве отчаяния девушка сводит счеты с жизнью. Вполне возможно, он даже написал ей письмо, в котором сообщил о своем намерении порвать с ней и аннулировать предстоящую свадьбу. Но мы никогда не узнаем, было такое письмо или нет. Но в итоге Кэтрин Мо укладывается в кровать и включает газ.

— Да у вас мозги повернуты только на самоубийство! — не выдержал Шейн. — Взгляните же вы на это дело с другой стороны, черт меня возьми!

— С какой? — вспыхнул Квинлан. — Вы хотите, чтобы я поверил в то, убийца сумел превратиться в злого гнома и пролез к девчонке через замочную скважину, да?

— Поверите! Когда я изложу вам, как и почему! — мрачно проронил Шейн и действительно принялся излагать, правда, в несколько завуалированном виде, основные тезисы своей версии. Он стал выстраивать ее сразу же, после того как впервые переступил порог дома Ломаксов. Надо сказать, что в его эмоциональном изложении история выглядела более достоверной, чем была на самом деле, и говорил он с гораздо большей убежденностью, чем это позволяли конкретные факты.

— Вот так, — подытожил он свой рассказ, — колье снова перекочевало от Трумэна к его убийце. Пока я еще не знаю, каким образом убийца узнал, что Трумэн решил продать колье страховой компании. Это — единственная закавыка, все же остальное вполне логично вписывается в общий сценарий происшествия. Скорее всего, именно так все и было.

— Звучит убедительно! — задумчиво проронил Квинлан. — Одно не дает мне покоя — запертая дверь!

— Убийство действительно спланировано виртуозно! — Шейн устало опустился на стул. — Приходится признать, что ни вам, ни мне еще не приходилось иметь дела со столь изощренным преступлением. Я принимаю во внимание все факты. Да! Дверь была закрыта. Да! Кэтрин Мо умерла от отравления газом, что подтвердили результаты вскрытия. Да! Скорее всего, она сама включила газовую горелку. И, тем не менее, это стопроцентное убийство!

Он закрыл глаза и снова ощупал свою голову.

— Но тогда вы противоречите сами себе! — заметил инспектор с удрученным видом.

— Ничуть! — Шейн снова открыл глаза и оживленно посмотрел на собеседника. — А вы подумали о таком варианте? Кэтрин запирает на ночь дверь и готовится ко сну. Ночь, не забывайте, была холодной, и, вполне возможно, она решила включить на какое-то время камин, чтобы согреться. Или просто яркие язычки пламени веселили ее душу. Потом она улеглась в кровать и предалась мечтам о своем лейтенанте. Ну, или о чем там мечтают юные девушки накануне свадьбы. И заснула. А камин все горел и горел…

Майк сделал исполненную особого драматизма паузу, а Квинлан слушал его с видом строгого судьи, не переставая возиться со своей авторучкой.

— А потом в какой-то момент горелка гаснет. Девушка крепко спит и не чувствует, как в комнату начинает поступать газ. К тому же, основная часть газа уносится потоком холодного воздуха через вентиляционный люк, а потому отравление организма происходит медленно, постепенно. Вначале ее сознание затуманивается, а потом она уже не может ничего и сделать. Она спит, она всецело в царстве своих грез, по ее лицу блуждает счастливая улыбка, о чем рассказал мне доктор Мэттсон. Вот так, с улыбкой на устах, она переходит из царства грез в царство смерти.

— Но это могло произойти и случайно! — упорствовал Квинлан. — Скажем, неполадки в системе.

— Исключено! Ведь все современные газовые системы оборудованы специальными предохранительными датчиками, блокирующими свободную циркуляцию газа. Нет! Могло произойти все что угодно, но только не технический сбой системы!

Квинлан вскочил с места и возбужденно прошелся по кабинету.

— Да, вы правы! К тому же, вся газовая система в доме Ломаксов — это единый агрегат. И сбой в одном месте неизбежно повлек бы за собой аварийную ситуацию в целом. Одновременно бы отключились все газовые приборы в доме. А потом они бы снова одновременно зажглись.

— Я все проверю! Я узнаю, была ли у Кэтрин привычка оставлять на ночь камин включенным. И если да, то кто в доме знал об этой ее привычке. Ведь убийца знал наверняка, что она включает камин, и включает его только тогда, когда остается одна в комнате.

— Что сужает область поиска! — тут же поспешил добавить инспектор. — Во-первых, это человек, который хорошо знал девушку и ее привычки. А во-вторых, он имел доступ к подвальному помещению, где находится вся разводка газоотопительной системы.

— Правильно! И таких в доме Ломакса — трое! Причем, у каждого из них есть свой мотив для того, чтобы убить Кэтрин Мо. Но самое неприятное — у всех практически одинаковый мотив! Вот почему мой поиск продвигался так медленно. Я старался не спугнуть птичку раньше срока. Поэтому мне нужны еще немного времени и свобода. И тогда я докажу вам, что один из трех подозреваемых — убийца! Ну, теперь я убедил вас?

Квинлан вернулся к столу и уселся на свое рабочее место.

— Убедил, Шейн, еще как убедил! Только, пожалуйста, не рассказывай мне о своих особых методах поисков преступника. Они весьма нетрадиционны, насколько мне известно. А потому я просто закрываю глаза на все твои уловки и предпочитаю ничего о них не знать.

— Вот это меня вполне устраивает! — удовлетворенно воскликнул Шейн. — Однако заболтался я тут с тобой! Столько времени даром потерял!

И уже в следующее мгновение он был за дверью.

Глава 11

Люси Гамильтон в изумлении вытаращилась на шефа. Судя по тому, как сдвинулись ее брови, как сбежала с лица улыбка, девушка не пришла в восторг от его шишки. И ободранная до крови правая щека тоже не придала ей вдохновения.

— С чего это ты такая мрачная? — возмутился Шейн.

— Я тут вся переволновалась! Где вы были? Что с вами случилось? Могли бы хоть поставить меня в известность! — начала она дрожащим голосом и замолчала, не в силах справиться с нахлынувшим волнением.

— Слава богу, все обошлось! — поспешил успокоить ее Майк. Правда, голос его не внушал особого оптимизма.

— Ну да! Все у нас — о’кей! — вспылила секретарша. — За исключением того, что вы появляетесь на рабочем месте разукрашенным синяками с ног до головы, из чего следует, что вас в очередной раз поколотили! И полиция рыскает по всему Новому Орлеану в поисках опасного преступника по фамилии Майк Шейн!

В глазах девушки блеснули слезы. Шейн наклонился над столом и, взяв Люси за подбородок, притянул ее к себе.

— Не переживай! — он улыбнулся своей обычной бесшабашной улыбкой. — На сей раз все действительно обошлось! А тебе уже давно пора привыкнуть к мысли о том, что и впредь придется лицезреть шефа в самых разных видах. Поверь мне, это еще не худший вариант. И то, что время от времени полиция занимается моими поисками, тоже не должно тебя удивлять.

— Но сейчас вы и в самом деле попали в какую-то серьезную передрягу! Ваша фамилия на первых полосах всех газет… Вас обвиняют в убийстве!

— Да, вчера у меня выдался не самый приятный день! Это уж точно! — он слегка ущипнул ее за подбородок. — Кстати, детка, напомни мне, чтобы я занялся с тобой любовью, когда ты снова будешь в таком настроении! Знаешь, секс в таких случаях очень помогает! Итак, как же зовут нашего очаровашку Дринкли?

— Ах, вы! — Люси с негодованием оттолкнула его руку. — Лейтенанта Дринкли зовут Теодор.

— И как он себя вел вчера вечером?

— Хорошенькое же порученье вы мне дали! — продолжала возмущаться Люси. — Во-первых, как я и предполагала, он не хотел никуда со мной идти. Так что вы заблуждаетесь, глубоко и сильно, если думаете, что он совсем не переживает по поводу смерти Кэтрин Мо. Он целый вечер только о ней и говорил и почти не притронулся к еде. Я думаю, он сойдет с ума, если вы так и не установите истинную причину ее смерти.

— Я как раз этим сейчас и занимаюсь — устанавливаю истинную причину ее смерти! Но ты, надеюсь, хоть как-то скрасила ему вечер?

Шейн иронично приподнял одну бровь и примостился на краешке стола.

— Пыталась! Но не очень преуспела! Он никого вокруг себя не замечал. По-моему, остальные девушки для него просто не существуют! Мне кажется, в глубине души он настоящий поэт, Майк! Он так вдохновенно рассказывал мне о своей любви! Так красиво! — Люси вздохнула.

— Знаю-знаю! У них была высокая и чистая любовь! Прекрасная, как дивная мелодия! — он сделал ироничный жест. — Сколько ты с ним провозилась?

— В девять часов он отвез меня домой. Я предлагала ему сходить в кино. Думала, это развеет его, но он наотрез отказался. По всей видимости, ему просто хотелось побыть одному наедине со своим горем. — У нее навернулись на глаза слезы, но тут она взглянула на Майка и увидела, как саркастическая улыбка тронула уголки его губ. — Нет! Я так больше не могу! — снова взорвалась она. — Ненавижу вас, Майк Шейн! Особенно, когда вы вот так цинично рассуждаете обо всем на свете. А ведь любовь существует! Настоящая любовь! Только вы о ней и понятия не имеете!

Она рывком выхватила из машинки лист бумаги и яростно скомкала его.

— Ну, где уж мне! — иронично воскликнул Шейн с отсутствующим выражением лица. — Сделай-ка звонок начальнику тюрьмы нашего штата. А пока ты до него дозвонишься, пролистай справочник и попытайся отыскать в нем частного детектива по фамилии Лейн. Алекс Лейн! — уточнил он после минутного раздумья.

— Но, может быть, вы все же сначала расскажете мне о том, что с вами приключилось? И почему это у вас никак не получается в нужный момент уклониться от удара?

— А, беда со мной! — тяжко вздохнул Шейн. — Снова поставил не на ту даму! И результат, как видишь, на лице!

— Только не говорите мне, что это дама вас так расписала!

— Дама — нет! А вот ее приятель, который по закону подлости появился в самый неподходящий момент, проделал это с превеликим удовольствием! — Шейн встал со стола. — Работай, девочка! Организуй мне эти звонки, и поскорее! — после чего скрылся у себя в кабинете.

Он мрачно изучал пустую поверхность стола, когда в кабинет вошла Люси.

— Я передала запрос в тюрьму. Телефонистка сказала, что в связи с большой перегрузкой на линии они смогут перезвонить нам только через час. Что касается вашего Алекса Лейна, то вот: детективное бюро «Лейн и Макгрегор». Адрес прилагается. Это то, что вам надо?

— Может быть! Впрочем, насколько я помню по фактам столетней давности, Гэбби Лейн всегда предпочитал работать в одиночку. Тем не менее, позвони им!

Люси взглянула на цифры, записанные на бумажке, сняла трубку и набрала номер. После чего передала трубку шефу.

— Скажите, — зычно выкрикнул он в трубку, — Алекс Лейн имеет какое-то отношение к вашей фирме?

— Да! — ответил приятный женский голосок. По-видимому, это была секретарша. — Вас соединить с ним?

— Да! Пожалуйста! — Шейн выждал короткую паузу, пока не услышал, как на другом конце провода кто-то сказал басом:

— Лейн!

Шейн весело подмигнул Люси, давая понять, что это тот, кто ему нужен.

— Гэбби! Это ты?

— Да! — неуверенно пробасили на том конце.

— Это Майк Шейн! Кончай басить под большого начальника, Гэбби! У меня к тебе есть дело.

— Читал-читал про тебя в сегодняшней утренней прессе! Опять попал в переплет?

— Можно сказать, что и так! Гэбби! Мне действительно нужен человек, у которого есть связи в этом городе.

На другом конце провода повисло молчание.

— Гэбби! Ты куда пропал? — нетерпеливо крикнул в трубку Шейн. — Я плачу, как обычно, чеком. Слышишь?

— Двадцать пять плюс расходы на саму операцию.

— К черту операцию! Мне нужен ты, а не твои операции.

— Пятьдесят! Неполный рабочий день оплачивается по полной ставке!

— Вижу, твой шотландский партнер времени зря не терял и здорово натаскал тебя по экономике! Согласен! Пятьдесят! Ты можешь приехать ко мне прямо сейчас?

— До встречи! — коротко рявкнул Гэбби и отключился.

— В один прекрасный день Гэбби просто задохнется от нехватки воздуха, когда будет пытаться в одно слово загнать смысл целого предложения! — рассмеялся Шейн, услышав столь лаконичный ответ.

— Майк! — всполошилась Люси. — А что, собственно, происходит? Это все из-за колье?

Он рассеянно кивнул головой, занятый своими мыслями.

— А что с убийством Трумэна? Вы и в самом деле угрожали ему?

— Сколько раз я тебе говорил! Поменьше читай газет и не забивай себе голову всякой чушью! — наставительно посоветовал секретарше Шейн. — Никого я не убивал! И Квинлану это прекрасно известно. Я только что от него.

— Ой, как здорово! — обрадовалась Люси. — А я уж было подумала... Когда вы вошли, весь избитый... И вообще!

Шейн потрогал синяк под глазом и в который раз за утро ощупал шишку.

— Ну, как со стороны? — поинтересовался он у Люси. — По-моему, она стала значительно меньше.

Люси издала короткий смешок и отрицательно покачала головой.

— Со стороны такое впечатление, что у вас растет вторая голова или рог, но не на лбу, а сбоку! — Она наклонилась к нему и осторожно провела пальцем по лицу. — И здесь целых три синяка!

— Наверное, упал лицом вниз, когда этот гад меня шандарахнул! Но ничего! Все заживет!

— Почему вы никак не можете обойтись без драк? Разве, чтобы найти преступника, обязательно нужен мордобой? — раздраженным тоном поинтересовалась у него Люси.

— Наверное, можно и без мордобоя! — весело фыркнул Шейн. — Только я не знаю, как. Есть же на свете толковые сыщики, которые распутывают самые сложные дела, даже не отрывая собственный зад от стула. Спрашивают, анализируют ответы и — оп-ля! Выдают готовый результат. Но я не такой умный! Увы! — он погладил ее руку. — Не бойся за меня, Люси! И потом, в случае чего, ты всегда найдешь себе другую работу. Сегодня куда ни кинь взгляд, везде «требуются».

Люси отскочила от него как ужаленная.

— Ненавижу вас, Майк Шейн! Надеюсь, когда в следующий раз вас застукает парень с его подружкой, он воспользуется не кулаком, а пистолетом! Вот!

Шейн с улыбкой смотрел на удалявшуюся секретаршу. Она держала спину прямо, как заправская балерина, а дверью хлопнула с такой силой, что задрожали стены. Он подошел к окну и какое-то время бесцельно пялился на улицу, а потом быстрым шагом направился в приемную.

— Позвони в «Дракон» и попроси пригласить к телефону лейтенанта Дринкли! — отрывисто приказал он. — Когда лейтенант соизволит снять трубку, скажи хриплым голосом, что это — Лана. Говори быстро! Попроси его, чтобы он немедленно приехал к тебе. И воспользовался тем же выходом, что и минувшей ночью. Проговори весь этот текст и сразу же швыряй трубку.

— Лана? — подозрительно переспросила Люси. — А это кто?

— Отличная наживка, на которую, я надеюсь, твой лейтенант обязательно клюнет. Ступай и выполняй! — Шейн снял с вешалки шляпу и перекинул через руку пальто.

Люси повторила свой монолог вслух, старательно модулируя тембр голоса, и посмотрела на Шейна. Тот одобрительно кивнул.

— То что надо! Называй его просто Тед!

Закончив разговор, девушка дрожащей рукой положила трубку на аппарат. Лицо ее было белым как мел.

— Я... Кажется, получилось!

— Молодец! — похвалил ее Майк. — Постараюсь при случае раздобыть для тебя контракт в Голливуде. Когда появится Гэбби Лейн, попроси его подождать.

— Хорошо! Но я все равно не верю...

Шейн не дослушал, во что именно отказывается поверить его секретарша. Он почти бегом выскочил на улицу и порулил к дому Ланы Мур. Там он припарковался так, чтобы иметь возможность наблюдать за наружной лестницей в квартиру Ланы.

Шейн достал сигарету и жадно закурил. Вполне возможно, его затея не сработает. И совсем не Дринкли ударил его по голове минувшей ночью. Тупая ноющая боль не проходила. К тому же он чертовски устал за последние сутки!

Вот в конце улицы показался военный в форме и низко надвинутой на лоб фуражке. Шейн торопливо выбросил сигарету и приготовился. Парень на одном дыхании взлетел на четвертый этаж и остановился возле входа в квартиру Ланы. Шейн благоразумно подождал, пока Дринкли исчезнет за дверью, и пошел следом. Дверь, ведущая с балкона в спальню, была распахнута настежь, и ему были хорошо слышны голоса, доносящиеся из гостиной.

— Я не звонила тебе! Понимаешь ты это или нет? — неистовствовала Лана. — Ты уже совсем помешался, Тед. Я и так покрыла тебя сегодня утром!

— Еще как покрыла! Укутала в пять одеял, словно младенца! — прервал ее Шейн светским тоном, появляясь в дверях гостиной.

Лейтенант Дринкли отпустил руку Ланы, которую он сжимал, и повернулся к нему лицом. Его худое лицо было безжизненно бледным, в глазах плескался страх.

Он качнулся назад и проговорил, запинаясь:

— Это вы, Шейн?

— Не вините Лану за то, что я вас выманил сюда! Она и так старалась изо всех сил! Ради вас пошла даже на лжесвидетельство. Только бы спасти вас! Ты тоже, Лана, присаживайся! Не стой как вкопанная. Сейчас мы побеседуем по-дружески. Все втроем.

— Вот и прекрасно! Давайте поговорим! — зло выкрикнула Лана и, придвинув стул к дивану, села. Шейн вальяжно развалился на диване, а Дринкли притащил из спальни легкий венский стул и приставил его сбоку, замкнув полукруг.

— Предупреждаю, вы, ребята, по уши в дерьме! К тому же, вы, Дринкли, повели себя совсем не любезно по отношению ко мне минувшей ночью! Чего вы так испугались?

Дринкли в отчаянии принялся кусать побелевшие от страха губы. Руки его тряслись, и он никак не мог совладать с ними.

— Я... Я не понимаю, о чем вы! — пробормотал он дрожащим голосом.

— Ну, ладно! Избить человека — это еще куда ни шло! — миролюбиво заметил Шейн. — Но сделать так, чтобы его обвинили в убийстве, — это, согласитесь, явный перебор! А ведь именно такой оборот приняло мое дело, Лана, после твоего лжесвидетельства.

Лана взглянула исподтишка на Дринкли и тряхнула своими каштановыми кудрями.

— Если вы о той безумной истории, будто бы вас здесь избили, то это — всего лишь ваши фантазии, мистер Шейн!

— Вот как? — уже привычным движением Шейн ощупал свою шишку. — Говоришь, фантазии? А болит по-настоящему! Хорошо! Отставим пока все это в сторону. Тем более что обвинения в убийстве с меня временно сняты. В первую очередь, меня интересует другое.

Шейн сердито осмотрел молодого человека с головы до ног.

— Итак, любезнейший! Пролейте же, наконец, свет на ваши отношения с Ланой.

— Никаких отношений нет! Между нами все кончено! Клянусь! Я порвал с ней сразу после знакомства с Кэтрин. Не верите мне, спросите у самой Ланы! Вас она не станет обманывать! — проговорил Дринкли, задыхаясь, и снова облизал пересохшие губы.

— Но ее же уже больше нет в живых, Тед! — презрительно усмехнулась Лана. — Перестань же, наконец, притворяться, что ты любишь ее.

— Но я люблю! То есть, я любил ее, и ты это знаешь! Я говорил тебе, что люблю Кэтрин! Боже мой, Лана! Если бы я только знал! Если бы я мог подумать...

— Вот-вот! Эти мысли и не дают вам покоя, Дринкли! — бесцеремонно перебил его Шейн. — Вас ведь мучает подозрение, что Лана рассказала Кэтрин о вашей интрижке и девушка покончила жизнь самоубийством, не так ли?

Дринкли отпрянул, словно его ударили хлыстом, но не проронил ни слова.

— Наверное, у Ланы на вас что-то было, да? И это «что-то» было записано на магнитофонной пленке! — продолжал хлестать лейтенанта Шейн. — Так, я вас спрашиваю?

— Да! Эта проклятая запись! — промямлил лейтенант Дринкли. — Она однажды напоила меня здесь. А потом мы вместе пели, и она записали наши песни на магнитофон. А отдать мне эту чертову пленку категорически отказалась.

— И тогда вы вчера уничтожили все ее записи, так?

— Да! Я уничтожил все, что смог найти! — устало признался Дринкли. — Кэтрин была такой тонкой, такой возвышенной натурой, мистер Шейн! Если бы она хоть раз услышала мои пьяные песни! Да еще на пару с девушкой! Она бы однозначно порвала со мной! — Дринкли в отчаянии закрыл лицо руками.

Лана бросила испепеляющий взгляд на бывшего любовника и тихо сказала, обращаясь к Шейну:

— Я отказывалась верить, что он меня разлюбил. И до сих пор не верю! Эта девчонка околдовала его! Просто какая-то болезнь!

— Итак, вы обманули меня, когда сказали, что приехали в Новый Орлеан в четверг утром! — продолжил свой допрос Шейн. — На самом же деле вы приехали накануне и провели ночь с Ланой. Я прав?

Дринкли моментально распрямился во весь рост.

— Нет! Это ложь! Да! Я был у Ланы, но только вечером. Она прислала мне письмо, просила о встрече. Я пришел, умолял не мешать нашему счастью с Кэтрин. Уговаривал отдать мне пленку. Она отказалась!

— Словом, вы околачивались всю ночь в городе! А ваша невеста в это время задыхалась от газа одна, запертая в своей комнате… — задумчиво произнес Шейн.

— Да! И это ужасно! Потому что я уверен, что во всем виновата Лана! А значит, я тоже виноват в смерти Кэтрин! Думаю, после того как я ушел отсюда, Лана нашла способ связаться с Кэтрин по телефону и все ей рассказала.

— Дурак! Какой же ты дурак! — не выдержала Лана. — Я же тебе пообещала, что не стану вам мешать! Не буду путаться у вас под ногами! А ты! Да у тебя у самого совесть нечиста! Сам, наверное, позвонил своей драгоценной невесте и сказал ей, что не можешь жить без меня!

Дринкли вскочил со стула, сжав кулаки. Он уже готов был наброситься на обидчицу, но Шейн резким движением снова усадил его на место.

— Перестаньте грызться! — рявкнул он на обоих. — Ни одно из ваших взаимных обвинений не тянет на то, чтобы превратить убийство в самоубийство.

Они оба замолчали и тупо уставились на него.

— Ну-ну! Не надо делать такие удивленные лица! — почти ласково попенял им Шейн. — Я же говорил вам вчера, лейтенант, что Кэтрин убили. Вы чего-то испугались, явились сюда и ударили меня. Чего вы испугались, Дринкли?

— Сам не знаю! — жалобно сказал он. — Сама мысль о том, что Кэтрин убили, наводила на меня ужас! А тут Лана позвонила из клуба. Сказала, что привезет вас к себе… Я испугался, что она по пьяни может наболтать вам лишнего.

— Ага! То есть, вы боялись, что Лана выболтает мне, что вы приехали в Новый Орлеан накануне вечером, так? — мрачно поинтересовался у молодого человека Шейн, решительно выпятив свою квадратную челюсть.

— Так я не знал, что и подумать! Я... Я испугался!

— Ну да! Так испугались, что избили меня до полусмерти и бросили сдыхать на холодном полу. А может, вы решили, что я уже, к счастью для вас, сдох?

— Нет! Я знал, что с вами все в порядке! Я вообще не понимаю, как все это вышло! А тут еще Лана! Она пила без продыху! Пока не отключилась! И так мне ничего и не сказала! — Дринкли замолчал, а потом прошептал с отчаянием: — Это какой-то кошмар, честное слово!

— Вам известно, что Кэтрин была замужем? — безжалостно спросил у него Шейн.

— Кэтрин? Замужем? — воскликнул ошарашенный Дринкли. — Не может быть!

— У нее было обручальное кольцо, и, судя по всему, его носили.

— Не верю! — выкрикнул Дринкли и яростно затряс головой. — Кто угодно, но только не Кэтрин! Она не могла меня обмануть! Она была такой чистой! Такой целомудренной!

Лана громко фыркнула и презрительно скривила губы.

Шейн поднялся с дивана.

— Вы набитый дурак, Дринкли! — констатировал он безжалостно. — И повели себя по-дурацки! Явились ко мне с полуправдой, полуложью! Не надо было этого делать! Не надо! Кэтрин Мо убили. Не думаю, что ее убили вы. Вернее,

пока я просто не вижу, как вы могли это сделать. Но если я сильно захочу, то смогу повесить это убийство и на вас, приятель! Всего хорошего!

Он громко хлопнул парадной дверью, сел в машину и направился прямиком к особняку Ломаксов.

Глава 12

В этот раз Шейн решил подъехать к дому не с парадного подъезда, а со стороны гаражей. Он припарковал машину на бетонной площадке рядом с гаражами и осмотрелся.

Сонное царство! И двор, и особняк казались вымершими. Шейн взглянул на часы: судя по всему, для Ломаксов утро нового дня еще не наступило.

Некоторое время он сидел в машине, размышляя, что делать. Потом вышел и решительно направился к мастерской Нила. Взявшись за ручку двери, он услышал ровный гул работающего станка. Значит, в подвале кто-то есть! Шейн открыл дверь и зашагал по ступенькам вниз.

В коридоре было темно, лишь слабый свет пробивался через окна мастерской. Все остальные двери были плотно закрыты. Шейн медленно подошел к двери, за которой, по словам Эдди, находилась котельная, и прислушался. Гул явно доносился оттуда. Вот он прекратился, видимо, станок на время отключили. Шейн осторожно отворил дверь и остановился на пороге, внимательно разглядывая помещение. Прямо по центру большой квадратной комнаты возвышалась огромная приземистая печь. Она была покрыта новеньким слоем асбеста. За печью виднелся блок управления, помещенный для пущей безопасности в специальный металлический кожух. Рядом был установлен электрический вентилятор, от которого протянулось множество трубок с фильтрами для кондиционера. Вверх от печи тоже шло не менее десятка труб. Издали они были похожи на руки, которые, извиваясь и сплетаясь друг с другом, шли до самого потолка. По ним в жилые комнаты особняка подавалось тепло и свежий воздух. Часть труб уже были обмотаны свежей изоляцией, другие же сохраняли свой первозданный, потемневший от времени вид.

В дальнем конце комнаты стоял Нил Джордан и накручивал изоляцию на очередную трубу прямо у себя над головой. В помещении было жарко, и он работал без рубашки. Его обнаженный торс блестел от пота. Он привстал на цыпочки, чтобы дотянуться до верхнего края трубы, и на спине и руках четко обозначились хорошо накачанные мускулы. Парень работал неторопливо и аккуратно, всецело погруженный в свое занятие.

— Все еще занимаетесь их обувкой? — громко поинтересовался Шейн, направляясь к Джордану. Нил слегка полуобернулся и, узнав Майка, приветливо улыбнулся.

— Подождите минуточку, ладно? Я сейчас закреплю этот провод, и готово!

Он пропустил провод по периметру трубы и, сделав несколько витков, завязал, а потом расплющил завязку молотком.

— Все! Я ведь к ним не нанимался слесарем или сантехником! — добавил он недовольно. — Но сегодня где сыщешь человека на такие работы, да еще и забесплатно? Вот и подвизаюсь в качестве мастера на все руки. Надеюсь, вы не пожалуетесь на меня в отраслевой профсоюз за расширение своих профессиональных обязанностей! — он снова улыбнулся.

— С какой стати? Свободного времени у вас хватает! Так что, мастерите в свое удовольствие! — Шейн протянул шоферу пачку сигарет и закурил сам. Нил бросил мимолетный взгляд на него, но никак не прокомментировал его раскрашенную физиономию и шишку за ухом.

Шейн сделал глубокую затяжку.

— Нил, мне позарез нужно понять пару вещей. Пожалуй, лучше вас мне их никто не объяснит!

Нил Джордан молча кивнул в знак согласия.

— Меня интересует, как работает газоотопительная система в вашем доме. Я все еще отрабатываю версию убийства Кэтрин Мо. А потому, прошу вас, объясните, что может произойти, если отключить газ?

— Как это? — непонимающе переспросил его шофер. — Я не вполне улавливаю суть вашего вопроса.

— Предположим, камин в комнате Кэтрин горел всю ночь. Она заснула. А потом внезапно газ перекрыли, и горелка погасла. Через какое-то время газ снова включили, и он стал поступать прямо в комнату. Ведь спящий человек может и не проснуться в подобных обстоятельствах. Он просто задохнется во сне, и все!

Нил нахмурился и принялся сосредоточенно рассматривать разводку труб.

— Понятно! Звучит убедительно, только на практике подобное исключено. Во всяком случае, у нас. Вот, взгляните сами!

Он подвел Шейна к тому месту, где в стену входил основной газопровод, и указал пальцем на какую-то штуковину, закрепленную болтами на стыке между двумя соединениями.

— Это предохранительная система новейшей конструкции! Предохранитель срабатывает автоматически и мгновенно перекрывает доступ газа во всех аварийных ситуациях. Например, при резком падении давления газа в отопительной системе или при загасании пламени в горелках под порывами сильного ветра. Возобновить подачу газа можно только вручную, сорвав вот эту пломбу.

Джордан снова ткнул пальцем, на сей раз уже в металлическую бляшку, закрепленную на автоматическом выключателе.

— Да, такая система действительно почти полностью исключает возможность аварийной ситуации! — согласился с молодым человеком Шейн. Он поднял глаза к потолку и стал внимательно рассматривать магистральную трубу для подачи газа. — А вот здесь, судя по всему, находится основной клапан, который в случае чего блокирует всю систему? — он указал на место справа от выключателя.

— Верно!

— А где сигнальная лампочка? — Шейн озабоченно потер подбородок. — Она ведь должна гореть все время.

— Они и горят, все время и везде. Дело в том, что сигнальными лампочками оснащена не только печь, но и все остальные нагревательные приборы — и на кухне, и в ванной.

— Но включить такую лампочку, скажем, после того, как она внезапно погасла на титане в ванной комнате, проще простого. Это я знаю по собственному опыту. А сложно ли включить ее в печи?

— Нет! Не сложно, но опасно, потому что нужно точно соблюдать все инструкции! — сказал Нил и принялся подробнейшим образом объяснять, как все делается.

— А теперь покажите мне это на практике! — потребовал Шейн, внимательно выслушав объяснения.

Нил ловко управился с заданием, заметив при этом:

— Как видите, все не так страшно, как многие думают.

— Да, действительно! Довольно простая операция! А кто еще, кроме вас, может ее повторить, в случае необходимости?

— Мистер Ломакс. Думаю, Эдди тоже справится! — Нил слегка повел широкими плечами. — Больше некому! Женщины, как вы понимаете, далеки от техники.

— Да, вы правы! — согласился с ним Шейн. — Благодарю!

— Рад был помочь! — добродушно улыбнулся Нил, возвращаясь к прерванной работе.

Шейн снова вышел во двор и, обойдя вокруг дома, позвонил в парадную дверь.

Открыла Рози. Она удивленно взглянула на гостя и нерешительно начала:

— Боюсь, мистер Ломакс уже...

— А все остальные? — нетерпеливо перебил ее Шейн.

— Миссис Ломакс наверху, а мисс Клэрис и мистер Эдди...

— Можете не докладывать о моем появлении! — Шейн стремительно прошествовал мимо горничной к лестнице на второй этаж. Дверь в гостиную была широко открыта, и он невольно стал свидетелем того, что обычно называют «семейной разборкой».

Эдди небрежно развалился в кресле, засунув руки в карманы брюк. По его лицу было видно, что он страшно зол. Напротив него на стуле сидела, неестественно выпрямившись, миссис Ломакс. Она тоже была крайне раздражена и, наверное, поэтому выглядела гораздо старше, чем показалось Шейну при первой встрече. Клэрис с плотно поджатыми губами нервно прохаживалась вдоль камина, скрестив руки на груди.

Именно она и заметила Шейна. Некоторое время она молча разглядывала долговязую фигуру сыщика, остановившегося в дверях, а потом язвительно сказала:

— Что вы все шныряете по дому, словно вражеский шпион? Это что, ваша манера вести расследование?

Миссис Ломакс и Эдди вздрогнули от неожиданности и повернулись к Шейну почти одновременно. Выражение лица Эдди стало еще более злым, а лицо мадам мгновенно окаменело.

— В самом деле! — воскликнула она недовольным тоном. — Не кажется ли вам, что вы ведете себя довольно бесцеремонно?

— Не люблю, знаете ли, формальности! — благодушно отозвался Шейн, переступая порог гостиной. Но глаза его, которыми он внимательно оглядел всех троих, были холодны. — Надеюсь, я не сильно помешал вашему выяснению отношений!

Клэрис уже открыла рот, чтобы ответить, но миссис Ломакс опередила дочь:

— Наши семейные дела вас не касаются, мистер Шейн!

— Ошибаетесь! Они мне с некоторых пор весьма интересны!

— Все еще бегаете от полиции? — саркастическим тоном поинтересовался Эдди. — Газеты пишут, что у вас минувшей ночью произошла серьезная стычка с Даном Трумэном.

Шейн сделал вид, что не услышал вопрос, и повернулся к хозяйке дома.

— Скажите, с кем разговаривала Кэтрин Мо по телефону вечером накануне смерти? Ей звонили?

— Откуда мне знать? — искренне возмутилась миссис Ломакс. — Спросите об этом у миссис Браун.

— Или у Клэрис! — хохотнул Эдди. — Она же при каждом звонке несется к телефону как угорелая.

Шейн перевел взгляд на девушку.

— Итак! Я вас слушаю!

— Я ее возле телефона не видела! И не слышала, чтобы она с кем-то беседовала! — ответила Клэрис с безмятежным видом.

— А вам звонили? — задал ей Шейн следующий вопрос.

— Нет! — ответила она и раздраженно добавила: — И вообще, это вас не касается!

— Как сказать! — заметил сыщик серьезным тоном. — А вдруг вам звонил лейтенант Дринкли?

— Дринкли? А с чего это он... — начала она и замолчала, внезапно покраснев до корней волос.

— Лейтенант Дринкли приехал в Орлеан только утром! — вмешалась в их разговор миссис Ломакс.

Но Шейн никак не отреагировал на реплику мадам и продолжал буравить колючим взглядом ее дочь.

— Вчера ваш брат высказал кое-какие предположения насчет ваших отношений с лейтенантом Дринкли, — начал он, сделав еще один шаг к девушке. — Скажите, вы были любовниками?

— О, как бы ей этого хотелось! — весело фыркнул Эдди. — Она ведь буквально из кожи лезла, чтобы заполучить его! Но не вышло! Он на нее не клюнул!

— Он приехал в Новый Орлеан утренним поездом! — снова повторила миссис Ломакс. — И позвонил сюда прямо с вокзала. Полиция уже была здесь.

Шейн, наконец, удостоил ее своим вниманием.

— Скажите, у кого из вас ночью в комнате горел камин?

— По-моему, ни у кого. Впрочем, точно не знаю. Я рано отправилась спать.

Женщина уже не скрывала своего раздражения.

— А ваш муж?

Она отвела глаза в сторону.

— Он еще оставался в библиотеке, когда я уходила к себе. Но камин в его комнате не был включен. И в моей тоже.

— А что скажете вы, двое?

Шейн круто развернулся к Эдди и Клэрис.

— Нет, не включал! — процедил сквозь зубы Эдди.

— Я тоже! — сказала Клэрис и удивленно вскинула брови. — А какое это имеет значение? Это что, улика?

— Вполне возможно! Скажите, вы в курсе, имела ли Кэтрин Мо привычку оставлять камин в своей комнате включенным на ночь?

В комнате повисло недоуменное молчание. Дети посмотрели на мать. Миссис Ломакс некоторое время раздумывала над ответом, а потом решительным тоном сказала:

— Насколько мне известно, Кэтрин никогда не включала у себя камин. Она и так довольно часто жаловалась на духоту в доме. К тому же, она терпеть не могла запах газа.

— То есть, вы хотите сказать, — нахмурился Шейн, — что камин в ее комнате никогда не включался?

— Именно это я и хотела сказать! — едко парировала миссис Ломакс. — Девушка вообще не могла долго находиться в комнате, где горел газ. Она иногда даже теряла сознание.

Вот это, что называется, удар ниже пояса! У Шейна даже перехватило дыхание. Его столь совершенная по своей логике версия убийства, которая показалась убедительной даже самому Квинлану, летела ко всем чертям. Невероятно!

— Хорошо! — проговорил он хрипло. — В конце концов, все это не трудно проверить, и я обязательно проверю.

— Я расцениваю ваше заявление как самое настоящее оскорбление! — гордо вскинула голову миссис Ломакс. Глаза ее метали громы и молнии. — Не знаю, чего вы добиваетесь, мистер Шейн. Но любой в нашем доме может подтвердить мои слова.

— Да! — хором поддержали Клэрис и Эдди свою мать.

Шейн вцепился пальцами в мочку левого уха и принялся лихорадочно растирать ее. Все с интересом наблюдали за его манипуляциями. В гостиной повисла напряженная тишина.

— Сколько лет Нилу Джордану? — неожиданно спросил Шейн.

Вопрос тоже повис в воздухе, ибо никто из присутствующих не торопился нарушать тишину. Брат с сестрой переглянулись и снова уставились на мать. Миссис Ломакс по-прежнему сверлила сыщика злым взглядом.

— Не поверите! — воскликнула Клэрис. — Но ему уже тридцать три!

— Почти тридцать четыре! — осторожно поправила дочь миссис Ломакс.

Шейн направился к двери, но на полдороге он неожиданно остановился, повернулся к мадам и поинтересовался у нее будничным тоном:

— В какой гостинице вы обычно предпочитаете останавливаться, когда бываете в Батон Руж?

— Да как вы... — начала она с яростью и осеклась.

— Это же — «Виктория»! Да, мама? — услужливо подсказала ей дочь. — Ты же сама говорила, что это единственная приличная гостиница в Батон Руж.

— Да, ты права, Клэрис! — сухо подтвердила ее слова миссис Ломакс.

— Значит, ночь со вторника на среду вы провели в «Виктории»?

— Ваша наглость перешла уже все границы, мистер Шейн! Вы просто пользуетесь тем, что рядом со мной нет мистера Ломакса! — царственно ответила ему хозяйка и, поднявшись с места, вперила в него сверкающий взгляд. — Должна заметить, что вас совершенно не...

— Вы так полагаете? — угрожающе спросил ее Шейн.

— Да! Я останавливалась в «Виктории».

Шейн молча кивнул и вышел из комнаты.

В холле он выругался себе под нос. Черт! Он с таким трудом выторговал себе несколько часов свободы, и вот итог! Ни одного серьезного факта в пользу его версии. Если бы Квинлан знал... Нет! Пока он не станет посвящать Квинлана в свои неприятности.

На кухне миссис Браун занималась разморозкой огромного холодильника. При виде Шейна она приветливо улыбнулась и сказала:

— А это опять вы, детектив! Узнали, как умерла наша девочка?

— Пока еще нет! — честно признался ей Шейн. — Быть может, вы мне поможете? Скажите, кто обычно первым появляется на кухне?

— Я, конечно! Кто же еще?

— А Нил? Вдруг ему захочется сварить себе чашечку утреннего кофе или что-то еще?

— На моей кухне? — искренне удивилась экономка. — Исключено! Он бы никогда не посмел хозяйничать здесь без меня. К тому же, у него нет ключей, чтобы войти в дом.

— Может, у него есть ключ от черного входа? — предположил Шейн.

— Нет! Черный вход всегда закрыт, и ключи от него есть только у мистера Ломакса. Кстати, это его идея — запирать черный вход. Дескать, чтобы неженатые мужчины не шатались ночами по дому. Он лучше бы за собственным сыном приглядывал в оба! — возмущенно добавила миссис Браун.

— Скажите, а в то утро, когда нашли Кэтрин мертвой, у вас не возникло никаких проблем с газом, здесь, на кухне?

Женщина задумалась и после минутной паузы энергично тряхнула головой.

— Нет! Все было в полном порядке!

— Хорошо! Тогда последний вопрос. Когда вы уходили из ее комнаты накануне вечером, камин был включен?

Он напряженно замер в ожидании ответа.

— Что вы! — снова затрясла своими седыми волосами экономка. — Кэтрин никогда не включала камин. Она терпеть не могла запах горящего газа. Для нее это была самая страшная отрава. Стоило ей задержаться в моей комнате на минуту-другую, и она тут же начинала жаловаться на сильную головную боль. Бедная девочка!

Слава богу, что рядом со мной нет Квинлана, подумал Шейн, глядя на участливое лицо женщины.

Итак, его теория лопнула, как мыльный пузырь. Надо искать новую версию. Потому что смиряться с тем, что смерть Кэтрин Мо является заурядным самоубийством, он не может.

На улице Шейн осторожно озирнулся по сторонам, а потом заторопился по ступенькам в квартирку Нила Джордана, оборудованную над гаражами. В крохотной гостиной царил идеальный порядок. Поражал книжный шкаф, плотно заставленный книгами. В углу стоял письменный стол, рядом примостилось небольшое кресло. Через узкий коридорчик располагались душевая комната, туалет и миниатюрная спаленка.

Шейн еще раз обвел взглядом гостиную и, не обнаружив в ней того, что ему было нужно, направился в спальню. На туалетном столике рядом с кроватью стояла фотография в рамочке: Нил, стоящий во весь рост, подле пожилой женщины. Наверное, мать, если судить по разительному сходству. Фотография, скорее всего, была сделана не более двух лет тому назад.

Шейн взял снимок со столика и, спрятав добычу под пальто, быстро ретировался. Он завел машину и на прощание еще раз пристально оглядел дом и двор. Никого! Из подвала доносился мерный стук молотка: Нил продолжал колдовать над изоляцией труб. Вот и отлично, подумал Шейн. Кажется, его мелкий грабеж остался незамеченным.

Глава 13

При виде шефа, как всегда ворвавшегося в приемную словно молния, по лицу Люси Гамильтон тотчас же разлилась величайшая скука. Секретарша даже не попыталась скрыть свое раздражение. Правда, когда она увидела, под каким немыслимым углом нахлобучена его шляпа, и все только ради того, чтобы не затронуть драгоценную шишку, то не смогла сдержать злорадной улыбки.

Однако стоило ему отойти от двери, и улыбка моментально исчезла. Секретарша взяла чистый лист бумаги и деловито вправила его в машинку.

Шейн тоже был мрачен и сосредоточен.

— Позвони в гостиницу «Виктория» в Батон Руж и выясни, останавливалась ли у них миссис Ломакс в ночь на вторник.

Пальчики девушки проворно забегали по клавиатуре.

— Удалось узнать что-то новенькое? — поинтересовалась она нарочито равнодушным тоном.

— Пока все глухо! — угрюмо ответил Шейн. — Но не расстраивайся! — решительно подбодрил он свою подчиненную. — Я ведь всегда мечтал о таком деле: совершенно бесперспективная канитель без начала и конца.

— Мистер Лейн уже ждет вас! — напомнила ему секретарша и сняла трубку, чтобы сделать звонок по межгороду.

Гэбби Лейн вальяжно развалился на стуле, задрав ноги на стол Шейна. Тщедушный маленький человечек с большими, слегка оттопыренными ушами, он был похож на гномика. Старый мешковатый костюм, который болтался на нем, как на палке, еще более усиливал это сходство. Но Шейн, который столкнулся с ним по работе лет десять тому назад, отлично знал, что лучшей ищейки, чем Лейн, в Новом Орлеане нет.

Лейн, понимая, что встреча после стольких лет требует неких нестандартных слов приветствия, вместо дежурного «здравствуй» действительно перешел на более эмоциональный стиль и воскликнул:

— Хай!

Шейн улыбнулся.

— Ты, как всегда, удивительно многословен, старина! — Он протянул руку для приветствия, и хрупкие пальчики мистера Лейна утонули в его крепком рукопожатии. — Как жизнь?

Не убирая ног со стола, Лейн вскинул худенькие плечи, а потом скорбно опустил их.

— Понятно! — прокомментировал ответ Шейн. — Читал утренние газеты?

Гэбби кивнул, с трудом подавив зевок.

— Я ищу убийцу Дана Трумэна. Есть идеи?

— Нет!

— А зацепки у тебя в клубе есть? Мне нужен человек, который поможет быстро распутать это дельце.

Гэбби задумался и после некоторой паузы утвердительно кивнул, не преминув при этом заметить:

— Это будет стоить.

— Ты знаешь, где находится боковой вход в Лорель?

Лейн снова кивнул.

— Надо сделать так, чтобы нашлось пару зевак, которые бы видели, как один тип входил в клуб именно через него приблизительно в то время, когда был убит Трумэн. Все! Просто видели, и ничего больше! Никаких свидетельских показаний под присягой и прочей чепухи, осложняющей жизнь.

— А он там на самом деле был?

— Пока не знаю! — честно признался Шейн. — Еще каких-то пятнадцать минут тому назад я был в этом абсолютно уверен. А сейчас и сам на распутье! Но у меня, если честно, дела у самого весьма неважнецкие, а потому придется сыграть с убийцей в открытую.

— Если его там не было, это обойдется дороже. Кто в курсе?

— Только мы с тобой. И мы обставим это дело так, чтобы со стороны все выглядело вполне законно. Я хочу, чтобы полиция его задержала, а твои люди на очной ставке подтвердили, что видели его там.

— Могут быть большие неприятности, если рыбка не клюнет.

— Подумаешь! — равнодушно пожал плечами Шейн. — Обычная ошибка при опознании преступника. За подобную оплошность еще никого не повесили.

— Да! Но это может нанести урон их репутации! — резонно возразил Гэбби. Некоторое время он внимательно изучал свои руки, а потом, наконец, изрек: — Пятьсот долларов в случае успеха. И еще пятьсот, если дело сорвется.

— Плюс пятьдесят тебе?

— Да!

— Однако! Я и не знал, что у вас так резко подскочили цены на лжесвидетельство за последние десять лет!

Гэбби молча пожал плечами.

— Хорошо! Я согласен! — Шейн достал из кармана бумажник и отсчитал пять купюр из числа тех, что выиграл в клубе. Потом вынул семейную фотографию Нила и вручил ее Гэбби. — Вот этот парень! Сходство с его нынешним обликом полное! Достаточно взглянуть на его фотографии во вчерашних газетах, где он фигурирует в связи с делом о самоубийстве Кэтрин Мо. В среду он возил девушку по городу, и они заезжали в несколько мест. Твои ребята могут сказать, что начали пасти его, когда засекли в одной из этих точек. Фотографию держи при себе, а они пусть как следует рассмотрят ее, чтобы потом при опознании в полиции у них не случилось осечки.

Гэбби внимательно посмотрел на фотографию.

— Так это же шофер Ломакса! — воскликнул он несколько удивленно, но деловито спрятал купюры в карман и поднялся с места.

— Когда мне ждать от тебя новостей?

— Через пару часиков! — отозвался Лейн, мелкой рысью устремляясь к дверям.

Закрывая за Лейном входную дверь, Шейн ненароком взглянул на Люси и с удивлением обнаружил, что она рассматривает его с откровенным презрением.

— Ну, что еще?

— Я думала, вы — детектив! Расследуете преступление, соблюдая все законы! А вы просто манипулируете людьми! Ведете нечестную игру!

Она рывком выдвинула нижний ящик стола, достала оттуда сумочку и начала быстро бросать в нее личные пожитки.

— А! Так ты еще и подслушиваешь!

— Я не виновата! Вы сами оставили дверь открытой! И все было слышно! Вы заплатили целых пятьсот долларов каким-то людям за то, что они будут лжесвидетельствовать против шофера Ломакса. Скажут, что видели его в клубе в ночь убийства Трумэна!

Люси вскочила с места и нахлобучила на свои пышные каштановые кудри крохотную шляпку, которая, по мнению Шейна, смотрелась на ее головке довольно нелепо.

Шейн стал озабоченно растирать рукой подбородок, чтобы не рассмеяться.

— Я-то думала, что вы честный и порядочный человек! Сегодня утром мне даже показалось, что я люблю вас! А вы! — девушка устремилась к дверям с гордо поднятой головой.

Но Шейн преградил ей путь и схватил огромной ручищей за тоненькое запястье.

— Не бросай меня, Люси! — взмолился он.

— Прочь с дороги, Майк Шейн! — выкрикнула она со слезами в голосе. — Я ухожу от вас, и ничто не остановит меня! Вы думаете, что можно купить все? Нет! Меня вам не купить! Даже если вы станете платить мне сто раз по восемьдесят долларов за одну неделю! — Она издала нервный смешок и впилась ногтями в ладонь шефа, продолжавшего цепко держать ее за руку.

Но Шейн приволок секретаршу к ближайшему стулу и рывком усадил на него.

— Садись!

Люси послушно села, и он отпустил ее руку. Она принялась, не поднимая головы, сосредоточенно массировать красные пятна, проступившие на запястье от его железной хватки. Он взял второй стул и поставил напротив.

— Выслушай хотя бы! А уже потом уходи! Тебе прекрасно известно, что против меня сфабриковали обвинение в убийстве. Я с трудом уговорил инспектора Квинлана дать мне несколько часов свободы, чтобы предъявить ему другого подозреваемого. Если я не сумею этого сделать, он упечет меня за решетку, а два убийства так и останутся нераскрытыми.

— Целых два? — выдохнула Люси.

— Два! — безжалостно подтвердил Шейн. — Убили Кэтрин Мо, убили Дана Трумэна.

— И вы считаете, что шофер Ломакса причастен к этим преступлениям?

Шейн задумчиво потер мочку левого уха.

— Не стану тебя обманывать, Люси, но пока я не знаю этого наверняка. Еще сегодня утром я был уверен, что знаю. Но изящная конструкция, которую я так тщательно выстроил, рассыпалась в прах. А ведь в эту версию поверил даже инспектор Квинлан. И он даже не подозревает о том, что мне приходится начинать все с нуля.

— Но если у вас нет никаких, даже косвенных доказательств вины этого человека...

— Понимаешь, этот путь я должен пройти до конца! Я уже не могу остановиться. Мне надо срочно подкинуть полиции хоть какую-то работу, пока я стану раскручивать новую версию.

— Да! А они начнут выколачивать у него признание всеми возможными способами! — в ее голосе снова закипела ярость. — И выколотят, в конце концов! Что тогда?

— Вполне возможно, его действительно будут бить! — уныло согласился Шейн. — Вполне возможно, он виновен. Но в любом случае, пока они станут возиться с ним, я выиграю время для того, чтобы найти настоящего убийцу. Собственно, именно этим я и занимаюсь. Но стоит Квинлану узнать, что у меня ничего нет, и он немедленно упечет меня в каталажку. Да еще бросит там сдыхать заживо.

— Но ведь есть же понятие честной игры. Есть же какие-то правила, в конце концов! — сказала Люси почти примирительным тоном.

— Есть, но не в том случае, когда человек идет на предумышленное убийство. Здесь так: кто сверху, тот и диктует правила игры. А все эти угрызения совести и прочая чепуха — это скорее по части беллетристов. Очень уж любят наши авторы детективных романов пичкать своих читателей всякими душещипательными бреднями.

Люси невольно поежилась.

— Вы, словно танк, давите все и вся! Не щадите никого!

— Я работаю за деньги. А в этой игре, не забывай, на кону целых двенадцать с половиной тысяч долларов. Немалые деньги, как ты понимаешь! — Он взглянул на ее взволнованное лицо, и в его глазах мелькнуло умоляющее выражение. Но он тут же резко повернулся и бросил ей уже через плечо: — Если уйдешь, то назад не возвращайся! Я вышлю тебе чек за две недели вперед! — Он быстро прошел в кабинет и захлопнул за собой дверь.

Оставшись один, Шейн уселся за стол и уже в который раз принялся ощупывать свою рану на голове. Он чувствовал себя ужасно старым и разбитым. Может, стоит вообще перестать заниматься сыском, мелькнуло у него. В самом деле, нельзя подчинять обстоятельства сиюминутным потребностям. Как только ты решишь, что в твоей работе цель оправдывает средства, все! Считай, что ты — конченый человек.

Так он сидел очень долго, бесцельно скользя взглядом по голым стенам и напряженно прислушиваясь к тому, что происходит в приемной. Если сейчас скрипнет стул, а потом хлопнет дверь, подумал он, значит, она ушла.

Но оттуда не доносилось ни звука. И эта мертвая тишина была особенно невыносима. Неужели Люси и в самом деле уйдет от него?

На его столе зазвонил телефон. Он замер и нервно сглотнул слюну, ожидая, когда позвонят еще раз.

Но нового звонка не последовало. В следующую минуту Шейн услышал звенящий голосок Люси, разговаривавшей с кем-то по телефону. Он тупо уставился на дверь, чувствуя, как напряжение постепенно спадает. Кажется, пронесло! И он совсем еще не старик! И даже кое-что еще может! Наконец дверь широко распахнулась, и на пороге появилась Люси.

— Звонили из гостиницы «Виктория». Они сказали, что миссис Ломакс у них не регистрировалась в ночь на вторник.

— О’кей! — сверкнул глазами Шейн. — А из тюряги больше не звонили?

— Нет. Мне связаться с ними?

— Да, пожалуйста, перезвони им снова.

Люси уже приготовилась закрыть за собой дверь, как Шейн остановил ее.

— Задержись на минутку! Люси, прости меня за то, что я наставил тебе синяков на запястье.

— Так мне и надо! Я повела себя, как последняя дурочка! — Девушка неожиданно улыбнулась и почти весело добавила: — Кажется, именно только сейчас я и начинаю по-настоящему приобщаться к работе частного сыщика.

После третьей попытки ей, наконец, удалось соединиться с федеральной тюрьмой. Она снова заглянула в кабинет Шейна:

— Они на проводе!

Шейн снял трубку.

— Алло! Это федеральная тюрьма? Говорит Майк Шейн из Нового Орлеана. Я по поводу ваших двух беглецов. По-моему, я напал на их след. Но для полной уверенности мне нужны кое-какие сведения.

— Какие сведения вас интересуют, мистер Шейн?

— Мне нужно знать, бывали ли у них посетители. Постоянные посетители! Насколько я знаю, среда у вас по-прежнему — день свиданий с заключенными?

— Да! Минуточку! Я соединю вас непосредственно с начальником тюрьмы, мистером Перселлом.

Через какое-то время Шейн услышал в трубке:

— Перселл слушает.

— Мистер Перселл! Я проверяю информацию по двум вашим беглецам. В частности, меня интересует, регулярно ли навещали Энтони Ходжа.

— Сейчас проверю по журналу регистрации посетителей.

Потянулись томительные минуты ожидания.

Наконец Перселл снова взял трубку.

— Да! Ходжа навещали каждую среду. Его жена. Она обычно приезжала во второй половине дня.

Шейн не смог сдержать разочарованного вздоха.

— Боюсь, это не представляет особого интереса. И никого больше?

— Больше никого! А Джиллиса вообще за все время отбывания срока в нашей тюрьме навещали только один раз.

— Да! Плохо дело! — снова сокрушенно вздохнул Шейн. — А внешность жены Ходжа вы мне можете описать?

— О, с удовольствием! Она, видите ли, из тех женщин, увидев которых, мужчины запоминают их навсегда! Можно только удивляться, как она могла связать свою жизнь с...

— Так какая она? Блондинка?

Следующие несколько минут Шейн слушал в трубке подробное описание Кэтрин Мо.

Закончив разговор с тюремным начальством, Шейн снова вышел в приемную.

— Эти проклятые норвежцы! — воскликнул он возмущенно и тряхнул своей рыжей гривой.

— Чем это вам не угодили жители Норвегии? — невозмутимо поинтересовалась у него Люси.

— Чем-чем! Выходят замуж и умудряются остаться девственницами! А все потому... — Он схватил шляпу и резко бросил с порога: — Вернусь через полчаса, если кто будет меня спрашивать! — И как всегда захлопнул дверь еще до того, как секретарша успела вымолвить слово.

На чиновников, заполнивших здание Федерального управления, удостоверение частного сыщика не произвело должного впечатления. К тому же их, по обыкновению всех чиновников, грызла неудовлетворенность собственным положением в жизни. Подумаешь! Мелкие сошки, занятые решением мелких дел. Шейну пришлось приложить немалые усилия, чтобы пробиться к начальнику иммиграционной службы. В конце концов он все же получил разрешение на просмотр документов по регистрации натурализованных граждан, прибывших в США из Норвегии за последние несколько лет. На Кэтрин Мо тоже имелось досье, и Шейн изучил его самым внимательным образом, сделав многочисленные пометки в своем блокноте.

После чего он устремился в тот банк, куда Нил Джордан подвозил Кэтрин в минувшую среду. Это был небольшой сберегательный банк, в котором на обслуживании клиентов трудилось всего лишь два клерка. И первый, к кому обратился Шейн с просьбой опознать девушку, ответил ему, что он хорошо помнит эту клиентку и скорбит о ее безвременной кончине. Более того, именно он и обслуживал девушку в последний раз.

По словам клерка, Кэтрин Мо всегда приходила в банк по средам. Обычно она являлась в банк сразу же после ленча. Но в последний раз она пришла позднее. Уже во второй половине дня, ближе к вечеру.

— Она оформляла вклад? — спросил Шейн.

— Да! Как обычно! Она приносила чек, из которого оставляла себе какую-то сумму на расходы, а остальные деньги перечисляла на свой счет. Правда, последний раз она попросила снять со счета целых пятьдесят долларов. Я еще, помню, пошутил тогда. Спросил, что она собирается делать с такой кучей денег, на что она мило улыбнулась и сказала, что выходит замуж. А деньги могут пригодиться ей во время медового месяца. Представляете, какой ужас? — взволнованно закончил банковский служащий. — Умереть в день собственной свадьбы!

— Представляю! — согласился с ним Шейн и, не теряя более времени, ринулся к себе в офис.

Едва он переступил порог приемной, как Люси Гамильтон, всецело захваченная мыслью о том, что вот и она лично причастна к расследованию двойного убийства, поспешила доложить:

— Вам звонил инспектор Квинлан. Вы ему срочно нужны. И он просил позвонить ему, как только вы появитесь. Наверное, речь идет о...

— Соедини меня с ним! — приказал Шейн и скрылся за дверями своего кабинета. Там он схватил трубку со стола и стал ждать, когда Квинлан ответит на звонок.

— Это ты, Шейн? — страшно обрадовался ему Квинлан. — Все идет, как ты и предполагал! Мои люди только что нашли двух свидетелей, которые видели, как шофер Ломакса Нил Джордан проскользнул в клуб через боковой вход приблизительно в то самое время, когда был убит Трумэн.

— Отличная работа, инспектор! Поздравляю! — совершенно искренне похвалил полицейского Шейн. — Они опознали его?

— Само собой! Физиономия Джордана была во всех вчерашних газетах. И они сказали, что это тот тип, которого они видели возле клуба. Я распорядился срочно доставить его в полицейский участок для опознания. А тут уж мы проведем очную ставку как положено.

— Я сейчас подъеду! Желаю успеха! — пожелал ему Шейн и, повесив трубку, пошел в приемную.

— Ну что ж! Кажется, колесо завертелось! — сообщил он Люси с мрачным видом. — Квинлан приказал задержать Джордана и доставить его в полицейский участок. — Он бросил внимательный взгляд на девушку.

— Все обойдется, Майк, да? — спросила она у него с детской надеждой. — Они ведь не будут... Бить его... Слишком сильно, да?

— Не переживай! Там не изверги работают. Полицейские прибегают к мерам физического воздействия только в самых крайних случаях, когда все остальные средства уже исчерпаны. Вначале они попытаются расколоть его словесно. И потом, не забывай, хороший полицейский — это всегда хороший психолог. Опытный следователь легко поймет, виновен человек или нет.

— А! — облегченно вздохнула Люси. — Ну, тогда все будет хорошо!

— Само собой! — согласился с ней Шейн и достал блокнот с записями, которые он сделал в здании Федерального управления. — Люси! Позвони на вокзал и узнай расписание поездов, курсирующих до Грейджвиля, штат Висконсин. И, пожалуйста, точную стоимость билетов — в общем вагоне, первым классом, в пульмановском вагоне. Как только соберешь все эти сведения, звони мне прямо в кабинет Квинлана. Договорились?

Глава 14

Под ярким светом неоновой лампы, освещающей большое полуподвальное помещение, выстроилась шеренга из шестерых мужчин. Слева направо стояли офицер полиции в штатском, репортер полицейской хроники, какой-то субъект без определенного рода занятий, изъятый из «отстойника», еще один детектив, Нил Джордан и снова субъект, временно задержанный за бродяжничество.

Детективы были неулыбчивы и строги, репортер пялился в темный угол и строил смешные рожицы коллегам, сгрудившимся в другом конце комнаты, которые издали наблюдали за тем, как готовится процедура опознания. Бродяги заметно нервничали и переминались с ноги на ногу.

Нил Джордан стоял скрестив руки. Легкая презрительная улыбка играла на его красиво очерченных губах. Его задержали прямо в особняке Ломаксов и безо всяких объяснений доставили в полицию.

Все участники очной ставки были разбиты на две группы. Они расположились в разных концах комнаты, что давало определенное преимущество следователям, ибо позволяло наблюдать за происходящим с разных ракурсов. В каждую группу входили офицеры полиции, репортеры и один из тех двоих, кто должен был опознать подозреваемого.

В группе Шейна и инспектора Квинлана свидетелем был толстый итальянец с выпученными глазами и неестественно белоснежной улыбкой. Он внимательно обозрел строй, потом сверкнул улыбкой в сторону инспектора и объявил уверенным голосом:

— Второй слева! — он показал на Нила Джордана. — Это точно он!

— Пожалуйста, не торопитесь! — предупредил его инспектор. — Вполне возможно, вам придется давать свидетельские показания в суде.

— Я абсолютно уверен! Он! Именно его я видел вчера ночью.

— Хорошо! — сказал инспектор и повысил голос: — Ну, как там дела на той стороне?

— Наш свидетель опознал! — откликнулись с другого конца комнаты.

Инспектор удовлетворенно кивнул головой.

— Итак, что у нас получается? Второй слева — это шофер Ломакса. Отведите его в мой кабинет! — распорядился он и повернулся к репортерам: — Пока без комментариев! Обещаю, результаты дознания вы узнаете первыми. Но прежде надо провести допрос подозреваемого и, по возможности, получить от него признательные показания.

Квинлан подошел к Нилу Джордану. Полицейские уже приготовились увезти его. Квинлан остановился прямо перед шофером и впился в него холодным взглядом своих немигающих глаз.

— Почему вы убили Дана Трумэна?

— Ах, вот оно что! — Нил спокойно выдержал взгляд Квинлана и ответил ему не менее жестким взглядом.

— Вас только что опознали! Видели, как вы, на момент совершения убийства, входили через боковой вход в клуб Лорель. Вы существенно облегчите свое положение, Джордан, если сами все расскажете.

— Да? — искренне удивился Нил. — Так я и в самом деле убил мистера Трумэна?

— Именно так! И кое-что забыли в спешке, когда уходили из его кабинета.

— Интересно, что? — спросил невозмутимым тоном Нил, явно испытывая терпение инспектора.

— Узнаете все в свое время! И получите за все по заслугам! — ровным тоном отчеканил Квинлан. — Смотрите, не упрямьтесь! Мои ребята умеют развязывать языки даже самым несговорчивым собеседникам. Добровольное признание снимет с вас часть вины!

— Но в чем мне признаваться? — Нил равнодушно пожал плечами. — Это какое-то недоразумение! Я же не могу признаваться в том, чего не делал!

Квинлан отступил назад, пропуская задержанного и полицейских.

— Что ж, воля ваша! Я все сказал! Уводите его, ребята! Да, и не забудьте сфотографировать до начала допроса и после. Чтобы он потом не предъявлял нам жалобы в чересчур пристрастном обращении.

— Ну, что скажешь? — раздраженно бросил он, возвратившись к Шейну.

— Скажу, что этот парень — крепкий орешек, и расколоть его будет непросто.

— Пойду-ка я предупрежу своих. У них есть пара приемчиков. Действуют безотказно. Говорить начинают даже покойнички.

Квинлан быстро вышел из комнаты и так же быстро вернулся обратно.

— А сейчас пойдем ко мне. Поговорим, пока они будут ублажать его по полной программе.

В кабинете Квинлан первым делом извлек на стол заветную бутылку бренди и, поставив ее прямо перед Шейном, сказал тоном хлебосольного хозяина:

— Угощайся!

Вопреки обыкновению он тоже сделал пару глотков, чтобы немного расслабиться.

— Итак, он у нас! Полдела сделано! — проговорил он с воодушевлением. — И во многом благодаря вам, мистер Шейн! Полицейским крайне редко удается

заполучить сразу двух свидетелей! Большая удача! Теперь по делу Кэтрин Мо! Это убийство так просто на Джордана не повесишь. Снова нужна твоя помощь, Майк. Что там с этими горелками и коптилками в доме Ломакса?

— Все проверил! — Шейн наклонил бутылку и отхлебнул изрядную порцию спиртного. — Сомнений нет: это убийство! — Он вытер влажные губы тыльной стороной ладони.

— Отлично! Лучше его в этих отопительных трубочках никто не разбирается.

— Согласен! Надеюсь, ваши ребята сумеют выколотить из него и эту информацию тоже.

— Обязательно! — Квинлан достал из ящика стола коробку с сигарами и предложил Шейну, но тот отказался. Инспектор раскурил сигару и с удовольствием затянулся. — Словом, у нас есть преступник, а вскоре будет и признание.

Шейн тоже закурил, но только свою сигарету, и как бы вскользь поинтересовался:

— Как это вам удалось выйти сразу на двух свидетелей?

— А, так! Ничего особенного! Рутинная полицейская работа! Можно даже сказать, что в какой-то степени повезло! — Он выпустил струйку дыма и уставился в потолок. Потом снова перевел глаза на Шейна. — Мне искренне жаль, Шейн, что утром все так вышло! Но честное слово …

— Проехали и забыли! — Шейн отхлебнул из бутылки новую порцию бренди, стараясь не думать о том, что сейчас происходит в комнате для допросов. — Да и что тебе оставалось делать, коль скоро эта красотка Мур категорически отказалась подтвердить мое алиби?

Квинлан осторожно стряхнул пепел с сигары.

— Кстати о красотке! Что у нее с лейтенантом?

— На сегодняшний день я располагаю достоверной информацией о том, что лейтенант Дринкли приехал в Новый Орлеан вечером накануне убийства Кэтрин Мо. И сразу же направился к Лане. Немного странно для жениха и без пяти минут мужа. Но некоторые мужчины таковы, и ничего с этим не поделаешь! — Шейн грустно вздохнул. — Тем не менее есть все основания полагать, что он был влюблен в свою невесту или почти влюблен в нее. Но эта интрижка с Ланой Мур обернулась для него рядом неприятностей. Девушка не могла смириться с потерей любовника. Она угрожала ему, обещала устроить скандал и все рассказать Кэтрин. И парень специально приехал заранее, чтобы еще раз попытаться уломать Лану, уговорить ее не мешать его счастью с Кэтрин. Но Лана — не только прожженная вертихвостка. Она — самая настоящая дрянь! Вспомни, как она впилась в меня когтями и стала добивать, стоило мне только оказаться в безвыходном положении.

Квинлан добродушно хохотнул. У него было превосходное настроение. И для этого были все основания. Еще бы! Убийца уже задержан. А все остальное — дело техники! Вскоре он поставит окончательную точку и в деле Кэтрин Мо, превратив его из заурядного самоубийства в убийство (то-то шуму будет!). Можно даже помечтать о дальнейшем продвижении по службе.

— А, все они одинаковы! — констатировал он с грубоватым юмором.

И в эту минуту зазвонил телефон на его столе. Он снял трубку.

— Это тебя, Майк! Твоя секретарша!

— Сообщаю вам расписание поездов на Грейджвиль! — отрапортовала ему Люси. — Из Нового Орлеана скорый поезд «Стрела» отправляется рано утром. Он прибывает в Грейджвиль на следующий день в одиннадцать часов сорок минут утра по местному времени.

— Отлично! Какова стоимость проезда?

— Билет в общем вагоне в один конец стоит двадцать девять долларов сорок три цента. Билет в вагон первого класса...

— Постой! — Он отложил трубку в сторону и полез в карман за бумажником, из которого извлек крохотный обрывок газеты, подобранный им в мусорной кор-

зине в комнате убитой горничной. Прочитав все цифры, записанные на бумажке, он снова взял трубку. — И какая пошлина взимается со стоимости билета?

— Два доллара девяносто четыре цента. Неужели вы собираетесь ехать на такое большое расстояние в общем вагоне?

— Я никуда не еду! — рассмеялся Майк. — Все! До встречи, Люси! — Он повесил трубку и снова приложился к бутылке. Потом взглянул на часы: десять двадцать пять утра.

Квинлан, слушавший разговор Шейна с секретаршей с нескрываемым интересом, спросил, не вынимая изо рта сигару:

— О каком путешествии идет речь?

— Об очень важном, инспектор Квинлан! Немедленно сделайте звонок в полицию Грейджвиля, штат Висконсин. Пусть направляют наряд на вокзал для встречи скорого поезда «Стрела», который прибывает в одиннадцать сорок утра. И пусть арестуют Антона Мо, брата Кэтрин Мо.

Лицо инспектора буквально на глазах помрачнело, и от приподнятого настроения не осталось и следа.

— Повторите еще раз! — раздраженно потребовал он.

Шейн, нарочито медленно, с присущим ему педантизмом, озвучил свою просьбу еще раз.

— Арестовать человека? За что? Насколько мне известно, у несчастной девушки не было никаких родственников.

— Арестуйте его хотя бы за то, что он сбежал из федеральной тюрьмы, где отбывал наказание под именем Энтони Ходжа.

Квинлан схватил авторучку и стал нервно крутить ее между пальцами.

— Снова что-то скрываете от меня, Майк Шейн! Да?

— Ничего я не скрываю! — возмутился Шейн.

— Ты же сам только что заявил, что один из двух беглецов — это родной брат Кэтрин Мо?

— С чего ты взял? — разозлился в свою очередь Шейн. — Я подбрасываю полиции еще одну версию, которую тоже нужно отработать. — Он допил бутылку до дна и с отвращением швырнул ее в корзину для бумаг. Ему уже чертовски надоели все эти шарады. К тому же, он и сам не был уверен, что его очередная догадка верна.

Некоторое время Квинлан сосредоточенно рассматривал непроницаемое лицо Шейна, потом скупо проронил:

— Хорошо! Будь по-твоему!

Шейн промолчал. На него вдруг навалилась страшная усталость. Так бывало всякий раз, когда очередное расследование приближалось к развязке. Но обычно в такие моменты его обостренная до предела интуиция гнала его вперед, побуждая к действию, а действие, в свою очередь, укрепляло уверенность в том, что он все делает правильно. Сейчас такой уверенности у него не было. Он равнодушно вслушивался в разговор Квинлана по межгороду; инспектор распорядился немедленно отправить телеграмму в Грейджвиль. В какой-то момент Майку даже стало жалко человека, которого скоро арестуют на другом конце страны, и все только потому, что полиция станет отрабатывать еще одну пустышку, которую он же им и подбросил.

Ему захотелось немедленно встать и уйти из этого кабинета. Он устал! Он не хочет больше ничего знать!

— Пойдем посмотрим, что там внизу! — неожиданно предложил он инспектору.

— Хорошо! — так же неожиданно легко согласился Квинлан, и они молча пошли в комнату для допросов.

Комната для допросов, которую следователи называли между собой «будуаром», представляла собой небольшую квадратную каморку в цокольном этаже. Прямо по центру комнаты стоял привинченный к полу массивный стул без спин-

ки. На нем сидел Нил Джордан, привязанный к сидению ремнями на тот случай, если он вздумает вскочить с места. Над его головой болталась лампочка, свет от которой отражался мощным рефлектором в форме абажура. Лучи падали вниз, образуя яркое световое пятно по центру комнаты, а все остальное пространство тонуло в полумраке.

Вокруг Джордана сгрудились четверо полицейских. Они вели допрос спокойно, но напористо, не давая парню ни минуты передышки. Все вопросы крутились вокруг убийства Дана Трумэна.

Нил Джордан молчал. Он сидел неподвижно, уронив голову на руки, упершись локтями в колени. На следователей он не смотрел. Его красивое тело было покрыто влагой. Капли пота сливались в потоки и текли ручьями по его спине и груди. Однако поза молодого человека не выдавала внутреннего напряжения или страха.

Шейн впился взглядом в это тело, пытаясь отыскать на нем следы побоев. Ничего! Только обильный пот от необыкновенной духоты в помещении и от яркого света, бьющего прямо по голове. Не было на его теле и следов борьбы с покойным Даном Трумэном. Впрочем, в этом Шейн мог убедиться еще тогда, когда разглядывал его полуголое тело в котельной дома Ломаксов.

Чувствовалось, что следователи уже начинали терять терпение и были готовы перейти к более жестким способам ведения допроса. Инспектор Квинлан отвел Шейна в сторону и прошептал ему на ухо:

— Ты точно уверен, что это он? Просто чудо какое-то! Убить Трумэна в драке, а самому не заработать даже легкой царапины.

— Но это же ваши люди его задержали! — парировал Шейн. — Между прочим, позволю тебе напомнить, что в доме Ломакса трое мужчин. И каждый из них стоит того, чтобы его допросить.

— Не нравится мне все это! — процедил сквозь зубы Квинлан. — Пока у ребят явно не получается расколоть его.

— По-моему, они чересчур нежничают с потенциальным убийцей! — заметил Шейн, еще раз бросив взгляд на обнаженный торс Нила Джордана.

— Приходится действовать осторожно! — пожаловался инспектор. — Несколько лет тому назад один юноша едва не умер во время допроса. А позже выяснилось, что он невиновен. Все эти меры предосторожности страшно напрягают моих парней.

— Дайте-ка я попробую разговорить его! — вдруг предложил Шейн и в ту же минуту почувствовал знакомый холодок в желудке. Надо действовать! Нельзя терять время попусту!

Он подошел к следователям и, отодвинув одного из них в сторону, выбил руки, на которых покоилась голова допрашиваемого. Потом громко засмеялся и сказал:

— Не надо было торчать в доме, в котором происходят убийства!

Мускулистое тело Нила мгновенно напряглось.

— Ах ты, подонок! — выдохнул он с ненавистью.

— Это еще вопрос, кто из нас двоих — подонок! — снова рассмеялся Шейн. — Признайся, Джордан, что тебя переиграли. Только и всего.

— Переиграли?! Да это же чистая подстава! Твоя подстава! Вам ведь позарез надо повесить на кого-то это убийство, вот вы и нашли козла отпущения!

Шейн весело фыркнул.

— А ты отлично подходишь для роли козла! Согласись, я неплохо поработал, а?

— Мне все понятно! — вдруг дико выкрикнул Нил. — Это ты украл фотографию из моей спальни! Украл, а потом нашел двух мошенников и организовал очную ставку! Здесь все сфабриковано, от начала и до конца! Ты же не хуже меня знаешь, какая темень была там для того, чтобы... — Джордан внезапно замолчал, поняв, что сболтнул лишнее. И только грудь его тяжело вздымалась от прерывистого дыхания.

Шейн тоже тяжело вздохнул.

— Ну что, инспектор? Достаточно?

— Более чем! Того, что он только что сказал, вполне хватит, чтобы повесить его!

Глава 15

— Да ты же сумасшедший! — продолжал бушевать Нил Джордан. — Безумец! И история твоя безумная!

— Так, говоришь, на улице было слишком темно, для того чтобы можно было узнать тебя? — спросил инспектор. — Не знаю, какие у тебя там претензии к Шейну, но знай, что он не имеет ни малейшего отношения к только что состоявшейся очной ставке.

— Какая улица? При чем здесь улица? — воскликнул Джордан с плохо скрываемой яростью. — Я просто сказал, что ночь была слишком темной, чтоб можно было вообще кого-то узнать.

Инспектор взглянул в сторону стенографиста.

— Ну-ка! Зачитайте нам, что именно он сказал!

— «Ты же не хуже меня знаешь, какая темень была там для того, чтобы...» — зачитал полицейский, глядя в свой блокнот.

— А чего ты вдруг остановился? Почему не закончил фразу?

— Потому что понял, что она звучит двусмысленно! Я не имел в виду «там»! Я имел в виду «везде»! И вообще, с какой стати мне убивать Дана Трумэна? Он не сделал мне ничего плохого. Да мы и знакомы-то были шапочно!

— А что ты сделал с ожерельем?

— С каким ожерельем?

— С изумрудным колье, которое ты передал ему.

— Вы все тут посходили с ума! — убежденно заявил Нил Джордан.

— Это ты сошел с ума, приятель, если не понимаешь, что дела твои очень плохи! — спокойно ответил ему Квинлан. — Мы имеем мотив для совершения преступления, и у нас уже есть подозреваемый, которого опознали два свидетеля.

Прежнее самообладание вернулось к Нилу Джордану. Он равнодушно пожал плечами и тихо промолвил:

— Все это пустые разговоры! — после чего снова уронил голову на руки, пытаясь укрыть глаза от слепящего света.

Инспектор отошел в сторону и с сожалением покачал головой.

— Вы правы! — сокрушенно сказал он Шейну. — С ним придется изрядно повозиться!

Шейн улыбнулся. Прежняя уверенность снова вернулась к нему, в его глазах светился азарт ищейки, взявшей верный след. Одно-единственное слово, в сердцах брошенное Нилом Джорданом, вселяло надежду, что он таки сумеет довести это гиблое дело до победного конца.

— Я разговорю его! — уверенным тоном заявил он Квинлану.

— Тогда за работу!

Шейн подошел к Джордану и стал лицом к лицу.

— Кое в чем ты действительно прав! На улице перед клубом Лорель было так темно, что опознать человека там было практически невозможно.

Нил поднял голову и саркастически улыбнулся.

— Значит, признаешь, что подставил меня по полной программе?

— Никто и никуда тебя не подставлял. Вполне возможно, ты сумеешь отмазаться от убийства Трумэна, и суд присяжных сочтет результаты очной ставки не очень убедительным аргументом в пользу твоего обвинения. Но я с легкостью докажу любой коллегии присяжных, что убийство Кэтрин Мо и Дана Трумэна совершено одним и тем же человеком. Вот так-то, приятель! Вытащив лапку, ты защемил хвостик.

— Кэтрин Мо покончила жизнь самоубийством! — прорычал Нил Джордан.

— Ой ли? Ты ведь надеялся, что мы купимся на эту версию, не так ли? Но я сумею доказать, что это было стопроцентное убийство. И мне не понадобятся ни подкупленные свидетели, ни темные ночи! Вполне возможно, ты и в самом деле изловчишься и кинешь присяжных по делу Трумэна, но будь спокоен! Они тебе припаяют по полной за убийство девушки. А я уж, со своей стороны, постараюсь, обещаю тебе!

Лицо Нила покрылось каплями пота.

— Ума не приложу, как ее могли убить! — устало сказал он. — Не понимаю, с чего вы взяли, что Кэтрин Мо была убита?

Шейн негромко рассмеялся в ответ.

— Знаешь, понять, как и почему ее убили, — пара пустяков. Сложнее оказалось с тем, чтобы узнать, кто это сделал! Ведь и у тебя, и у Ломакса, и у Эдди мотив был один и тот же. И возможность убить девушку тоже имел каждый из вас троих! Просто у полиции не было серьезной зацепки для того, чтобы арестовать кого-нибудь из вашей троицы. И вот, слава богу, зацепка нашлась!

Он повернулся, сделав вид, что собирается уйти.

— Подождите! — крикнул Нил, тяжело дыша ему в спину. — Если вы говорите правду…

— А с какой стати мне лгать? — снова повернулся к нему Шейн. — Да ты не хуже моего знаешь, что Кэтрин убили.

— Не знаю! Клянусь, я не знал! — голос Нила сорвался на крик от волнения. — Я много думал об этой истории! И если у меня и закрались подозрения… — шофер снова оборвал себя. В наступившей тишине было слышно его натуженное, со свистом дыхание. Руки его непроизвольно сжались в кулаки. Он поднял голову и посмотрел на всех собравшихся.

— Старый негодяй! Это он! — отчеканил он ровным голосом. — Вот что он, оказывается, учудил! Хорошо! Я не стану покрывать его более! Трумэн — это другое дело! Там была борьба и случайный удар, который и прикончил Дана. Но здесь — совсем другое! Хладнокровное, предумышленное убийство невинной девушки! — Джордана передернуло от отвращения. — А я даже не подозревал, что он способен пойти на убийство!

— Продолжай! — приказал ему Шейн.

— И продолжу! — решительно сказал Нил, и голос его зазвенел от возмущения. — Я действительно был вчера вечером возле клуба Лорель. Хотя по-прежнему уверен, что там было слишком темно, чтобы узнать меня, но теперь это уже не имеет значения. Я поджидал мистера Ломакса на улице возле клуба. А он, оказывается, в это время дрался с Даном Трумэном. Но в ту минуту я и не подозревал об этом. Об убийстве владельца клуба я узнал только из утренних газет.

Джордан замолчал и презрительно скривил рот.

— Хозяин еще предложил мне пятьсот долларов за то, чтобы я держал язык за зубами и не болтал о нашей ночной поездке в клуб.

— Выходит, он сознался тебе в убийстве Трумэна?

— Нет! Он клялся и божился мне, что не убивал его. Но он прекрасно понимал, что если полиция узнает о том, что он навещал Трумэна минувшей ночью, ему придется ответить на ряд весьма неудобных вопросов. И сразу бы снова всплыла вся эта история с пропажей колье. Вот он и попросил меня молчать. И я согласился! Пока речь шла о Трумэне, это еще куда ни шло! — мрачно закончил Джордан. — Но если он и в самом деле убил Кэтрин, то я и пальцем не пошевелю, чтобы спасать его шкуру!

— Расскажи, как все было! — велел Шейн.

— Хозяин позвонил мне уже после полуночи. Я лежал в постели, но встал, оделся и спустился в гараж. Он уже был там и заметно нервничал. Я страшно удивился, когда он приказал ехать в клуб Лорель. Помню, я сказал, что мы успеем как раз к закрытию. На что он ответил, что это не имеет значения. Потому что ему

надо переговорить с мистером Трумэном по одному щекотливому вопросу. А по пути рассказал, что ему звонил Трумэн и предложил выкупить у него похищенное колье. Судя по всему, мистер Ломакс очень хотел заполучить колье обратно, причем, в обход страховой компании. У меня даже закралось подозрение, что он так нервничает потому, что решил, будто колье украли Эдди или Клэрис, а потом отдали его Трумэну, чтобы таким образом погасить свои картежные долги. Клянусь, в тот момент я даже пожалел его! — шофер недоуменно оглядел присутствующих. — Впрочем, если честно, с такими детьми он всегда вызывал у меня жалость.

— И что дальше? — нетерпеливо перебил его Шейн.

— Да, пожалуй, и все! Я припарковал машину, а он вошел в клуб через боковую дверь. Он отсутствовал около получаса, я все это время прохаживался возле клуба и курил трубку. Потом появился он, почти бегом, в очень возбужденном состоянии. Но когда мы отъехали от клуба, он сказал, что обо всем договорился с Трумэном. Дескать, завтра с самого утра, как только откроется банк, он снимет нужную сумму и выкупит колье. Я пообещал мистеру Ломаксу не болтать о нашей ночной поездке. Но о драке хозяин не обмолвился ни словом! Более того, сегодня утром он примчался ко мне в мастерскую сразу же после завтрака. Спросил, читал ли я утренние газеты, и сказал, что убийство Трумэна — это ужасная новость. По его словам, владельца клуба убили уже после того, как они расстались с Трумэном. Кстати, мистер Ломакс абсолютно уверен в том, что это вы убили Дана и забрали колье. А в заключение нашего разговора он предложил мне деньги за мое молчание. Я посчитал, что он говорит правду, и согласился молчать.

Нил замолчал, облизал пересохшие губы и расправил плечи.

— Честное слово! Мне сейчас даже полегчало. Наверное, я плохой конспиратор. Можно мне немного воды? И мою трубку?

— Дайте ему все что он просит! — приказал Квинлан. — И протокол допроса ему на подпись! А вы двое — немедленно к Ломаксу! Арестуйте его и привезите ко мне. Но ни о чем ни слова!

Квинлан знаком попросил Шейна следовать за ним, и они вернулись в кабинет.

Взглянув на расстроенное лицо Шейна, инспектор улыбнулся.

— Да не переживай ты так сильно! В этом деле сам черт ногу сломит. К тому же, ты с самого начала подозревал Ломакса. А когда развязал язык его шоферу, то оказалось, что твои подозрения обрели под собой уже вполне реальную почву.

— Да не это меня волнует! — отмахнулся от него Шейн, откашлялся и закончил хрипловатым голосом: — Меня другое занимает! Как убийца узнал, что Трумэн вел со мной торг по поводу похищенного колье?

— А мне тоже кое-что не дает покоя. Скажи, зачем старикашке так нужна эта цацка? Предположим, он организовал кражу колье для того, чтобы получить страховку. Тогда зачем он отдавал его Трумэну? А потом убил его. Чтобы забрать колье назад?

— Тот изумруд, который обнаружили в кабинете Трумэна, все еще у тебя?

— Да! Вот он! — инспектор снова полез в стол, достал оттуда конверт и выложил изумруд на промокашку.

Шейн взял камень. Поднес его к свету и стал внимательно рассматривать со всех сторон.

— Вы его проверяли? — поинтересовался он у Квинлана, не отрывая глаз от камня.

— А зачем? Мне сказали, что это изумруд, и все.

Шейн отрицательно покачал головой.

— Нет, мой дорогой Квинлан! Это не изумруд! Это подделка! Синтетический камень! Очень искусная работа, но все же не настоящий изумруд. Мне ведь часто приходится иметь дело с похищенными драгоценностями, а потому я с легкостью могу отличить камень от страза.

— Вот это да! — только и нашелся Квинлан и даже зажмурился от столь сногсшибательной новости. — Но ведь колье Ломаксов было настоящим, не так

ли? Коль скоро оно было застраховано на такую огромную сумму. Компания ни за что не пошла бы на подписание соглашения с клиентом без предварительной экспертизы. Я прав?

— Разумеется! Пропавшее колье было действительно уникальным произведением ювелирного искусства.

Некоторое время Шейн задумчиво перекатывал блестящий камешек на своей ладони.

— И что у нас получается? — продолжал кипятиться Квинлан. — Трумэн пытался всучить Ломаксу фальшивку? Сделал копию колье и решил половить рыбку в мутной воде, так?

— Давай дождемся Ломакса! — предложил Шейн. — Только он один знает ответ на все эти загадки.

Он встал с места и неторопливо прошелся по комнате.

— Послушай, Шейн! Эта очная ставка с Джорданом. Фотография, исчезнувшая из его комнаты, два свидетеля. Джордан правду говорит? Ты все это подстроил, да?

— Нет, это ты послушай меня, Квинлан! — вспылил Шейн. — Не ты ли несколько часов тому назад заявлял мне, вот в этом же самом кабинете, что тебя совершенно не интересует то, как и каким способом я получу нужный результат. Было такое?

— Было! — с несчастным видом согласился инспектор.

— Вот и оставайся в своем прекрасном неведении! — жестко посоветовал ему Шейн и жадно закурил.

Квинлан снова схватился за авторучку и стал крутить ее в руке, изредка бросая любопытные взгляды на сердитого Шейна.

За дверью послышался какой-то шум. Шейн рывком схватил стул и, отодвинув его в сторону от стола, сел. В кабинет ввели мистера Ломакса. Вид у него был растерянный, но в общем он держался неплохо.

— До сего дня я полагал, — начал он с порога разгневанным тоном, — что в нашей стране конституционные права граждан соблюдаются неукоснительно. А тут врываются в дом какие-то люди, хватают тебя и тащат неизвестно куда!

— У человека, подозреваемого в убийстве, нет никаких конституционных прав! — резко возразил ему инспектор.

Ломакс мгновенно обмяк. Он устало опустился на стул и тихо прошептал:

— Я так и знал! После того, как они арестовали Нила, я все время боялся, что дело примет именно такой оборот. Бедняга, наверное, просто не вынес ваших пыток. Я прав?

— Да он щебетал, словно канарейка в клетке, безо всяких пыток! — поспешил успокоить его Квинлан. — Особенно, когда узнал, в какое дерьмо он вляпался по вашей милости и что ему грозит за это.

На Ломакса стало страшно смотреть. Не человек, а живой труп, подумал Шейн, глядя на его безжизненное лицо.

— Да, я знал, что ничего у меня не получится! — пробормотал он вполголоса. — Что ж, тем лучше! Сейчас я расскажу вам, как все было, и гора с плеч!

— Но имейте в виду, мистер Ломакс! — предупредил его Квинлан самым серьезным тоном. — Все, что вы собираетесь рассказать нам, может быть впоследствии использовано против вас. А потому вы можете официально отказаться от своих показаний и не подписывать протокол, если захотите.

— Нет! Я все расскажу сам! Мне хочется снять со своей души этот камень! И как можно быстрее! — воскликнул Ломакс с видом человека, уже все для себя решившего.

Квинлан пригласил в кабинет стенографиста и, когда тот занял свое место, сказал, обращаясь к Ломаксу:

— Можете начинать!

— В первом часу ночи мне позвонил мистер Трумэн и сказал, что колье у него. И что мистер Шейн от имени страховой компании предлагает выкупить драгоценность у него за сорок тысяч долларов.

Ломакс замолчал, а потом бросил укоризненный взгляд в сторону Шейна.

— Вы ведь обещали держать меня в курсе того, как продвигается ваше расследование!

— Вас просто развели, Ломакс! Обвели вокруг пальца, как мальчишку! Я категорически отказался вести переговоры с Трумэном на предмет приобретения у него колье!

Мистер Ломакс тяжело вздохнул.

— Но я-то этого не знал! Я хотел как лучше! Хотел избавить страховую компанию от ненужных расходов, потому что отлично понимал, что во все виновата моя жена. Это ее небрежность и рассеянность повлекли за собой всю остальную кутерьму! А потому я согласился и сказал Трумэну, что сейчас приеду к нему. Вызвал шофера и приказал ему приготовить машину. А уже по пути коротко, в общих чертах, обрисовал ему всю ситуацию. Он еще сказал мне, что глупо идти на поводу у Трумэна и что вообще не стоит связываться с таким человеком. Но я хотел забрать это проклятое колье и забыть о нем. Когда мы подъехали к клубу, он только что закрылся. Мистер Трумэн ждал меня у себя в кабинете, мы быстро обговорили все детали и пришли к согласию. Правда, он категорически отказался сообщить мне, как колье попало к нему. Сказал, что действует по поручению третьей стороны. Как бы то ни было, но мы обо всем договорились, и он согласился уступить мне колье за пятьдесят тысяч долларов. Естественно, он настаивал на том, чтобы сумма была вручена ему наличными. Я пообещал, что утром сниму деньги в банке и до полудня он получит всю сумму до последнего цента. Я оставил его в добром здравии и в самом прекрасном расположении духа. А утром узнал из газет, что его убили.

— Кто может подтвердить вашу историю?

— Нил Джордан, я думаю.

Квинлан издал издевательский смешок.

— Ваш шофер видел только, как вы входили в клуб и как выходили из него! Кто может подтвердить, что Трумэн был еще жив, когда вы покидали его кабинет?

Ломакс обреченно затряс своим лысым черепом.

— Никто! Он был в кабинете один. По-моему, никто не видел, как я входил к нему и выходил. Но надеюсь, джентльмены, вы не думаете, что это я учинил погром в его кабинете, дрался с ним, а потом убил его. Боюсь, для такой отчаянной борьбы у меня нет ни сил, ни характера.

— Ну, погром, учиненный вами, — это вещь относительная! — философски заметил Квинлан. — Газеты по своему обыкновению сильно преувеличили. На самом деле Трумэна убили одним ударом по голове. Удар был нанесен каким-то тупым металлическим предметом, например, железной трубой. Такой удар мог нанести кто угодно — женщина, подросток, старик!

— Но зачем мне его убивать? — недоуменно развел синюшными руками Ломакс. — Мы ведь обо всем договорились по-хорошему.

— Да, это по вашей версии! Но кто знает, как там было на самом деле? Пятьдесят тысяч баксов — это, знаете ли, огромные деньги. Любой суд присяжных согласится с тем, что это серьезный мотив для убийства.

— Я — вполне состоятельный человек! — воскликнул Ломакс с чувством оскорбленного достоинства.

— Вполне возможно! Мы обязательно проверим размеры вашего состояния! Но есть и еще один мотив для убийства! Вы попросили его показать колье, и когда он предъявил его вам, вы сразу же поняли, что это подделка, что он пытается всучить вам фальшивую драгоценность. Вы разволновались и в порыве праведного гнева убили его.

— А! — слабо воскликнул Ломакс. — Так вы в курсе того, что это — фальшивка?

— Да, в курсе! Когда у вас завязалась борьба с Трумэном, колье разорвалось, и камни рассыпались по полу. Вы собрали их, но один не заметили. Мы обна-

ружили изумруд при осмотре места преступления и определили, что камень — искусственный.

Шейн наклонился вперед и сказал:

— Вот почему, мистер Ломакс, вы изо всех сил пытались опередить страховую компанию! Ведь если бы колье попало к ним, то ваше мошенничество немедленно бы вскрылось.

— Нет! Я хотел быть честным в этой истории! Я не хотел несправедливо наказывать страховую компанию. Я был готов заплатить за пропажу из собственного кармана, только бы не причинять ущерба им.

— Да уж! Так я вам и поверил! — ухмыльнулся Шейн. — За свою жизнь я перевидал достаточно много богатых людей, но вот честных среди них не обнаружил! А когда я узнал, что полгода тому назад у вас были проблемы с деньгами, то сразу понял, что вы заложили свою драгоценность, чтобы получить наличные. А вместо колье заказали его искусную имитацию. Жена ведь не догадалась о подмене, не так ли?

— Нет! Все не так! — исступленно затрясся Ломакс. — И потом, страховка ведь оформлена на ее имя!

— Минуточку-минуточку, Шейн! — возмутился инспектор Квинлан. — Вы слишком увлеклись собственным расследованием, дружище! Если Ломакс, по-вашему, заменил настоящее колье подделкой, тогда зачем ему его красть? К тому же, если ему совсем не нужна страховка?

— Я не крал его! — отчаянно запротестовал мистер Ломакс.

— Конечно нет, черт меня дери! — Квинлан ткнул сигарой в Ломакса. И убивать вам Кэтрин Мо не было нужды. Ведь она была единственным человеком в доме, кто знал, что на самом деле колье в момент ограбления было в вашем сейфе, не так ли, мистер Ломакс?

Ломакс вскинул вперед руку, словно пытаясь заслониться от несправедливых наветов, обрушившихся на него.

— Кэтрин? Убита? Но ведь она покончила жизнь самоубийством! Это — только самоубийство! Я сам видел запертую дверь… И включенную горелку камина.

— Конечно видели! — холодно отчеканил каждое слово инспектор. — Вы даже предусмотрительно позаботились о том, чтобы дверь в ее комнату взломал кто-то другой! Вам ведь нужен был свидетель, который, в случае чего, всегда бы мог подтвердить, что это самоубийство. Но мы знаем, как вы ее убили. Красивое убийство, ничего не скажешь! Я бы даже назвал его совершенным. Или почти совершенным. Один поворот ключа на газовой трубе — и газ отключается, камин гаснет. А девушка в это время сладко спит. Потом еще один поворот — и газ снова включен и начинает поступать через открытую конфорку прямо в комнату. Девушка продолжает спать, и через какое-то время ее сон уже плавно переходит в вечный.

Мистер Ломакс в оцепенении переводил взгляд с инспектора на Шейна.

— Вы, должно быть, сошли с ума! Оба! — воскликнул он, тяжело дыша. — Это невозможно! Кэтрин никогда не включала в своей комнате камин. Мы все в доме знали, что она не выносит запаха газа.

Квинлан застыл на полуслове, так и не донеся сигару до рта. Некоторое время он сосредоточенно обдумывал услышанное, а потом бросил беспомощный взгляд на Шейна.

Шейн сделал глубокий вдох и заговорил:

— Я не стал посвящать вас во все эти подробности, инспектор. Решил, что как только вы узнаете, что моя версия лопнула, то тотчас же снова возьмете меня под стражу. Ломакс говорит правду. Кэтрин Мо никогда не включала газ у себя в комнате. Она вообще не могла оставаться долго в помещении, где горел газ.

Квинлан, наконец, обрел некоторое присутствие духа и ткнул сигару в рот.

— Но что же тогда? — глухо поинтересовался он.

— У меня лишь один вопрос к вам, Ломакс! — не ответил ему Шейн. — Скажите, кто посоветовал вам обернуть изоляционной лентой трубы, по которым циркулирует горячий воздух?

Ломакс бросил удивленный взгляд на Шейна.

— Трубы? Это Нил предложил. Он поделился со мной этой идеей в среду после обеда. Сказал, что изоляция труб даст значительную экономию топлива. Я нашел его предложение вполне разумным. Тем более что он вызвался сделать всю работу сам.

— Понятно! — перебил его Шейн и повернулся к Квинлану. — Распорядитесь привести сюда Нила Джордана.

Ломакс непонимающим взглядом уставился на Шейна.

Некоторое время инспектор колебался. Он был явно зол и даже взбешен. Но выражение лица Шейна не оставляло сомнений: на сей раз он не шутил. Квинлан неохотно потянулся к кнопке и сказал в микрофон:

— Приведите ко мне Джордана!

Глава 16

Лицо Джордана продолжало пылать, частично от той духоты, которая царила в комнате для допросов, частично от перенесенного напряжения. Он слабо улыбнулся, переступив порог кабинета инспектора. Однако при виде хозяина улыбка немедленно сбежала с его лица.

Он взглянул на посеревшее лицо Ломакса и сказал:

— Прошу простить меня, мистер Ломакс! Я держался изо всех сил и ничего не говорил им до тех пор, пока... — голос его сорвался. — Пока они не сказали мне, что Кэтрин тоже была убита. Этого я вынести не смог!

Выражение полнейшего замешательства застыло в глазах Ломакса. Он устало посмотрел на своего шофера.

— Я не понимаю! Я ничего не понимаю!

— Все вы прекрасно понимаете! — взорвался Шейн. — И понимали все время, просто не позволяли себе верить в то, что это правда!

Ломакс плотно сжал бескровные губы и затравленно посмотрел на него.

— Да-да! — продолжал бушевать Шейн. — Все вы знали! Не могу утверждать со всей определенностью, что вы были в курсе того, как именно была убита Кэтрин Мо. Но то, что это — убийство, вы знали с самого начала и держали рот на замке. Вы ведь все время жили, как на вулкане, не так ли, мистер Ломакс? Вы прекрасно знали об отношениях своей жены с Нилом Джорданом, но предпочитали делать вид, что ничего не замечаете, закрывали глаза на их шашни. И при этом старательно делали все возможное, чтобы у миссис Ломакс никогда не было своих денег. Вы просто боялись, что как только у нее на руках окажутся деньги, они с Нилом сбегут от вас. А потому, когда пропало колье, вы сразу же поняли, что его украла миссис Ломакс, и все ради того, чтобы получить страховку.

— Нет! — заплетающимся языком ответил Ломакс. — Колье принадлежало моей жене. Какой смысл ей было воровать украшение, если она могла легко продать его и получить те же деньги?

— Да! Когда оно было настоящим! Но сегодня — это всего лишь искусная подделка из синтетических камней. И красная цена этой бижутерии — несколько тысяч долларов, не более!

— Но жена же ведь не догадывалась о том, что это имитация! — возразил мистер Ломакс. — Уверяю вас, она ничего не подозревала о подмене. Ей бы немедленно открыли глаза на ценность вещи, попытайся она продать колье втайне от меня. А уж тогда бы она устроила мне семейную сцену как подобает, не особо стесняясь в выражениях.

— Согласен! Именно это обстоятельство и озадачивало меня на протяжении всего расследования. Ведь с момента приобретения вами колье цены на изумру-

ды на мировом рынке резко взлетели вверх. Я все время ломал себе голову над одним-единственным вопросом: ну почему кому-то нужно получить именно страховку вместо того, чтобы разобрать колье на отдельные камешки и продать их на рынке, что принесло бы значительно больше денег.

— Вот именно! — вмешался в разговор Квинлан. — Выходит, только Ломаксу…

— Ломакс не крал колье! Иначе, зачем он все время пытался сам, по своей доброй воле, погасить сумму страховки? И потом, не забывайте, что этот мифический некто, убивший Трумэна, покусился на его жизнь лишь после того, как узнал, что тот ведет двойную игру и предлагал колье мне. Значит, этому человеку надо было срочно заполучить колье обратно. Зачем? — Шейн медленно повернулся в сторону Нила Джордана. — Сопоставив все имеющиеся в моем распоряжении факты, я все же нашел ответ. Дело в том, что искусственные камни легко трескаются. Скорее всего, самый крупный изумруд, тот, который в двадцать пять каратов, был надколот. И тогда вы с миссис Ломакс затеяли всю эту канитель со страховкой. Я прав?

— Не понимаю вас, мистер Шейн! — улыбнулся Нил Джордан.

— Прекрасно понимаете! Именно поэтому вы из кожи лезли вон, чтобы забрать колье у мистера Трумэна.

— А разве я его забирал? — с наглой ухмылкой поинтересовался у него шофер.

Шейн проигнорировал выпад Джордана. Он повернулся к Квинлану и пояснил:

— Все дело в том, что стоимость таких уникальных украшений, как украденное колье, во многом зависит от цены главного камня, вокруг которого и строится весь рисунок ювелирного изделия. Малейший изъян, обнаруженный на самом крупном изумруде, неизбежно повлек бы за собой уменьшение компенсации по страховке почти вдвое. Миссис Ломакс и Нил Джордан это понимали. Они знали, что если в страховой компании станет известно о том, что изумруд надколот, они никогда не получат заветные сто двадцать пять тысяч долларов. Вот почему Нил Джордан был вынужден убить Трумэна, опасаясь, что тот может продать колье мне.

— А как же мистер Ломакс? — язвительно поинтересовался у него Джордан. — Ведь они же договорились с Трумэном о покупке колье.

— Что снова категорически вас не устраивало! Ведь тогда бы наружу всплыл факт повреждения колье — раз! И два! Тогда вы зря убивали Кэтрин.

— Сказки! Детские фантазии! — выкрикнул шофер глумливо.

Шейн молча взял со стола Квинлана протоколы очной ставки.

— Два свидетеля видели вас возле клуба между двумя и тремя часами ночи. А вы с Ломаксом оба показали, что были там между двенадцатью и часом ночи. Мистер Ломакс! — Шейн повернулся к пожилому джентльмену. — О чем вы подумали, когда услышали после возвращения домой, что Нил снова завел машину и уехал куда-то?

— Но я никуда … — закричал Джордан.

— Заткнись! Я слушаю вас, мистер Ломакс!

— Да! Я слышал, как он снова куда-то поехал, — медленно проговорил фабрикант. — Утром, когда я прочитал в газетах эту ужасную новость об убийстве Трумэна, то был в полной растерянности. Я не знал, что и думать!

— Представляю себе! Вам вообще не позавидуешь во всей этой истории! — участливо заметил Шейн. — Вы ведь с самого начала знали, что колье украла ваша жена, а потому…

— Нет! Я ничего не знал! — истерично взвизгнул Ломакс.

— Знали-знали! С какой стати им было убивать Кэтрин Мо?

— Ее не убили! Она сама…

— Вы с самого начала догадывались обо всем. Вы знали, что Нил Джордан — любовник вашей жены. И ее мнимая поездка в Батон Руж — это всего лишь предлог. Никуда они не ездили, а премило провели ночь в другом месте.

Ломакс вскочил со стула и, сжав кулаки, уже был готов наброситься на обидчика.

— Сядьте! — приказал ему Квинлан ледяным тоном, и тот снова послушно опустился на свое место.

— Да все он знал про нас! — весело фыркнул Джордан. — Сам ведь нанимал частного детектива пару месяцев тому назад, чтобы шпионить за нами. Но при чем здесь это колье? И убийство Кэтрин?

— Вам ли этого не знать? — искренне удивился Шейн. — Вы ведь спланировали всю эту историю с похищением колье после того, как вернулись якобы из Батон Руж и узнали, что в доме произошло ограбление. Вот вы и решили подверстать под это ограбление и пропажу колье, которое хозяйка якобы забыла положить в сейф. Единственным человеком, который мог бы опровергнуть ее слова, была Кэтрин Мо. А потому она должна была умереть еще до того, как миссис Ломакс объявит о том, что ее колье похищено.

— Ага! Так это я, значит, уговорил девушку включить газ и преспокойно ложиться спать?

— Нет! Вам не пришлось ее уговаривать! К счастью для вас, нашелся другой более простой способ. У меня раскрылись глаза на вашу затею после того, как я побывал в котельной. Эта новая изоляция, которой вы так старательно обматывали трубы. А еще гибкий шланг, которым вы пользуетесь для включения сигнальных лампочек в печи.

Нил Джордан затравленно озирнулся вокруг себя и бросился к дверям, но Шейн успел подставить ему подножку, и тот со всего размаха грохнулся на пол. Подоспевший полицейский оседлал его сверху, и когда Джордан снова поднялся во весь рост, на его руках уже были наручники.

— Так все же ты догадался! — он бросил зловещий взгляд на Шейна. — Я знал, что ты чертовски умен! И боялся, что ты сообразишь, что к чему, когда я стану тебе показывать, как работает система.

— Ничего не понимаю! — беспомощно воскликнул Ломакс и в отчаянии закрыл лицо руками. — Да, моя жена изменяла мне! Но чтобы она замыслила убийство!

— Не думаю, что она знала о планах своего любовника! — задумчиво обронил Шейн. — Одного только не могу понять! Как он ее уговорил потянуть время и не объявлять о пропаже колье, пока не будет убита Кэтрин Мо?

— В таких делах женщина не должна путаться под ногами! — презрительно бросил Нил Джордан. Самообладание вернулось к нему полностью, и он с холодной ненавистью смотрел на всех присутствующих. — Разумеется, она ничего не знала! Я просто сказал ей, что надо подождать до тех пор, пока Кэтрин уедет с мужем в свадебное путешествие, а уже потом заявить о пропаже колье. Эта дурочка считала и до сих пор считает, что ее горничная покончила жизнь самоубийством, что, естественно, было мне только на руку.

— Одну минутку! — перебил их инспектор. — А что это за показ вы устроили в котельной?

— Этот парень был настолько любезен, — рассмеялся Шейн, — что наглядно продемонстрировал мне, как именно он убил Кэтрин Мо. Самое смешное, что я в тот момент отрабатывал совсем другую версию, которая, как вы помните, полетела ко всем чертям.

— Да! — пожевал во рту сигару Квинлан. — Кэтрин Мо ведь не выносила запах газа и потому не могла лечь спать, оставив у себя в комнате горящий камин.

— Вот-вот! Мне в тот момент и в голову не пришло, что убийца мог воспользоваться трубой для подачи горячего воздуха, которая была установлена внутри камина. Только по этой трубе в комнату стал ночью поступать не теплый воздух, а газ. — Шейн задумчиво покачал головой. — Это была легкая смерть, если смерть вообще может быть легкой.

— А при чем здесь изоляция труб, которой он занимался в последние дни? — не выдержал мистер Ломакс. — Ведь он же стал обматывать трубы уже после смерти Кэтрин.

— Изоляционной лентой он предусмотрительно замотал отверстие в трубе для подачи горячего воздуха, проделанное почти рядом с печью. А для переброски в нее газа он воспользовался гибким шлангом, с помощью которого включаются лампочки предохранителя, — принялся терпеливо втолковывать ему Шейн, словно профессиональный инструктор по газоотопительным системам. — Джордан вставил один конец шланга в отверстие, а второй подсоединил к газовой трубе. И таким образом, всю ночь в запертую комнату вашей горничной поступал газ. Разумеется, это адское устройство он привел в действие далеко за полночь, когда знал наверняка, что девушка уже спит. К тому же, и газ был включен не на полную мощь, чтобы задурманивание сознания происходило постепенно и несчастная не могла бы уже проснуться.

— Но когда мы ворвались к ней в комнату, я сам видел, как Нил выключил камин! — продолжал упорствовать Ломакс.

— Вы видели то, что сами захотели увидеть! Такова сила нашего воображения, которое с легкостью дорисовывает то, чего не было на самом деле. В комнате было полно газа. Вы увидели, как ваш шофер героически бросился к камину и что-то там крутил. Он притворился, что выключает газовую горелку. И вы охотно поверили, что так оно и есть. На самом деле горелка не была включена, да и по трубе горячего воздуха газ больше в комнату не поступал. Джордан заблаговременно позаботился о том, чтобы разобрать свое хитроумное устройство и вернуть шланг на прежнее место. Так что, еще раз повторяю: вы увидели лишь то, что сами захотели увидеть.

— Верно! Именно так все и было! — злорадно рассмеялся Джордан прямо в лицо хозяину. — Благодаря вам из меня получился стопроцентный свидетель. А я ведь все продумал заранее! Я знал, что Кэтрин запирает дверь на ночь. И знал, что в случае чего вы обязательно позовете меня на помощь.

— Не представляю! — в ужасе отпрянул от него Ломакс. — Вы! И моя жена! В голове не укладывается!

— Вашу жену я уложил к себе в койку в два счета! — хвастливо заявил Нил Джордан. — Она — слабохарактерная и падкая на лесть женщина. А с чего бы мне было торчать у вас в доме все эти месяцы? Или вы думали, что меня устраивают ваши жалкие подачки, которые вы называли жалованием? О нет! Все это время я ждал подходящего момента, когда она сумеет прибрать к рукам ваши денежки. Но вы, как истинный скряга, не очень-то разбрасывались наличными. А потому после того, как она однажды уронила на пол это проклятое колье и повредила самый большой камень в нем, у меня созрел план проделать трюк с получением страховки.

Ломакс снова вскочил со стула и бросился с кулаками на шофера, но Шейн вовремя стал между ними, преградив старику дорогу.

Квинлан приказал увести Джордана, а Ломаксу посоветовал участливым тоном:

— Ступайте к себе домой, мистер Ломакс. И все хорошенько обдумайте! Не знаю, какие именно обвинения будут предъявлены вам и вашей жене, но обещаю, что со своей стороны я сделаю все возможное, чтобы максимально оградить вас от той грязи, которая неизбежно всплывет в ходе судебного разбирательства.

На столе инспектора зазвонил телефон. Ломакс дрожащим голосом поблагодарил Квинлана и побрел к двери. Квинлан снял трубку и некоторое время молча слушал, а потом сказал, обращаясь к Шейну:

— Поздравляю! Одним выстрелом ты, как всегда, убил сразу нескольких зайцев! Только что полиция сняла с поезда Антона Мо. Он признался, что бежал из тюрьмы под именем Ходжа, и сказал, что билетом до Грейджвиля его снабдила сестра Кэтрин. Но как ты все это раскопал, приятель?

— Сопоставил все факты, какие у меня на тот момент были! — устало откликнулся Шейн. — Стоимость билета до Грейджвиля, включая размер госпошлины за проезд. Именно там, согласно документам, которые я нашел в иммиграционной службе, брат и сестра Мо поселились сразу же по приезде в Америку. Да,

с этим как раз-то проблем у меня не было! — Шейн надвинул на глаза шляпу, демонстрируя свою готовность уйти. — Боюсь, что проблемы у меня будут с другим! Я имею в виду свой гонорар в размере двенадцать с половиной тысяч долларов. Едва ли страховая компания раскошелится на такую сумму, когда они узнают, что колье было поддельным. Их крючкотворы обязательно найдут какую-нибудь зацепку, чтобы не заплатить.

— Обидно! — сочувственно проронил Квинлан. — Особенно с учетом того, какой объем работы ты провернул.

— Не будем расстраиваться раньше времени. Поживем — увидим! — оптимистично изрек Шейн. — Я тоже постараюсь найти на них управу! Не выпущу их просто так из своих объятий.

В конторе его поджидала Люси. Вид у нее был озабоченный, и она тотчас же доложила шефу:

— Несколько минут тому назад звонил лейтенант Дринкли. Сказал, что уезжает из Нового Орлеана. Интересовался, наметился ли у вас прогресс в расследовании.

— Узнает из вечерних газет! — беззаботно отмахнулся Шейн и широко улыбнулся при виде встревоженного лица секретарши. — Все! С этим делом покончено! Букет запакован в целлофан и отправлен по назначению!

— Замечательно! — восторженно воскликнула Люси. — Как я рада, Майк! Я волновалась...

— У тебя больше нет оснований волноваться за жизнь несчастного Нила Джордана. Пятнадцать минут тому назад он признался в совершении обоих убийств.

Она прикусила нижнюю губу и посмотрела каким-то отсутствующим взглядом в окно. Потом встала из-за стола и протянула ему руку. Где на запястье все еще краснел след от его хватки.

— Поцелуй это место! — приказала она ему повелительным тоном. — Не так сильно будет болеть!

Шейн наклонил свою рыжую голову и припал к синяку долгим и нежным поцелуем. Она весело рассмеялась, отняв от него руку, и веселые зайчики запрыгали в ее глазах.

— Знаешь, а я никак не возьму в толк: при чем здесь замужняя — и дева?

— Можно сказать, что ни при чем! — широко улыбнулся Шейн. — Брат Кэтрин Мо отбывал наказание в тюрьме под чужим именем. А потому девушка выдала себя за его жену, чтобы иметь возможность навещать его. Она даже купила себе обручальное кольцо и надевала его, когда каждую среду под видом миссис Ходж приезжала на свидание к якобы своему мужу.

— Понятно! — пробормотала Люси. — Но тебе все равно надо многое рассказать мне. И об этом колье, и о....

Шейн осторожно закрыл ей рот рукой.

— Для этого, дорогая, мне надо хорошенько расслабиться! Хлебнуть изрядную порцию коньяка, принять ванну и все такое. У меня есть дельное предложение. Давай на сегодня подведем черту под нашей бурной деятельностью. Закроем контору и...

— Расслабимся! — охотно поддержала его Люси. — У меня есть встречное предложение. — Давай расслабимся у меня! Я точно помню, что бутылка коньяка у меня имеется! Осталась с тех пор, как ты был у меня в последний раз.

— Хорошо! Но при одном условии! Надеюсь, в самый неподходящий момент в квартире не объявится кто-нибудь из твоих чересчур темпераментных ухажеров, который еще чего доброго тоже попытается огреть меня чем-нибудь по голове!

— Обещаю! Никаких ухажеров! — клятвенно заверила шефа Люси Гамильтон.

— Тогда чего же мы ждем? Вперед!

Девушка взяла Шейна под руку, и они заторопились к выходу.

Перевод с английского З. Красневской.

ДОБРИЦА ЧОСИЧ

Наше распятие

Фрагметы из «Заметок писателя» 1992—1993 годов

26 апреля 1992 года, Пасха

Для сербов в Сербии это не Воскресение. Наше распятие в самом деле продолжается. Нас убивают ножами, пулями и гранатами; убивают нас ложью, шантажом, ультиматумами.

Я давно знаю, что политика — это проявление силы, это безнравственность, эгоистические интересы. Как коммунист до 1948 года я верил, что существует социалистическая политика, основанная на правде и чести, разуме и общем благе. Сталин и кремлевский генштаб мировой революции меня разуверили: социалистической политики не существует; существует только политика, одна и та же — только интересы, могущество и бесчестность, лукавство, сила и несправедливость. Тито своей политикой подтвердил существование именно такой политики. И привел Югославию к пропасти. Наследникам не потребовалось больших усилий, чтобы доконать это действительно «искусственное создание». Рожденная в крови, Югославия в крови и умирает.

Однако наблюдается то, чего я все-таки не ожидал: в мире — в Европе, в Америке, в России — совсем исчезает совесть, ответственность, потребность в истине, правовых нормах и справедливости. Я знаю, что у политиков, партий, и их наемников, журналистов, совести нет; им истина и правовые нормы не нужны, если не приносят им пользы; для силы правда враждебна. Но что же произошло с миром, если в нем невозможно найти человека, для которого совесть выше интересов и который подаст голос против сербофобии, этого современного антисемитизма и расизма, против сатанизации Сербии? Как это могло случиться, что в Европе нет какого-нибудь Анри Барбюса или Арчибальда Райса, какого-то «левого», «гуманиста», «христианина», «ангажированного интеллигента», какого-то Рассела или Сартра, которые бы, видя сербскую истину, противопоставились армии купленных журналистов, дивизии дипломатов и шпионов? Разве мы, сербы, на самом деле такие злодеи, варвары, агрессоры? Как это можно видеть роту Аркана в Биелине, а не видеть усташских бригад в Босанском Броде, в западной Герцеговине и в западной Боснии? Как это так, что известны сербские «паравоенные формирования», а не известны хорватские и усташские «бойны», мусульманские «зеленые береты»? Как это так, что осуждается «великая Сербия», но не осуждается «великая Хорватия»? Как это так, что Меморандум Сербской Академиии наук и искусств объявляется великосербским манифестом, а замалчиваются Исламская декларация и легализованная усташская идеология в Хорватии? В Европе и Америке ведь знают об Исламской декларации, хорватской усташской идеологии, а также видят хорватские и мусульманские бригады, выступившие против ЮНА и сербов. Но Германия приговорила нас к поражению; Европа приговорила нас к национальной капитуляции; Америка же подтвердила этот приговор.

«Для нас нет спасения, но мы не погибнем», — сделал вывод Руварац. Я не уверен, что это его мнение, высказанное о сербах в прошлом, имеет значение и для нас, сербов нынешних. Сербов враги делали сербами. А можем ли мы и для нынешних врагов быть сербами? Трудно!

К моим «постоянным заботам» прибавилась и новая: некоторые влиятельные люди говорят, что я должен включиться в государственную политику, что они поддержат мою кандидатуру на пост президента этой «новой», «третьей» Югославии. Уверяют меня, что это «общее мнение». Неужели нужно, чтобы моя последняя книга стала самой худшей книгой? И чтобы я лишился свободы, сдался в рабство роли и функции, а закончил как «государственный деятель»? «Совесть требует, чтобы ты пожертвовал собой за сербский народ», — говорят мне Живорад Стойкович и Павле Ивич. Многие другие тоже. Я бы собой пожертвовал, если бы верил, что могу помочь народу. Но знаю, что не могу. Если бы осуществилось то, о чем говорится в Академии, политических кулуарах и в ресторанах, мне нужно было бы принимать самое трудное решение. Откажусь от этой «спасительной роли», поскольку уверен, что не могу ее исполнить.

28 апреля 1992 года

Вчера обнародована Конституция остатка Югославии, которую неадекватно назвали Союзной Республикой Югославией. Эту «Югославию» составляют Сербия и Черногория, в 1918 году объединившиеся в Королевство Сербию, которая стала ядром общего государства сербов, хорватов и словенцев. Эта Югославия — идеологический остаток коммунистической, титоистской Югославии. Сербы, граждане собственно Сербии, а соответственно и Слободан Милошевич, взявший на себя полномочия говорить от их имени, фатально югославизированы, а черногорцы, которых Коминтерн объявил нацией, чтобы дезинтегрировать и ослабить сербский народ и развалить Югославию как «империалистическое образование», наряду с собственно сербами, и сербами-черногорцами, настолько идеологизированы, что хотят, чтобы их общее государство любой ценой сохранило название Югославия, и вот это вчера новой титоистской конституцией закрепили юридическо-политически. Нынешняя Союзная Республика Югославия, «подтверждает континуитет СФР Югославии», принимает все ее договоры и обязательства и не имеет территориальных претензий к соседним государствам. Эту СРЮ не признают ни мир, ни бывшие югославские республики, ни албанцы, а против нее выступают и мусульмане.

Продолжается сербское югославянство. Наперекор всем, в том числе и значительной части черногорцев. Я не уверен, что у Союзной Республики Югославии спокойное будущее. А сербский народ, пожалуй, в таком тяжелом положении, настолько изнурен, что не имеет сил для нового пути в будущее.

9 мая 1992 года

Сегодня я для «*Политики*» сделал заявление о выборах в Союзную скупщину, призвав партии к политическим переговорам и к участию в выборах на честных условиях с обеих сторон. Чувствую какой-то нравственный императив подать голос в такое время.

Война в Боснии приняла ужасающие масштабы. Сегодня ночью Сараево подверглось разрушению. Сербы решили занять Сараево. Зачем? К чему это сумасшедшее противопоставление сербов всему миру? Так окончательно будет загублено сербское дело. Это национальное безумие вызвано усташско-джихадскими преступлениями. Мое письмо Радовану Караджичу с утверждением, что лишь политика мира может привести к решению сербского вопроса в Боснии, должным образом не подействовало.

Сегодня я разговаривал с Радованом в Белграде. Он со мной в принципе согласился, но добавил:

— Мы с мусульманами не сможем договориться, если их не победим.

— Но ведь мы, Радован, не можем их победить.

— Должны и можем. Мы должны бороться и за мир, и за войну. Только по одному пути не достигнем своей цели.

Мы впервые расстались, не имея согласия. Этот необычайно одаренный человек, мужественный борец за объединение сербского народа, в такие исклю-

чительно трудные дни не проявляет должного внимания к реальности. А нет ни людей, ни средств, ни времени, чтобы организоваться. Развитие событий в Боснии меня пугает. Велика неизвестность. Сербы могут потерпеть поражение.

В Белграде стыдливо отмечен День победы над фашизмом. Александр Митрович, заместитель председателя бывшего югославского правительства, возложил венок; СУБНОР (*Савез удружења бораца народно-ослободилачког рата. — И. Ч.*), конечно же, своему верховному главнокомандующему. Нигилистическая стихия бушует на сербских просторах. Прославляются генералы Недич и Дража Михаилович. Национальное сознание утратило свои константы. Молодые люди уже не знают, кто они. Национальное сознание тех, которые чувствуют себя сербами, основывается на идеологических обманах и ретроградных мотивах. Это на самом деле время погибели. Многие люди от меня ждут, чтобы я сделал что-то для прекращения этой погибели. Никогда еще за всю свою непростую жизнь я не оказывался в более трудных испытаниях. Действовать — терпеть поражение; молчать — быть перед собой и перед другими предателем... Не знаю, что делать.

Югославская народная армия в Боснии и Герцеговине объявлена вражеской. Как туджмановские «зенги» в Хорватии окружали казармы и нападали на колонны ЮНА, так же поступают по отношению к ЮНА и «зеленые береты» Алии — армия джихада. При передислокации штаба Сараевского военного округа, которым командовал генерал Куканяц, в Сараево на Скендерии убиты два полковника и более двадцати солдат. Убили даже медсестру. Воины аллаха в Подринье орудуют ножами: режут, отрезают головы; а что не достают ножом, то довершают пулеметом. В Боснии идет жестокая религиозная война. Для мусульман все сербы — четники; для сербов, которых «в течение ночи» предали «соседи», все мусульмане — турки. Это будет самая жестокая война на Балканах. А зачинщик ее — Алия Изетбегович, целью которого является создание унитарной мусульманской Боснии и Герцеговины. Сербы ведут оборонительную войну с целью создать самостоятельное сербское государство, которое позднее, в более благоприятных условиях, объединилось бы с Сербией и Черногорией. Хорваты хотят свою Герцег-Босну и территории, заселенные хорватами, присоединить к Хорватии. Политическая цель Радована Караджича и Сербской демократической партии, созданной на волне демократического и национального пробуждения сербов вне Сербии, которое стимулировал харизматический народный трибун Ёван Рашкович, — создать сербское государство на принципе самоопределения. Рашкович массовыми собраниями всколыхнул сербскую Буковину, Лику, Банию, Кордун, Славонию и перешел через Уну в Боснию и Краину, создавая общенародное движение за демократические и национальные права сербов. Радован Караджич со своими друзьями — Колевичем, Краишником, Б. Плавшич, Бухой, Максимовичем — ответил на вызов мусульманской Партии демократического действия Изетбеговича и Хорватского демократического объединения, создав Сербскую демократическую партию. Эти национальные партии разделили Боснию и Герцеговину по национальному признаку. Судя по нынешним событиям, окончательно. Ведь у всех трех партий национальные и противопоставленные между собой цели. Воинственный, ратоборческий тон задали мусульманская ПДД и хорватское демократическое объединение. Сербы вынуждены защищать свои права, рассчитывая при этом на поддержку Сербии.

Я не ошибался, когда 26 марта в письме Конгрессу сербских интеллектуалов предлагал как можно более справедливое территориальное разграничение трех национальностей — разумеется, без стремления создать этнически чистые территории. Сейчас мне ясно, почему Алия Изетбегович во время нашего с ним прошлогоднего разговора в «*Холидей ин*» отверг федерацию и конфедерацию с Сербией и Черногорией. Ясно мне также, почему Радован Караджич утверждал, что мусульмане и хорваты не желают национального равноправия с сербами. Нам еще предстоит убедиться, сколь роковым для сербского народа является АВНОЮ (АВНОЈ — *Антифашистичко Веће народног ослобођења Југославије. — И. Ч.*). А я долго верил в авноевскую Югославию и боролся за ее существование...

16 мая 1992 года

Мусульмане объявили сербам войну до полного овладения Боснией и Герцеговиной и истребления сербов в этой первой мусульманской республике Европы.

Вчера «цивильные» мусульмане убили и ранили сотни военнослужащих ЮНА, покидавших Тузлу. Мусульманские «зеленые береты» и члены Патриотической лиги обстреливали из пулеметов военнослужащих, которые на грузовиках передвигались по улицам Тузлы, покидая Боснию... Никто не сообщает, что военнослужащие оказали сопротивление.

По сведениям, которые я получаю из Сараева от Колевича, это было настоящее побоище, массовое убийство на улицах Тузлы. Убито не менее трехсот военнослужащих. А Тузла в Боснии считалась «югославским городом».

28 мая 1992 года

27 мая 1992 года — роковой день для всего сербского народа. В Сараево, на улице Васы Мискина, перед хлебопекарней разорвалсся снаряд и поразил группу мужчин и женщин, стоявших в очереди за хлебом. Эту жуткую картину показало телевидение всего мира. Мир ужаснулся жестокости сербов. Какой безумец и преступник мог из пушки стрелять по людям, ожидающим хлеба? Что это происходит с сербами? Я в отчаянии, все мы в отчаянии. Да ведь мы сами себя уничтожим, помогая своим врагам. После бессмысленного «победоносного» освоения, т. е. разрушения, Вуковара и еще более бессмысленного черногорского «наступления» на Дудровник этот обстрел Сараева — самоубийственное безумие.

Поступают сообщения, что сорваны переговоры в Лиссабоне, которые были уже доведены до стадии подписания договора между сербами, мусульманами и хорватами о трех национальных и государственных образованиях, которые бы входили в конфедеративное сообщество, составляющее Боснию и Герцеговину. Этот договор положил бы конец межэтнической, религиозной и гражданской войне в Боснии. А в состоянии мира и при более благоприятных международных условиях эволюционно могло бы осуществиться государственное единство сербского народа. Такая возможность, пожалуй, навсегда утрачена. Война продолжается... До каких пор? С каким исходом? С какими жертвами?

Сегодня ночью мне сообщили с Пале, что генерал Младич утверждает: это не сербский снаряд попал в людей перед хлебопекарней на улице Васы Мискина. Да это и технически невозможно, подтвердили специалисты по баллистике. Как передают из штаба Младича, у сербов нет позиций, с которых бы можно было вести обстрел улицы Васы Мискина. Таким образом, получается, что это преступление совершили мусульмане, чтобы обвинить сербов и иметь аргументы для отказа от лиссабонского договора...

Убивать своих людей из политических соображений, а преступление приписывать противнику, — разве такое возможно где-то, кроме как при исламском фанатизме, в джихадной политике? Неужели на такое преступление способен серьезный, задумчивый, медлительный Алия Изетбегович? Радован и Никола уверяют меня, что он — человек лживый и коварный.

Не понимаю, что стало с людьми в стране, которую я считал своим отечеством. Если Босния на самом деле является «страной ненависти», как это утверждал самый большой писатель ее, то имеет ли боснийская ненависть границы?

30 мая 1992 года

Совет Безопасности сегодня принимает решение о санкциях против Сербии и Черногории, т. е. Союзной Республики Югославии. Санкции предполагают полную изоляцию. Если же этих санкций окажется недостаточно, нам грозят и военными мерами из-за «агрессии» на Боснию и Герцеговину. Россия поддержала санкции — православная славянская Россия, наша последняя национальная надежда, предала нас под американским и немецким нажимом. Китай, как пишут в газетах, будет выступать за смягчение наказания. Мировое сообщество осуди-

ло сербский народ на рабство и беженство, на унижение и нищенство, на резню со стороны усташей и мусульман — как месть наших вековых неприятелей, на разрушение сербского национального организма, на кромсание сербской национальной целостности, на государство в пределах Княжества Сербии, ограниченного Берлинским конгрессом… В таких условиях сербы тоже будут совершать злодеяния и акты возмездия. Наступает хаос, преступность, нищета, голод, грабительство, спекуляция, коррупция… Насилие всех видов. Великий беспорядок и взрыв гнева опрокинут власть Слободана Милошевича. Америка под давлением Германии, т. е. Европейского сообщества, Саудовской Аравии и Турции решила окончательно свергнуть «последнего коммунистического диктатора».

Несколько дней назад на американском военном самолете в сопровождении чернокожей дамы, офицера-охранника, в Белград прибыла конгрессмен США Хелен Делич-Бентли с поручением от американского правительства, чтобы Милошевич подал в отставку и я стал Президентом Республики, а правительство составила коалиция Мичуновича-Драшковича. Она дважды подолгу разговаривала со мной в «Хаяте», убеждая меня принять должность, которую никто компетентный мне не предлагал. Я сказал ей, что мог бы пожертвовать собой ради своего народа при следующих условиях: что Америка будет отстаивать мир; что будут сняты санкции с СРЮ и Америка окажет Сербии политическую и экономическую помощь. Она согласилась и записала мои условия, которые, сказала, передаст президенту Бушу. Знаю, что эти записи — коту под хвост! Ведь все мои условия нереальны; все это пустые слова. Симуляция большой политики. Хелен Бентли разговаривала также с Милошевичем, и тот отверг требования американцев. Она все это сообщит Бейкеру и Бушу; Сербия повторно проведет выборы; в Боснии прекратится религиозная и межнациональная война… Болтовня! Госпожу Бентли, посланницу Буша, дочь эмигранта из Лики, я пригласил на ужин в ресторан «Три шляпы». Ее очаровали музыканты. Она трижды заказывала, чтобы ей пели «О, Ела, Елена…». Песня понравилась и красивой негритянке, американскому офицеру. Я заплатил за ужин, а госпожа Бентли галантно угостила музыкантов.

Сербия действительно перед пропастью. Меня убеждают, что я должен пойти к Слободану Милошевичу и потребовать, чтобы он подал в отставку. Об этом говорят мне мои друзья академики, писатели, интеллигенты из оппозиции. И я прихожу к выводу, что уход Милошевича с поста неизбежен; добровольный уход, чтобы не закончил так, как Чаушеску, чем ему угрожают парни Вука Драшковича. После разговора с Мирославом Пантичем и Костой Михайловичем я позвонил Милошевичу и попросил, чтобы он принял Косту и меня.

Слободан Милошевич принял нас в 13.30, между приемами двух делегаций — военной, УНПРОФОР, и какой-то американской, которую составляли Скенлон, бывший посол США, и Панич, американский бизнесмен-серб.

Как только мы зашли и сели, я спросил у него о ситуации и намерениях. Он рассказал мне обо всем, что сделано за прошлую ночь и текущий день: Президиум СР Югославии и Бранко Костич направили письма Бутросу Гали, Генеральному секретарю Организации Объединенных Наций. То же самое еще до полудня говорил мне министр Ёванович, который принимал российского и китайского послов и, ознакомив их с нашими намерениями, просил поддержать нас в Совете Безопасности. Послы его любезно выслушали. Ёванович в принципе согласился с моим предложением ввести чрезвычайное положение и отложить выборы.

Выслушав рассказ Милошевича (он был уставшим, невыспавшимся, озабоченным, однако все равно твердым и решительным в своих суждениях) о мерах, которые приняты для того, чтобы пойти навстречу требованиям Европейского сообщества и Совета Безопасности, я предложил ему следующее: срочно созвать Скупщины Черногории и Сербии, на которых будет объявлено чрезвычайное положение в стране и отложены выборы в Союзную Скупщину, а он сдаст свой мандат в распоряжение Народной Скупщины Сербии до новых выборов. В связи

с этим правительство должно работать непрерывно, а он должен позвать Булатовича и компетентных черногорцев, чтобы договориться, что же делать.

Милошевич отверг все мои предложения, уверяя, что именно союзные выборы могут укрепить нашу позицию в мире. «Они-то и принимают сейчас свои решения, чтобы помешать союзным выборам, — считает Президент Милошевич. — Откладывая выборы, мы ничего не добиваемся. Что же касается моей отставки, это вообще никакая не проблема».

Об отставке он, произнеся эту фразу, больше не говорил. Очевидно, что пойти в отставку не готов. Я сказал, что Югославия не будет признана, если власть будет основываться на таких выборах, которые КЕБС уже объявила недемократическими. Сказал также, что один этап борьбы за национальное объединение сербов завершен нашим поражением и что поражение это не должно превращаться в капитуляцию, но его следует признать с большими уступками. Посредством новой внутренней политики надо пойти навстречу демократии, а также нашим врагам. Не отступать от цели — создания единого государства, но демократическими преобразованиями выиграть время, смягчить удары врагов и лишить их аргументов для утверждений, что мы недемократическая страна.

Милошевич твердил, что отлагательство союзных выборов ничего не дает, а лишь вносит хаос и продлевает агонию; выборы, в позитивный исход которых он по-прежнему верит, даже укрепят наше положение в мире.

Он — мастер свести сложную ситуацию к одному вопросу, в котором он сильнее других, и таким образом всех подчинить одной позиции — защиты или нападения. Так он поступил и со мной. Все мои предложения сузил и свел лишь к переносу выборов, а остальное обошел. Выразив мне почтение, он попросил, чтобы я свое мнение не распространял, не превращал его в политическую акцию, ибо таким образом нанес бы значительный вред Сербии. Я также выразил ему свое почтение, хотя не уверен, что он правильно поступает, и пожелал, чтобы он оказался прав. Расстались мы, договорившись «быть на связи», как он сказал; а я могу только сказать: совесть моя спокойна. Я сделал все что мог.

Но разве это успокоение совести и утешение? Нет, совесть моя не спокойна. Я мало сделал (…)

В шесть часов пополудни мне позвонил Милошевич и сообщил, что он послал Бушу и Ельцину письмо, в котором призывает, чтобы Россия и Соединенные Штаты Америки взяли на себя контроль над Боснией. И прочитал мне это письмо (…) Милошевич прочитал мне и жесткий протест, который сербские власти направили властям Сербской Боснии и Герцеговины в связи с артиллерийским обстрелом Сараева. Протест содержал призыв к ответственности и требование наказать ответственных за артиллерийский налет на Сараево. Милошевич считает, что оба письма важны и полезны. Так же считаю и я. Но письма эти запоздали. А опоздания — причина многих поражений национальной политики Милошевича. Он мне позвонил, чтобы этими сообщениями утешить меня и убедить, что я не прав, негативно оценивая его политику. Я поддержал оба эти действия. Он, работая целый день в своем одиночестве, очевидно, имеет потребность в поддержке.

А вечером Нада Ёвович из Подгорицы сообщила мне, что сербы покидают Герцеговину после обстрела хорватами Требиня. Отчаявшиеся сербы из Хорватии и Боснии подаются в беженство, как армяне, как евреи, как курды… Сгонят их всех в Сербию либо ассимилируют и покорят.

Совет Безопасности, при двух воздержавшихся — Китае и Зимбабве, проголосовал за санкции против Югославии, оставив ее в Организации Объединенных Наций. Как же нам выстоять в изоляции, не имея ни одного союзника и столько врагов?

Продолжение следует.

Перевод с сербского Ивана Чароты.

Николай Чергинец:

«Я писал то, что пропустил через свое сердце…»

Николай Иванович ЧЕРГИНЕЦ — председатель Союза писателей Беларуси, один из самых читаемых в СНГ литераторов. Автор 40 научных трудов, более 50 художественных произведений и нескольких сценариев художественных фильмов. Кандидат юридических наук, генерал-лейтенант внутренней службы в отставке. Внесен в Книгу рекордов Гиннесса как человек, добившийся больших достижений во многих отраслях. Имеет множество наград — 11 орденов и более 50 медалей, среди которых боевые — орден Красного Знамени и два ордена Красной Звезды, два ордена Республики Беларусь, ордена Югославии, России, Афганистана и др. Но сегодня наш разговор пойдет исключительно о литературе.

— В 70—80-е годы произведения белорусских писателей были широко известны во всем Советском Союзе, в том числе и Ваши приключенческие романы. Как Вы считаете, возможно ли сегодня достичь той планки?

— Сегодня надо признать, что из-за развития Интернета многие люди, я считаю, на некоторое время, вообще отвернулись от книг, бросившись к новому источнику информации. Но этот источник никогда не перекроет значимость книг. Что касается советских времен, то тогда государство серьезно занималось вопросами пропаганды литературы, да, если хотите, и самих писателей. Ни одно большое собрание в стране, даже значимое политическое, не проходило без того, чтобы в президиуме не было кого-то из писателей. Сейчас времена несколько изменились, да и отношение к писателям тоже. Мол, писатель должен работать, а не только писать. Действительно, на гонорары сейчас не проживешь — нет тех огромных тиражей и спроса на художественную литературу, что были раньше. Писатель работает над книгой год-два, а потом получает настолько малый гонорар, что ему хватает максимум на месяц-два. А раньше он за гонорар мог жить целый год и работать над следующей книгой. Вот вам и ответ, почему произошла переоценка ценностей, имеется в виду книга и писатель. Такое происходит не только в нашей стране. Я недавно приехал из Казахстана, там писатели, при всех самых лучших словах в адрес руководства страны, тоже считают, что им явно не хватает заботы со стороны государства.

Мы находимся на новом срезе истории. Делаются попытки заменить писательский труд на машинный. Эксперименты, конечно, интересные, но машина есть машина, хоть и электронная. Разве она сможет проникнуть в душу и самого писателя, и того типажа, о котором он пишет? Вряд ли. К тому же литература — одна из значительных составляющих общей культуры.

Наша страна добилась очень хороших результатов, вложив средства в строительство спортивных сооружений — стадионов, Дворцов спорта. Некоторые говорят: «Зачем это?» Но прав был наш Президент, когда предложил это сделать. В результате не только огромное количество людей получили возможность оздоровляться, заниматься физической культурой и спортом, что позволило облагородить досуг — многих отвлечь от спиртного, детей — от подворотен. Это дало возможность Беларуси заблистать на международной арене в спорте. Все больше и больше наших спортсменов, занимая призовые места, стоят под знаменем Бела-

руси при звучании на весь мир Гимна Республики Беларусь. Это, конечно, очень приятно, появляется чувство гордости за нашу страну, за наших спортсменов. В целом, за нас всех. Но я думаю, что наступила пора вывести наши искусство и литературу на новый виток. Уже многое делается — в том числе реконструкция и ремонт Большого театра оперы и балета, драматических театров. Но считаю, необходимо заняться культурой в целом. Надо поддержать белорусскую литературу, ведь наши книги не должны уступать зарубежным. Здесь нужно заняться системой книготорговли. У нас часто в магазинах стараются поставить на видном месте книги с красивыми обложками, изданные за границей. У нас они, может, менее красиво оформлены, но более понятны нашим людям.

Это относится и к нашим средствам массовой информации. Мне хочется похвалить газету «Рэспубліка» и Белорусское радио, которые уделяют большое внимание нашему Союзу писателей. Другие просто не замечают. Становится обидным, что на страницах публикуют материалы о зарубежных писателях, притом, совсем не выдающихся. Создается впечатление, что газеты просто стремятся заполнить пустующее место. Вроде уделяется внимание литературе, но это не то, что хотелось бы, — суррогат, который требует осуждения.

Надо признать, и сами писатели виноваты в этом невнимании. Их низкая активность поражает. Мало пишут в газеты. Некоторые, правда, жалуются, что их не печатают. Собрал бы все свои статьи, показал бы, куда он обращался, мы бы нашли возможность поддержать. К тому же мы открыли для своих авторов сайт Союза писателей Беларуси — пожалуйста, публикуйтесь. На него уже заходят тысячи людей, так что аудитория большая.

Следующая проблема, которая не позволяет развиваться нашей литературе в современном мире, — это отсутствие настоящей литературной критики. Уверен, что чем быстрее мы восстановим по-настоящему глубокую и объективную литературную критику, тем быстрее и лучше станет развиваться наша литература. Сейчас критика сводится к чему? По политическим соображениям один писатель похвалит другого или критик выполняет заказ — бьет политического оппонента. Нужна строгая, но одновременно уважительная критика. Писателя не следует унижать, ему надо помогать развиваться, формировать его художественный вкус и эстетические идеалы. Чтобы его талант расцвел, нужна справедливая и квалифицированная критика. Где похвалить, где указать на недостатки. Если заслуживает, то раскритиковать произведение бездарное, халтурно написанное. Но сделать это надо так, чтобы писатель почувствовал, что критикуют не для того, чтобы уничтожить его как творческую личность, а чтобы помочь ему совершенствоваться, избавляться от недостатков. И в целом литература от этого выиграет.

Мы организовали в Союзе писателей Беларуси секцию критики, но пока она, к сожалению, не проявила себя. Я бы посоветовал этой секции привлечь к работе преподавателей Белгосуниверситета, литературоведов из Института литературы Национальной академии наук. А то ведь многие литературоведы и критики до сих пор состоят в оппозиционном союзе и считают, что неприемлемо для них заниматься литераторами нашего Союза. Но зарплату получают от государства, а не от оппозиции. Вот тут вопрос очень серьезный с нравственной точки зрения: человек, как говорят, кормится от государства и в то же время ведет деятельность против этого государства. Помню, в СМИ прошла информация: одного немецкого литератора (не буду называть фамилию) выгнали с работы, когда он начал выступать против государства. В его защиту коллеги проводили демонстрации, выступали в прессе — ничего не помогло. Там государство охраняет свои устои. И нам не мешало бы более принципиально подходить к этим вопросам, а не потакать двурушничеству. Этот вопрос, конечно, требует серьезного рассмотрения.

В последние годы происходит своеобразный перегиб в оценке книжных изданий. Так, на конкурсах называется лучшей книгой та, которая красочней оформлена. Никто не хочет вникать в ее содержание. Мы вот стали проводить конкурсы среди писателей, и нас начали поддерживать Совет министров

и Министерство информации — спасибо им! Но заметьте, на Днях письменности лучшая по оформлению книга называется на главных площадках праздника, а лучшая по содержанию, но не так богато оформленная, — на второстепенных. Как следствие, получается, что художник, который работает над оформлением, получает за иллюстрацию книги в несколько раз больше, чем писатель. И немедленно, а писателю приходится год, а то и два, и три ждать гонорар. Это нонсенс. Такое положение надо не то что исправлять, надо с ним бороться.

И еще одна проблема волнует писателей — отношение с издателями. Зачастую издательство, видя хорошее произведение, не печатает его, а требует от писателя справки с гарантией о том, что книга будет куплена. И что делает писатель? Он ездит по колхозам, заводам, учреждениям и просит, чтобы дали гарантийные письма, что они закупят определенное количество экземпляров, т. е., собирает определенный тираж. Неужели не ясно, что этим мы унижаем писателя?

— Такого явления в советское время не было. Тогда книготорги собирали заявки от магазинов и читателей и оформляли заказ, определяя тем самым тираж издания. Сейчас прежняя модель уже не действует, а новая, рыночная на западный манер, через систему литературных агентов, еще не сформирована. Каким же образом выходить из положения нашим авторам? Готовы ли они к новым реалиям?

— Большинство не готово. И это, к сожалению, не может не сказаться на душевном состоянии автора, что в свою очередь негативно отражается и на качестве его произведений.

— Не кажется ли Вам, что в том, что падают тиражи, не читатели виноваты, а писатели в первую очередь, хотя не все, конечно. Ведь мы привыкли, что литература несла духовность, что она помогала нравственному и духовному воспитанию. Во время перестройки произошла ломка в обществе. Естественно, это отразилось и в литературе — появились новые образы как «герои» нашего времени — олигархи, киллеры, воры, проститутки и т. д. Это, конечно, не всем читателям нравится. По этому поводу хочется вспомнить английского философа Фрэнсиса Бэкона, который выделял три разных типа мышления и отражения действительности. Они, по сути, актуальны и теперь: паук, отстранившись от мира, извергает изнутри себя паутину, букашка, ползущая по земле, замечающая только то, с чем столкнется непосредственно, и пчела, поднимающаяся ввысь, осматривающая широкие просторы и выбирающая именно прекрасный благоухающий цветок из многообразия объектов. Не кажется ли Вам, что в нашей литературе слишком много «пауков», занятых лишь самовыражением — выгонкой паутины; «букашек», творящих по принципу «что вижу, то пою». И слишком мало пчелок, которые бы вдохновенно творили действительно масштабные полотна, возвышали бы прекрасное, а не занимались эстетизацией безобразного, душевно уродливого и антисоциального.

— Проблема действительно есть. Во-первых, надо вспомнить, что произошла смена поколений. Старая, талантливая часть еще не переварила перестройку, мыслит, может быть, прежними категориями, держится за славное прошлое, это мешает им понять, что уже теперь происходит. А молодая поросль, натолкнувшись вот на эти моменты, о которых мы говорили, еще не заболела по-настоящему литературой. Для этого надо время. Обидно, конечно, что зачастую писатель берется за тему, которую не знает, и это порой приводит к тому, что умеющий ползать учит летать. Это, конечно, не конструктивно. В то же время я хотел бы отметить, что писатель и интересен тем, что размышляет о бытии, отражает его многообразие через зеркало своей души. Он должен, конечно, как пчела с высоты, все видеть и пытаться переосмыслить. Но надо помогать писателям развиваться. А для этого нужна, опять же повторю, грамотная критика, и необходимы уважение со стороны властей и работа с молодежью, которая увязла в паутине Интернета. Надо системно прививать уважение к литературе. И самим писателям больше проявлять активности. Ведь сегодня найти писателя, готового пойти к народу, трудней, чем это было раньше. Есть активные писатели. Могу

привести пример — это Анатолий Сульянов, Алесь Савицкий, Геннадий Пашков, Михаил Поздняков, в областях — Людмила Кебич, Анатолий Крейдич, Тамара Краснова-Гусаченко, Григорий Соколовский. Они лидеры по количеству выступлений и встреч. Они ведут за собой своих коллег. Вокруг них создаются целые группы. Но этого все равно мало. В основном, писатели не умеют говорить с народом. Поэты, например, сразу начинают читать стихи. В одной аудитории это воспринимается нормально, а в другой требуется вступительное слово, рассказ о том, чем сегодня озабочен писатель, выяснить, что волнует читателей. Невозможно сразу же говорить о своем творчестве. Надо же немного быть своеобразным политиком литературы. Ведь ее надо нести не только таким образом, что ты зачитаешь свое произведение, но и тем, что ты скажешь. Писатель всегда нужен народу еще и потому, что от него хотят услышать ответы на многие волнующие вопросы. Современные писатели зачастую уходят от таких вопросов. Бывает, поэтесса выходит к читателям и сразу говорит: «Я вам зачитаю свои стихи». Какой же ты литературный агитатор? Ты ж должна была агитировать людей за литературу, призвать людей читать, уважать и ценить книгу.

— Как-то я прочитала в одном из Ваших интервью, что Вы не думали становиться писателем, что им сделала Вас сама жизнь, сложная и опасная профессия. Вы поняли, что мало обезвредить 50 преступников, мало поставить на путь истинный оступившихся людей, что надо найти еще какое-нибудь действенное, эффективное оружие в борьбе с нарушителями закона, и Вы таким оружием сделали перо писателя.

Широко известна фраза академика Легасова: «Мы подняли Гагарина на плечах Пушкина и Толстого, а теперь такой основы нет». Как Вы думаете, Николай Иванович, настолько ли велико на самом деле влияние литературы на жизнь всего общества?

— Вначале о самом писателе. Я всегда приветствовал, когда литературой занимается человек любой профессии. Вот, например, размышляет человек о милиции, делает анализ преступности: почему происходит зло? Как бороться с этим злом? Писатель, работающий в правоохранительных органах, когда он пишет на тему, которую хорошо знает, размышляет со знанием проблемы. Почему, например, человек совершает преступление? Почему ребенок уходит из семьи? Почему распадается семья из-за пьянства? То же самое и пишущий врач — он как бы изнутри знает проблемы, и поэтому ему легче говорить со своим читателем, размышлять, что такое хорошо, что такое плохо. Мне в жизни повезло — у меня почти все получалось, что я задумывал: единственный футболист в Советском Союзе, который окончил Высшую школу тренеров с отличием. Потом поступил на факультет журналистики Белгосуниверситета и очень много писал на спортивные темы — хотел быть спортивным журналистом, если точнее, спортивным комментатором. Много писал, правда, под псевдонимом, о футбольных играх. В какой-то момент, после окончания двух курсов факультета журналистики, все же перевелся на юридический. Но продолжал писать. Так случилось, что стал востребованным журналистом в центральных газетах «Известия» и «Правда». Поднимал острые темы. Например, в «Правде» был опубликован очерк «Аноним под микроскопом», в котором я критиковал секретаря парткома одного из борисовских заводов за то, что он писал анонимки на своего директора. Что со мной пытались сделать в обкоме! Был такой заведующий административным отделом, который звонил даже моему министру: «Что там Чергинец задумал — партию критиковать!» Правда, я не растерялся и сказал, что если он не принесет извинений, то следующий материал в «Правде» будет о нем. Доходило до того, что в конце года «Правда» присылала мне предложения о том, какие темы мне раскрыть на страницах газеты. Будучи неопытным, я составлял перечень на 16—17 тем, и ко мне приходили ответы, что все темы утверждены. Тогда понял, в какую впрягаюсь телегу.

Однажды председатель Госкомиздата БССР М. И. Делец и директор издательства «Беларусь» — мы часто встречались на коллегиях — говорят мне: «У тебя такое острое перо, ты бы попробовал книгу написать». Вот я и попробовал — написал

книгу «Четвертый след», потом «Тревожная служба», «Служба дни и ночи», «Следствие продолжается»... Все мои книги хорошо оценивались критикой, все занимали на конкурсах призовые места. А «Финал краба» впервые в Беларуси получил вторую союзную премию в номинации «детективно-приключенческая литература». Правда, эта премия была разделена с Ардаматским — автором сценария фильма «Граница».

Мне повезло, что я подружился с Андреем Макаёнком, в то время главным редактором «Нёмана». Он был, кстати, беспощадным критиком. Бывало, распекал за всякую мелочь! И в целом оказывался прав. Он заставлял меня шлифовать свои рукописи.

Конечно, хочу несколько теплых слов сказать и о Василии Владимировиче Быкове. Мы дружили, и когда я был в Афганистане — он прислал мне туда более 100 писем. Разные были письма, и по содержанию, и по количеству листов — от коротких записок до длинных, на пяти-шести страницах...

— Вы их где-нибудь публиковали?

— Большинство из них я отдал в Музей истории литературы, часть оставил себе. Там он критиковал некоторых писателей, считавших себя великими. Теперь многие к нему «прилипают», якобы с ним дружили, а вот Василий Владимирович о большинстве из них как раз и писал. Он писал, что вот такой-то начинает «бронзоветь», что такой-то «запутался в юбках», и его надо спасать...»

Вот это связка — Андрей Макаёнок, Василь Быков, Николай Матуковский — собственный корреспондент «Известий» по Белоруссии, Иван Шамякин, Степан Александрович — заведующий кафедрой Белгосуниверситета, Иван Новиков — автор книг о минском подполье «Руины стреляют в упор», «Дороги скрестились в Минске» и других... Восемь писателей мне давали рекомендации для вступления в писательский союз, хотя нужно было всего три. И то раньше, в 1973 году, с каким трудом принимали! У меня уже к тому времени вышли три книги...

Когда меня представили к нашей Государственной премии, я пришел в Союз писателей к Максиму Танку и сказал: «Евгений Иванович, за что Вы меня позорите? Зачем Вы меня представляете к этой высокой премии? Он ответил: «Так заслужил же!» А ему: «Я на службе, при погонах, а мои коллеги день и ночь горбатятся, чтобы «получить на хлеб», — я обойдусь без премии... Говорю: пишите в ЦК. Отзывайте... С большим сомнением и некоторой обидой на меня Евгений Иванович послушал меня...

— Получается, что Вы уже второй раз отказались от премии — в прошлом году — от премии Союзного государства — в пользу художника Щемелева.

— Надо реально понимать, что такое премия. У нас некоторые писатели покоя не дают. Когда проводится какой-нибудь конкурс, то звонят, приходят ко мне с просьбой поддержать его кандидатуру. А я специально попросил, чтобы меня, как председателя Союза, исключили из состава конкурсных комиссий. Вообще, конечно, надо проводить больше конкурсов, надо подумать о роли журналов. Ситуация теперь такова, что издатель не очень хочет рисковать, издавая книгу нового автора. Так вот у журналов есть возможность рисковать. Делать литературные открытия, предоставляя свои страницы молодым писателям. К примеру, журнал «Маладосць» в пяти номерах публиковал роман Дайнеко, из номера в номер материалы о Грюнвальдской битве, рассматривая ее с позиции Польши... Нет, я не против, чтобы журнал печатал большие романы с сокращением, но не стоит отбирать страницы у молодых. Это ошибка, это неправильно, ведь именно для творческой молодежи создавался этот журнал. Хотел бы призвать и другие литературные журналы смелее предоставлять страницы молодым. Хорошо, когда на их страницах наряду с именем маститого автора появляется новое имя. Читателю будет интересно. И журнал будет открывать новые имена, давать путевку в творческую жизнь, способствовать развитию литературы. Но в первую очередь «Маладосць» должна быть испытательным полигоном для молодых литераторов.

— Ваши книги выходят большими тиражами и в Беларуси, и в России. Чем объяснить такую популярность? Возможно, тем, что в ваших книгах вы воспеваете

дружбу, верность, ответственность человека перед своей совестью. В отличие от остальных современных авторов, в чьих произведениях много негатива, безнравственности, Ваши книги учат благородству, выделяются душевностью и искренностью. Не это ли и привлекает читателей и еще плюс динамичный сюжет?

— Иногда смотрю по телевизору американские боевики и делаю вывод: в лучших голливудских фильмах Добро побеждает Зло. Это очень важно, поэтому они так популярны.

Романы «Вам задание», «За секунду до выстрела» были победителями различных всесоюзных и белорусских конкурсов, издавались много раз. Роман «Сыновья» — о матерях солдат, воевавших в Афганистане. Книга о преданности Родине, о неразделенной любви. В Минске живет Вера Федоровна Кобликова, у нее было двое сыновей-десантников. Героиня — собирательный образ. Много в героине романа — Чайкиной — взято от Веры Федоровны и от известной журналистки Нины Тимофеевны Чайки, которая, накупив лекарств, поехала в Ташкент искать в госпиталях сына, воевавшего в Афгане. Этот роман читают, переиздают, значит, он и теперь востребован. Там правда жизни. Я писал то, что видел, то, что пропустил через свое сердце. Я участник боевых действий в Афганистане, служил там с 1984-го по 1987 год. Там особенно часто вспоминал то, что пережил в годы Великой Отечественной войны. Мы во время войны остались без отца, — а нас семь ртов (было восьмеро, но сестричку маленькую, рожденную до войны, убил немец, когда мать ее кормила). Такое не забывается...

По вашим книгам снимают художественные фильмы. Вы узнаете своих героев, или это уже как чужие произведения?

Если честно, фильмом, снятым по книге «Вам задание», я разочарован. Сам на себя злюсь, что согласился на экранизацию, настолько режиссер ушел от сценария и книги, что мне просто стыдно говорить, что это снято по моей книге. Этот роман — боль моя, он был бы, наверное, хорошим, если бы был 20-серийным. Я помню, когда-то наш талантливый режиссер Туров предлагал мне сделать по этой книге фильм, я отказался. Я не вижу его в одной-двух сериях. В то же время считаю удачным фильм «Бег от смерти», снятый по моим книгам «Однажды в марте» и «Следствие продолжается». В них один герой — Ветров. В целом ряде моих книг он как бы взрослеет, становится опытным. Это образ я «лепил» с многих моих сослуживцев, друзей. Доходило до смешного — при встрече многие говорили: «Какая у тебя хорошая память! Как ты все это запомнил?» Каждый узнавал себя.

Меня критиковали за книгу «Тайна овального кабинета», особенно некоторые из оппозиционных писателей, что там много пошлости. Это политический детектив, основанный на конкретных фактах, которые мне предоставила группа американских политиков и генералов во время моих поездок в Америку в качестве делегата Беларуси на Генассамблею ООН. И то, что я писал — стопроцентная правда, подтвержденная даже прессой. Конечно, есть много «соленостей», но никуда не денешься — так было, об этом писали газеты. Но, учитывая критику, при переиздании я их немного убрал. Этот роман тоже много переиздается. У меня нет ни одной книги, которая бы не переиздавалась несколько раз.

— Эти переиздания в наше время о многом говорят... У Вас в кабинете много дипломов, наград — все они свидетельства признания Вашего творчества...

— Одна из наград, которой я особенно дорожу, — первая премия в 1-м международном конкурсе «Облако», учрежденном Сергеем Михалковым. Есть и диплом, подписанный им. Есть у меня и «Золотое перо» — международного Союза писателей.

— Мне кажется, что для писателя самая главная премия, когда читатель приходит в магазин и выбирает его книгу, зная, что она будет ему интересна...

— Как-то в Любани, в районной библиотеке, мы организовывали встречу читателей со старейшим нашим писателем — замечательным сказочником Иваном Муравейко. Заведующая библиотекой поднесла мне потрепанную книгу и говорит: «Я решила Вам подарить Вашу книгу, зачитанную до дыр, чтобы Вы видели, что она востребована — читателей у нее было много». Я, конечно, приехал в

Минск, нашел такую же и выслал в библиотеку. А ту, зачитанную до дыр, храню до сих пор. Это большая награда для меня. Приятно. Конечно, к этому надо стремиться в своем творчестве — чтобы книга была востребована читателем. Писатель не должен сам себя прославлять, а искать пути к читателю. Я недавно побывал в лицее БГУ, и было приятно, что ко мне подходили ученики и просили у меня автографы. То же самое наблюдалось в Минском технологическом университете и Гомельском университете имени Ф. Скорины. Значит, читают мои книги и школьники, и студенческая молодежь.

Нам надо стремиться к тому, чтобы расширять круг читателей. Чтобы они не просто узнавали писателей, но и приобретали для себя необходимые опыт и знания из литературы. Это тоже очень важно. Поэтому писателям нужно разбираться в состоянии души, а не творить чепуху. И я вижу в наших журналах мощнейшее сейчас оружие пропаганды нашей литературы. Да, мы будем помогать, будем критиковать издания, и пусть их редакторы не обижаются за это, а стараются, чтобы журналы все-таки блистали литературой. Тем более, что Союз писателей — соучредитель журналов, и мы будем поддерживать их. Они должны быть привлекательны не просто для читателя, а и для тех, кто пишет: пусть в журналах будет огромная очередь авторов, желающих опубликоваться. Желательно, чтобы вокруг редакций группировались литераторы в какой-то кружок, центр, где они могли бы высказаться, обсудить произведения. Это обязательно надо делать.

Мы запустили — и сейчас очень хорошо идет проект «Библиотека Союза писателей». Мы уже получили запросы более чем из 20 стран на эти книги, в том числе из 7 городов США, в основном из библиотек университетов. Они, это 40 томов, очень дорогие, и поэтому у нас нет возможности их дарить, выслать всем желающим. Некоторым сделали исключение — недавно выслали Пекинскому, Шанхайскому университетам. Я был в Китае и пообещал.

Нам надо научиться делать рекламу. Если мы будем издаваться в России, там рекламу сделают. Мы заключили соглашения более чем с 20 странами (вот и недавно был в Казахстане, где заключил очередное), и в которых договариваемся о взаимной пропаганде литератур. Это очень важно — взаимные издания. Ведь благодаря им значительно вырастет круг читателей.

— Недавно состоялась 23-я международная книжная выставка-ярмарка в Москве, на которой Беларусь была Почетным гостем. Там презентовались Ваши книги. Ваши впечатления о поездке?

Благодаря Министерству информации Республики Беларусь наша выставка выглядела там лучше всех. И на ней блистал своими стендами Союз писателей Беларуси. Мы даже получили Благодарственное письмо от руководства Министерства информации Республики Беларусь за участие. Нам приятно, что мы имели там большой успех и внимание. Конечно же, удивительно, что наша пресса мало освятила это мероприятие. Там проводились многочисленные встречи. У стенда Союза писателей все время толпился народ... Ко мне подходили издатели с предложением опубликовать мои книги — «Илоты безумия», «Тайна овального кабинета», «Сыновья» и пару детективов. Обратились и кинематографисты с предложением снять по моим детективам несколько фильмов. Они знают, что очень хорошо прошел четырехсерийный фильм, снятый по моим книгам, — «Майор Ветров». Самая большая для меня награда, что фильм приобрели многие страны. Недавно мне передали, что фильм переведен на японский язык.

Сейчас мы запустили молодежную серию книг, которая распространяется и в России, — издаем книги на языке оригинала. В России тоже читают на белорусском языке — там наша диаспора большая. Словом, впечатления о выставке отличные, результаты встреч радуют и вдохновляют на работу... Хотя многое предстоит сделать... решить.

— Большое спасибо за то, что нашли время для беседы. Творческих Вам успехов.

Беседовала Татьяна Куварина.

ГЕОРГИЙ ПОПОВ

Откуда течет «Нёман»

I

Отпуск в том году я проводил в деревне Теребуты, что на Свислочи. Почти каждый день мы с женой и дочерьми купались и ловили рыбу, каждый день ходили в березовую рощу за земляникой.

Сейчас Свислочь заметно оскудела. А тогда, тридцать лет назад, в ней водилось пропасть рыбы. С вечера поставишь донки, утром пойдешь проверять, — глядь, попались на крючок пара щучек, два-три сомика, несколько голавликов.

Хороша, обильна ягодами и грибами была и березовая роща. Земляники в ней было столько, что трехлитровый бидон мы набирали почти шутя.

И вот однажды под вечер, когда мы всей семьей возвращались с полным бидоном из березовой рощи, почтальон прямо на дороге, пересекавшей ржаное поле, вручил мне телеграмму: «Приезжай немедленно важному делу Бурьян».

О важности дела у нас с Борисом Бурьяном уже был разговор незадолго до моего отъезда сюда, в эту деревню. Альманаху «Советская Отчизна» скоро должен был потребоваться ответственный секретарь. Выбор может остановиться на мне. «Имей это в виду и подумай на досуге...» — сказал Борис Бурьян.

Признаться, я не придал разговору серьезного значения. Когда-то еще он потребуется, тот ответственный секретарь! А, как видно, уже требуется.

В тот вечер мы с женой долго бродили по тихим полевым дорогам, обсуждая, как нам быть, ехать или не ехать. Ехать — значило соглашаться, не ехать — отказываться, — третьего было не дано.

Мы обсуждали выгоды и невыгоды перехода на новое место работы. Оказалось, что выгод очень мало — у меня разве что появится больше свободного времени, — зато невыгод хоть отбавляй: я терял в зарплате, терял возможность ежемесячно прирабатывать журналистским трудом. В «Колхозной правде» у меня, как заведующего отделом и члена редколлегии, зарплата была 150 рублей. Да на гонораре я прирабатывал каждый месяц минимум сто рублей. А здесь, в «Советской Отчизне», 115 (такие тогда были оклады) и вся недолга. Было над чем задуматься.

— Вот что... — решила все жена. — Поедем! В конце концов, газета от тебя никуда не уйдет. Понравится — будешь работать в альманахе, не понравится — вернешься обратно в «Колхозную правду». Фесько примет.

II

Наутро мы всей семьей пешком отправились на станцию Талька — до нее от Теребут рукой подать, — и успели как раз к утреннему поезду.

В тот же день я встретился с Бурьяном, а Бурьян тотчас же потащил меня к тогдашнему главному редактору альманаха Евгению Василенку, которого я с самого начала стал звать по имени-отчеству. Позже, когда мы проработали вместе с полгода, он однажды с досадой заметил:

— Что ты все Евгений Петрович, Евгений Петрович... Зови меня просто Женей.

Не получилось. Мешала привычка.

Оказалось, моя кандидатура была обсуждена «заинтересованными лицами» со всех сторон еще до того, как Бурьян дал телеграмму, и разговор с Василенком был короткий. Он спросил, согласен ли я пойти на эту должность. Я сказал, что согласен.

— Тогда садись и пиши заявление!

— Но сначала надо уволиться из «Колхозной правды», — возразил я.

— Хорошо, улаживай дела с Фесько и сразу сюда, — согласился Василенок.

Но вот тут-то и произошла заминка. Фесько, что называется, ни в какую. Видя мое упрямство, он прибег к испытанной тактике: «Хочешь, я сделаю тебя заместителем редактора газеты?» Нет, эта должность меня не прельщала. Да я уже и настроился на другую волну.

Вопрос окончательно решился в соответствующей инстанции. Фесько пришлось отступить. Вот тогда-то я сел и написал сразу два заявления: одно — об увольнении, другое — с просьбой принять меня на должность ответственного секретаря альманаха «Советская Отчизна». Уволен я был с 1 сентября 1959 года, а зачислен — с 25 августа того же года. Целых пять дней я сидел на двух стульях. Впрочем, в газете я в эти дни если и появлялся, то на час-два, не больше. Все мои интересы и все мое внимание были теперь сосредоточены на альманахе. Тем более, подписав приказ о назначении меня ответственным секретарем, Василенок тотчас же ушел в отпуск. А надо было готовить и сдавать в набор очередной номер. А запаса никакого — все со стола и в типографию...

III

Было бы грешно возводить напраслину на альманах. Он заслуживает доброго слова хотя бы потому, что стал колыбелью, в общем-то, немалого ряда талантливых поэтов, прозаиков и переводчиков. Я и сам начинал в этом альманахе, когда его редактором был Иван Шамякин.

И все же справедливости ради надо сказать, что делался альманах как-то спустя рукава, редактировался небрежно, а то и совсем не редактировался.

Раз Борис Бурьян заглянул ко мне на квартиру — я жил тогда в Коммунальном переулке — и оставил очередной номер альманаха: «Почитай и скажи свое мнение...» Я начал читать так, потом взял красный карандаш и стал отмечать безграмотные фразы, неудачные обороты, не те слова и т. д. Когда я дошел до последней страницы, а потом вернулся назад, то увидел, что альманах почти сплошь испещрен пометками.

— Посмотри, — сказал я на другой день Борису Бурьяну. Он зашел ко мне снова.

Бурьян полистал альманах, смутился и, уходя, забрал его с собой. Став ответственным секретарем, я спросил, где сейчас тот экземпляр, интересно было бы взглянуть на него. Бурьян засмеялся: «Ишь чего захотел!» И этот номер (кажется, с повестью Георгия Капуры) по небрежности, с какой он был сделан, не являлся исключением. Складывалось впечатление, что редактированием материалов вообще никто не занимался. Если автор грамотный, значит, и рассказ, повесть шли грамотные. И наоборот.

Подобную практику надо было ломать. Я попросил редакторов сдавать материалы мне, ответственному секретарю, и сказал, что буду читать каждый номер от корки до корки.

— Мы можем напечатать слабый рассказ, слабую повесть и слабые стихи, но не должны, не имеем права печатать ни одной безграмотной строчки, — сказал я.

Повысив требовательность к самим себе, мы стали более жесткими и по отношению к авторам. Стали думать, чем еще «заманить» читателя. Решили ввести новые рубрики и тем самым сделать альманах более разнообразным по содержанию. Сатира и юмор, шахматы... Чего только мы не печатали. Мне хотелось поменять название. Мы добились и этого. Но о том, как мы это сделали, стоит рассказать подробнее.

IV

Альманах или журнал с названием «Советская Отчизна» мог выходить где угодно. В Калининграде и Петропавловске-на-Камчатке, например. А хотелось написать на флаге, то есть на обложке, что-то свое, единственное и неповторимое.

Как только вопрос с моим переходом в альманах решился, я поделился своими соображениями с Евгением Василенком. Тот отнесся к идее с прохладцей:

«А стоит ли?..» Я стал убеждать, что стоит. Василенок продолжал колебаться: «Надо подумать, посоветоваться в Союзе писателей, поговорить с Коноваловым, как он посмотрит...»

Когда Василенок ушел в отпуск, я сделал то и другое, то есть посоветовался в Союзе писателей с Иваном Шамякиным и поговорил с Коноваловым, который тогда работал заведующим отделом культуры ЦК МБ. Оба они были единодушны: «Да, надо менять название! Вносите предложения!»

Но легко сказать — вносите предложения! Придумать название не так-то просто. Начались поиски. Все сотрудники предлагали что-то свое. А Борис Бурьян, помнится, положил мне на стол целую египетскую пирамиду названий. Не остались в стороне и авторы. Всем хотелось, чтобы у нас был свой журнал, хороший журнал, и все думали над названием. В конце концов мы оставили вариантов десять, может быть, чуть больше, и решили представить их на рассмотрение президиума Союза писателей.

Здание Союза на Энгельса как раз ремонтировалось. Ткачев со своей канцелярией перебрался на Захарова, в редакцию журнала «Полымя», — Максим Танк уступил ему свой кабинет. В этом просторном кабинете и состоялось заседание президиума Союза писателей, на котором рассматривался вопрос о перемене названия нашего альманаха.

— Какие есть предложения? — раздаются голоса.

Николай Гаврилович зачитывает список. Зачитывает не спеша, с паузами, давая людям подумать. Смех, шуточки, подколки... Все, оказывается, не то, не то!

— Пусть еще подумают! — вносится предложение.

Я был удручен. «Пусть еще подумают...» А когда думать? В разгаре подписка. Мы, работники редакции, да и наши авторы, рассчитывали, что перемена названия сработает на нашу мельницу, даст нам если не тысячи (о тысячах мы тогда не мечтали), то хоть сотни новых подписчиков. И вдруг такой оборот. У нас пропало желание искать новые варианты. Казалось, мы исчерпали все возможное.

И вдруг недели полторы или две спустя звонок из ЦК. Звонили из приемной Т. С. Горбунова, тогдашнего секретаря ЦК КПБ по пропаганде. Он приглашал главного редактора к себе на беседу. Евгений Петрович Василенок стал собираться. Когда он оделся и направился к двери, меня вдруг осенило:

— Евгений Петрович, захватите этот список, покажите Горбунову...

— Что ты, будет тебе секретарь ЦК заниматься такими пустяками. Нет, оставь, надо и в самом деле подумать, поискать другие варианты.

— А вы все-таки возьмите и покажите. А ну как Горбунов поинтересуется: «Как живете, какие у вас планы...» Вот тогда-то вы и положите на стол этот список. Вот, мол, наши варианты, Тимофей Сазонович...

Так и вышло. Горбунов, действительно, поинтересовался планами редакции. Василенок воспользовался моментом и завел речь о том, что нам хотелось бы поменять название, даже и варианты есть... И — бух на стол злополучный список, целиком отвергнутый президиумом Союза писателей.

Горбунов вооружился красным карандашом:

— «Литературная Белоруссия»... Не то... «Березина»... «Березина»... Тоже, кажется, не то... «Литературный Минск»... А что? Длинно, правда... «Неман»... «Неман»... «Неман»... — он пробежал список глазами до конца, вернулся к началу, — «Неман»... «Неман»... Мне это нравится. Как вы? Так давайте на этом названии и остановимся. В пятницу мы вынесем вопрос на бюро ЦК, там и решим.

Разговор с Горбуновым состоялся в среду. А через день, в пятницу, вопрос, действительно, был вынесен на бюро. Новое название — «Неман» — получило единодушное одобрение.

V

Стоит ли говорить, как мы были рады. Заказали новую обложку, стали ездить по городам и весям и агитировать за подписку.

Где только мы не побывали. Гомель, Витебск, Гродно... В Гомеле я выступил по телевидению. Оно делало тогда первые шаги и ютилось в клубе железнодорож-

ников, на чердаке. Позже для телецентра здесь построили специальное здание. В нем тоже довелось выступать.

Но чаще мы «спускались» в низы, в массы. На завод, в депо заявлялись втроем, вчетвером, а то и впятером — в обеденный перерыв,— я рассказывал о журнале, поэты читали свои стихи. С собой мы брали кого-либо из работников местного агентства «Союзпечать». Он располагался за столиком в зале и после встречи сразу начинал оформлять подписку. Желающие всегда находились.

И все же наш порыв и наш энтузиазм дали, в сущности, незначительные результаты. Подписка составила только 2887 экземпляров. Мы думали — лиха беда начало, дальше пойдет, — увы! Как мы ни старались, как ни пропагандировали журнал, как ни разнообразили его содержание, популярность росла очень медленно. Нужно было какое-то время, чтобы убедиться, что дело тут не только в названии и содержании, но и в периодичности. Часто бывая в агентствах «Союзпечать», на заводах и в колхозах, разговаривая с общественными распространителями печати, с самими подписчиками, я пришел к убеждению — надо добиваться ежемесячника, иначе мы так и будем топтаться в пределах десятка тысяч.

Но сказано — еще не сделано. Добиться, чтобы журнал стал ежемесячником, оказалось труднее, чем изменить название. Куда я только не ходил, с кем только не разговаривал... Вплоть до ЦК КПБ, не говоря уже о Союзе писателей.

Отделом культуры ЦК тогда заведовал Григорий Васильевич Коновалов. Когда я пришел к нему на прием и рассказал о том, что нас, неманцев, волнует, он, к моему удивлению, отнесся к нашей идее даже более заинтересованно, чем, например, Иван Шамякин. Мало того, что он сказал свое «добро», — он еще, вдобавок, поделился своими соображения насчет того, каким должен быть будущий журнал.

Мы сидели через стол друг от друга в кабинете ЦК, на четвертом этаже. Григорий Васильевич говорил, я — слушал. Мое мнение ему, казалось, неинтересно. Он выговорился до конца и, привстав на стуле, подал руку:

— Ну, трудитесь!

Позже мне довелось по этому же поводу бывать на приеме у Нины Леоновны Снежковой. Здесь все было наоборот. Я говорил, она слушала и чуть заметно улыбалась, глядя то ли на меня, то ли куда-то мимо меня. Я говорил, не переставая, минут двадцать, если не все тридцать, а она за все это время не произнесла и слова.

Наконец мое красноречие иссякло, я умолк и посмотрел на нее, наверное, с видом победителя: «Ну, ведь правда «Неман» надо делать ежемесячником?» А Нина Леоновна... Нина Леоновна с той же улыбкой привстала с места и подала руку:

— До свидания!

И — ни слова больше. Даже не сказала обычное, стереотипное и, в сущности, ни к чему не обязывающее, что мы, дескать, здесь подумаем, посоветуемся. У меня сложилось впечатление, что наша периодичность ей, как говорится, до лампочки.

Но неудачи нас не обескураживали. Мы были молоды и по-молодому упорны. Я попросил экономистов издательства прикинуть, какой тираж требуется, чтобы журнал, ежемесячник объемом 12 печатных листов окупал себя. Эта, экономическая сторона дела была очень важна. В разговорах на разных уровнях нам нет-нет да и бросали упрек:

— Вы и сейчас-то сидите на шее у государства...

Результаты прикидок оказались настораживающими. Нам надо было набрать минимум сорок тысяч или даже чуть больше, не помню точной цифры. Сможем ли? Пошел в республиканское управление по распространению печати, поговорил с некоторыми работниками, как о деле решенном, они здраво рассудили:

— Мы, со своей стороны, поможем, но, вообще-то, все будет зависеть от вас, от редакции. Сделаете интересный журнал — появятся и подписчики!

Выходило прямо по Ильфу и Петрову: спасение утопающих — дело рук самих утопающих...

VI

У нас сложилось впечатление, что с ежемесячником ничего не выйдет. Казалось, никто, кроме нас, работников редакции и авторов, не заинтересован в этом.

Тогда нам пришла в голову мысль (не помню, кому первому), не лишенная интереса: сделать «Неман» журналом межреспубликанским. Река Неман берет начало в Белоруссии, течет через Литву... Пусть и журнал «Неман» объединяет литературы трех братских республик — Белорусской, Литовской и Латвийской. Эстонию мы не брали в расчет. Она ближе к Ленинграду, где достаточно литературно-художественных изданий.

Но эта мысль не встретила поддержки, прежде всего, в Союзе писателей. Помню, однажды Иван Шамякин пришел зачем-то в журнал «Полымя», располагавшийся рядом. Я пригласил его к себе в кабинет и завел речь на эту тему. Иван Петрович выслушал, глянул на меня несколько ошарашенно — он, наверное, не ожидал такого оборота, — и вдруг... рассмеялся:

— Межреспубликанский журнал? А где он будет выходить?

— В Минске, разумеется. У нас здесь хорошая полиграфическая база.

— Хорошо. А печатать литовцев и латышей?

— И белорусов, — говорю. — Своя рубашка ближе к телу. Давайте, Иван Петрович, сочиним соответствующую бумажку и отправим в Москву. Мне кажется, они там охотно пойдут на это.

— Кто это «они»?

— Ну, Марков, другие секретари. Мы сегодня же подготовим проект письма, а завтра я загляну к вам.

— О, нет! Так не пойдет! О том, чтобы «Неман» стал ежемесячным, не возражаю, похлопотать надо. Но пусть уж он останется республиканским журналом. Нам он не помешает.

— Иван Петрович?

— Да, да, республиканским и только республиканским!

На этом разговор и кончился.

Но, как говорится, нет худа без добра. Я не отступал, частенько ходил то в отдел культуры, то в отдел пропаганды ЦК Компартии республики. Как мне показалось, там моей идеей заинтересовались больше, чем в Союзе писателей. А тут и случай подвернулся. Василия Филимоновича Шауро переводили в ЦК КПСС, на должность заведующего отделом культуры, и он, как говорили, мог «порадеть родному человечку». И вот однажды меня приглашает на разговор Савелий Ефимович Павлов. Я был уверен, что разговор, касающийся периодичности, рано или поздно состоится, и был готов к нему.

— Посмотрите, Савелий Ефимович, при тираже сорок тысяч с небольшим журнал становится рентабельным, а дальше уже начнет давать чистую прибыль...

— А вы уверены, что вам удастся набрать такой тираж?

— Если бы не был уверен, то не стал бы городить огород, — отвечаю.

Снова все обсуждаем, взвешиваем, прикидываем. Чувствую, что Павлов начинает сдаваться, и становлюсь еще более напористым. Моя напористость и уверенность в том, что «Неман» при увеличении периодичности и объема до 12 печатных листов может стать сначала рентабельным, а потом — со временем и прибыльным изданием, опрокидывает последние сомнения.

— Ну что ж, будем хлопотать!— сказал под конец Павлов.

А недели через полторы-две он же, Павлов, позвонил мне и сказал, что решение принято, альманах «Неман» с нового — 1966 — года становится ежемесячным журналом, объем увеличивается до 12 печатных листов, — поздравляю. Было это — я хорошо помню — накануне октябрьского праздника. Мы, работники редакции, в тот день долго не расходились по домам. Собирались кучками, судили-рядили, каким должен быть журнал. Придя домой, я сел «на телефон» и стал обзванивать авторов, интересуясь тем, что они могут нам предложить в ближайшие дни. Мне хотелось, чтобы первый номер ежемесячного «Немана» отличался не только объемом, не только обложкой, но и, что, конечно же, еще важнее, своим содержанием.

Продолжение следует.

Меню для «толстых» журналов

«Нёману» — 65. Дата, конечно, не круглая, но не настолько, чтобы не вспомнить о ней совсем. А еще — чем не повод порассуждать о месте и роли «толстых» литературных журналов в нынешней жизни общества, о том, что их ждет в обозримом будущем, и наконец, о том, как привлечь к себе большее количество читателей.

Сегодня часто можно услышать, что литературные журналы как уникальное явление не только культурной, но и общественной жизни вряд ли вернут свои былые позиции. И речь идет, естественно, не только о белорусских изданиях.

Один мой знакомый венгерский переводчик рассказывал, что в 50-е годы прошлого века журнал «Nacy Világ», специализирующийся на публикациях зарубежной литературы, в некоторых интеллигентных семьях выписывали по два, а случалось, и по три экземпляра: условно говоря, бабушка, бывшая учительница, выписывала для себя, ее дочка, преподавательница университета, для себя, и внук, студент ВУЗа, тоже для себя. Увы, признался он, такого давно нет.

С сожалением надо признать, что такого уже нет нигде. В том числе на всех просторах бывшего СССР — когда-то самой читающей страны мира.

А то, что происходит с некогда популярнейшими «толстыми» российскими журналами, чьи тиражи за короткий срок опустились с отметки в полтора миллиона экземпляров до отметки ниже 10 тысяч (а некоторые — ниже 3 тысяч), вообще, казалось бы, не поддается никакой логике. Впрочем, ничего невероятного здесь, увы, нет, если смотреть на проблему шире, выходя за рамки самих изданий. Знаменитый русский журнал «Современник», когда одним из его ведущих сотрудников был Белинский и когда в нем печатались произведения Толстого, Тургенева, Гончарова, выходил тиражом всего лишь 3100 экземпляров (и при этом, правда, приносил доход). Так ведь в то время большая часть населения Российской империи была неграмотной и, соответственно, количество библиотек было мизерным. Наш старейший отечественный журнал «Полымя» в 1961 году, когда начинался расцвет белорусского романа, выходил тиражом 3600 экземпляров — ненамного больше, чем сейчас. И буквально за десять лет его тираж достиг 11 тысяч. С чего бы вдруг, если произведения Мележа, Шамякина, которые в нем тогда печатались, едва ли не сразу выходили отдельными книгами? Но давайте вспомним: в начале 70-х у нас начался переход к всеобщему среднему образованию. Стремительно росло количество средних специальных заведений. Открывались новые ВУЗы, а некоторые институты преобразовывались в университеты. Все это вело к открытию новых библиотек и расширению фондов уже работающих. К подписке на журналы активно подключились сельские библиотеки и средние школы.

Нужно ли напоминать, что «заоблачные» тиражи появились во времена книжного бума и, как следствие, книжного дефицита. В свое время публикация в «Нёмане» Габриеля Гарсия Маркеса сыграла не последнюю роль в увеличении тиража нашего издания почти до 200 тысяч экземпляров. А вскоре на страницы журналов хлынул поток некогда запрещенных и полузапрещенных художественных и документальных произведений, острой публицистики на темы, о которых еще недавно вслух говорить было невозможно. Литературные журналы стали действительно массовыми, конкурируя с бульварной литературой

и желтой прессой, что, в общем-то, для них несвойственно и неестественно. А что неестественно, то, как правило, недолговечно. Это понимали все, но едва ли кто мог предугадать вскоре начавшийся отток самого преданного подписчика — интеллигенции, включая культурную и научную элиту. Возможно, отчасти это «недосмотр» самих журналов, отчасти — причина в серьезной литературе вообще, которая стала бысто сдавать свои позиции, с одной стороны, уступая «место под солнцем» другим видам искусства, с другой — растворяясь в нахлынувшем потоке бульварного чтива и, что еще хуже, графоманства, которое, выдавая себя за оную, ее же больше всего и дискредитирует в глазах читателя.

Впрочем, было бы неверно говорить, что десятилетиями привязанный к литературным журналам читатель теперь от них в большинстве своем отказался. Кто-то по-прежнему выписывает, многие берут в библиотеках. Берут и сразу после выхода очередного номера, и позже: время куда опаснее для гламурных изданий, ведь очередной «жареный факт» больше всего востребован, пока он «горячий». Поэтому роль библиотек в поддержке литературных журналов, а следовательно, в поддержке и пропаганде отечественной литературы, действительно, трудно переоценить. Нам — авторам, сотрудникам редакций — только бы не воспринимать эту поддержку как нечто должное, само собой разумеющееся и хотя бы чаще находить возможность высказывать свою признательность всем, от кого зависит жизнеспособность наших изданий.

Нельзя не замечать другую проблему, которая с годами чувствуется все острее. Дело в том, что основной читатель традиционных литературных журналов, увы, стареет. То есть, чем он моложе, тем его меньше в процентном соотношении. Пока что к этой проблеме мы относимся по-философски, как к природным полезным ископаемым: все понимают, что они рано или поздно закончатся, но большинство надеется, что на наш век хватит, а там что-нибудь придумается. Вот и главный редактор журнала «Новый мир» Андрей Василевский в одном из своих недавних интервью на вопрос «Будут ли читать «толстые» журналы лет через десять?» ответил: «Через десять лет «толстые» журналы, возможно, будут существовать, а возможно, не будут. Кто доживет, узнает». Согласитесь, непривычно слышать такой пессимизм из уст главного редактора некогда популярнейшего российского издания.

Между тем творческая молодежь постепенно переходит на альтернативные «источники духовного питания». В первую очередь, это, конечно, Интернет, хотя, что касается бумажных изданий, то и тут у молодежи свое видение «форматности» тех же журналов, которое, впрочем, тоже далеко не бесспорно. Однако дело не только в небесспорности. Попытки во имя спасения «переформатироваться» могут не только не прибавить новых читателей, но и привести к потере старых. Журнал «Крыніца», несколько раз до неузнаваемости менявший свое лицо, одно время слыл изданием для интеллектуалов. И хотя в его адрес звучало немало хвалебных отзывов, тираж его оставался крайне низким. Вместе с тем, был в не слишком долгой истории этого издания и другой период — самый первый, когда из киосков оно исчезало буквально за несколько дней. Правда, тогда журнал не являлся литературным в прямом смысле этого слова, поскольку собственно литература занимала в нем меньше половины объема. Казалось бы, что ж тогда сравнивать его с другими — «толстыми» — журналами или то время с нынешним. Но в том-то и дело, что вне зависимости от своей направленности, от времени, в котором они существуют, *все* журналы обречены на постоянный поиск интересных публикаций. В нашем случае — на постоянный поиск интересных публикаций в жанре прозы, поэзии, драматургии, публицистики. Публикаций, которые несут в себе нечто новое — темами, фактами, образами, стилем. Которые заставляют задуматься, вызывают споры. Которые сразу же после написания не занимают место в конце длинной очереди, чтобы попасть на страницы издания, а вначале конкурируют с другими за право появиться в ней, и тогда очередь становится значительно короче, а само издание — в итоге — значительно

интереснее. Не будет этого постоянного поиска, а главное, его результатов… нет, журналы как явление в литературной жизни общества не исчезнут. По крайней мере, думается, ни через десять, ни через двадцать лет, пока у них есть важные преимущества перед схожими по своим задачам интернет-изданиями. Но слабых заставят подвинуться. Другие. Может, совершенно новые. Может, как раз и появившиеся потому, что можно «подвинуть». В последнее время в российской литературной прессе не раз писалось, что «Дружба народов» на грани исчезновения. Как случилось с журналами «Детская литература», «Литературное обозрение», «Юность». И вместе с тем, появились «Новая юность», «Новое литературное обозрение». Появился журнал «Что читать», тираж которого, по крайней мере, в 2009 году составлял в среднем 50 000 экземпляров. Кстати, новых литературных журналов у нашей ближайшей соседки в последние десятилетия появилось немало. Среди последних — уже достаточно нашумевший журнал «Сноб», то ли бросивший вызов традиционным «толстым» журналам своей необычной, под стать гламурным изданиям, версткой, многочисленными рисунками и фотографиями, то ли бросившийся спасать русскую литературу для широкого читателя.

Но мы смотрим в будущее «Нёмана» с оптимизмом. Мы верим в себя и в своего читателя. Ведь тираж хоть и главнейший показатель популярности, однако только лишь по нему нельзя судить о значимости издания. А если добавить к тиражу бумажной версии журнала количество интернет-пользователей, которые посещают страничку «Нёмана» во всемирной сети на протяжении каждого месяца и количество которых, мы уверены, будет постоянно расти, то появляется повод для еще большего оптимизма. Что ж, мы вступили в эпоху информационных технологий, где уже огромное количество потребителей отдает предпочтение электронным средствам массовой информации. С этим нельзя не считаться. Но и тот, кто предпочитает традиционную форму чтения, должен получать от этого не только духовное, но и эстетическое удовлетворение. О чем мы тоже стараемся не забывать.

Ежедневно на адрес «Нёмана» приходят письма с новыми произведениями. Благодаря возможностям электронной почты нам регулярно приходят стихи и проза из России, Украины. Время от времени в редакцию пишут из многих других стран, включая далекие нам Японию и Австралию. Но, конечно же, несравненно большее количество произведений приходит из разных областей Беларуси — нередко от совсем неизвестных авторов. Кто-то просит, а кто-то требует его напечатать, полагая, что именно он может заменить читателю ушедших классиков. Кто-то предлагает делать регулярные обзоры поэзии и прозы, чтобы хотя бы увидеть в журнале свое имя. Увы, есть и такие, кто в отместку за, мягко говоря, не совсем положительную оценку редакцией его произведений пишет жалобы в различные инстанции. Иногда при этом сам превращается в критика и обрушивает свой гнев на опубликованные в журнале произведения других авторов. Хоть давно известно: в гневе трудно сохранять объективность. Но мы не в обиде и каждого готовы внимательно выслушивать. Ведь это, кроме всего, наши читатели, каждый из которых, в конечном итоге, соглашается с нами в главном: на страницах журнала должно печататься лишь то, что написано талантливо, что может вызвать читательский интерес — будь то творчество молодых, которым, несомненно, нужна особая поддержка, или умудренных жизненным опытом писателей. С этой уверенностью мы входим в Новый 2011 год и очень надеемся, что он подарит нам и новых интересных авторов, и новых, неравнодушных к современной литературе, читателей.

Алесь БАДАК,
главный редактор журнала «Нёман».

Элитарность «толстых» журналов

Роль «толстого» литературного журнала в нынешнем столетии изменилась. Очевидно, что сегодня «толстяк» уже не «наше все», как это было в эпоху информационной анемии и сразу после того, как Железный Занавес дружно сдали на металлолом. Что же такое «толстый» журнал сегодня — культурное гетто для не покорившихся агрессивному гламуру ценителей высоколобой словесности или «ведомственное издание» для литераторов?

Для просвещенного читателя космос литературного журнала обустроен как нельзя лучше: под одной обложкой он найдет и густозаселенную планету добротной прозы, и искрящееся созвездие поэзии, и публицистику, осеняющую злободневность, точно кольца Сатурна. Нет здесь только заглатывающих внимание зрителя-читателя черных дыр рекламы, нет метеоритного дождя нуворишского «новояза», нет искусственного солнца гламура. Нет навязчивого стремления заработать побольше денег, стремления, которое уже и не стараются прикрывать фиговым листком «заботы о читателе» новые глянцевые журналы и некоторые газеты. И просвещенного читателя эта аскетическая старомодность и «традиционность» литературного журнала очень даже обрадуют.

Фактически литжурнал — это последний бастион, не сдавшийся оглушительному натиску тотальной коммерциализации. И это при том, что деньги на его выпуск, разумеется, необходимы, а подписка не может сегодня дать полной самоокупаемости. Но здесь как раз тот случай, когда требование самоокупаемости привело бы к гибели самого явления, его тотальному обессмысливанию и профанации. Самоокупаемость за счет рекламы, снижения планки профессионализма при отборе текстов, размывания эстетических критериев привела бы к катастрофе литературного журнала.

Не секрет, что сегодня на рынок выбрасывается немало текстов, которые отличают элементарная безграмотность, безвкусица, бездуховность. Думаю, их авторы, эти «подельники муз» (перл из стихотворения одного из них), без труда нашли бы деньги, если бы в литературном журнале тексты принимались к публикации за плату, за кв. см или за строку, как принимают объявления в газетах. Тогда литжурналы финансово благоденствовали бы, зато само их существование превратилось бы в фикцию. Коммерческие издательства зарабатывают легкие деньги, совершая своего рода диверсию против хорошего вкуса, но литературный журнал не может себе этого позволить. Мишель Уэльбек называл поэта священным паразитом, имея в виду, что поэт должен быть свободен от зарабатывания денег. Таким «священным паразитом» на теле общества должен быть литературный журнал, потому что первая его задача сегодня — сохранить высокие критерии отбора художественных текстов, быть своего рода эталоном качества.

Вторая, не менее важная задача «толстяка» — дать возможность автору заявить о себе. Ведь большинство из некогда молодых, а теперь уже известных авторов именно так и приходили к читателю — бережно выкладывая своего первенца на простынку литературного журнала. Если возникал резонанс, живая связь с читателем — это окрыляло, давало стимул для дальнейшей работы. Связь эта осуществлялась через редакцию журнала. И лично я не верю, когда в интервью маститые и не очень писатели заявляют, что им безразлично, будет ли кто-либо их читать, а пишут они, мол, исключительно для самовыражения. Писателя *всегда* волнует, что скажут люди с художественным вкусом, близким к эталонному, даже если он в этом не признается. А вкус этот воспитывается в специфической среде, которая существует в редакциях литературных журналов. То есть в наших условиях литжурнал имеет такое же отношение к литпроцессу, какое берега реки имеют к самой реке. Известны случаи, когда еще до выхода книги журнальная публикация получает широкий общественный резонанс, становится обсуждаемым явлением. Это ли не показатель того, что литжурнал востребован?

И стоит ли жалеть о «дезертировавших» читателях, которые предпочли Интернет, легкое чтиво, разнообразные ток-шоу и рекламные приложения к популярным газетам? Думаю, не стоит. «Толстый» журнал не должен «догонять и перегонять» глянцевые издания ни в попытке урвать кусок коммерческого пирога, ни в «борьбе» за массового читателя. Он должен принять свою элитарность как данность и гордо нести звание журнала для просвещенного, то есть высококвалифицированного читателя. Не перевелась еще, к счастью, такая порода людей.

Алена БРАВО, писательница.

Всему свой час, всему свой срок…

Этим, в принципе, я и высказал свое мнение о судьбе литературных журналов (печатных). Свою роль, по-моему, выдающуюся, в судьбе не одного поколения людей Российской империи, Советского Союза, да и в судьбе независимой Беларуси они сыграли, притом, весьма и весьма достойно. Трудно переоценить то, что было сделано писателями, поэтами, публицистами. Не перечислить и всех имен, кто через слово, в данном случае журнальное, воспитывал, учил и наставлял людей. Возможно, не всегда на путь истинный, или точнее сказать, правильный, но всегда на единственно возможный — жить, часто вопреки обстоятельствам, но — жить, превозмогать, побеждать, оставаться человеком. Чего бы это ни стоило — Человеком! Уже только за это — низкий поклон Слову, а значит, и литературному журналу, что нес слово писателя в массы.

Тут невольно вспоминается рассказ моего московского товарища, прекрасного русского поэта, переводчика, а теперь не менее успешного эссеиста и энциклопедиста Петра Кошеля, нашего земляка, которому в силу не зависящих от него причин с трех или четырех лет пришлось жить на Сахалине. Романтик, впечатлительная натура, жаждущая знаний, каким и должен быть начинающий поэт, он рано приобщился к чтению. Возможно, свою роль сыграла и болезнь, которую ему довелось пережить в пятилетнем возрасте. Она дает знать о себе на всю жизнь тяжелой хромотой. Но ни о каких поблажках думать не приходилось — послевоенный сахалинский поселок, населенный потомками каторжан, вчерашних советских зэков и ссыльных поселенцев, жил по своим неписаным правилам: закон — тайга, а прокурор — медведь. Не туда ступил — задерет, раздавит, как букашку! А вчерашний белорусский хлопчик не только приобщился к чтению, но и сам стал писать. Правда, первые его стихи были не о пионерах-ленинцах, не о счастливом детстве в стране Советов… Не до сказок было — юный поэт Петя Кошель, чтобы почитать свежий номер журнала «Юность», шел в райцентр пешком — 16 километров! Представьте себе одинокого пацана, да еще хромого, идущего по зимнему сахалинскому проселку в 30—40-градусный мороз, лишь только затем, чтобы взять в библиотеке очередной номер «Юности». Вот что значил в судьбе многих поэтов и писателей послевоенного поколения литературный журнал…

По этому проселку каких-то полвека назад так вот ходили беглые каторжане. А что, для юного сахалинского поэта эта дорога была не каторгой, пускай себе и в ином проявлении? Вот уж воистину: тернист путь познания...

Теперь приведу пример из своей «поэтической юности». Я рос в семье вчерашних крестьян, бежавших в город от «счастливой колхозной жизни». Мой отец, как я теперь понимаю, всем нутром не любил коллективизм, в любых его проявлениях. Ему, православному, пришлось служить в польской армии при маршале Пилсудском и сразу после смерти его, когда все не католическое в Польше жестоко подавлялось. Вся черновая казарменная (и не только!) работа в той польской армии доставалась «жолнежам з крэсув». Затем — воссоединение Белоруссии и другая, не менее тяжкая для людей верующих напасть — советский атеизм со всеми вытекающими из этого последствиями. Правда, совсем не по этой, но все же по совершенно

надуманной причине отца вскоре арестовали, и до прихода в Пинск немцев пришлось ему, как не любил он вспоминать, почти год спать на бетонном полу в камере местной тюрьмы. Что интересно, немцы, оккупировав Пинск, далеко не сразу отпустили советских арестантов, а эксплуатировали (совершенно не кормили!) на восстановлении железной дороги. Полтора месяца отец терпел уже фашистов, а потом, как он говорил, решил: подыхать так подыхать, но не на каторге! И сбежал в лес. После оккупации — Красная Армия и возвращение в пустой дом. Увы, и коллективизация не наполнила этот дом изобилием…

Короче говоря, я, пятый в семье ребенок (двое умерли в раннем детстве), родился уже в Пинске — в год смерти Сталина, в день расстрела Берия. Работы в городе не хватало, особенно женщинам, поэтому, чтобы прокормить семью, мать держала за рекой корову — доить ее переплывала на другой берег на лодке, часто со мной в подоле. Жили мы на зарплату отца, тягавшего на местном фанерно-спичечном комбинате вагонетки, груженные шпоном. Работал в три смены. Получал за это советский рабочий минимум — 60 «хрущевских» рублей. Летом после ночной косил в болоте за Пиной все, что зимой шло на корм корове. Словом, ни о какой подписке на журналы я просить родителей даже не помышлял. Зато в моем славном детстве и отрочестве было такое прекрасное занятие — сбор макулатуры! Свою первую в жизни награду я получил именно как отличившийся на сем мероприятии — это была благодарность руководства школы за отличие в работе по сбору и сдаче макулатуры…

Никогда не забыть мне и огромный сарай в школе № 1 Пинска (ее в городе звали «сталинской»), куда сносили огромные тюки из старых газет, журналов и книг. В седьмом классе в этот сарай я и повадился ходить с мешком поздними вечерами. Занятий уже не было, а сторожа я умудрялся не тревожить. Так в сарае, уже на отцовском дворе, оказывались подшивки газет «Знамя юности» и «Чырвоная змена» (в них были интереснейшие литстраницы «Радуги» и «Крыніцы»), комплекты журналов «Юность», «Новый мир» (еще в твердом переплете), «Знамя», «Октябрь», «Москва», «Нева», «Звезда Востока» и, конечно же, наших родных — «Нёмана», «Полымя», «Маладосці»… Читал я просто взахлеб! Больше всего, разумеется, стихи. Я знал наизусть бесчисленное множество стихотворений, имен поэтов, прозаиков, критиков. Как таковую критику я не читал, а вот рецензии на книги, в первую очередь, конечно же, стихов — да, с огромным интересом! Мое чтение, увы, заканчивалось выволочкой: уроки-то не учил или почти не учил. А еще — словами отца: «Щоб ты такый справный був до вучобы, як до гэтого смиття!..» И заставлял меня относить мое богатство обратно…

Нет, для меня и сегодня литературные журналы не «смитте»… И все же смею заметить (с большим, преогромным для меня прискорбием!): литературные журналы как таковые (печатные) уходят из жизни человека. И уход этот, увы, неизбежен. Не так давно, каких-то 20—30 лет назад, в московском метро (думаю, не только в московском) чуть ли не повально читали книги, журналы. Теперь в основном люди едут, уставившись в сотовые телефоны и щелкая по кнопкам. Но все чаще видишь молодых людей с гаджетами — маленькими экранчиками, на которых тексты художественных книг, учебников… В гаджет можно впихнуть всю нашу брестскую областную библиотеку, собрания сочинений классиков и прочее.

Молодежь — с мини-плеером и наушниками. Можно слушать музыку и аудиокниги.

Аудиокниги — нововведение в медийном мире. В Интернете ты можешь скачать сейчас почти любую книгу в читке — актерском исполнении. От пушкинского «Евгения Онегина» до современных романов модного в Москве Алексея Иванова. Президент России Владимир Путин как-то сказал, что он по пути на работу в машине слушает «Историю государства Российского».

Я, например, с удовольствием послушал «Новую зямлю» в записи белорусского актера Владомирского. Когда-то Белорусское радио записало — не пропало, слава Богу. А теперь востребовалось. Судя по статистике, в месяц поэму слушают

человек 40. Теперь почти любую запись можно скачать на диск и слушать, лежа на диване, в транспорте по дороге на работу, в институт...

Научные журналы постепенно переходят в Интернет. Действительно, зачем тратиться на типографию, макет, рассылку? Выставишь в сеть — и пожалуйста, журнал прочитают во всем мире, пришлют отклики, замечания, происходит непосредственное общение… Разве плохо?

Всему, как говорится, свой час, свой срок. Думаю, даже уверен в этом, на смену печатному литературному журналу придет его аналог в электронном варианте. Сегодня же следует подумать о другом — как привить интерес к чтению художественной литературы (не к фэнтези и прочей словесной шелухе) школьникам, студентам, молодежи вообще, где молодые люди будут читать романы, повести, рассказы и стихи, это, по-моему, не суть важно. Куда важнее — читали бы…

Валерий ГРИШКОВЕЦ, поэт.

Издатели и читатели:
будет ли взаимным интерес

70—80-е годы XX столетия можно назвать золотым веком литературных журналов. Их тиражи достигали немыслимых, по современным меркам, показателей — сотни тысяч экземпляров. В лучшие годы даже наш белорусский русскоязычный журнал «Нёман» достигал более 140 тысяч экземпляров. Его знали во многих республиках Советского Союза. А уж про московские издания, такие, как «Новый мир», «Наш современник», «Октябрь», и говорить нечего. Была одна проблема: не все желающие могли получить заветный талон на подписку. Читателей было гораздо больше указанных тиражей, так как некоторые номера журналов передавались из рук в руки — если произведение было талантливым, вызывало интерес у читающей публики. А ее круг был довольно широким — старшеклассники, студенты, учителя, инженеры, ученые, рабочие, домохозяйки...

И вот мы уже на пороге второго десятилетия XXI века. Таких разительных перемен по отношению к серьезной художественной литературе, к печатным литературным изданиям никто не мог предсказать. Как быстро изменились вкусы и деградировали пристрастия! Пользуются спросом приключенческая и любовная тематика. И какого качества! Детективы — не самые закрученные, любовные истории — примитивные. Никаких душевных терзаний героев, свойственных лучшим образцам мировой литературы. Все больше появляется печальных прогнозов о том, что телевидение, Интернет вытеснит всю печатную продукцию, что у людей вообще книги и журналы не будут пользоваться спросом. Приводят в пример европейские страны, где книгу в среднем покупают не чаще, чем раз в год, а периодические издания выживают лишь благодаря рекламе, спонсорам или откровенной «желтизне», скандальности и сенсациям. А что по этому поводу думают наши коллеги, те, кто непосредственно занимается литературой, изданием журналов в других странах?

«Журналы — чтение для думающих людей»

На вопросы редактора отдела публицистики журнала «Нёман» **Татьяны Кувариной** отвечает гость редакции заместитель главного редактора российского журнала «Наш современник» писатель **Александр Казинцев.**

— *Не всем в Беларуси известно, что «Наш современник» в настоящее время самый многотиражный среди других старейших литературных журналов, издающихся в России. Не могли бы Вы вкратце рассказать о сегодняшней ситуации подобных изданий в РФ?*

— Тиражи упали в разы. В 1991 году у нас было более 300 тысяч подписчиков. Сейчас всего 9 тысяч. У других изданий упали еще сильнее — «Новый мир» имел тираж под миллион. Сейчас около 5 тысяч. Мы — первые по тиражу среди «толстых» литературных журналов. Но на фоне общих катастрофических потерь это слабое утешение.

В чем причина? Причин, как всегда, много. Тиражи упали в разы, а цены на журналы поднялись. Ведь и затраты на полиграфическую продукцию выросли безмерно. А кто основной читатель серьезной литературы? Интеллигенция. Нищая, к тому же ошеломленная изменением своего статуса.

Давно ли школьники писали в анкетах: «Хочу стать ученым, преподавателем, врачом, писателем?» Я читал интереснейшие исследования на сей счет: анализ ответов нескольких поколений старшеклассников. В 90-е годы приоритеты изменились в корне: никто не хочет быть ученым или писателем, все мечтают о карьере банкира или чиновника. И это сказывается на самосознании интеллигенции. Она деморализована.

Люди не хотят думать. Им больно думать. А «толстые» литературные журналы — чтение для думающих людей. Наверное, здесь главная причина падения интереса к изданиям такого рода.

— *Как вам удается удерживать, пусть и не такие огромные по советским меркам, но все же большие тиражи?*

— И все-таки мы своего читателя сохранили. Не было бы счастья, да несчастье помогло. В 90-е годы большинство бедствовавших журналов взял на содержание небезызвестный Фонд Сороса. То были западнические издания. Нас, патриотов, Фонд, естественно, поддержать не пожелал. Мы жили на одну подписку. Но зато всё знали о нашем читателе: что его интересует, чего он опасается, как изменяются его настроения.

В начале нулевых Сорос прекратил поддержку «своих» изданий. А контакты с читателями они утратили! Поэтому их тиражи сократились столь резко.

Когда редакция собирается на новогоднюю пирушку, первый тост всегда поднимаем за нашего читателя. Конечно, не только потому, что он нас кормит — в прямом смысле слова, но и потому, что многие годы он поддерживает нас. А мы по мере сил поддерживаем его.

— *Проводите ли вы исследования о том, что в вашем журнале наиболее привлекает читателя — проза, поэзия, публицистика?*

— Специальные исследования мы не заказываем — дорогое удовольствие. В редакцию приходит немало писем — несколько тысяч в год. Мы гордимся этой живой связью. Обязательно публикуем большие подборки в майском и сентябрьском номерах. Так вот, мнение читателей единодушно. На первое место они ставят публицистику. Не скрою, мне это приятно. Ведь я отвечаю за этот раздел и сам много пишу для журнала. В январе 2011 года исполняется 20 лет, как я веду авторскую рубрику «Дневник современника».

— *Пессимисты утверждают, что литературные издания доживают свой век. А Вы из разряда пессимистов или оптимистов? Каким Вам видится литературный журнал XXI века?*

— Изначально литературные журналы не просто предоставляли место авторам на своих страницах. Они поддерживали талантливых писателей, в том числе материально, пропагандировали их творчество, участвовали в формировании их общественно-политической позиции. Андрей Александрович Краевский не просто печатал «Героя нашего времени» Михаила Лермонтова в «Отечественных записках», он чуть ли не в каждом номере называл его лучшим писателем своего времени. Издатель Михаил Никифорович Катков посылал за границу деньги

Достоевскому за еще не написанный роман. Не будь этих переводов, роман так бы и остался недописанным.

Между прочим, вся русская классика (за исключением поэмы-романа «Мертвые души» Николая Гоголя, которые писатель сразу издал отдельной книгой) впервые пришла к читателям со страниц журналов. И это лучший довод в пользу их существования.

Индикатор состояния литературы

Конечно же, для обсуждения этого вопроса стоило бы привлечь опыт Сербии. Хотя бы потому, что сербов и белорусов примерно по 10 миллионов, причем, и у них, и у нас около пятой части всего населения собралось в столице, где тоже сконцентрированы все основные институты культуры, союзы творческих деятелей, писателей в том числе.

Одним словом, у наших стран, народов, культур и литератур много общего и сходного. Но, как я понимаю, и в типологическом сравнении сейчас для нас важнее выделить не сходства, а отличия. (Следует изначально оговориться: я не собираюсь ни оценки расставлять, ни советы давать, а всего лишь готов, проводя сравнение, поразмышлять вслух.)

Так вот, самое заметное и в связи с предметом разговора наиболее существенное: литературных изданий братья-сербы имеют едва ли не на порядок больше (хотя численность Союзов писателей примерно одинакова). И должен подчеркнуть, что так, как у нас, государство не финансирует практически ни один литературно-художественный журнал. Если поддержка оказывается, то в форме временных грантов, на конкурсной основе. Ясно, что учредителям таких изданий не до жиру. Но журналы живы и, как правило, обещают быть таковыми в будущем тоже. Каким образом они выживают? Да просто стараются не сдавать позиций, реально оценивая все возможности и потребности. Например, большинство редакций состоит из 2—3 человек. Кстати, «Збила» издают два человека — муж и жена, и в редакции органа Союза писателей Сербии «Књижевне новине» (аналог нашего «Ліма», объемом в 24/ 36 страниц), на постоянной основе содержится три сотрудника.

В связи с этим сербские коллеги удивляются столь благоприятным нашим условиям, которых они не знают уже почти полвека. Хотя при этом непременно подчеркивают свою независимость.

Разумеется, и там каждый случай — «вещь в себе». Однако есть некоторые моменты общего характера, существенные как в сербской ситуации, так и в белорусской. Вот их-то, пожалуй, нельзя игнорировать.

Первое, что требует самого серьезного внимания, — это идея периодического издания, его концепция, а следовательно, и конретный адресат, и основные функции. Кстати, само французское слово «журнал» у нас оказалось переосмысленным, и в советскую эпоху за всеми журналами, включая литературные, закрепились функции «домысленные».

Чтобы не уйти далеко в отвлеченно-общие места, в качестве самой близкой и крепкой зацепки воспользуемся привычным для нас понятием «орган». А ведь если развернуть его, то получается, что система органов — с самыми разными, но просто необходимыми — составляет организм. Чем лучше функционируют все органы, тем крепче организм. И наоборот, если организм в целом нездоров, ослаблен, то и органы сдают. Соответственно, могу свидетельствовать, что сербская литература, несмотря ни на какие испытания, представляет собою организм, сохраняющий поразительные жизненные силы и потенциальные возможности. А это не в последнюю очередь зависит и от функционирования органов его. Разных, и активных. Литературная периодика с давних времен изда-

ется по всей Сербии. Естественно, особый статус у тех, которые прошли, как говорится, большой и славный путь, — например, «Српски књижевни гласник». Но не только. Взять, скажем, и более новые, с которыми я лично имел связи: «Књижевност», «Мостови», «Савременик», «Источник» (Белград), «Летопис Матице Српске» (Нови Сад), «Багдала» (Крушевац), «Градина» (Ниш), «Стремљења (Приштина), «Руковет» (Суботица)…

Есть и просто непостижимое для нашего ума. К примеру, то, что свой журнал, отражающий состояние литературы, искусства и культуры, под названием «Стиг» выходит уже 40 лет в селе (!) Мало Црниче. А совсем неподалеку, между прочим, в городке Костолац с населением около 10 тыс. человек на протяжении 8 лет выходит свой журнал — «Мајдан», и в центре области, Пожаревце — свой, «Браничево»… Причем, все они, как и перечисленные выше, именно «толстые» журналы. И подобное отнюдь не редкость. Вот совсем недавно я получил очередной номер журнала «Натрон» из глубинки Банатского края.

А на вопрос, как же они существуют, пожалуй, невозможно ответить без другого вопроса: кому и зачем они нужны? Во всяком случае, не только публикующимся авторам. Хотя им, разумеется, тоже. Эти издания оказываются востребованными на разных уровнях как «особенно отражающие свою среду во времени». Кстати, мы на первое место обычно ставим время. А среда (в разных смыслах) остается если не совсем без внимания, то на заднем плане. Поэтому у нас преобладает нивелированность, стереотипность. А значит, и не мог появиться такой, как у сербов, уникальный журнал «Расковник» — который культивирует словесное творчество народа не как «элемент наследия», бог весть кому нужного, а как незаменимый фактор развития национальной культуры, и особое внимание уделяет так называемой «наивной поэзии».

Разбираясь, чем каждый из сербских журналов привлекает читателя, в итоге получаем вроде бы всем понятное, универсальное: учетом меняющихся запросов, значимыми произведениями, интересными авторами... Но в связи с авторами у них давно сложившаяся традиция: создавать для особо авторитетных специальные рубрики и колонки, которых постоянные читатели ждут прежде всего, чтобы знать позицию Добрицы, Матии, Предрага и т. д. Конечно же, значительное место отводится дискуссиям, в которых принимают участие все желающие и зантересованные, чтобы таким образом установить общение «авторы — читатели».

Короче говоря, мне лично сербский опыт показал, что многое зависит от журнала — «органа», если он должным образом выполняет функции глаза — хотя бы как зеркала души (не только автора, но и народа), а потому — также индикатора состояния организма. И уж совсем хорошо, если глаз этот способен зорко смотреть вокруг и вдаль… Тогда отношение к нему, как к «зенице ока», со всех сторон само собой складывается безоговорочное: «Беречь!»

Иван ЧАРОТА, член Союза писателей Сербии, академик Сербской Академии наук и искусств.

Проза китайской литературной жизни

Литературная периодика в Китае существует более ста лет. Литературные газеты и журналы как независимые печатные издания появились в Поднебесной во второй половине девятнадцатого века. И, став площадкой для политических дискуссий, формирования и распространения идеологии нового Китая, они на протяжении всего двадцатого столетия играли активную роль в общественной жизни страны. Восьмидесятые годы были переломными для Китая: слабая экономика, большое количество социальных проблем. Именно в таких условиях в стране с неясными перспективами литературные журналы стали властителями дум, выразителями народных опасений и надежд. На одном из форумов

я увидела интересную формулировку. Автор ее охарактеризовал восьмидесятые как монополию литературных журналов. Этот период по праву называют расцветом китайской литературной периодики. Так, в восьмидесятые годы тираж ведущего журнала провинции Шэньси «Янь хэ» составлял сто тридцать тысяч экземпляров. Он был не только самоокупаемым, но и приносил прибыль до двадцати процентов. Сегодня тираж «Янь хэ» — лишь шесть-восемь тысяч экземпляров.

Девяностые принесли Поднебесной стабильность, ориентированность на рыночную экономику и практически полную потерю интереса к литературной периодике. Эта тенденция сохранилась и до наших дней.

В начале 2010 года в Пекине прошел Всекитайский форум, на котором обсуждались вопросы развития литературной периодики. В форуме принимали участие главные редакторы более пятидесяти ведущих литературных газет и журналов, в том числе патриархов литературной периодики «Жэньминь вэньсюэ», «Дандай», «Ши юэ» и других. В Китае зарегистрировано около девяти тысяч наименований периодических изданий, десять процентов из которых посвящены вопросам литературы. Но только 10 изданий из этого числа представлены на прилавках киосков и книжных магазинов. При сложившихся обстоятельствах литературные чиновники всячески избегают вопросов о тиражах. «Я никогда не спрошу главного редактора журнала поэзии, каким тиражом выходит его издание. Это то же самое, как задать женщине вопрос о ее возрасте», — рассказал главный редактор журнала поэзии «Синсин» Лян Пин. Считается, что порогом выживаемости для литературного журнала является тираж в пятьдесят тысяч экземпляров. И только небольшое число изданий способны существовать без значительной финансовой помощи извне.

Сегодня весь международный рынок литературных печатных изданий, несомненно, находится в упадке. К примеру, в августе 2009 года литературный журнал «Ридерз Дайджест» («Reader's Digest»), занимающий третье место в мире по объемам тиражей, объявил о банкротстве своего американского издания. В Китае наблюдаются такие же тенденции. В 2008 году прекратил свое существование известный журнал переводной литературы «И вэнь», первые номера которого в 1934 году редактировал классик китайской литературы Лу Сюнь. За «И вэнь» последовали другие издания: «Тяньцзинь вэньсюэ», «Шао нюй», «Бэнь люй» и т. д.

Китайские писатели, критики и чиновники активно обсуждают сложную и неоднозначную ситуацию с литературной периодикой. В прессе без конца мелькают имена известных людей. Их комментарии относительно будущего «чисто литературных» журналов зачастую очень пессимистичны. Так, влиятельный литературный критик Чжу Дакэ, отвечая на вопрос журналиста, какие шаги он предпринял бы, если б возглавлял издательство или литературный журнал, заявил: «Если речь идет о государственном издательстве, я не хочу примерять эту роль на себя. Но допустим, я с ножом у горла согласился занять эту должность, для начала я бы сделал следующее: во-первых, я бы расформировал это издательство; во-вторых, попытался бы убедить другие государственные издательства последовать моему примеру; в-третьих, подал бы заявление об увольнении и отправился восвояси». Причина такой принципиальной и изначально негативной позиции, на мой взгляд, в недостаточном государственном финансировании. Публиковаться в ведущих литературных журналах по-прежнему престижно, но такое популярное в наши дни выражение, как «коммерческая респектабельность», вряд ли применимо к государственным издательствам и журналам. Важнейший индикатор коммерческой состоятельности издания — авторский гонорар. Газета «Цзинань шибао» попыталась сравнить авторское вознаграждение за литературную публикацию в пятидесятые годы прошлого столетия и сегодня. Газета привела в пример первую часть нового романа-трилогии популярного китайского писателя Го Цзинмина «Цзюэ цзи» («След князя»). Если бы это произведение опубликовали в пятидесятые годы, гонорар составил бы две-три тысячи юаней. При средней

зарплате в сорок юаней в месяц такой гонорар — огромные деньги. В то время можно было купить дом в Пекине за несколько тысяч юаней, писатели такого уровня, как Лао Шэ и Чжан Хэньшуй, жили литературными заработками и считались обеспеченными людьми. «Цзюэ цзи» вышел в свет в 2010 году, за свое произведение Го Цзинмин получил шестнадцать тысяч юаней. Как с горькой иронией отметил журналист газеты «Цзинань шибао», в наши дни за эти деньги и туалет в черте города не купишь.

В этой ситуации решение ведущих журналов об увеличении авторского гонорара, принятое осенью 2010 года, достаточно ожидаемо. Такой шаг был сделан в том числе и в ответ на дерзкое заявление китайской литературной звезды, писателя и блоггера Хань Ханя, который начал выпускать новый журнал «Дучан-туань». Хань Хань пообещал платить авторам от пятисот до двух тысяч юаней за тысячу иероглифов, что в десять-двадцать раз больше стандартного гонорара в других журналах.

Такой способ, как считает Хань Хань, поможет привлечь лучших писателей и критиков и, бесспорно, сделает его издание популярным, а значит, рентабельным. Государственной литературной периодике конкурировать с инициативой Хань Ханя не приходится, потому что даже незначительное увеличение авторского вознаграждения стало серьезным бременем для журналов.

Еще одна тенденция последних лет, направленная на улучшение рынка литературной периодики, — активное внедрение Интернета в литературный процесс. Для книгоиздания специалисты предлагают «оффлайн -— онлайн» модель литературного маркетинга, при которой автора сначала продвигают на страницах Интернета. И если его произведения вызвали интерес у пользователей всемирной сети, издательства выходят на рынок с бумажным вариантом романа. Это гарантированный успех, и книга обязательно станет бестселлером. Даже появился новый, пока еще не вошедший в учебники по литературоведению, термин, — «кликовая литература». Рейтинги популярности произведений формируются по количеству «кликов» — запросов на него в сети.

Го Цзинмину популярности не занимать. И своей известностью, в первую очередь, он обязан Интернету. Го — знаковая фигура для современной китайской литературы. Он не только прославился как писатель, но и сделал себе имя как талантливый бизнесмен в сфере культуры. Его произведения относятся к массовой литературе. Когда его роман опубликовали в журнале «Шоухо», некоторые поборники «чистой литературы» (то есть литературы, противопоставленной массовой) очень негативно отреагировли на сам факт появления имени Го Цзинмина на страницах «Шоуго». Они сделали вывод, что ожидания редакции «Шоуго» не оправдались: роман молодого писателя не смог привлечь внимание более широкого круга читателей к журналу и увеличить тиражи. И литературный журнал не обязательно должен быть успешным коммерческим предприятием и пользоваться спросом у широкой аудитории. Главная задача серьезного литературного журнала — не развлекать читателя, публикуя на своих страницах легкое чтиво, а знакомить его с глубокими и проникновенными произведениями, делая его более человечным, добрым и проницательным.

Трудно себе представить, что литературный журнал можно рассматривать с позиций маркетинговых стратегий и рыночных перспектив. Однако журнал или газета — это культурный продукт, который произведен с целью продажи. Издание журнала — это работа. И сегодня, чтобы результат этой работы был качественным, необходимо учитывать требования рынка. И именно они определяют популярность, востребованность, а зачастую и жизнеспособность того или иного издания. В Китае, где конкуренция изначально очень высокая, это видно особенно четко.

Вероника ЛОЗОВСКАЯ,
магистрантка Пекинского университета, Китай.

Японский вариант

Если говорить цинично, без красивых слов, то журналы существуют лишь потому, что они нужны издательствам. «Чистая» литература, которую мы печатаем, никакого дохода не приносит. Не существует литературных журналов, которые жили бы только за счет своих публикаций, без спонсоров. Мы в вечном, заранее запланированном дефиците. Даже если тираж «Синтё» распродался без остатка, всей выручки едва хватит, чтобы заплатить гонорар авторам, а ведь это не самый основной расход — есть и типография, и распространение, и зарплата сотрудников, и многое другое. И тем не менее издательства почему-то продолжают нас выпускать. Почему? Дело в том, что издательство делает деньги не на журналах, а на издании книг. Даже «чистая» литература может приносить хорошую прибыль, если книга «попадает в цель», а журнал — это возможность проверить реакцию читателей и критиков на то или иное произведение. Кроме того, через журнал издательству удобнее поддерживать контакты с авторами. Журнал позволяет печатать романы с продолжением: писатель закончил очередную порцию и несет ее к нам в редакцию, а к тому времени, когда роман завершен, издательство уже знает, как быть с книжным изданием — какой готовить тираж, сколько денег вкладывать в рекламную кампанию и издавать ли этот роман вообще. Журнальные публикации создают автору и будущей книге хорошее, ненавязчивое паблисити. Так что существуем мы не только ради культурной традиции или в память о былых заслугах.

…Еще каких-нибудь десять-пятнадцать лет тому назад между ведущими литературными ежемесячниками имелись существенные различия. «Синтё», например, был оплотом так называемой «Камакурской группы» — старых, именитых писателей, вошедших в литературу еще в довоенные годы. «Гундзо» представлял авторов среднего поколения, первой послевоенной волны. «Субару» и «Бунгэй» делали ставку на новые имена. Однако старые писатели один за другим ушли, и сегодня японские журналы стали очень похожи друг на друга: печатаем одних и тех же авторов, а если появляется новая звезда, то все дружно на нее набрасываемся. Ясной концепции, пожалуй, ни у одной из редакций сейчас нет. Нет ни у кого ясности и в вопросе о том, каким должен быть современный литературный журнал. Единственная возможность заявить о своей редакционной политике — подготовка спецвыпусков и тематических блоков. Их мы делаем часто, почти в каждом номере. Например, многолетняя традиция «Синтё» — обширные подборки, в которых мы пытаемся осмыслить заново творчество того или иного большого писателя.

…Мы, редакторы, чувствуем свою ответственность, свою миссию. Каждый работает со своим контингентом авторов… У одного редактора от пятидесяти до ста «своих» авторов, с которыми нужно поддерживать постоянный контакт. Это и прозаики, и переводчики, и поэты, и критики, и публицисты. Редакторы занимаются организационной работой, добывают рукописи. Рукописи мы читаем по очереди, часто ездим к авторам, выпиваем с ними, обсуждаем планы на будущее. Решаем, как печатать новый роман — сразу или по частям. Нередко встречи происходят в кафе или в ресторане — это важная часть работы. А новых авторов мы находим так. У каждого журнала существует премия за литературный дебют. Редакторы читают все поступающие на конкурс произведения, отбирают шорт-лист для жюри. Обычно это пять названий. Произведение-победитель, естественно, публикуется в журнале, но нередко находятся перспективные авторы и среди тех, кто премии не получил. Они тоже попадают в наш авторский актив. В «Синтё» две таких премии: одна просто за дебют, вторая специально для студентов. На первый конкурс мы обычно получаем около девятисот рукописей, на второй, студенческий, — около пятисот.

Из интервью заместителя главного редактора журнала «Синтё» Рики Судзуки (Япония) журналу «Иностранная литература» (Россия).

СОДЕРЖАНИЕ ЖУРНАЛА «НЁМАН» ЗА 2010 ГОД

ПОЭЗИЯ

Одно стихотворение

ПРОЗА

Дети войны

«ВСЕМИРНАЯ ЛИТЕРАТУРА» В «НЁМАНЕ»

«СЯБРЫНА»: литература стран СНГ

НАСЛЕДИЕ

К 80-летию со дня рождения Владимира Короткевича

К 65-летию Великой Победы

ДОКУМЕНТЫ. ЗАПИСКИ. ВОСПОМИНАНИЯ

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ПРИОРИТЕТЫ

<u>К 600-летию Грюнвальдской битвы</u>

ВРЕМЯ. ЖИЗНЬ. ЛИТЕРАТУРА

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ РЕЦЕНЗЕНТА

ЛИЧНОСТЬ

НАШИ ЗЕМЛЯКИ

ЛЮДИ. СТРАНЫ. КОНТИНЕНТЫ

КУЛЬТУРНЫЙ МИР

КНИЖНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

ИЗ ПОЧТЫ ЖУРНАЛА

В ГОСТЯХ У РЕДАКЦИИ

Составила Н. ПАРХИМОВИЧ.

Авторы номера

СОЛОМАХА Сергей Владимирович. Родился в 1970 г. в Гомеле. Окончил Гомельский государственный университет им. Ф. Скорины. Прозаик. Рассказы печатались в журнале «Юный техник». В «Нёмане» публикуется впервые.

ЕВСЕЕВА Светлана Георгиевна. Родилась в 1932 г. в Ташкенте. Окончила литературный факультет Ташкентского педагогического института им. Низами и заочно Литинститут им. М. Горького. Автор книг стихов «Женщина под яблоней», «Новолуние», «Зову!», «Ищу человека», «Последнее прощание» и др. Живет в Минске.

КОНЕВ Федор Егорович. Родился в 1935 г. в селе Мужи Тюменской области (Россия). Окончил Всесоюзный государственный институт кинематографии (Москва). Кинодраматург, прозаик. Автор книг «Сполохи» и «Снегопад». Участвовал в создании двадцати фильмов. Среди них — «Счастливый человек», «Пламя», «Половодье», «Сад», «Фруза», «Шляхтич Завальня», «Ятринская ведьма», «Черный аист» и др. Живет в Минске.

КРАСНОВА-ГУСАЧЕНКО (Тамара Ивановна Гусаченко). Родилась в 1948 г. в д. Щепятино Брянской области (Россия). Окончила филологический факультет Брянского государственного педагогического института и факультет психологии Минского государственного педагогического института. Автор двенадцати книг. Член правления Союза писателей Беларуси, член правления Союза писателей Союзного государства, председатель Витебского областного отделения СПБ. Лауреат Международной литературной премии имени Симеона Полоцкого и Всероссийской литературной премии имени Ф. И. Тютчева 2009 года. Награждена медалью Франциска Скорины. Живет и работает в Витебске.

ЛЕВАНОВИЧ Леонид Киреевич. Родился в 1938 г. в деревне Клеевичи Костюковичского района Могилевской области. Окончил факультет журналистики Белорусского государственного университета. Автор многих книг прозы и публицистики. Лауреат литературной премии им. Ивана Мележа и премии Федерации профсоюзов Беларуси. Живет в деревне Петрилово Вилейского района Минской области.

КОНДРАТОВ Микола (Николай Николаевич). Родился в 1957 г. в Толочинском р-не Витебской области. Окончил Минский пединститут. Поэт. Автор книг стихов «Возера Рудакова» и «Вершы і зоркі», один из организаторов проекта «12 сузор'яў» в поэтическом театре «Арт.С». Работает инженером-программистом в Минском объединении вычислительной техники. Живет в Минске.

БУСЬКО Микола (Николай Иосифович). Родился в 1940 г. в д. Погорелка Кореличского района Гродненской области. Окончил техникум легкой промышленности (Барановичи) и Московский университет искусств. Автор книг для детей и взрослых. Живет в г. Барановичи.

СКОРИНКИН Андрей Владимирович. Родился в 1962 г. в Минске. Окончил Белорусский государственный университет и Высшие литературные курсы при Литературном институте имени М. Горького (Москва). Автор книг поэзии, вышедших в Москве и Минске: «Багряные сумерки», «Ночной певец», «Скорбный гость», «Альфа и Омега», «Потерянный рай» и др. Живет и работает в Минске.

ХОЛЛИДЕЙ Бретт (Дэвис Дрессер). Родился в 1904 г. в Чикаго (США). Окончил колледж Tri-State College по специальности гражданское строительство. Автор серии детективов о Майкле Шейне. Один из основателей Американской ассоциации детективных писателей. В 1953 году получил премию Эдгара По за критические работы. Умер в 1977 г. в Санта-Барбаре (Калифорния).

ЧОСИЧ Добрица. Родился в 1921 г. в г. Велика-Дренова (Королевство Югославия). Окончил Высшую политическую школу им. Джуро Джаковича. Выдающийся сербский писатель, всемирно известный политик и теоретик сербского национального движения. Был первым президентом Союзной Республики Югославии (с 15 июня 1992 года по 1 июня 1993 года). Автор романов «Солнце далеко», «Корни», «Разделы», «Время смерти», «Грешник», «Верующий», «Сказка», сборников полемических эссе «Семь дней в Будапеште», «Действие», «Сила и страхи», «Ответственность», «Реальное и возможное», «Записки писателя», переведенных на многие языки.